

НЕВА

1
2019

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Матвей ДЯГИЛЕВ

Стихи • 3

Роман РЕДИСОВ

Рейс. Рассказ • 7

Роман ЯПИШИН

Стихи • 24

Антон ЗАНЬКОВСКИЙ

Черная Калитва. Поэма в прозе • 28

Григорий ЗИНГЕР

Стихи • 48

Алексей НЕБЫКОВ

Битвоин. Ждана. Огни Непала. Рассказы • 54

Константин КОМАРОВ

Стихи • 73

Маргарита ПАЛЬШИНА

Поколение бесконечности. Роман • 78

Мария ЗАТОНСКАЯ

Стихи • 168

Александр СЕЛИН

Слоноферма. Потерянное чувство. Батя. Рассказы • 173

Станислав ДОМБРОВСКИЙ

Стихи • 182

Антон РАТНИКОВ

Человек апокалипсиса. Рассказ • 187

Евгений ДЬЯКОНОВ

Стихи • 195

12+

МОЛОДЫЕ. О МОЛОДЫХ

Билан ДЗУГАЕВ

Ахмет Ахметыч отошел. *Рассказ* • 198

Игорь АНДРЕЕВ

Прожигатели жизни. Городские зарисовки. *Рассказы* • 206

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ВИННИЧУК

Россия между локальным и общегосударственным.
Критика исторического опыта • 210

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Правда художественная и историческая. *Екатерина Соснина.* О монтаньярах, большом кинжале и об искусстве умирать, или Два сюжета о роковой дуэли М. Ю. Лермонтова. **К 270-летию И.-В. Гёте.** *Исмагил Шангареев.* Башкирская стрела Иоганна Вольфганга Гёте. **Книжный остров.** *Публикация Елены Зиновьевой* • 219

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

На Иордан. *Часть 4* • 238

Издание журнала осуществляется при финансовой поддержке Министерства культуры и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать на почтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9).

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Верстка **Д. Зенченко**

Матвей ДЯГИЛЕВ

* * *

В современном раю,
Удалившись из стольного града,
Я однажды умру.
Ничего мне от жизни не надо,
Потому что в долгу
Перед нею за музыку эту
И уже не могу
Рассчитаться с ней прежней монетой.

Все мрачнее стихи
И надменнее встречные рожи.
Откровенно плохи
Мои лучшие помыслы, Боже.
Но приходит покой,
Прогоняя мучительный стих,
И плывет над Москвой
Мне навстречу прощальный мотив.

Благороден, как Бог,
Он внушает мне некую весть:
Это снова любовь —
Рассмеяться, навзрыд зареветь! —
Улыбается мне
На земле, возвращая года,
И, как в праздничном сне,
Я остался на ней — навсегда.

* * *

Когда молчит живая лира,
Пугая вещей тишиной,
Прошу у маленького мира
Немного музыки земной.

Матвей Олегович Дягилев родился в Ижевске в 1998 году. Победитель республиканского этапа Всероссийской олимпиады школьников по литературе 2014 года, участник заключительного этапа олимпиады того же года. Лонг-лист премии «Поэт года» в номинации «Дебют» 2017 года. Публикация в альманахе «NISERMI» 2018 года. С сентября 2015 года пребывает в Санкт-Петербурге: студент (очной формы) НИУ «Высшая школа экономики».

Скрип лодок, болтовня прохожих,
Прибрежный плеск и гул дорог
Мне на прощание дороже
Неясных звуков и тревог.

МОЛИТВА

Изъятый тайно и внезапно
Прекрасной музыки набег, —
Прошу, вернись! — словесным залпом,
Грозой ритмических побед —

Нет: тихой поступью печали,
Чтобы в конце иной строки
Весь мир созвучием венчали
Двух рифм ударные шаги;

Вернись в любом предвоплощенье
В ночи иль на рассвете дня —
Или убей, свершив отмщенье...
Но все ж молю: прости меня.

РАССВЕТ

Крепчает предрассвета час...

Б. А.

Безветренно, бесшумно, как во сне.
Смахни с рояля старую сонату:
Растет по нотам искренний рассвет.
Уже ни слов, ни музыки не надо.

Да будет день, привычный и простой.
Среди житейских дел и заблуждений
И в нем найдется маленький восторг
И красоты неоскверненный гений.

* * *

Помятый маленькой простудой,
Иду до старого пруда.
Гремят, как битая посуда,
Летят трамваи в никуда...

Плохой хороший человек
До встречи, в общем-то нескорой,
В обнимку с музыкою скромной
Опять прощается навек.

Но будет музыка другая,
Я пережду ее вдали:
Прохладный вечер рассекая,
Шпана на сером «жигули»

Ворвется грубо, некрасиво
И, звуку дивному назло,
Разматерится, хлопнет пива
И врубит пошлое музло.

Но все же где-то на закате
И даже после, в полной мгле, —
Весь мир попросится в объятья,
И станет тихо на земле.

Пройду вдоль берега неспешно,
Найду знакомую звезду,
Под шелест вод, во тьме кромешной, —
И сам в объятья упаду.

* * *

Только вышел утром на перрон:
Под ногами — медленный паром, —
Будто никуда не уезжал —
Это вправду пристань, не вокзал.

Это серый оползень судьбы,
Где следы уверенной ходьбы
Размывает первым же дождем.
Здесь никто не скажет «пождем».

Потому что время без границ
Отпадает с безучастных лиц,
Ибо город сам неповторим.
В Петербурге всякий — пилигрим.

Только «добрый вечер» и «прощай».
И опять не скинулись на «чай».
Закурить — и снова сквозь туман,
По тяжелым северным волнам.

* * *

И вновь меня несет в подземке в никуда,
Хоть город возвращен и адреса конкретны.
В неблагозвучный бред сомкнулись поезда,
И если всходит связь, то нехотя и редко.

Как будто новый день: эпоха для других, —
А я еще сижу, ворочаю словами,
Пока надменный век иной слагает стих,
Плывет иной мотив, как дым, над головами.

РЕЙС

Рассказ

Итак, сегодня **20 августа 2018 года**. Вчера наше судно «Академик Лихачев» снялось с якоря неподалеку от мурманского причала и начало движение на восток к Восточно-Сибирскому морю, где планируется сейсмическая съемка для оценки нефтезапасов в недрах морского дна. По пути нам нужно пройти три моря: Баренцево, Карское и Лаптевых. Я нахожусь на этом сейсмическом судне в роли ледового специалиста. Моя задача — фиксировать встречающийся лед, принимать гидрометеороинформацию, доводить ее до руководства экспедиции и консультировать при необходимости по ледовым вопросам.

Полдня позади. Чем я был занят? Обустройством быта. Несколько дней выпрашивал стул в каюту (один-то стул был, но, чтобы принять хотя бы одного посетителя, нужен еще), слегка подзадрал этой просьбой старпома, зато сегодня мне позволили взять из столовой мини-диван. Мы приволокли его вдвоем с матросом Серегой. С диванами здесь дело обстоит проще, чем с обычными стульями. Теперь осталась одна серьезная задача — решить вопрос с телефоном, которого в каюте пока нет.

21.08. Теперь у меня к тому же нет верхних нар — они рухнули вчера вечером, пока я, сидя на них, разглядывал стену, выискивая подходящее место, чтоб ввернуть шуруп, а затем примотать к нему веревку для сушки одежды. Благо я живу в каюте один и на нижних нарах в момент обрушения никого не было. Я же отделался мелкими ссадинами. По горячим следам пришел в голову такой сюжет: два старых друга, коллеги — возможно, работники одного НИИ. Один — бывалый экспедиционер, не вылезавший из морей, неунывающий весельчак, второй — научный сотрудник кабинетного типа, жертва стрессов и семейных обязательств. Личные и общественные проблемы второго в последнее время обострились, и первый зовет его в рейс: поехали, Вовка (так назовем для удобства второго), развеемся. Володя, конечно, отказывается — сложно так взять и оставить кучу нерешенных проблем на берегу, выбыть из привычной жизни сразу на несколько месяцев. Но Виктор (так зовут первого) настаивает: будешь со мной жить в каюте, вернешься другим человеком! И Владимир решается: была не была, еду в рейс! С нетипичной для себя решимостью, которую не в силах поколебать ни недоуменное ворчание пожилой матери, ни истеричные проклятия супруги, он вместе с Виктором несется навстречу бескрайним соленым просторам. В первый день рейса, нагулявшись по палубе на свежем ветру, лишь только затронув (еще успеет — рейс длинный!) множество важных тем, с ощущением приятной усталости друзья готовятся к первой ночи на двухъярусных нарах. Владимир уже расположился

Роман Редисов родился во Владимире в 1975 году. Окончил Санкт-Петербургский государственный университет со специальностью «географ-океанолог». Кандидат географических наук. Работает в Арктическом и антарктическом научно-исследовательском институте.

на нижней койке с электронной книжкой в руках. Включив у изголовья ночник и достав очки, он решил перед сном чуть-чуть почитать. Бородатый Виктор в тельнике и черных семейниках, закончив фыркать над раковиной, окидывает с доброй ухмылкой старого друга в домашней пижаме, с книгой и умильно блестящими между коечных шторок очками. Виктор опирается ногой о край нижней койки и выверенным, отточенным годами прыжком заскакивает на верхние нары..

Восемь секунд спустя, отбросив обломки ДСП и полированную фасадную доску с койки Владимира, Виктор стоит с ободренным предплечьем перед нижними нарами и, не веря глазам, с вопросительной интонацией взывает:

— Володя?..

Володя молчит, он не дышит...

Ладно, что-то я расписался, так и Львом Толстым стать недолго, буду покамест посдержанней. Да-с.

22.08. Ночью на выходе из Карских Ворот (пролив между Баренцевым и Карским морями) мы встретили лед. Я уже лег, когда услышал характерные удары и скрежет. Наш сейсмик, словно заправский ледокол, расталкивал носом толстые, хоть и редкие льдины. Пришлось подниматься на мостик — как-никак я здесь ледовый специалист, главный свидетель льда.

День прошел в мелких заботах. В обед объявили, что ночью судовое время переводят на час вперед — и так теперь будет каждую ночь, пока московское время на судне окончательно не трансформируется в сахалинское (заказчик у нас базируется в Южно-Сахалинске, приходится подстраиваться под него). А к вечеру нарисовался вариант решения проблемы с телефоном — переезд в другую каюту. Если так случится, это будет уже третья моя каюта за неделю. Сначала я махнул с ребятами из смежной каюты по их просьбе — у них на двоих не было в каюте дивана. Теперь диван есть, зато нет вторых нар.

После ужина позвал биолога Сашу к себе поболтать, и беседа затянулась. Музыка, кино, политика, биология, антропология, история...

Сегодня мы многое вспомнили. О том, что ночь коротка, цель далека, а небо становится ближе с каждым днем.

23.08. Переехал в новую каюту. Палубой выше. Поближе к начальству и мостику, подальше от кухни. Зато здесь есть телефон, ну и каюта новее, приличнее. Оказывается, на этой палубе был пожар, поэтому каюты здесь после ремонта и выгодно отличаются от тех, что на нижних палубах.

Днем были в бане — с Сашей и старшим биологом Василичем. Все бы хорошо, но усилилась качка. И когда из купальни стала выплескиваться вода, я вспомнил о кружке с чаем, оставленной на столе рядом с ноутбуком. Чашка закрыта крышечкой, стоит на резиновом коврикe, но... в прошлом году в аналогичной экспедиции я залил сладким чаем клавиатуру — просто неловко двинул локтем. Тогда была задница. Я судорожно выдернул шнур из розетки, вынул аккумулятор, затем отвинтил крышку ноутбука, сушил, вытирал... в общем, схватил измены по полной. Под угрозой была вся моя экспедиционная миссия. Но все обошлось — залипли лишь крупные клавиши, дублирующие мышь. Теперь же если до начала основной работы случится подобное — страшно представить... Обливаясь холодным потом, я нервно ворочался, лежа на полке в парной. Помылся на скорую руку и помчался наверх спасать ноутбук. Кружка с чаем стояла на месте.

На мостике Саша поднял тему морских традиций, всегда его удивлявших. Началось с услышанной им фразы нашего капитана: «На мостике не должно быть никаких разговоров!» Капитан у нас весьма суров. Мы предположили, что, возможно, на

самом-то деле он — рубаха-парень, просто выбрал себе такой образ, стал его заложником и теперь способен расслабиться только в каюте, а перед выходом на мостик или просто «в народ» вынужден специально себя настраивать — возможно, зажимать дверью палец или колоть себя морским кортиком в бедро. Капитан в тот момент был на мостике, поэтому мы говорили шепотом. Саша вспомнил такие морские приметы:

- Нельзя садиться на кнехты (пеньки для канатов), потому что кнехт — это голова боцмана. Нетрудно представить, как стонет боцман, когда кто-то нарушает традицию.
- Нельзя ходить в тельняшке в общественных местах, так как тельняшка — это нижнее белье.
- И наконец, нельзя входить без носков (в сандалиях, шлепанцах) в столовую или кают-компанию, так как вид пальцев ног отбивает аппетит или даже вызывает рвотный рефлекс.

Сегодня мы многое поняли: море учит. И учит хорошему.

24.08. Если у кого-то на почве благостного вчерашнего заключения сложился образ моря как эдакого мудрого добряка, то этот образ ошибочный. Море — тот еще злыдень! Всю ночь я ловил по каюте то стул, то бачок с мусором, собирал по полу пластиковые бутылки с водой и прочее. Качало всю ночь и все утро. И сейчас продолжает. «Задолбало, задолбало, дайте рому моряку» — так поется в одной бодрой песне. Кто-то, возможно, вспомнил бы строчку из песни кудрявых псевдорокеров: «В бурю лишь крепче руки...» Хрен там! Не руки, а ноги. В качку вся нагрузка — на ноги. Руки лишь хватают что придется в лихорадочном стремлении сохранить равновесие, если ноги уже подвели.

Под вечер качка чуть стихла. Скорее всего, приближается лед — во льдах волн нет. А значит — скоро мой выход. В ночное.

Сегодня мы многие поняли: люди делятся на тех, кто пьет «до дна за тех, кто в море», и тех, кто в море не пьет, но сдает тест на алкоголь.

25.08. В 4 ночи меня разбудил телефон — дошли до льда. В глубь льда не вторгались, но в пределах видимости лед продолжал маячить и требовал внимания в течение нескольких часов. Капитан решил не испытывать судьбу в проливе Вилькицкого (пролив соединяет Карское море и море Лаптевых между Северной Землей и полуостровом Таймыр) и повернул судно обратно — в обход ледяного языка, к проливу Шокальского (между островами Северной Земли — Большевиком и Октябрьской Революции), рассчитывая, что более легкие ледовые условия там позволят войти в море Лаптевых быстрее.

Поступили новые ледовые карты и информация об айсбергах в проливе Вилькицкого. Опустился туман. Нужно принимать решение, куда идти — в пролив Шокальского или в пролив Вилькицкого. Я за Вилькицкого, о чем и сообщил капитану — в проливе Шокальского тоже обязательно будут айсберги, но у нас о них, в отличие от айсбергов в проливе Вилькицкого, информации нет, да и пролив Вилькицкого шире. «А если ветер погонит их на нас?» — имея в виду айсберги в проливе Вилькицкого, хрипит на меня капитан. Вот они — муки выбора. «Черт! Черт!..» — были его последние слова, прежде чем он покинул мостик.

Как ни крути, ото льда не уйти.

26.08. Снова день начался для меня с ночного звонка. В три часа с мостика позвонила биолог Настя — на горизонте появился айсберг. Почти весь день я провел в на-

блюдениях за морскими льдами и айсбергами. Мы вошли в пролив Вилькицкого (все-таки в него) с северо-запада, недалеко от побережья острова Большевик Северной Земли. Впереди море Лаптевых. Между прочим, Северная Земля — это последние крупные острова, открытые человеком на нашей планете, — случилось это чуть более ста лет назад. Вечером миновали траверз мыса Челюскин — самой северной точки Евразии.

По правде сказать, сегодняшние наблюдения слегка утомили — хочется пораньше лечь спать, тем более что ночь вот уже пятые сутки подряд укорачивают на час, переводя время.

27.08. День опять почти целиком поглотили ледовые наблюдения. Наше сейсмическое судно под руководством капитана отважно билось в разрезанных льдах и вышло-таки под конец суток на чистую воду. Вечером ходили с биологами в баню.

28.08. Из-за беспокойных последних суток с непрерывными наблюдениями, когда спать приходилось урывками, сбился режим дня. Ночью спал пару часов, затем поспал днем. Айсберги, требующие внимания, после обеда вроде бы прекратили мозолить глаза и дали возможность немного передохнуть. Я уж думал, конца им не будет. Никогда в открытом море их столько не видел. В течение трех суток, сменяя друг друга, они почти всегда были в пределах видимости. Некоторые столообразные достигали в горизонтальных размерах сотни метров (длину самого крупного я оценил в 500 метров).

Наблюдатели за морскими млекопитающими биологи Саша, Настя и Василич за последние дни, пока шли во льдах, «настреляли» (визуально зафиксировали) массу всяческой живности: тюленей, моржей, китов и медведей. Апофеозом их наблюдательности стала сегодня стая нарвалов — рогатых китов. По словам Василича, ранее в море Лаптевых нарвалов никто не видел. Так что налицо научное открытие.

29.08. Вот уже больше суток нет Интернета. С ним на судне постоянные проблемы. Днем слушал музыку: «Аквариум» («Равноденствие»), «Новых композиторов» (с Брайном Ино), сайкобиллов «Raugun Cowboys» и очень неслабый альбом Little Axe «Stone Cold Ohio». Теперь думаю почитать книжку о покорителях Арктики и пораньше заснуть.

30.08. День начался по расписанию. Будильник зазвонил в 7-30. Умылся, вышел на палубу — подтянулся на турнике, позавтракал, поднялся на мостик. Ни айсбергов, ни льда — благодать! В 9-00 рабочее совещание. Отправил с компа на мостике сводку начальству, так как в каюте Интернет не работает. Вернулся в каюту, принял душ. До обеда свободное время. Полежу, почитаю.

Тем временем мы уже рядом с Новосибирскими островами. Началось гидрометеобеспечение экспедиции — стала поступать фактическая и прогностическая информация для района работ о погоде, волнах, ледовых условиях. Я начал вести наблюдения в синоптические сроки по GMT (время меридиана Гринвича) и готовить ежесуточные отчеты.

Задался вопросом: что может сделать эти заметки бестселлером, если продолжать описывать одни лишь факты? По-видимому, только какая-нибудь катастрофа. И сопутствующий ей героизм. Крушение судна, зимовка на далеком арктическом острове, борьба за жизнь, лишения, каннибализм...

31.08. Вчера, незадолго до ужина, у нас спустя двое суток заработал Интернет, и я принялся изучать почту и скачивать инфу по работе. Это так меня затянуло, что я позабыл обо всем, кроме ужина, вплоть до глубокой ночи.

А тем временем мы уже в Восточно-Сибирском море, вышли к району работ.

Сегодня наконец-то перешли на сахалинское время: плюс 8 часов с Москвой и плюс 11 с Гринвичем. Привыкаю к новому ритму работы. Отправил свой первый суточный отчет. Днем читал, отсыпался за ночь. Думаю, что хорошо бы свой ночной срок наблюдений в 5 утра по местному времени попросить делать Сашу, у которого вахта с четырех до восьми. Тогда я бы смог вставать на завтрак. Ладно, посмотрим.

01.09. Странный день. Усилились ветер и качка. Судно кружится вокруг первого рабочего профиля, но никак не начнет стрельбу из пневмопушек, что-то не в порядке с оборудованием. Весь день чувствовал сонливость и вялость. Спал днем. Попытались с Сашей и Василичем сходить в баню, но не смогли запустить тэн. Те же проблемы с баней были у нас и два дня назад. В общем, либо здесь с баней что-то не так, либо мы не знаем каких-то секретов.

02.09. Дни текут серо: обычные рабочие моменты с бытовухой. Второй вечер подряд демонстрирую Саше фильмы, которые я уже не однажды смотрел. Нужно будет следующий раз посмотреть что-то из его репертуара.

03.09. Старпом у нас довольно странный. Внешне он чем-то походит на гомика – какой-то вертлявый. Вроде не гомик, но женское в нем что-то есть. Например, переменчивость настроения. То пытается хохмить-юморить или вовлечь всех присутствующих на мостике в обсуждение какой-нибудь животрепещущей для него темы – например, какими ты видишь идеальные супружеские отношения? Он, как я понял, дважды разведен. Или вот еще: насколько ты подвержен злу виртуальной реальности, в том числе Интернета? Старпом как раз отвечает на судне за Интернет, который работает крайне нестабильно. А бывают дни, когда старпом без причины начинает капризничать, ныть, как он устал, как его все достали, гонит всех, и меня в том числе, с мостика. В результате совершенно невозможно постоять-потрепаться с Сашей – у него вахта в одно время со старпомом. Я называю такие дни у старпома «критическими» – только у баб они все же реже.

04.09. У одного вахтенного матроса вот уже несколько дней болит зуб. Обезболивающие, которые дает ему док, не помогают. Кроме того, в нашем судовом медпункте нет даже щипцов, которыми, когда совсем уж припрет, можно зуб вырвать. В море помощи можно ждать только от судна сопровождения – послали туда запрос о щипцах. Но пока нет самого судна – оно вышло из Архангельска позже нас. И вот мы уже несколько дней в районе работ, а нашего спутника нет. Предполагается, что судно сопровождения должно идти впереди нас по сейсмическому профилю, делать свои измерения и своевременно оповещать нас о встрече с нежелательными объектами: айсбергами, морским льдом и всяким возможным хламом. Но пока нам приходится обходиться своими силами.

Сегодня день рождения моего родного брата. Поздравил его сообщением по скайпу – по сути, единственным возможным здесь способом, если работает Интернет.

05.09. Сегодня, на третьей неделе рейса, на судне была обнаружена гитара с четырьмя целыми струнами. И сегодня же к нам в район работ наконец пришло судно сопровождения – буксир «Валерий Семенов», тем самым подсказав нам с Сашей тему для музыкального альбома. Еще одним инструментом стал арендованный у старпома рупор-мегафон, и названия первых хитов не заставили себя ждать: «Первый приход Семенова» и «Семенов потерял ориентацию».

06.09. Который раз на рабочем совещании супервайзер заказчика по технике безопасности Володя поднимает вопрос о стоп-картах. Этот западный стандарт послед-

ние годы внедрили в работу отечественных компаний, но русские люди с трудом принимают его, видя в них разновидность стукачества. Стоп-карту может заполнить любой член экипажа, указав в ней какую-то проблему или же недостаток в работе какой-либо службы, устройства, прибора. Карту следует заполнить и передать супервайзеру. Многим непривычен такой подход — люди предпочитают решать проблему сразу, на месте и «не выносить сор из избы». Если проблема реальная, например неисправность одного из дизель-генераторов или опреснителя, об этом в стоп-карте не напишешь, так как это является основанием для прекращения работ и возвращения домой раньше срока — такое никому не нужно. Про неработающий Интернет тоже писать нельзя — это вотчина старпома, а значит, камень в его огород, вызывающий ненужную с ним конфронтацию. Однако существует неофициальный план по стоп-картам — 100 штук в месяц, который не выполняется, о чем и напоминает супервайзер Володя. Стоп-карт в месяц — показатель здоровой активности экипажа и его равнодушия к делу. Есть, правда, вариант — «позитивные» стоп-карты, содержащие похвалу: повара приготовили вкусный обед, например. Что еще? Электромеханик отремонтировал в бане тэн... И тут фантазия уже иссякает. А нужно придумывать в среднем 3,3 карты в день. Для стимулирования подобного творчества руководством учреждены поощрительные призы — для трех самых активных авторов. Но картопроизводство все равно движется вяло. В результате старпому, ответственному за выполнение плана, приходится отлавливать членов экипажа и заставлять заполнять очередную липу типа «в каюте такой-то сломался телефон / после решения проблемы телефон успешно отремонтирован». Я предложил написать стоп-карту на план по стоп-картам, чем вызвал подозрительный хмурый взгляд супервайзера Володи.

07.09. Вчера вечером друг из Питера сообщил о смерти нашего общего товарища Пети. Петруччио. С Петром я в последний раз виделся несколько лет назад. Говорил с ним по телефону полгода назад (9 марта), когда поздравлял с днем рождения. Когда-то давно он работал барменом, последние годы — водителем, иногда уходил в запой. Когда появлялся, всегда был веселым, общительным хохмачом. У него осталось двое малых детей. Отчего он умер — толком не ясно. Послезавтра похороны.

А сегодня день рождения у одного из трех моих ближайших студенческих друзей. У него тоже двое детей, и он алкоголик. Недавно вроде бы вышел из очередного запоя (они у него, правда, нечастые, но глубокие) — вышел без работы, без денег и без документов. Вернулся в семью. Сейчас у него в жизни опять очень сложный период. Надеюсь, ему хватит сил.

08.09. Днем на «Семенов» отвозили на катере супервайзера по технике безопасности Володю с короткой инспекцией. У штурманов витала мысль оставить его там, сославшись на непогоду и плохую связь, и когда тот закончит проверку и захочет вернуться обратно, кричать ему в трубку: «Але, вас не слышно!» — и шуршать целлофаном в ответ.

09.09. Сегодня получил письмо с темой «моему тренеру». Письмо начиналось так:

Привет, тренер)
без твоих наставлений совсем потерял навык по пинг-понгу)...

С Денисом, приславшим письмо, мы не виделись пять лет. Собственно, и познакомились мы в подобной экспедиции, только судно было буржуйским и работали

в Карском море у Новой Земли. Команда была там интернациональная, и рабочее общение предполагалось на английском языке. Это была моя первая экспедиция на сейсмическом судне (да сразу — иностранном!), и английский я начал учить как раз перед ней (в школе и универе у меня был французский). На компе удалось найти запись того времени:

Экспедиция. Мое общение на английском крайне затруднено. Если сформулировать немудреный вопрос мне еще удастся, то понять ответ — почти никогда. На судне человек 60. Из них три тетки и один субъект неопознанного пола (мой сосед Ленья утверждает, что это мужик, но у меня остаются сомнения), много филиппинцев, англичан и поляков (среди них — капитан). Поляки многое понимают из нормального человеческого языка, и это заметно облегчает общение (что особенно важно в отношении капитана). Русскоязычных здесь восемь (шесть русских и два украинца). Из молодежи нас трое — человек-коммуникатор Денис, биолог Леонид (незаменимый в море специалист по ежам и кротам) и я (человек-айсберг, как меня называют Денис). По вечерам мы играем в теннис, иногда смотрим фильмы, треплемся о том о сем, много злословим и ржем. Работа моя складывается из напряженной переписки с институтом относительно информации, запрашиваемой капитаном, и бдений на мостике на предмет состояния погоды и обнаружения коварных айсбергов, только и ждущих, когда мы расслабимся, чтобы предстать на горизонте во всем своем апокалиптическом величии.

Сейчас Денис пишет, что работает опять в Карском море, но уже не в роли «оффисера по каммуникации», как тогда, а старпомом — вернулся в штурманы, значит. Пишет, в рейсе уже больше месяца и месяц еще впереди. Пожелали друг другу удачи.

10.09. В этот день когда-то родился поэт-музыкант Егор Летов. Кто-то считает его отцом-основателем русского панка, кто-то, наоборот, называет его хиппаном. Мне нравятся два его альбома — «Прыг-скок» и «Сто лет одиночества». Все мы, конечно, в юности рычали, что «все идет по плану», и выли про «все как у людей», но Летов никогда не был для меня гениальным поэтом, близким по мировоззрению, или тем, на кого хотелось походить. Да и в музыкальном плане сейчас мне ближе Егора его брат Сергей. Но Егор Летов и сейчас остается для меня одним из немногих примеров настоящего художника. Этого у него не отнять, он прожил всю свою жизнь как художник. Приходилось слышать и читать, что кого-то смущает некая идеологическая метаморфоза в творчестве Летова: как он сумел от антитоталитарных хитов 80-х, клеймивших советскую реальность и полных жесткой антикоммунистической сатиры, эволюционировать до участия в большевистских акциях с искренним исполнением на митингах 90-х таких революционно-ленинских гимнов, как «Вновь продолжается бой» и т. д. Кто-то искал для себя объяснение этому в летовском кредо «я всегда буду против», кто-то презрительно отвернулся, возможно вспоминая лозунг «не стоит прогибаться под изменчивый мир». Мне же кажется, что все это объясняется тем, что просто Летов — художник. А чем отличается настоящий художник от «повара, который еще и поет»? Тем, что настоящий художник вольно или невольно (бывает, даже не осознавая) всегда стремится к гармонии. Здесь, вероятно, есть творческий парадокс: быть свободным в художественных приемах, в методах выражения, но быть зависимым в векторе, направленном всегда согласно неведомой высшей силе — гармонии. И если окружающая действительность в какой-либо сфере, например социальной (на самом деле — в любой, но важной для конкретного художника), упорно выводит на полотне жизни опостылевший тренд, то истинный долг художника, руководствуясь законом искусства, жирно перечеркнуть этот тренд своим творчеством.

«Это знает моя свобода, это знает моя свобода, это знает мое поражение, это знает мое торжество».

11.09. Нашего матроса-бедолагу Серегу переправили на «Семенов», которому дали задание доставить парня в Певек — ближайший порт и самый северный город страны. Идти до Певека от нас трое суток. Там есть больница, и можно цивилизованно решить зубную проблему. Серегу снабдили многочисленными поручениями: купить сигарет, зубную пасту... Я скинул денег на гитарные струны — шансов, конечно, немного, шесть лет назад, когда я был в Певеке, там не было ничего, напоминающего о музыкальных аксессуарах, но мало ли.

13.09. На днях наконец-то наладили гитару. Предварительно порвав третью струну и подведя инструмент к родному стандарту — трехструнному. Но затем была найдена леска двух видов, пошедшая на первые две струны, и металлический тросик для удлинения порванной третьей. Старпом, принимавший участие в возрождении инструмента, вырезал из подходящей пластмассы медиатор. Гитару настроили, и в целом получилось недурно. Саша придумал интересный серф-риф для хита «Первый приход Семенова». Я предложил концепцию песни — в куплетах под Сашин риф бесстрастным голосом зачитывать метеосводку, а припев сделать более мелодичным и лиричным. И придумал для припева четверостишие:

Скажи, Семенов, что ты видишь там,
Кроме серого моря и серого неба?
Ты пришел по ветрам, ты ушел по волнам.
Я не знаю уже, был ли ты или не был.

Для пушей романтики предложили спеть припев Насте. Она тоже бренчит на гитаре и уже через час отпартовала, что придумала для припева мотив.

Композицию «Семенов потерял ориентацию» предполагается сделать инструментальной, с наложением обрывков радиопереговоров (типа «Семенов, это Лихачев... прием... назовите ваши координаты... Семенов, ответьте Лихачеву... вас не слышно... где вы?.. Семенов, как меня слышно? Прием...»), а также различных шумов машинного и природного происхождения.

Сегодня я многое понял: я все еще хочу быть рок-звездой.

14.09. Вечером выяснилось, что днем, играя «Stairway to Heaven», Настя порвала многотрадальную третью струну. А я вот знал, что от старых хиппанов можно ждать любую подставу.

16.09. Стараюсь регулярно захаживать в спортзал. У меня есть боксерские шингарды, а здесь висит очень жесткая «груша» — похоже, набитая песком. Я ее поколачиваю. Вообще, спортзал здесь душный и тесный. Теннисного стола нет. Хорошо еще, что турник есть на палубе. Но с условиями на западных сейсмиках или на наших ледоколах местные спортвозможности, конечно же, не сравнить. На атомном ледоколе «Ямал» мы и в теннис играли, и в волейбол, и в футбол, да даже в арктический баскетбол.

Арктический баскетбол — это смесь баскетбола и регби, или баскет без правил. Молодая игра, придуманная полярниками. Полярники — это... как бы лучше сказать... все же дикие люди.

В ночь рождения новой игры после затянувшегося рабочего дня на льду решили перед сном по чуть-чуть. Чисто символически. В узком кругу.

Когда опустели три бутылки и одна банка, установилось что-то вроде минуты молчания, во время которой каждый был должен решить, как быть дальше ему и компании и быть ли вообще. Именно сквозь эту возникшую вдруг тишину в каюту гостеприимного Романа прорвались из спортзала возбужденные крики и звуки удара мяча о стены и пол.

Мы появились там пятером, и пятеро там уже были. Там были наши коллеги. Один из них — Сергей — тут же сказал: «О, будем играть трезвые против пьяных». Мы думали, «пьяные» — мы, но тут же выяснилось, что Сергей под «пьяными» подразумевал свою компанию. А мы, стало быть, «трезвые». Ну да — захотелось вот спортом заняться в четвертом часу ночи на трезвую голову. Но во что бы сыграть? В волейбол — скучновато. Решили играть в баскетбол, но без правил, так как правила этой игры точно никто не знал, и чтобы избежать ненужных разночтений, решили: главное — забросить мяч в кольцо, а что ты для этого сделаешь — дело твое. Твое и тех, кто делает все, чтобы этого тебе не позволить. Наша команда разделась до пояса. Сохранилось забавное видео, снятое с телефона своевременно подоспевшей одной молодой журналисткой:

...Я получаю мяч и, не сделав удара о пол (правил нет!), устремляюсь к кольцу, но тут же на мне виснут трое. Через пару секунд я уже на полу.

...Роман со всех сил запускает мяч в переборку и сам же становится жертвой отскока — мяч с той же скоростью прилетает ему в лицо.

...Получаю мяч недалеко от кольца, выпрыгиваю с кем-то на плече и бросаю. Мяч скользит по кольцу, но внутрь не проваливается. Неудачно приземляюсь — подворачиваю ногу. Нога на глазах распухает. Продолжать игру не могу, перехожу в разряд зрителей. Но один из соперников вылетает с площадки в смежный отсек. Его падение не смягчила даже сорванная им в полете портьера. Он с трудом поднимается, держась за колено. Для него игра тоже закончена. Теперь — четыре на четыре.

...Ильяс, как медведь, бьется за мяч, кто-то хватает его за голую грудь — он недоуменно рычит.

...Ударом локтя в борьбе за мяч Лехе рассекают бровь. У Ромы подбит глаз.

...Роман с разгона врезается головой в стену. Судя по звуку, это серьезная проверка на крепость черепа и устойчивость мозга. Из рук его выскальзывает мяч, который тут же кто-то подхватывает. Роман отлетает назад, садясь на пятую точку, встряхивает головой, вращает глазами и пару секунд приходит в себя. В районе кольца новая куча-мала — рывком поднимаясь, Роман бросается в самую гущу.

...Костя видит у себя на предплечье кровь. Только что появившееся в пылу борьбы жирное густое алое пятно. Костя слизывает его — под ним раны нет — кровь не его. У Андрея тоже футболка в крови. Это Степе разбили нос, сбив заодно очки. Степан идет умываться. Через пару минут возвращается — на одной линзе трещина — кто-то успел на очки наступить. Но Степан все так же заряжен на бой — невысокий очкарик вцепляется в своих оппонентов хваткой клеща, и у тех трещат кости. Игра продолжается!..

Да, это стоит увидеть. А лучше самому поучаствовать.

17.09. Дочитываю полярную книжку «Изнанка белого» (автор Рамиз Алиев). Сегодня вычитал любопытную историю про освоение острова Врангеля. Остров находится между Восточно-Сибирским морем, где мы сейчас продолжаем работу, и Чукотским, на границе Восточного и Западного полушарий планеты. Сейчас там крупный арктический заповедник, населенный всяческой живностью: белыми медведями, овцебыками, моржами, песцами, оленями и прочей фауной. Так вот, история тоже про фауну, и весьма поучительна. Прочитав, я решил рассказать ее нашим биологам.

Дело было в далеком 1937-м. Жители острова нашли хорошо сохранившуюся тушу мамонта, о чем начальник острова Петров оперативно сообщил в Центр. И уже на следующий день главный печатный орган страны (газета «Правда») делился подробностями: длина мамонта шесть метров, хобота — три, хвост — 91 сантиметр, мясо спины — белое, у головы — красное. Новость вызвала ажиотаж в научных кругах, и Академия наук, оценив важность находки, принялась снаряжать на далекий остров научную экспедицию. До прибытия ученых было решено обеспечить сохранность мамонта. Это было непросто, так как мамонт был найден в 70 километрах от полярной станции, но Петров, предприняв необходимые меры, успешно справился с задачей — целостность туши была сохранена для детальных исследований ученых. Однако прибывшая наконец из Москвы экспедиция опознала мамонта как кита. В результате начальник острова Врангеля Петров и его заместитель по политической работе были признаны вредителями и расстреляны.

19.09. Судно движется по рабочему профилю в направлении льда, по которому я совсем не соскучился.

Начальник партии продолжает демонстрировать пренебрежение моей информацией. После моего утреннего доклада вставил реплику в духе: «Я по своим источникам это видел, так что ничего нового».

Сегодня после плотного обеда опять закрутило живот. А ведь я только поправился, как мне казалось, от недавнего отравления.

На мостике старпом ищет любую возможность, чтобы докопаться.

Таков перечень основных проблем.

20.09. Вернулся из Певека Серега. Большой зуб ему вырывать не стали, но вроде как умертвили нерв и поставили временную пломбу. Струн он не нашел. Рассказал, что на «Семенове», в отличие от нас, сухого закона нет, со всеми, так сказать, вытекающими, да и вообще — коллектив хороший.

22.09. Последние три дня брэнчал на гитаре, не забывая попутно голосить: от «Another girl, another planet» и «Take on Me» до «Ты выглядишь так несовременно» и «Уу-уу, но это не любовь». Нашел в инете аккорды к pulp'овскому «Lighthouse'y». Лучшая песня у них, я считаю.

23.09. Осознал, что меня как-то в последнее время не возбуждает наша девушка Настя. Да и она, похоже, все больше концентрируется на втором помощнике.

Часто думаю о своей подруге. Я почти обещал ей весной, что по возвращении из этой экспедиции мы, вероятно, поженимся. Наше общение длится уже почти три года. Я понимаю, что тянуть дальше сложно. Любовь покроет все — что-то подобное я где-то слышал. С каждым годом сильное чувство становится все менее вероятным. Я ценю те тепло и уют, которые мне дарит подруга, но понимаю, что, связав себя узами брака, я окончательно захлопну дверь в молодость. Вот этого я и боюсь больше всего.

24.09. Обсуждали с Сашей причины периодического старпомовского нытья. Отметили, что с подобной «тоской» на мостике среди мореходов (главным образом, среди штурманов) каждый из нас сталкивался и раньше на разных судах. Понятно, что вахта проходит быстрее, если ее скрасить беседой. Ну а какая тема для беседы найдет среди присутствующих наибольший отклик, особенно когда прошло уже больше месяца, стартовый энтузиазм давно схлынул, а главные байки уже рассказаны? Низкая зар-

плата, глупое и вороватое начальство, плохие условия труда (подтверждением этих тезисов всегда является отсылка к другим временам, цивилизованным народам и странам). Трудно устоять и остаться в стороне от обсуждения столь близких каждому жизненных вопросов. Каждый вспоминает свои насущные проблемы, случаи вопиющей несправедливости в своей жизни. И вот уже над мостиком раздается многоголосый вой, настоящий «плач Ярославны». Ничто так не роднит людей, как приобщение к общей беде — работать под руководством бездарного коррумпированного начальства (не прямого начальства на судне, разумеется, а того, что осталось на берегу, оно у каждого может быть разным, но всегда обладает схожими чертами) в стране дураков.

26.09. Вечером друзья из Питера сообщили, что в моей квартире потоп. ТСЖ просит предоставить срочный доступ в квартиру. Я в рейсе, подруга тоже — с туристами в Костроме. Больше ключей ни у кого нет. Подруга отправила ключи с пассажиркой по маршруту Кострома—Ярославль—Питер. В Питере сегодня ключи будет встречать ее подруга Жанна со своим другом.

27.09. Войдя в квартиру, Жанна с председателем ТСЖ и сантехником потопа не увидели. Но обнаружили влагу под бойлером в туалете. Надеюсь, протекший бойлер много ущерба соседям снизу нанести не успел.

28.09. В наших разговорах с Сашей традиционной темой стало подпольное движение сопротивления на судне, возглавляемое неформальным лидером мотористом Бодрицким. Бодрицкий — это человек, который бросил вызов системе, отказавшись однажды проходить ежедневный выборочный алко- и наркотест. Он просто сказал: «Не хочу». Даже прибывший на место капитан не смог изменить его решения. Этот демарш был особенно удивительным, так как каждый из трех членов экипажа, выбираемых для прохождения теста в конкретный день, предупреждается заранее, с вечера. С этого момента Бодрицкий стал героем для нас.

Это высокий, крепкий, немолодой уже человек (лет под 60) с мужественными и довольно правильными чертами лица. Он чем-то похож на французского актера 60-х Жана Маре. Его весьма благородная внешность, да и манера общения (сегодня утром, например, войдя в столовую, он обратился ко всем присутствовавшим: «Приятного аппетита, господа!») несколько диссонируют с его специальностью — моторист. Больше бы они подошли должности капитана, которым, как мы с Сашей решили, раньше Бодрицкий и был, пока, очерненный оговорами и наветами, не оказался разжалован в мотористы, пав жертвой коварных интриг, главным генератором которых, безусловно, был нынешний злой капитан. Но, как мы видим, Бодрицкий не сломлен. Будучи простым мотористом, он объединяет вокруг себя силы недовольства режимом и сопротивления. Пока скрытого сопротивления.

Теперь, что бы ни случилось на судне, мы связываем с подрывной деятельностью «подполья». Вчера сломали в сауне дверь, сегодня вышла из строя линия пневмопушек — протестное движение набирает обороты. Бунт зреет!

29.09. Утром опять пишут из Питера. Снова потоп. Затоплены якобы два этажа. Причем кипятком! И все из того же слитого три дня назад 40-литрового бойлера. Снова я пытаюсь организовать доставку ключей на квартиру (Жанна не может бросить работу), пытаюсь найти своего представителя на момент проникновения в квартиру. Нашел — спасибо, Митя! Следов новых протечек в квартире не обнаружили. Ключи оставлены под расписку председателю ТСЖ. Подруга возвращается в квартиру только через две недели, а я, скорее всего, не раньше чем через месяц...

30.09. Личность Бодрицкого вдохновила нас на новое творчество. Рабочее название песни — «Так говорил Бодрицкий». Предполагается, что на протяжении первых двух куплетов происходит мужественное мычание под музыку без слов, а в третьем куплете лирический герой «взрывается» праведным гневом и раздает всем «по серьгам».

01.10. Сегодня спустился на нижнюю палубу забросить одежду в стиралку и заодно заглянул напротив — в отсек сауны. Там застал боцмана и матроса, вцепившихся в многострадальную дверь. Они оглянулись на мое приветствие с таким странным выражением лиц, словно я застал их с поличным. Интересно, подумал тогда я: они чинили ее или же наоборот? Может быть, они тоже из «наших», из сопротивления? Так или иначе, в бане протестные явления саботажа выражаются наиболее последовательно: то ломается тэн, то дверь в сауну; из душевой отчетливо доносится «дух» эксcrementов...

02.10. Биолог Саша предположил, что Бодрицкий был хорошим капитаном, добрым, душой экипажа. Если он встречал в арктических морях морских млекопитающих, моржей или китов, то приказывал вылавливать их, чтобы те могли немного обсохнуть на палубе, и даже согревал их своим коньяком.

03.10. С ночи на 2-е до сегодняшнего вечера прилично качало. Сперва судно подняло на борт свою 8-километровую сейсмокосу, а затем двинулось во всю прыть по волнам к точке у Медвежьих островов, где завтра рано утром была назначена встреча с танкером для бункеровки (заправки топливом).

04.10. Бункеровка длилась до трех дня. Погода выдалась неплохая, и после обеда из иллюминатора своей каюты я увидел сопку с возвышавшимися над ней тремя столбами, подобными клыкам, вонзившимся в небо. С помощью бинокля я увидел правее от столбов несколько низких строений с двумя высокими мачтами-антеннами. Благодаря Википедии я выяснил, что перед нами самый восточный из Медвежьих островов — Четырехстолбовой. Строения (домики) и мачты — это заброшенная полярная станция, а 15-метровые столбы — творение природы, результат некоего криогенного выветривания — они же столбы-кигиляхи (название это связывают с якутским словом «киси», что значит «человек»). Интересные сведения содержатся в Википедии относительно количества столбов. Когда-то давно столбов было четыре, отсюда и название острова. В 1935 году, когда здесь была основана полярная станция, столбов осталось три — один к тому времени уже был разрушен. Побывавшая в 80-х годах экспедиция зафиксировала лишь два целых столба и один полуразрушенный. А по данным 1995 года, целым остался только один столб и один обломок. Сегодня можно увидеть уже три столба — два больших и один поменьше. Любопытная динамика.

06.10. Чем дальше, тем чаще на судне звучат разговоры о возвращении домой. Сроки окончания работ зависят от ледовой обстановки — пока она позволяет, продолжаем работать. Кто-то хотел бы вернуться пораньше, кто-то хотел бы задержаться, желая побольше заработать. Я отношусь к первой группе.

Сегодня один моторист, коллега Бодрицкого, уже отправился в сторону дома — комиссован на берег по нездоровью. Утром его пересадили на «Семенов», тот должен доставить его в Певек, а оттуда после обследования, вероятно, домой.

08.10. Хотя сроки нашего возвращения все еще не определены, я, как и все, строю планы на будущее. Возможно, речь пока не о конкретных планах, но о желаемых направлениях деятельности:

1. Поступить в универ на второе высшее. Устранить какие-нибудь пробелы. В школе, например, у меня не было астрономии, и я до сих пор плохо ориентируюсь в звездах. Пойду учиться на соответствующий факультет. Астрономический. А лучше космический. А что — романтично! Вновь погрузиться в студенческую среду, приобрести новые знания.

2. Организовать в нашем НИИ команду по регби-7 или на худой конец по футболу.

3. Научиться играть на терминвоксе и воплотить наконец идею об институтской рок-группе!

10.10. Зайдя в вечернюю вахту на мостик записать координаты и курс, чтобы затем отправить эту информацию институтским синоптикам, застал там довольно эмоциональные дебаты на тему «как нужно знакомиться с девушками». Инициировал дебаты старпом, участниками прений были также биолог Саша и вахтенный матрос Арсений. «Роман, — сразу обратился ко мне старпом, — разреши наш спор. Такая ситуация. Ты в кафе. За другим столиком сидят две девушки, и одна из них тебе очень понравилась. Тебе хочется с ней познакомиться. Твои действия?» — «Ну, я подойду, — отвечаю я. — Поздоровуюсь. Спрошу, не против ли они, чтобы я составил им компанию. Если не против»...» — «Все! — оборвал меня старпом. — Можешь не продолжать. Ты как Саша — „спрошу“. Этим ты сразу показываешь свою неуверенность. Если ты спрашиваешь — ты перекладываешь ответственность на другого. Если я спрашиваю что-то у капитана — это значит, ответственность за вопрос лежит на нем. Бабам не нужен тот, кто перекладывает на них ответственность. Спрашивая, ты как бы ей предлагаешь решать — хочет она общаться с тобой или нет. А бабы хотят мужика, который сам все может решить». Вот как-то так. «Ну, не знаю, я бы так познакомился...» — пожимаю плечами я. «Ты познакомился так?» — допытывается старпом. «Было дело, — припоминаю я подобный случай и для уверенности добавляю: — И не раз. В последний раз, помню, в джаз-баре на Грибоедова. Бывал там, Саша? Как раз сидели две бабы...» — «И одна тебе понравилась?» — «Не то чтобы кто-то конкретно понравился. Просто решил — подсяду, а там видно будет.» — «И что в результате?» — «Подсел. Пообщались. Но продолжения не было». — «Вот видишь!» — победоносно заключает старпом. Сегодня у него общительное настроение.

12.10. Сегодня между ночным сроком и завтраком мне приснился забавный сон. Выйдя из какого-то метро в Питере, я направляюсь к автобусной остановке. Помню, что по пути мне встречается много людей азиатского типа, их же немало и в стареньком автобусе, в который я сажусь, — возможно, их обилие символизирует городскую окраину. Судя по полудеревенским пейзажам за окном, скоро автобус действительно покидает пределы города. Стоит солнечная весенняя погода, мимо мелькают голые ветки деревьев. Автобус полон людей. Я стою спиной к заднему окну и лицом по ходу движения. Судя по общему людскому настроению, день если не праздничный, то выходной. Точнее, не день, а утро. Люди переговариваются. И один мужик неподалеку от меня на площадке перед дверью спрашивает своего приятеля: «Слушай, а можешь признаться... только я прошу понять меня правильно... но все же, если честно, какое место тебя бы устроило, если не получится занять первое?» А приятель с какой-то вежливой раздражительностью, подобно спортсмену, которого отвлекают, сбивают с настрое на поединок праздные и неуместные вопросы его же фанатов или представителей прессы, отвечает: «Ну, ты же понимаешь, тут ведь многое будет зависеть — где и как это будет... если на Северном участке — это одно, а если на Южном... Да и вообще, может быть что угодно...» И, ответив в таком духе, отвернулся.

Тем временем я вижу, что сквозь ветки деревьев за окном проглядывают надгробия и кресты. И тут начинаю понимать, что автобус-то едет на кладбище, а все мы, «большельщики» и «спортсмены», едем на нем, чтобы стать свидетелями и участниками мероприятия под названием «Конкурс на лучшую смерть».

14.10. Близится к концу второй месяц рейса, и я задумался о своих тревогах. Главных две:

1. Меня, как ледового специалиста на судне, тревожит встреча со льдом. Стоять на мостике и вместе с вахтенным штурманом, капитаном, начальником партии, биологами, матросами и кем-то еще вглядываться через бинокли вдаль, пытаюсь первым обнаружить его. И когда наконец его кто-то узрит (понятно — не ты со своей близорукостью), подтвердить сначала уклончиво «да, что-то белеется там», а затем уверенней «да, похоже, что лед», тут же стараюсь идентифицировать его, чтобы хоть как-то компенсировать незавидную наблюдательность. А после фиксировать его до тех пор, пока он не кончится. Да еще отвечать на вопросы по теме. В общем, приятного мало. Завтра или в крайнем случае послезавтра ожидается новая встреча со льдом.

2. Женильба. Я уже писал, что делился подобными планами с подругой — почти обещал ей в ближайшее по возвращении время. Но хочу ли я этого сам? Я как тот губернатор из мультика: «Я просто хотел большой дом и чтоб меня все уважали. Не нужна мне никакая ответственность!..»

«Fais se que dois, — advienne que peut. C'est commande au chevalier» — ох, уж этот франкоязычный русский рок.

15.10. Сегодня капитан отказался подписывать мой месячный табель рабочего времени (первый табель месяц назад подписал), объяснив это тем, что меня нанимала не их контора (а наш общий заказчик) и он не может контролировать мою работу.

16.10. Выяснилась предыстория демарша капитана. Клиент (представитель заказчика на судне, который и поведал мне это) в споре с капитаном пару недель назад неосторожно высказался, что все супервайзеры на судне, в том числе и я, ледовый специалист, не подчиняются капитану, а подчиняются напрямую заказчику. Капитан обиделся, запомнил эти слова и спустя две недели решил отыграться, не подписывая мне в этом месяце табель. Клиенту, к слову, аналогичный табель он подписал, а я в итоге стал неким заложником дешевых амбиций двух козлов. Клиенту простительно — он молод и старался исправить положение, убеждая вчера капитана подписать мой табель. Но все было тщетно.

17.10. Сегодня нам сообщили, что завтра планируется окончание работ и начало движения в сторону дома. Приход в Мурманск ожидается 30—31 октября.

Табель мне подписал начальник партии.

18.10. Наше судно закончило работы на участке и взяло курс домой. В связи с этим закончились мои регулярные 6-часовые гидрометеонаблюдения.

19.10. Прошлой ночью, спустя 50 дней, я наконец смог поспать семь часов подряд. С начала дня большую часть времени двигаемся во льдах. Льды молодые и вполне проходимые. С нами (а чаще всего — перед нами) судно сопровождения «Валерий Семенов». Вместе мы двигаемся в точку встречи с атомным ледоколом «Ямал», который должен провести нас через покрытый льдами пролив Вилькицкого в Карское море.

Капитан и старпом боятся льда пуще меня — вчера попросили уточнить ледовую обстановку на пути к месту встречи. Постарался помочь.

20.10. Сегодня утром вошли в море Лаптевых. Пока преобладают серые и серобелые льды.

В полночь на судне переводят часы на два часа назад — начинается процесс возвращения судового времени с сахалинского на московское.

21.10. Весь день нас ведет «Семенов». Идем за ним по каналу, который он прорезает во льдах, с крейсерской скоростью 10 узлов. Ледовая обстановка вполне позволяет обойтись без атомохода — с таким-то «Семеновым»! Главное — в темное время не налететь на айсберг. Мы приближаемся к месту их сосредоточения. Но с нами «Семенов», и он впереди.

22.10. Ночью нас взял под проводку атомоход «Ямал». Ледовые условия к тому моменту стали еще легче, что превращало проводку в фарс. Уверенный в своих силах «Семенов» пытался отказаться от проводки, но не сумел — где-то в верхах ее уже утвердили, вероятно, оплатили и распилили. Весь день мы идем по каналу за «Ямалом», хотя могли бы, думаю, не теряя темпа, идти параллельно — лед по пути очень тонкий. Глядя с мостика на корму «Ямала», думаю о нескольких незабываемых экспедициях, проведенных на нем. Сзади идет уязвленный «Семенов», стараясь сдерживать прыть, чтобы не наступить нам на пятки. Караван состоит из трех судов.

Вечером под предлогом укрытия от прогнозируемого шторма вышел из каравана «Семенов». «Ямал» попытался его отговорить, страшая неблизкой дистанцией до чистой воды и коварными северными ветрами, способными усложнить ледовую обстановку. Но «Семенов» ответил: «Думаю, справимся». Переговоры «Ямала» с «Семеновым», свидетелем которых были все находящиеся в то время на мостике, убедили меня в крутизне небольшого экипажа архангелогородского буксира. Я спустился в каюту к Саше и Василичу и предложил попрощаться с «Семеновым», так как наши пути разошлись. Мы вышли с Сашей на палубу — мерца огнями в ночи, «Валерий Семенов» уже уходил к острову Русский архипелага Норденшельда. Удачи, ребята, и скорой встречи с домом!

23.10. В час полдника нас оставил «Ямал» — развернулся и взял под проводку другой пароход на восток. А к ужину на пути закончились остатки всякого льда. Говорят, впереди нас ждет шторм.

24.10. Весь вчерашний день шли по акватории Большого Арктического заповедника, в результате чего биологи зафиксировали рекордное для себя количество живности за световой день — 88 млекопитающих (тюленей, моржей и даже медведей).

25.10. Шторм удалось миновать. Идем в Карском море к проливу Югорский Шар (между материком и островом Вайгач). Обычно для сообщения между Карским морем и Баренцевым суда используют пролив Карские Ворота (между Вайгачем и Новой Землей), но сейчас для нас он закрыт по требованию военных.

26.10. Уже неделю на судне не работает Интернет. Надеюсь, родители и подруга не паникуют, что от меня нет вестей. Вероятно, дня через три появится мобильная связь. Вместе со льдом закончились мои наблюдения — только раз в сутки передаю погод-

ную сводку. Написал свои главы экспедиционного отчета, только отправить их не могу. Последние четверо суток прибавляли по два часа, возвращая московское время. Учитывая все это плюс неработающий Интернет, появилось больше свободного времени. Но, кажется, лучшее, на что я его трачу, — это сон.

Настя за ужином сообщила, что идти через пролив Югорский Шар, учитывая некоторые неполадки судна, сочли слишком рискованным. Карские Ворота откроются не то 28-го, не то 30-го. В результате приход в Мурманск вместо 29-го утром теперь ожидается 2-го или 3 ноября. Еще Настя сообщила, что перед ужином, когда судно проходило вблизи Амдермы, минут 20 была мобильная связь. Ожидается, что до утра мы будем кружиться в том же районе, и связь может еще появиться. На этот случай я оживил свой смартфон.

После ужина ко мне зашли Саша с Василичем и почти сразу Настя с матросом Серегой. Пообсуждали противоречивые версии наших перспектив, мобильную связь, авиарейсы из Мурманска, мощностность блютуз-колонок и прочее. Ненадолго у меня собралась непривычно многочисленная тусовка — вместе со мной 5 человек. Это взбудрило.

27.10. Проснувшись в пять утра, я обнаружил на смартфоне наличие сети и сообщение от подруги. Написал ей и маме. Получил от мамы ответ, а потом позвонила подруга — рассказала, как учиться на курсах гидов, как проплыла два километра в бассейне, как меня ждет, в общем, все нормально.

Утром вошли в пролив Югорский Шар, а к обеду — в Баренцево море. Ожидаемое время прихода в Мурманск вновь утро 29-го.

28.10. Вечером неожиданно устроили собрание руководителей служб с целью групповых фотографий. На этом же собрании сообщили, что приход в Мурманск перенесли на 30-е. Народ заказывает билеты.

29.10. Заработал мобильный Интернет. Я смог открыть почту. Денис, оказывается, все еще в море, но уже через два дня планирует прийти в Мурманск.

30.10. Судно встало на рейд в заливе напротив мурманских причалов. К самому причалу встать не удалось — не было места. А когда получится — говорят, неизвестно, может, и через неделю. До вечера сохранялась вероятность вывоза катером части судового экипажа, в том числе и меня. Не срослось — катер отложили до завтрашнего утра.

Но так даже лучше — не нужно искать гостиницу на ночь глядя, да и лишние оплачиваемые сутки рейса без реальной работы тоже не помешают. Вещи практически собраны. Квиток на пронос личных сумок через проходную порта получен. Напротив салона команды вывешен список 25 отбывающих из 47 человек. Подавляющее большинство отбывающих — так называемая «наука». Завтра, 31 октября, в 10 утра за нами придет катер. А 22 человека останутся на судне.

Что будет потом? Я возьму авиабилет до Питера на утро 1 ноября. Биологи после переговоров с офисом и друг с другом возьмут билеты на завтрашний вечер. Я бронирую номер в гостинице «Азимут», брошу там сумки, и мы пойдем с Сашей, Настей и Василичем в какой-нибудь близлежащий кабак, где и отметим окончание экспедиции. Потом они сядут в такси в аэропорт, я заселюсь в номер, а вечером двину в рок-бар, куда мы ходили с Сашей за день до рейса. Я там сяду за стойку, возьму кружку пива и осмотрюсь по сторонам. Справа у стойки замечу воркующую пару — осмотрю хорошенько девушку и найду ее симпатичной, но после взгляда ее кавалера, тревожно

обернувшегося в мою сторону, продолжу осмотр посетителей в ином направлении. За столиком слева увижу двух девушек. Одна из них (так себе) будет сидеть ко мне боком и вскоре отправится в туалет. Я воспользуюсь этим и пойду посмотреть ту, что трудно разглядеть со спины. А затем, оценив ее внешность и заметив возможность в глазах, я спрошу: «Разрешите присесть к вам?» — «Зачем?» — спросит меня красотка. «Пообщаться», — улыбнусь кротко я...

Когда встанет к причалу судно — неясно. Среди оставшихся на борту капитан, штурманы, начпартии, большая часть команды. Среди них и Бодрицкий. Возможно, он с группой сподвижников использует возникшую проволочку и возьмет наконец власть в свои руки. Капитан и старпом отправятся в трюм чинить ежедневно выносимую дверь сауны, а «Лихачев» с Бодрицким на капитанском мостике так и не встанет к мурманскому причалу, а возьмет курс обратно — в море, чтобы снова попытать там судьбу, может, встретить «Семенова» и, растворившись в ноябрьской дымке, нам оставить надежду на то, что еще все возможно.

Роман ЯПИШИН

СОВЫ

Кричи, но не горчи.
Разбуженные совы
Уставились в окно
С продавленных ветвей.
Одна из всех причин —
В тебе так мало крови,
Что валяются слова,
Как прах из тополей.

Замену не найти
Застеленному миру,
Который крепко спит
В не спящих нас с тобой.
Вползает нервный тик
В звенящую квартиру,
Когда шаги за дверь —
Рассыпанная соль.

Осталось отгадать,
Куда уходит запах
С пропитанных твоей
Любовью простыней.
Смещается вода
Из шаткой кружки на пол.
И тянется январь,
Как цепь следов за ней.

ЛЕС

Вот так лежать, не стряхивая снег.
Я счастлив, что уже не человек.

Янис Грантс

Так ноет кора у деревьев,
Когда мимо леса плывет корабль.
Это лексическая память,
Придуманная нами для них.
Нет ничего проще
И ничего необходимого.

Роман Сергеевич Япишин родился в Челябинске в 1988 году, в 2010 году окончил ЮУрГУ по специальности «экономист», в 2018 году окончил Литинститут им. А. М. Горького. Музыкант, руководитель поэтической секции литературного объединения «ЧТЗ», автор книги стихотворений «Ненастоящие декорации». Живет в Челябинске.

Так у лысого леса
Появляется чувство корней.
Чувство того, что его волосы
Ушли под землю,
Что его ветви — вовсе не ветви,
А голые ноги.

Так и я, боюсь запутаться,
Боюсь врати головой в небо,
Боюсь, что придется качаться от ветра,
Боюсь, что все увидят мои голые ноги.
Или того, что потом снова придется быть
Человеком.

НЕЛЬЗЯ

Люди копятя, как мыши,
На зернистых фотоснимках.
Я стараюсь думать тише
Об ацтеках, майя, инках.

Ты кусаешь серый полдень
Самой праведной зевотой,
Пополняя грозный орден
Проживателей судьботы.

Я живу за счет поблажек,
От начальства всех зачатых.
Значит, я предельно важен,
Значит, я могу быть частым

Гостем негостеприимных
Улиц, жаждущих морозов,
Зафиксированных длинно
В позапрошлогодных позах.

Где тебя нельзя не встретить,
Ждущую трамвайный ветер
На почти пустой планете.
Где нельзя.
Но я не встретил.

ОРФЕЙ

Голос, данный Орфею, Орфей подарил петухам,
Чтоб неслись лучше куры в его раскаленном Крыму.
И теперь только феню Орфей, как законченный хам,
Почитает искусством и в целом сидит на дому.

Неликвидные боги ему иногда говорят:
Прогуляйся, тряхни напоследок давай стариной.
Только слышит он вовсе не их, а другой звукоряд
И не внемлет шуршанью богов.
Как говаривал Ной:
Бегство — лучший ответ.

Да и много ли ставить на кон?
И Орфей различает знакомый безлюдный причал,
И Харон поправляет костистой рукой балахон,
Резюмируя: «Быстро доплыли, накинешь на чай?»

ДЯДЯ

По двору гуляет дядя
Непрерывный, в смысле пьянки,
Непрерывные останки
С багровеющим лицом.
А ему навстречу мысли
В обрамлении прохожих,
Мысли «чтонажралсярожа»,
Мысли «чтодуракнажрался»,
Мысли «цойживцойживцой».
По двору бегут собаки
В отрешении глубококом,
Кто вперед бежит, кто боком,
Как сплошной собачий импульс,
Наступают на себя.
И собачье созерцанье
Вытесняет жажду алко.
Мне их жалко, жалко, жалко,
Как же можно — не любя?
И струится им навстречу
Обязательная Баба,
И не прям-таки, что «баба»,
А конкретный индивид!
Потому что индивиды,
Как сказал вчера мне космос...

Вру, конечно же, не космос.
Я все сам придумал. Просто
Из окна убогий вид.

РЕКА

Щенки рассмеются в мешке,
И смех под водой расслонится.
Укрытая рыба в реке
Потянет на дно колесницу.

Туда, где прорыта дыра
Отпущенными червяками.
Где ты так давно умерла,
Что небо покрылось песками.

И остервенеет река,
Впиваясь в засохшие русла
Теплом своего молока,
Мычаньем немого искусства.

И станет, как счастье, тверда,
Как время, текущее в камне.
Целуя собой города
И плач превращая в молчанье.

Прозрачная сущность твоя,
Едва загустевшая в тело,
Вернется в речные края,
В которых она обмелела.

Когда ты стеклянной рукой
Натянешь речные поводья,
Весь мир обернется водой,
Влюбившись в твое половодье.

КОМЕТА

Пойдем со мной, безумный мальчик,
Я покажу тебе дорогу,
Ты будешь там молиться свету
И подчиняться звездопаду,

Ты будешь гладить против шерсти
Собачьи головы слепые,
И спелые плоды растений
Ударятся о почву рядом.

Пойдем, ты станешь невидимкой,
Но сможешь видеть даже время —
Его глубокие морщины —
И рыб, что тускло в них мерцают.

Пойдем, безумный, это рядом,
Ты не успеешь обернуться,
Ты не сумеешь обернуться —
Есть только то, что пред тобою.

Так говорила мне комета,
Когда я спал вчерашней ночью.
Я слышал это, но нечетко.
Я точно ночью что-то слышал.

Антон ЗАНЬКОВСКИЙ

ЧЕРНАЯ КАЛИТВА

Поэма в прозе

Тот, кто поддался волшебству нахлыста, осваивает, как правило, и вязание искусственных мушек, которое для большинства нахлыстовиков, наряду с самой ловлей, становится прекрасным увлечением. Даже если мушка получилась неудачной, не надо отчаиваться. Продолжайте работу, совершенствуйтесь, и тогда то, что вам сегодня кажется невозможным, завтра будет само собой разумеющимся. Есть и еще одна сторона проблемы. Когда вы становитесь изготовителем мушек, то понимаете, что это та деятельность, которая обогащает вашу личность. Она предъявляет большие требования к вашему воспитанию, обязывает наблюдать природу, развивать свои творческие способности.

Милан Курноцик. *Энциклопедия нахлыста*

1. Кармелита Куприяновна каждое лето грозилась отвергнуть флору и землю, не растить томаты-огурцы, не выхаживать клумбы, не бороться с травами сорными, заасфальтировать двор или просто залить его глиной, а потом отвердить в огне колоссального костра. Такой Армагеддон предрекала Куприяновна, выдергивая резеду, вырывая бурьян вездесущий, ползая землеройкой-медведкой в дебрях и кушах, портя ногти, грязня пятки, плюясь. От натуги лопались сосуды в глазах Кармелиты, и та божилась, что бросит поливать штокрозы, пренебрежет крыжовником, презрит работу и кинет сад на растерзание сорной гуще. Но причитала с виноватым видом, словно бы отказывалась от приемыша, ставшего лунатиком небезопасным: еженощно бродит по дому с кухонным ножом туда-сюда, просовывает лезвие в щель под дверь, ходит сынок неродной с открытыми глазами-ртом, с растопыренными пальцами на ногах, с подвижным кадыком, завертывает в спальню и говорит, папа, говорит, я хочу тебя убить, мама, я тебя хочу, потом вопль. И точно так же, подобно сыну-лунатику, которого надобно сбить, но совестно почему-то, растут розовые томаты, зеленые бородавчатые пальцы огурцов, руккола и салат, щавель и свекла, садовые деревья и акации, которые Кармелита грозилась выпилить, ввергаясь в приступ нигилизма. Кому грозилась? Престарелой матери, а той уже все равно было, хоть бы даже лианой зарос видимый мир, хоть бы даже исполинские одуваны мороком седым затуманили заоконье.

Антон Владиславович Заньковский родился в 1988 году. Печатался в журналах «Логос», «Нева», «Опустошитель», «Acta eruditorum», «Апокриф».

Равнодушной оставалась мать Кармелиты Куприяновны Аполлинария Марковна, ибо не представляла весь размах беды, разроет беды-лебеды оком, куда ни глянь — всюду поднималось зеленое, ветвисто-ползуче-струящееся, цветущее и сохнущее, жирно-сочное и болотно-бледное, с прожилками, с корневищем дерзко врастающим. Вокруг зарос хутор Черная Калитва, сторожащий периферию Великой Украинской Империи.

2. ВУИ — такой звук издают мальчишки, подражая ветряному взвизгу быстроходных машин: в-в-вуи-и-и-и, поехали, камрады-читатели, в путь, двинемся же стезею родины длинной, чей контур напоминает взбеленного коня с индюшачьей бородой и выменем. От южных шаверм до якутских острогов славься, страна, мы гордимся тобой, Украина. Велика твоя столица, костяк империи, красный град Магритт, но не менее велик его младший брат, превзошедший старшего дворцовой и домовой архитектурой, — Гуигнгнм, велика и глубинка, тяготеющая к Флоре, вьющаяся, изнывающая гниловатым ароматом гашиша, блестящая черной чешуею речной рыбины. Периферия, мать таинственности, укрой нас в полумраке своем, соскреби патину с общей души нашей, одной на всех, и завари ее вместо иван-чая; глубинная глубинка, раком хвостатым, клешнястым глядящая вверх, туда, где свет с насадой пробивается сквозь толщу зеленоватых вод, мне радостно смотреть глазами твоими, созерцать донца лодок, животы пловцов, небо далекое с редким облачком. Где-то здесь, на дне, полузарывшись в донный песок, перловицей гладкой бороздит неподатливое пространство Кармелита Куприяновна, в то время как мать ее, Аполлинария Марковна, весь день созерцает звезды с помощью астральной трубы — прибора, проникающего светло-голубую незрячесть атмосферы: ведь подчас, чтобы стало видней, надобно затемнить. Астральная труба в любое время дня позволит вам наблюдать эклиптику. Приехала теща и требует срочно составить ей личный гороскоп? Не вопрос! Астральная труба поможет вам справиться с любой непредвиденностью. закажите трубу прямо сейчас и получите в подарок фиолетовый колпак чародея. Ибо каждый житель-гражданин твой, о Украина, чародей. Господи, разве надо писать о том, что известно каждому ясельнику, каждой первоклашке со скособоченным бантом? Уже многие менестрели воспели победы твои на десятке языков дружеских и общеприветливых. Скромно, с челом, опущенным долу, позволю себе лирическим напевом этих стыдливых строк застенчиво войти тихими стопами в соборный хор твоих братских народов, Украина! **3.** И сожгла-таки, прежде залив двор глиной и обнеся его бетонной стеной, дабы огонь не перекинулся на соседские усадьбы. Горело смачно: пламя единой шапкой поднялось над круглой и твердой стеной, выжгло все в пепел и вытвердило глину. Теперь можно было выплясывать чечетку на прекрасно-ровной поверхности, похожей на донце крынки. Нетерпение заставило Кармелиту надеть железные боты, чтобы по дымящейся еще, горячей твердыне проскакать с веником, вымести золу выгоревшей флоры, хаты, сарая, сортира. Ровная дыра сбоку двора напоминала о колодце, сгоревшем вместе с ведрами. Площадка с отверстием, на дне которого бурлил еще кипяток, — таков был двор. Эксперты, привлеченные к выяснению причин пожара на хуторе Черная Калитва, исключили, что происшествие случилось из-за электропроводки, и считают версию поджога основной. Как рассказали журналистам в полиции, на поджог также указывают многочисленные показания свидетелей и характер распространения огня. При этом в правоохранительных органах заявляют, что предстоит еще сделать большой объем работы, прежде чем дело будет направлено в прокуратуру. И вдруг, когда остыло, собачка зашла, видимо подкопав бетонную стену, понюхала копченый глиняный двор, облизнулась. **4.** Похожая на лисицу сучка породы ларс фон терьер — ее Кармелита помышляла сжечь вместе с конурой и была даже уверена в том, что Зараза — так звали псину — в домике своем запеклась, как утка в тесте, как Аполлинария Марковна в клозете. Но Зараза вовремя слиняла, незаметно и юрко, а теперь повиливала хвостом и недо-

уменно ослабилась — за этот недоверчивый оскал, за трусливую прижимистую походку, за то, что имела привычку испуганно сбегать под забор, оглядываясь, словно битый вор, — за это хотела погубить собаку Кармелита Куприяновна, не беря в расчет щенячью травму: выплюнул ее ротвейлер, отгрынул, огретый дубиной по хребту. Зараза, как и другие ларс фон терьеры, предназначалась в корм для вольерных псин и чудом только убереглась, приглянувшись кому-то, но не Куприяновне. К ней Заразу угораздило попасть после череды приключений: сперва сучку били палками двуногие, потом драла свора слюнявых помочных четвероногих, одаривая несоразмерными щенятами, которые затем, выбираясь из Заразы, рвали ее чрево лобастыми башками. Когда Ананке турнула ее на хутор Черная Калитва в добрый передник Марковны, Зараза заспешила жить вольно, сопрягаться и рожать неистово, в собачьем уме имея не мысль, разумеется, но запах мысли о том, что надо выпрастывать как можно больше себе подобных, пахнувших схоже, чтобы не угодить всецело в пасть к ротвейлеру. Зараза как бы делилась на части, разрешаясь тройнями, — отпочковывала их; если даже ее, недоеденную, догонят и доедят, останется крупица, но не тут-то было: щенков принялись отнимать и топить в ведре — Кармелита и Аполлинария, опасаясь, что возникнет неуправляемая псарня. В отчаянном виталистическом порыве сучка Зараза раскапывала размокшие трупики, перемазываясь желтой и синей землей нашей великой Родины. Полоска синей земли, полоска желтой, трупик щенячий на стыке, лапы разного цвета, желтый зад, синий бок, синее брюхо, желтое ухо; ничего не поделывать, такова почва. Зараза беззвучно выла, отворяя немую пасть. **5.** И кусты, не умеющие ходить, шумели над оврагом, проклиная свободно-снующий ветер за его неприкрепленность, и надрезанные свиньи визжали слишком человеческими голосами, стремясь обмануть своих поедателей, задобрить родственностью звучания, и кольчатая горлица передразнивала кукушку, и рыба, обделенная голосом, выпрыгивала из воды, ударяла хвостом об воду, создавая плеск, чтобы причаститься звучащим тварям, и лисица в ночи орала, как помешанная баба с седыми лохмами, сожравшая своих детей с горчицей, и птенец, выпав из гнезда на ежиные иглы, издавал последний писк, будучи проткнутым. Все стремилось петь и пениться, разрастаться с помощью полового размножения или смертного разложения. Разрастаться-расползаться — отпрысками, струпьями. Само ничтоженье, парящее мухами над плотью, есть слизь жизни. Потому что бессмертна Украина: сколько ее не бей, не урезай, только ускоришь прирост — принцип Горыныча: на месте срубленной головы две новые предстают. Поэтому любая псина, распавшись в гноище, тотчас вычавкивается рядом, выбулькивается из разжиженной синей глины, из желтого навоза, всегда чреватого новой тварью. **6.** И вот он тоже пыжится выпестовать себя из плоти буквенной мешанины здешней — герой, далекий потомок убийцы мастера чайной церемонии, с георгиновой поволокой узковатых глаз — герой не главный, потому как главного нет (паритетность второстепенных, мимоходных, бликовых), но все же имеющийся. Вспоминать ли его простудное детство, зачиханное в перьевых подушках аллергенных, его интеллигентного отца, западника, ипохондрика, Богдана Львовича, курившего табак с запахом тыквы, страстно крякавшего при виде любых монголоидок, напоминавших почившую жену Икуко? **7.** Крякал он и с досады, когда его редактуру-корректуру браковал очередной косноязычный автор или переводчик: тогда Богдан Львович божился, что больше не станет расставлять пробелы, раз и навсегда отвергнет полужирные начертания, бросит курсивы на произвол судьбы, пошлет к черту библиографию, отвернется от сносок, опечаток, стилистических грехов. «Пусть оно зияет во веки веков, нечего стесняться, так даже ярче проступают аллюр и настроение, ведь сам текст подсказывает: «...поэтому дзенский наставник Дахуй с ним не согласился и сочинил другое стихотворение». — «Так и сохраним!» — восклицал Богдан Львович, ударяя по клавишам своей пишущей биомашинки (соски вместо кла-

виш). Он полжизни копошился в чреватой мешанине знаков, он кое-что знал о коагуляции письма и творочности могучей речи, о навозообразном землевидном подножии БОга. Что же, припоминать ли его, Богдана Львовича, читавшего сыну «Нихон секи» в срок недозволенный, дошкольный, когда и без того ежедневен магизм прогулок под четырехное и деревянное, накрытое белым, уставленное всяким? **8.** Срок сей — возраст, в любимых и ненавистных местечках развеванный, закатившийся мячом под автомобиль — не достать; для Маэда возраст среднего детства стал светлой порой дружбы с Прасковьей, полоумной девой тридцатилетней. Горбатая Прасковья, мыгчащая слова, со вздувшимся животом и скобообразными ногами)(такими, на губах ее пена пузыряющаяся, из которой возникнет ли божество? Насморк носа ее — бульканье миров за рождающихся. На хуторе Черная Калитва, в сарае, притулившемся у предпоследнего двора за косогором, у выгона, на крайнем краю близ роши демонстрировала, раскорячившись на полу; с подхрапом гогоча, поднимала сарафан, высвобождалась проворно из несвежих трусов, пахнувших пряно, чтоб чудо свое показать. **9.** Но это еще не все, ведь Прасковья во время оно подглядела, как на лугу закачивают нектар в многомощный осеменительный агрегат: кишки шлангов прицеливались ароматными струями, нектаром Грунерта, в дребезжащие и маслянистые втулки, а механизм вибрировал и вращался на поршнях, гудел стартерами. А потом из машины выехали рессоры с тремя замшевыми сфинктерами: дрогнув, они полили землю густым генетическим соком. Ничего не вышло, как ни пытались повторить: Маэда разглядывал неодетую Прасковью в полумраке сарайчика, в то время как она теребила его маломощный агрегат, желая добыть сходственный сок, но было сухо. Ему нравилось. Поутру Маэда прибегал под окно к Прасковье, еще до первого завтрака, стучал, прятался, она вылезала из-под простыни в ночной рубашке, сопливая, с невымытым колтуном на башке, кокетливо почесывала горб коротенькой лапкой, с подхрапом гогоча, улюлюкая по-идиотски, дразнилась о разрезе глаз его (точнее — разрезы лица для глаз) — указательными пальцами оттягивала кожу от вежд к вискам, суживая карие щели свои, потом ее двоюродная бабушка, Аполлинария Марковна, не успев еще зубы надеть, вдруг появлялась у него за спиной и почему-то недовольным тоном говорила, шамкая, чтобы зашел позже, после дежене. Без вставной челюсти Марковна была на себя не похожа, Маэда ее не узнавал: совершенно другой стиль жизни рожи. **10.** После второго завтрака Маэда и Прасковья играли под навесом в мешанину: ведро с жижей грязевой, цветочной-лепестковой, дождевой, проточной, с примесью муки, сахара, соли, дробленой раковины прудовика, глины, резеды, смородины, паслена, уксуса. Варили мешанину булькающую, чтобы отравить Люлю, девочку злую, воровку смородины; варили на самодельной печи, сложенной из кирпичей, опасно соседствовавшей с дровами, так что вскоре Аполлинария Марковна приказала разобрать. Но было поздно: мешанина приготовилась, Люлю поймали, насильно отворили ей рот и брызнули жидкой грязью туда, прямо в девчоночью пасть, после чего, падшие жертвой вероломного ябедничества, были хорошенько выкручены за уши, пропесочены и разведены по углам, чтобы порознь пускать грустные слюни расплаты. **11.** А пока они там стоят, медленно покрываясь пылью и возрастом, подходит уже печальный, как багатель Сильвестрова, — фрюктидор: любимая музыка года, свежий сплин для впечатлительных сердец, ноктюрн груш налитых, шершавая кожа лета вот-вот надтреснет, заструится новый год, наступающий, конечно, в бархатный сезон, а не в январе, как думают полинезийские варвары. И будет голубое небо мчаться над желтой землей, спотыкаясь о башни заголившихся коленок расставленных, торчащих из подсушенной травы, и будут стрекотать кузнецы и шмыгать туда-сюда ящерицы, упадет желудь за шиворот Маэда, низринется лист сухой и грянет в юбку Прасковьи задранную. И зафрюктидорит в рощах близ хутора Черная Калитва, где гогочущие гуси-лебеди высасывают чистое молоко, разлитое из крынки

в дождевую лужу неосторожной бабой; сосут гуси-лебеди, умело разделяя белизну и мать, вытягивают и задирают шеи вверх, чтобы жидкость скатилась по длинной трубе горла, и видят чистые гуси небо, спотыкающиеся небеса. **12.** Те же самые небеси, что двигались над старым домом, застрявшим в бытии безвременно, — зачем? Необитаемый дом в заброшенном дворе, где нарциссы распускались по весне для насекомых впросонках. У дома имелись голубые ставни, но цветность их почти выдохлась, стала вялым кивком в сторону прошлого, где схоронились люди, смотрящие сквозь окна и красившие ставни, люди, кривящие крышу тростником, люди, жившие и говорившие о чем-то. Ничего не осталось, все поросло травой, но внутри дома еще громоздилась рухлядь, обитала талая предметность, являя себя сквозь треснутые, но сохранившиеся стекла; и страшные стены с полуоторванными обоями глядели друг на друга, и казалось, что вся эта внутренность замерла в кошмаре ненужного ожидания. Смерть уже ушла отсюда. Туда намеревались проникнуть Маэда, Прасковья и Люлю, помилованная воровка смородины. Рядом с домом стоял сарай с погребом, а между постройками был проход, затянутый паутиной, ведь пауки нарочно развешивают сети на дороге, чтобы показать свое искусство, но никто не замечает, не хвалит пауков, поэтому они со злобы принимают губить мух. Прорывая картины пауков, пробирались трое во мраке, пока не дошли до глупого окна: зачем дому вырыли этот глаз, обреченный наблюдать лишь бок погреба? Рядом лежал большой камень, и Маэда, недолго думая, слил в поцелуе камень с окном, чтобы зайти сквозь выбитый глаз в домовую утробу, грезящую, урчащую жухлыми вещами, разбросанными по полу. Дребезг слился с возгласом Люлю, бросившейся прочь в испуге. «Дурак!» — закричала Люлю и побежала домой, а Маэда с Прасковьей полезли в запретное место. Прасковья радостно гугукала и хлопала в ладошки, слезилась от восторга и даже не заметила, что разрешила руку остатками стекла в раме, желавшего как-то еще проявить себя, ведь слишком долго оно, стекло, бездействовало в простенке, уныло созерцая глухоту погребной стены, обитой толем. **13.** Внутри стекла свершалась драма в тот миг, когда оно решало: треснуть ли, осыпаться ли. Ведь все разрушается по собственной воле, самочинно поддаваясь внешнему напору. Никакая буря не сломит травинку, если та не дозволит, ни один зуб не размелет смородину в темную жижу, коли та не пожелает: любая вещь полна беспредельной твердости, каковая слабеет под уговорами воздействующего камня и смерча, кулака и пилы, зуба и кариеса. И каждый раз, решая, в какую сторону склониться, материя вещи мечется между формой и лишением, разговаривает с ними, колеблется, как широкая влажная щель в меловой глыбе, выбирающая между собственной холодной пустотой и телом змеи, когда та норовит вползти в расщелину, заполнить ее собой — нагретой на солнце гадюкой. Щель может и не впустить змия, вытолкнуть вон, и тогда он лезет в другую, более узкую и смрадную дыру, или же в третью прореху, с острыми белыми зубринами, царапающими клетчатый плащ шахматной гадюки. — Но вдруг навстречу вылезает соперник. Точно так же, как щель змее, вещь поддается лишению и разваливается в дребезг или, отрицая поползновения гибели, утверждает в целостности. О чем говорят они, подлинными героини этой драмы: материя вещи, ее форма и гибель формы? Материя говорит: я — стон земли, я — похотливая глина, жажду принимать формы и распадаться в неразличимое, я — чреватая слизь, матка мира и булькающая расплывчатость, я — женщина в черном; форма говорит: я — циркуль, мера и замысел, я — мать контуров, отец предела и сон плотника, я — мужчина в белом; лишение говорит: я — зеленая плесень горгонзолы, я — трещина в чаше яноми, я — гибель сосудов, расколовшихся под тяжестью света, я — кровавость октябрьских кленов, я — тень Земли, надкусившая Солнце, и безрукость Венеры Милосской, я — трансвестит в красном. — Такова одноактная пьеса, предваряющая рдяный звон стекла. **14.** Со всем другой звук издают отрубленные головы, падая под ноги сюзерену, вспотевшие

головы: еще недавно болтались они, привязанные к седлу и нанизанные на копье доблестного Маэда Тосиизэ, убийцы мастера чайной церемонии. Стремителен воин, и конь его белый в боевых ранах, а головы оттяпанные исказились гримасами скорее омерзения, чем страха, болтаются на скаку. Летит Маэда Тосиизэ сломя голову, чтобы доказать преданность господину Нобунаги, мчит, чтобы поменять котелки его врагов на прощение. А в уме одно: не протухли б головешки дорогой, не утратили б в знойной пылище из-под копыт бодрость физиономий, узнаваемость. Иногда стопорил конягу — пр-ррр! — утирал настойкой морды воинов, кровящу шейную смывал с коняжьих ног. И тогда ему казалось, что черепушки тоже ухмыляются, как ненавистный Дзуами, этот сноб и зазнайка, презрительно морщивший лоб, когда Маэда неправильно брал чашу, или говорил слишком громко и глупо во время церемонии, или неумело хвалил утварь, цветы и свиток. Дзуами умел оскорбить одним полувзглядом, не нарушая приличий. И даже принимая смерть от меча воина, мастер чайной церемонии уничижительно ухмылялся, выставляя своего палача дураком. Ведь можно было заранее понять, что никто не поверит, будто Дзуами вытащил деревянный гвоздь из меча Тосиизэ, вероломно обрекая того на гибель в бою — это слишком грубо, не в духе мастера, он был чересчур прям для такого коварства, так что предлог получился не в меру дешевым. Маэда понимал это, но ничего больше не сумел придумать и бросил нелепое обвинение, а потом сам себя заставил поверить в него, чтобы еще сильнее распалить гнев, который в нем и так свирепствовал, вызванный тонкими оскорблениями чайного мастера. Голова Дзуами продолжала беззвучно хохотать, потешалась злорадно, падая к ногам ошарашенного Нобунаги. Воина прогнали со службы не за убийство, а за непослушание, ведь Нобунаги строго-настрога запретил нападать на своего любимого мастера, но вскоре приняли обратно, когда Маэда Тосиизэ притащил головы врагов своего господина. **15.** И такой-то урод-головорез, преданный начальству, был его предком и висел теперь японской ксилографурой в токонома? Зачем же наш второстепенный недогемой ежедневно созерцал кровавого прашура с копьем, униженным головами? Ясное дело, Маэда Богданович симпатизировал мастеру чайной церемонии, даже был на него похож язвительностью придирчивого взгляда, гравюра же напоминала ему о том, до какого тупоумия и ничтожества может скатиться существо, униженное природой. Досадно же распорядилась история: о мастере чайной церемонии почти ничего не известно, зато дебилно-доблестный предок висит картинкой, демонстрируя себя в наиболее подлых обстоятельствах: так официант поедает втихаря недоеденные канане, и вдруг входит История Павловна в нелепых рейтузах и фотографирует его. Кто бы мог подумать, что фото небрезгливого гарсона разлетится по всему миру и сделает ему честь; прибавим сюда то, что канане сработано из человеческих головешек. Короче, гравюра заставляла шевелить мозгами, трясти совестью, помогала Маэда не попасть впросак. Этот свиток был единственной постоянной собственностью Маэда Богдановича, остальное он продавал или выменивал, отдавал, терял, разбрасывал в переездах из хаты в хату. С тех пор как скончался его немногословный, тихий отец, любивший крекеры с луком и манные пироги, Маэда не возвращался в отчий дом. Ему досталось в наследство несколько драгоценных чаш сино, ключичная кость Джидду Кришнамурти, инкрустированные бирюзой курительные трубки для опиума и мухогонка с ручкой в форме волшебного гриба линджи и белым ворсом из оленьего хвоста. **16.** Случайный герой вытряхнул пепел папаши прохожей бабе на голову и, поместив богатство в свой сикхский тюрбан, полетел в Гуингнм. Он влетел в туманный промозглый хриплый город, где зеркалами облицованы брандмауэры домов и колонны дворцов, где зеркальными обоями кроют стены квартир. Он прилетел третьим классом на простом попугайчике; птица в полете кашляла, но доплелась-таки, в пути орошая нездоровым пометом селения. Делали пересадку в Сан-Хосе, народ прямо на взлетной полосе осиротело подби-

рал сброшенные попугайчиком перья: вид этих живописно оборванных, нищих, но по-азиатски щеголеватых людей заставил Маэда улыбнуться. Они смастерят из перьев паланкины, будут катать друг друга — за неимением господ. Сан-Хосе — дыра из дыр. Накрапывал слепой и тепловатый дождик, навевший алкогольный сплин, поэтому он купил в зоне дьюти-фри чекушку рома «Old monk» и выпил прямо из горла, уютно расположившись в зале ожидания со свежим номером журнала «Птюч». Сквозь стеклянные стены здания аэропорта просматривалась взлетная полоса: там попугайчик завалился набок и с болезненной ритмичностью раскрывал клюв, перья так и сыпались, а техники уже подвозили трап с огромным шприцем, чтобы вколоть птице папаверин.

17. Пройдясь по Гуигнгнму, внутрь домов заглянув, он так ничего путного и не нашел: где богемные посиделки, такие привычные для Черной Калитвы? — Здесь сборище тромбонистов, устроившись на сеновале, подражают они скворцу и горлице; там, взобравшись на ветхий плетень, диспутируют философы, матерясь в царя и в душу за метафизику слизи; а если пройти к Соленой речке, то встретишь театралов: голые и лысые бегают, вопя на древнегреческом, а потом падают в клевер, ноги растопырив, и айда намыливать друг другу и брить лобки-подмышки. Да что там говорить о тромбонистах, о философах, о театралах, когда в камышах, на холмах, в дебрях попрятались пропадающие, которых всю жизнь напролет влечет зеленая матка леса? Едва успев родиться, они уже тоскуют по изначальной смешанности. Повзрослев, самые пропащие тайно приносят в лес табуреты, столы, стулья и другие деревянные вещи, чтобы лес вернул себе некогда отнятое. Бурлит ли кипятик, журчит ли кран, шелестит ли страница — это будет музыкой пропадающих. Если пропадающий вовремя не вернулся в лес, у него появляется отдельный орган осязания; ведь когда-то зрение, слух, вкус и обоняние тоже были разлиты по всей поверхности тела, а не ютились в приспособленных органах. Пропадающие с легкостью нарушают закон: убийство для них — только помощь в переправе через пустыню в лес, воровство — развлечение охотника; прелюбодействуя, они чувствуют себя растениями, которые отдают семена ветру. Жилища пропадающих завалены дровами или книгами и похожи на дупла. Они любят кентавров, чей вид напоминает о предвечном сродстве всего сущего. Пропадающие всегда вежливы и куртуазны, иногда они сбрасывают листья перед близкими людьми, но вскоре сожалеют об этом. Их речь витиевата, как лесная тропинка. Ничего такого в Гуигнгнме Маэда не искал, ни тромбонистов, ни философов, ни театралов, и уж, конечно, никаких тебе пропадающих, скучно, мой друг, скучно. Всюду насекомые авто, интенсивности, арт-инсектарии, на брандмауэрах висят медицинские зеркала для обратного захвата серотонина, живые линии кочевряжатся на поребриках, копошатся в небе комья тьмы да сгустки света, и куда ни кинь — везде жижга стремится заработать на новых типах ускорения, и вихляют наглые орнаменты и сами не знают, зачем они так агрессивно собой прыщут. Ну и что? Обыкновенный биополис, каких по всему миру пруд пруди. **18.** Биополис: его дома, соборы, площади, его транспорт — все сделано из плоти, пульсирующей, теплой, похотливой. Кровь и лимфа бегут по артериям его жилищ, согревая обывателей, преодолевших отчуждение четырех стен, которые ныне усеяны похотниками: стоит провести рукой — и весь дом отзывается стоном благодарности. Живые кариатиды истекают на фасадах молоком: если прикасаешься к их сенсорным соскам, то фриз безотложно расцветает огромными орхидеями; увядая и падая, они тотчас превращаются в колоссальных бабочек, и те взмывают ввысь, орошая улицы наркотическим нектаром. Техника и плоть срослись в этом городе, где троллейбусы шевелят живыми усиками, перебирают лапками, жужжат и взлетают. Здесь нет даже смерти: старики падают в хвойную гущу трепещущих могил, в кислородный коктейль вечного растворения, в последний раз умывшись сладкими слезами, что струятся из каждого крана. **19.** Понаблюдав такие красоты, промокнув склизкой молоком Гуигнгнма, Маэда решил было воротить-

ся в приличное светское общество Черной Калитвы, но прежде (прихватив рекомендательное письмо с подписью мастера Инститориса) наведалься в Первую Ложу Великого Нахлыста Украины («!!П.Л.В.Н.У!!»). Что еще за нахлыст? Корни этого королевского искусства следует искать на берегах Нила. Большинство мастеров связывает его происхождение с мистериями Египта. Так Псевдо-Плутарх пишет, что нахлысту предавались жрицы Себека, богокрокодила. В Японии великое искусство нахлыста (тенкара) возникло в период Эдо, когда самураям приходилось реже охотиться за головами. Но классическая шотландская школа с тремя градусами сформировалась в 3599 году эры Набопаласара в Килуиннинге. Известны имена магистров этого периода: Альфред Роналдс, Фредерик Халфорд, Джеймс Огден, кроме того, нельзя не упомянуть великого Колмондели, чьему перу принадлежит «Большая Книга Нахлыстовика». Упомянутые мужи в своих трудах разработали устав трехградусного мокрого нахлыста, действующий до сих пор. Конечно же, классический шотландский стиль выработался не без влияния Юлианы Бернерс, настоятельницы монастыря St. Alban's, выпустившей в 3486 году эры Шака трактат под названием «Voke of St. Alban's», в котором сформулированы основные моральные принципы нахлыста, в частности, там сказано, что нахлыстовик должен быть человеком свободным и добрых нравов. Маэда еще в юности полюбил это искусство за то, что оно позволяет разнообразить досуг и бесконечно развивать навыки, ведь есть сотни мушек, собрать которые почти невозможно, на них такое клюет, что не рассказать словами. Если на «Краснозадую» (зеленые павлиньи перья, рыжие перышки с шеи петуха, на конце тела клочок из красного кордонета) можно поймать жалкую рыбешку, то на «Великий колокол», состоящий из бровных волосков президента Микронезийской Демократической Республики, античной геммы, красного полипропиленового жгутика № 3208 и ободранного пера черного петуха, на Дону ловится настоящая рыба-дхарма, а не какая-нибудь дрянная сахарная форель. **20.** Поэтому во все времена у нахлыста имелись враги, ведь он дает большую власть, а взамен требует лишь добрый нрав и некоторую ловкость. Обыватель не любит и боится нахлыстовика, непосвященный чувствует угрозу, и на то есть причины. Представьте себе ученого, который спешит защитить диссертацию, надеясь получить доступ к архивам, чтобы выкрасть какой-нибудь старинный документ и пустить его на искусственную мушку. Вообразите притворно влюбленного, который женится на дамочке только потому, что у нее есть малолетняя дочь с родинкой в определенном месте. Однажды эта женщина недосчитается мужа, а девчонка — фаланги безымянного пальца на левой руке. Как же так, ведь сказано в уставе, что нахлыстовик должен быть человеком доброго нрава, но здесь мы видим пример зловредного членовредительства? Это называется «горячая мушка», в ее состав могут входить, скажем, редкие штуковины, попавшие в аппендикс тридцатидвухлетнего мексиканца, весящего ровно 69 кг, любителя скабрезных анекдотов; или определенного калибра пули, прострелившие в 11 утра череп одноногой старой девы — и вот ищи ее по всему белу свету, чтобы вовремя хлопнуть. Горячие мушки нельзя применять просто так, их дозволяется собирать с особого разрешения Великих Магистров. Обычно поиск таких мушек и дальнейшая ловля на них связаны с мировой политикой. На горячие мушки клюют исторические события. **21.** Инститорис рекомендовал Маэда в качестве подмастерья в одну из регулярных нахлыстовых лож Черной Калитвы и дал ему задание — собрать и закинуть «Милую Машу»; как ее сделать? Пуговицу с пальто писателя Мамлюдова обмотать пиджачной нитью философа Хорожева, приклеить к смычке высушенный плод рудракши. На эту мушку в искусственных озерах Удайпура ловится различная невидальщина. Чтобы приблизиться к пальто Мамлюдова и к пиджаку Хорожева, Маэда решил втереться к ним в доверие, и для этого он принялся строчить философские статьи, писать художественную прозу. Выходило недурственно: через некоторое время он стал печататься в литературных журналах и сбор-

никах научных статей. Его библиография тех лет ужасает: он публиковался в никчемных оккультных журнальчиках, в изданиях богословского института, в праворадикальных альманахах и левацких брошюрках. Он добросовестно посещал конференции, вечера и прочие собрания не столько умных и талантливых, сколько честолюбивых и пронирыливых людей. Весь этот ил никак не влиял на его собственные литературные опыты. Как раз в те времена Маэда формулирует основные принципы сабражизма в литературе. Если говорить коротко, сабражизм — это яркая растрата первейшего слога пенного. Сабражизм не терпит повествовательных длиннот, это стремительное литературное транжирство. Сабражисты не гнушаются только лучшими винами языка и разметывают их брызгами по ветру. Сабражисты отдают все сразу, огорошивая читателя вероломством несдержанности, отравляя концентратами, эссенциями, ристретто. Кроме того, не надо забывать, что представители этого литературного направления всегда имеют наготове острую саблю. **22.** Маэда выступал с докладами на собраниях в камышах, на березе декламировал свои стихотворения в прозе, обзаводился богемными знакомцами, которые проводили время весело и духовно: кувыркались во вьющихся зарослях да терлись о бахчу, зачитывая друг другу Катулла до изжоги. В те далекие времена я тоже посещал подобные места, бродя по буколическим предместьям Черной Калитвы, и на одном из вечеров поэзии, посвященном творчеству Ардакия Маргодрошенко, я познакомился с Маэда. Так совпало, что мы оба вдрызг упились бежеровкой, а вокруг моргали трезвенники. Мы скоро нашлись, объединились в боевую двойку и стали колошматить поэтов, задирать юбки синим чулком, сабражировать, плевать друг другу в ноздри. Он пригласил меня отведать диких дроздов в заброшенном домике. Утром я обнаружил на своем сеновале, где коротал ночи славного термидора, себя в диком похмелье и рукопись, бережно прикопанную в сено. Мне не понравилась его длинная повесть, которую Маэда упрямо называл романом. Уже название показалось претенциозным: «Ньингма—Гуигнгнм». Произведение выстроено с помощью нескольких несурзных приемов: автор подменяет эпохи, передвигает регионы, не вдаваясь в подробности нового мира, например, он придумывает Россию, страну, сходствующую с окаянной Московией, только переносит ее территорию на место современной Речи Посполитой; произведение изобилует реминисценциями, но в измененной реальности должны же и персоналии быть другими, поэтому автор выводит писателя Дастаевского, напоминающего мучителя нашего и властителя дум — великого чахоточника Нарайона Бондопаддхая. Изменена хронология, в романе царит юлианский календарь, структуру которого Маэда исследовал в архивах УАН, и, как мне показалось, здесь он впал в неоправданный педантизм; кроме того, Маэда поленился прорисовать важные подробности нового мира, где существуют Верхняя Америка и Нижняя Америка с разными цивилизационными программами, на описание которых автор тратит всего несколько строк; возникает ощущение обмана и подлога... так жена смотрит на привычное лицо мужа, не замечая сбритости усов, супруг называет ее невнимательной, равнодушной дрянью и подает на развод, но в это же время они оба выигрывают в лотерею. Меньше всего мне понравилось грубое сочетание откровенной фантастики с вопиющим репортажем: он просто записал невыносимо рокайльным языком события своей жизни, практически ничего не меняя, разве только сблизил отдаленные происшествия. Что еще можно сказать о его произведении? **23.** Это длинная повесть или даже роман о том, как реки промерзают до самого дна, о фигурно сплетенных корнях, о судьбе дождевых капель. Книга о том, как с деревьев отслаивается кора, о путешествиях зерен по ветру. Книга о легких поездах, стремящихся из точки А в точку ? без единого кондуктора и машиниста, о стрелках вокзальных часов, вертящихся как попало, потому что не перед кем выслуживаться. О беззвучных колоколах, об иконах с пустотой вместо святых: трое ушли из-за стола, оставив кубок; иконы пустоты: пальмовые ветви, условные пейзажи, город

в нарисованной дымке позади ступенчатых масляных струев, никем не построенный, необжитый город. В книге описаны его улицы, дворы, площади, парки. В книге царит ясный бессолнечный полдень: звезда растворилась в небе, так что сияет сама синева. Площадь. Огромный циркуль (памятник) не отбрасывает длинной треугольной тени. Безоблачно, безветренно, тепло. Струи фонтана недвижно замерли в воздухе. Было бы тихо, ясно, благостно, если бы маленькие пестрые человечки не отыскивали книгу на полке и не влезли бы под обложку по длинной лесенке из черных прогоревших спичек. Они заполнили город, растопили струи фонтана, подвели часы, установили пункты прибытия отяжелевших поездов. Они стали работать машинистами, кондукторами, пассажирами, основали университет, институт, академию, исследовали речное дно, распутали корни, измерили скорость падения дождевых капель, они принялись звонить в колокола, подмазали святых на образа. Солнце завертелось вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца. Как-то раз даже стемнело и хлынул натуральный дождь. Иностранец закрыл глаза и представил, что это не дождь шумит за окном, а шуршат солнечные лучи. **24.** Нет, мне совсем не понравилась эта вычурная, фрагментарная, галлюциногенная повесть. Мы стали напиваться чаще. И порой вламывались на литературные мероприятия, чтобы раздолбить собравшихся снобов. Несколько раз нас расстреливали снотворными инъекциями, силясь утихомирить. Но вот однажды ему посчастливилось добыть пуговицу и нить. Это не составило труда: старенькие Мамлюдов и Хорожев совсем не следили за своими вещами. Мамлюдов заходил на мероприятия в верхней одежде, потом разоблачался и бросал пальто на какое-нибудь осиновое бревно, а Хорожев запросто вешал пиджак на сучок. Дело встало за рудракшей. В Гандикап Маэда прилетел на мадагаскарском экспресс-таракане, перелет был удивительно легким и занял всего три часа. Приземлившись, он тотчас нырнул в пестрые ручьи городских улиц, где красивые, довольные, неодинаковые люди, бродя, колятся и сигнала, наслаждаются нищетой и бытием, где тактильно чувствуется, как на место выхолощенного юридического пространства заступают космические среды. Стоит ли говорить о развитии обстоятельств? В Гандикапе все происходит в модусе анархических орнаментов, а не логики. Может быть, здесь всем давным-давно надоело заниматься удручающей чепухой? И вот они бросили и больше не занимаются, теперь просто сидят где-нибудь, иногда лежат на земле, довольные и худые. Маэда кое-как протиснулся в дхабу, ведь путь ему преграждала корова, на входе задумавшаяся, стоит ли посещать кафе, слюна с ее морды повисла над подносом с тхали мрачного бородато-безусого муслима в белой курте. Маэда заказал батата ваду, два самоса и халава-ширу. Корове предложили чапати, но та в ответ погрозила рогами, тогда ей полили бока водой, и довольное, охлажденное животное степенно удалилось. Доев огненные яства, Маэда забрался в сумчатую рикшу (помесь кенгуру и велосипеда) и покатил на рынок Чандни Чоук, чтобы там погрузиться в поиски рудракши. **25.** Что выбирают все эти люди, что ищут среди развалов невообразимого? Рухлядь и частицы бывшего, неоднородные предметы, еда, куски поверхностей, ткани, наркотики всех сортов, чаши, боги, оружие, весь мир вообще, сущее в модусе мешанины кишашей. Рикши ждут нового собирателя, чтобы высадить его не по требованию, а черт-те где. Самый тощий рикша отвезет тебя к подходящим ингредиентам. Не зря среди улицы расположились брадобреи, ведь одним требуется свежая щетина для ловли, а другим надо срочно сделать лицо гладким. На щетину хорошо ловится в реке Джамна, поэтому всюду продаются шарики сваленной щечной шерсти, к ним добавляют немного сладости гулаб джамун, — приманка готова. Эта искусственная мушка называется Vidanga Kapila Vati, на нее много всего ловится, если знать рыбные места. Однажды я видел, как садху забросил эту наживку в болотистую речушку Сал неподалеку от Маджорды. Спустя минуту он вытянул из реки стрекоду с сгустком зеленого света.

26. Но Маэда забрасывал не в Сал, ничего похожего на приморские штаты ему не светилося, хотя он превратился в истого колонизатора и теперь носит широкополую белую шляпу вместо тюрбана. Колонизатор бронирует десятки отелей по всей стране, чтобы напомнить о себе сикхам и джайнам, адживикам и последователям Праджнянанды. Он задымляет собой Гималаи, увлажняет собой пустыню Тар, где мозолоногие дромедары и бактрианы плюют солнцу в лицо. Если полюбишь верблюда, то можешь полюбить кого угодно, ведь у него страшно воняет изо рта, гласит местная мудрость. Поэтому верблюды символизируют любовь. Не снимая шляпы, Колонизатор входит в хавели, заказывает ром в храмах Гандикапа. Муравьи в его сахарнице сползаются свастикой, женщина в сари приносит банановую кашу его нездоровой красивой спутнице, которая смеется над заходящим солнцем, над всем неправдоподобно прекрасным пейзажем. Они попали в игрушечный белый городок: его населяют бесхитростные дети, прославляющие бога жизни, повсюду мармеладные алтари, горячие сладости, фруктовая кровь сахаренного мира. **27.** Спутница нашлась на одной из улочек Гандикапа. Маэда увязался за ней, не имея никакой надежды завладеть, но юбка все мелькала, не растворяясь в пестроте окружающего, в добром хаосе, где коровы свободно какают на землю. Здесь шел колонизатор, а юбка мелькала, не терялась. Где-то возле часовой башни, в толчее, показалось ему, что цель заметила преследователя и оглянулась, но нет, почудилось. Подле городского дворца юбка снова мелькнула. Около зоопарка — в нем вольеры пусты, никаких леопардов не видно, зато здоровенные вычурнозадые обезьяны бродят сами по себе, вне ограждений, хвосты завиваются, — юбка мелькнула и здесь, какая-то в черный горошек, светлый подол, тут не водятся такие. А далее, когда опивки муссона брызнули с неба, но ни капельки не спасли от жары и духоты, когда они, цель и преследователь с кокосовым орехом (через трубочку пил молоко), уже приближались к фуникулеру, который поднимает на холм к храму Карни Мата, она, девушка-горошек, вдруг возьми да и оглянись. Резко буркнула, с хитринкой и хрипотцой: а тебе-то чего надо, колонизатор? **28.** Деревья здесь бросают листья круглый год, поэтому говорить об осени бессмысленно. У каждой улицы есть собственный храм и своя молитва. Чтобы попасть в кафе, надо подняться на крышу — оттуда лучше видно, что ты в стране озерных богов, но путь к ним лежит через тайные хавели. Возьми рикшу за шестьдесят рупий, езжай на колокольный звон, зайди в храм черного бога. Ты увидишь, что в колокола бьет электрическая машина. Брахман купил ее на местном рынке. Все будут принимать тебя за шотландца, но ты не будь скотом, говори «Шрулгалала!» даже продавцам чараса и грамофонов. Рикша, жующий слова вместе с кровавой кашей бетеля, предложит джойнт. Когда поймешь, зачем здесь торгуют скафандрами, тотчас возвращайся. Желательно прихватить с собой побольше очаровательных спутниц, но на худой конец довольно будет и одной, а если эта одна Ламбруско, то считай, что тебе крупно повезло. Но кто такая Ламбруско? **29.** Ламбруско была одной из многочисленных жертв заговора надувных шариков: резиновые, сферические, разноцветные объекты, способные держаться в воздухе благодаря гелию, внезапно вошли в моду и распространились по всем праздничным ярмаркам Украины. Это была, конечно, реконструкция древнего культа: в незапамятные времена шары покупали детям, чтобы те ходили с ними, радуясь невесомости и яркости латексного куска мира. Зловредность культа состояла в том, что шары всегда улетали, лопались или постепенно сникали, превращаясь в жалкую тряпочку. Хуже всего на душе ребенка сказывался внезапный хлопок: только что целый мир болтался на ниточке, упруго натянутый, скрипящий под пальцами, но — бах! — и все, нет ни мира, ни прекрасного вакуума, в который не влетит муха, не зайдет муравей. Зеленый шарик Ламбруско лопнул в тот миг, когда она задумалась о выражении лица буквы «Е», о том, что эта буква, должно быть, много болела в детстве. После перенесенно-го удара Ламбруско полгода не могла какать без помощи клизмы и часто произносила

«е» без повода. **30.** Вспоминать ли ее детство, ее отца, патриота и подагрика, сосавшего грушевые леденцы да имбирное пиво? Он полжизни работал ночным швартовщиком, привязывал плавсредства к берегам и набережным, но всегда хотел бросить работу, потопить все суда в реках и морях, порвать все канаты на земле, все бельевые веревки обрезать. Когда отец купался в железном корыте, он всегда топил игрушечные кораблики: лодка из половинки подгнившего яблока, мачта с ветрилом из шила и детских трусиков Ламбруско. Папа дул в паруса, но корабль скоропостижно тонул. **31.** Вспоминать ли ее игры? Существуют очень мрачные детские игры. Речь идет не о шуточной молитве пугалу, когда ребята собираются на огороде и учиняют что-то вроде черной мессы; и даже злонамеренное хулиганство, как, например, подпиленная старушечья клюка, не касается того, о чем я толкую. Есть очень темные игры, когда дети сами не знают, чем они занимаются, хотя никто не заподозрил бы неладного, застав их за этими делами. В другой раз ребята разденутся в чулане и будут изучать анатомию, подсвечивая спичками, но это-то как раз чепуха. Зловещие игры похожи на странную инженерию, действия затрагивают пространство и время в их глубинных структурах. Во время подобных игр решается судьба вовлеченных, и лица игроков мрачны или просто серьезные. Они перекалдывают предметы с места на место, отмеряют что-то шагами, отмечают ладонями участки на стене. Мальчик набирает воду в стакан, идет на порог и выплевывает ее; спросите его, зачем он это сделал, — он не найдет ответа, пожмет плечами, а ведь это был именно тот стакан слез, который однажды прольет взрослый мужчина в самые печальные дни своей жизни. На несусветных огородах, в неожиданных парках, на задворках с чертополохом стоят друзья по злосчастью, но как только ритуал свершится — они разбредутся, чтобы больше никогда не сходить ни здесь, ни там, ни за ржавыми гаражами, да и вообще... А некоторые играют в одиночку, как, например, маленькая Ламбруско, которая прячет карту неизвестной местности под матрасом в своей васильково-василисковой постели, уже не лишенной секретов. Что там начертано? Круги да линии. А зачем же море, склеенное из воробьиных перьев, омывает материк, накапанный сырным воском? И булавка воткнута в жирный крест, поставленный на месте того самого т а м, где однажды Ламбруско предстоит утратить веру в чужую одушевленность: так глыба снежная падает с крыши зимней ночью, пугая задремавшую в подвале мышь. Только необратимо и губельно та глыба рухнет, завалив накрепко наивную веру. Но пока что — глыбам спать, птицам — греться в ночных барах под стойками, кошкам — окунать когти в мех января, мышам — почивать, а Ламбруско — чертить карту и крестики ставить. **32.** Вплоть до того времени, когда вдруг нежданно-негаданно, как снег на голову, как черт из коробочки, не подоспеет перемена: весной отец купил ей велосипед марки «Джеймс Старли». Ламбруско тотчас позабыла карту и восседала теперь на здоровенном колесе и была Гелиосом на огненной колеснице, и средоточие жара находилось в изогнутом седле, спрятанном под колоколом юбки. Катилась под гору, не переставая педали крутить, и глотала крупные комья воздуха, и глотала птиц, и птицы вылетали снизу, из-под юбки, путаясь в подоле, и что-то вдруг откупоривалось там, пенилось — это довольная Ламбруско становилась игривым. Затем подолгу сидела у ручья, наблюдая, как подрагивает папоротник на ветру, как плющ обвиняет ракиту. А на другом конце земли расцветал кардамон. Путаясь в паутине, ломая ветки, проваливаясь в чернозем, пробежать по бревнам через ручей, сквозь заросли бешеного огурца и хмеля, чтобы затем сбросить шляпку, оседлать железного любовника и пойти на дно, где моллюски величиною с ладонь чертят в песке пентаграммы. Колесить по дну, распугивая неловких раков и ярких рыб. Акварель висит на условной стене в условной прихожей: сквозь рябь и дымку зелени проступают черты наездницы, и большое колесо велосипеда, и волосы, водорослями всплывшие вверх, и юбка, медуза колеблемая, и заднее колесо, грозящее раздавить прудовика, выстрочившего зрячие

рога свои. Видеть, как из ближних кустов с осторожным шумом взлетает цапля и растворяется в тумане, видеть угольные холмы, каменистую лесостепь и горелую корягу, слышать дальше кукареку и плеск ручья, где стеклянная щука глотает мальков, где купаются красные птицы. А в дождь? Как она любила кататься в дождь без исподнего: можно промочить сиденье и оросить колесо, приветственно помахая рукой целлофановому почтальону, а потом выкупаться в реке, не снимая платья. Беглецы дождя весело улепетывают, бросая до нитки промокшей Ламбруско изумленные приветствия, и не подозревают они, что по коленям и лодыжкам у нее текут удивительно теплые струи. А когда начнется всамделишный ливень с горячим градом, Ламбруско спрячется под собственным деревом: одинокое, в центре необъятного луга оно стоит, ожидая своей грозовой молнии. **33.** Все мы родом из Черной Калитвы, у каждого есть свое дерево, один поклоняется груше, другой тополю, есть соснопоклонники. Мы вгрызаемся в землю — как в память — и в память — как в землю, мы обнимаем толстый корень и прислушиваемся, как по нему, словно по водопроводной артерии, струится лимфа нашего общего детства, как внутри этой трубы носятся говорящие мыши да вкрадчивые падальщики всего забытого, розовые от удовольствия: стоит поймать одного, надрезать — и в лицо брызнет осенний цвет дикого винограда, по всей Черной Калитве побегут солнечные зайчики, а за рекою повиснет сизая туча; и снова Ламбруско промокнет дождем, и припозднившейся почтальон опять помашет ей протезом, а кто-то другой спрячется в моей роще: там нет места падальщикам, там земля всегда пахнет чаем, а в шишках ольхи хоронятся голубые ящерицы. Там стеклянные жуки пахнут сандалом. **34.** Есть у меня роща в одиннадцать стволов, где беспрерывно блестит ночь и моргают в кронах нервные звезды. Одиннадцать стволов трутся о тьму, не пропуская ни капли дня. Здесь можно пить виски «Black Label» с четырьмя женами, слушать стук дятла, созерцать цветы селенотропа, угощаться лунными плодами, что растут на ветвях и вскрикивают от надкуса. А когда вне рощи моей настает ночь, это называется тьмой внешней. И есть еще дупла в деревьях, где прячется третья ночь, темнее внешнего и внутреннего мрака, темнее зрачков четырех жен. **35.** О первых трех и говорить нечего, умницы, синие чулки, фотомодели, длинноногие псевдомонголоидки с натуральными светлыми волосами, стервы и лапочки, каждая пользуется ароматизатором кишечных газов, а вот Ламбруско стоит выделить жирным, курсивом и подчеркнуть. Ведь недаром вождь мирового пролетариата выбрал ее в качестве своей жертвы. Говорят, что в подземелье Украинского Кремля есть тайная комната с нижней половиной дедушки Л. Как известно, в мавзолее на площади выставлено далеко не все тело. Кое-кто утверждает, что к настоящему времени уцелело только 10 % дедушки, все сгнило, кроме рук и головы; другие уверяют, что в мавзолее нет паха и ног, которые доступны избранным депутатам верховной рады и самому Арнольфини: он один удостоен чести ублажать низ вождя мирового пролетариата. Согласно еще одной версии, нижняя часть дедушки Л. невидима, но зато может ходить и даже быстро бегать. Именно так: вождь народов частично улизнул от публичности, удрал от лебезящих депутатов и глубокой президентской глотки Арнольфини. Теперь носится по столицам, нападает на хорошеньких бабенок, задирает им подолы, стягивает трусики и вероломно брюхатит среди улицы. Невидимый, похотливый, свободолюбивый дедушка Л. снизу¹. Когда Ламбруско была подростком, она поехала на экскурсию в Гуингнм. И там ее изнасиловала невидимая часть вождя. Но ей удалось избежать беременности, так как низ дедушки кончил ей в глаз. Поэтому один зрачок у Ламбруско был в форме пятиконечной звезды. **36.** Из всех моих жен одна только Ламбруско интересовалась ловлей нахлыстом, остальные, как только заходила речь

¹ Есть тайная версия: дедушка Л. познал буддийскую пустоту и почти ушел в нирвану, но дхармовое тело его было слегка повреждено оккультными пулями Шри Дэви Каплан, поэтому вождь достиг просветления наполовину.

об искусственных мушках, тотчас надевали хиджабы и улепетывали. Нас познакомил Маэда, когда я вернулся из Вифинии. Я сразу заметил, что она весьма недурственна. Ламбруско стала расспрашивать о поездке, много ли я там заработал. Я отвечал уклончиво, потому что вернулся ни с чем. Впрочем, оправдывался я, все воротились несолоно хлебавши, а дело в том, что претор наш оказался свинья свиной. Но Ламбруско была уверена, что я, во всяком случае, добыл там людей для носилок. Я решил прихвастнуть и сказал, что это само собой, здесь, конечно, мне повезло больше: добыл я полдюжины здоровенных мужиков, чтоб таскали мою ветхую койку. А Ламбруско взялась меня упрощать: одолжи, говорит, мне своих мужиков, дескать, добраться надо в райцентр к гурудваре. Пришлось увилить: мужики, говорю, и не мои, а приятеля, но как бы мои, потому что пользуюсь вроде как своими... поди ты, говорю, к черту, нельзя уж и помечтать. С трудом от нее отбоярился. **37.** Вскоре выяснилось, что у Ламбруско маленький ротик, совсем крохотный, как у японских девочек. Да еще и свернутая челюсть — внешне это никак не проявлялось, личико у нее ровное было, не скособоченное вовсе, но с крупной морковью, сигарами и тому подобным она справлялась нелегко: приходилось ей слегка вывертывать челюсть, щелкать ею, чтобы та отворилась как надо. Ее ротик сам собой не раскрывался достаточно широко, но — щелк! — и Ламбруско готова принять морковку. Устраняя поломку, она каждый раз смущалась и отворачивалась. Работоспособным рот ее бывал не дольше минуты, потом снова приходилось налаживать². Меня это даже веселило, ведь я и сам разбитый, склеенный кое-как, лишь с виду цельный и прямой, а внутри запаянный, перевязанный, нескладный. **38.** Ламбруско собирала всякие редкости, например, была у нее коллекция открыток с видами небесных полос. Это необычное явление доисторических времен до сих пор привлекает многих своей поэтичностью: полосы, разрезающие небо, разной ширины и густоты, совсем тонкие полосы-нити, толстые дымные черви, перекрещенные и параллельные. Что это? Первые исследователи говорили об искусственных облаках, созданных древними аграриями, но потом все поняли, что полосы принадлежат двигателям реактивных самолетов, существовавших не дольше трех столетий. В наше время трудно представить, что технологии могут сочетаться с поэтичностью, что воздушное транспортное средство способно порождать целые орнаментальные миры и гадательные техники. Ведь по линиям предсказывали будущее, прогнозировали погоду, предвещали войну. Эрнст Судзуки утверждает, что жрецы небесных линий занимали руководящие посты в обеих империях в период Двуглавого конфликта. Недаром словесная поэзия и живопись тех времен отличаются скудостью: история знает великие эпохи, когда искусства сливаются с жизнью. **39.** Ламбруско подарила эти открытки Маэда, чтобы хоть как-то утешить его. Когда она ушла ко мне, Маэда, как любой порядочный сабражист, не подал виду, мы продолжали буйствовать сообща, теперь уже втроем, и славить Катулла, но вскоре мой друг вступил в секту созерцателей розовых облаков и до неузнаваемости переменялся. Созерцатели розовых облаков стоят на поросшей травами равнине, запрокинув головы, касаются друг друга длинными распущенными волосами, когда тому благоволит ветер — это называется «церковным общением». После захода солнца самые благоразумные из них откупоривают бутылки розового вина, достают бокалы и землянику. Они, конечно, не пьют, но просто смотрят сквозь стекло. Ягода в вине олицетворяет солнце. Потом кто-нибудь пьянящей обильной слюной плюет в лицо ближнему своему или разбивает бутылку о голову. И тогда начинается «Час гнева»: созерцатели раздирают одежду, вырывают клочьями траву и волосы, избивают локтями землю. Затем они расходятся: мрачные, опустошенные, чтобы встретиться снова на этой большой равнине. Может быть, через неделю, если субботний вечер будет достаточно облачным... **40.** Может быть, не созерцательные практики сделали Маэда неразговор-

² Ламбруско утверждала, что челюсть ей сломал дедушка L., обладатель чудовищного прибора.

чивым, серьезным и притихшим. Он даже поэтов теперь избивал без энтузиазма, но более озлобленно, все норовил вдарить в пах или под дых. Вопреки этой тяжелой перемене его характера, мы не расставались, совсем наоборот: наше трио еще больше сплотилось, и Ламбуско была красной королевой между черных королей. Каждый из нас осознавал свою роль господина и каждый понимал, что господа объединяются очень редко. Мы не соревновались, но действовали заодно, как-то по-товарищески, ничуть не завидуя и не гордясь. Вероятно, мы не были господами друг для друга, но господствовали над теми, кто предлагал нам тепло и хлеб. В Черной Калитве мы переходили из дома работницы в дом рабочего, мы гостили у садоводов, у швартовщиков и редакторов, обходя стороной беззаботных театралов и пропадающих; мы сеяли раздор и смуту, учиняли поломки. Как же мы любили разрушать убогий быт этих бесхитростных людей, которые давали нам все: пищу, кров, постель. Ненароком смахнуть со стола чашку, такую дешевую калеку, но ценную для хозяев, а потом исподволь наблюдать, как они душат свое накотившее негодование, или жечь попусту свет в комнатах, лить воду ночь напролет — таковы были наши любимые развлечения. И люди терпели, питая уважение к нашей беззаботной праздности, они работали с утра до вечера, всегда испытывавая нужду. Пускай хлеба имелось вдоволь, но так уж повелось испокон веков, так жили многие поколения: они трудились, чтобы захватить кусочек свободы, страшась вновь стать ленивыми животными леса. Кладовые ломались от яств, но голод не проходил: оккупированные ломкими вещами, человечки недовольно копошились в подручном. Они работали, чтобы поддерживать свои контуры, боясь превратиться в то аморфное нечто, которому они были так опасно родственны. Одно за другим перелистывались поколения, мужчины и женщины, усердно трудящиеся, рождались, завидовали, умирали, но раз в двести лет являлся обратный человек: он с детства интересовался крошечком и дребезгом, он портил предметы, растрачивал припасы. Как правило, родители быстро разгадывали, с кем имеют дело, и с достоинством принимали священный жребий. Почему они всю жизнь задыхались в работе, перед кем трепетали они? А вот перед ним, родившимся: он представлял здесь от лица страха; окруженный рабами, он господствовал исконно. Почему его терпели? Потому что понимали: только благодаря праздному господину они карабкаются вверх — в страхе перед ним, в надежде, что когда-нибудь смогут уподобиться господину. Конечно, они втайне желали тирана свергнуть, но боялись в этом признаться даже собственным ресницам. Ведь только лицо господина заставляло их стараться, только благодаря господину они не превращались в стадо самодовольных зверей. Они копили-берегли, он — растрачивал-истреблял, тем самым одаривая их жизни смыслом. Его госпожа — смерть, созидаящая все возвышенное. Если начиналась гроза, он радовался, если буря ломала деревья, он ликовал, он кромсал шторы на тонкие полоски, он мастерил из говяжьих вырезок мясные галстуки и наполнял сливные бачки сортиров глазными каплями. **41.** Будучи господином, нахлыстовиком и даже сабражистом, время от времени Маэда вел себя недостойно и грешновато, скажем, заимел привычку избивать поэтесс. Ни я, ни Ламбуско — мы не одобряли подобные практики. Однажды он с разбегу вмазал между ног лауреатке премии Ардакия Маргродроченко. Она, премированная, весьма гордилась печатью поэтической признанности, красовавшейся на тощих ягодицах лица. Хотя лауреатка была давно и несчастно влюблена в Маэда, он ее терпеть не мог за бледную немочь слога. И вдарил ей ногой в пах. Поэтесса тотчас потеряла сознание, а Маэда расстреляли снотворными инъекциями да поволокли в отделение хуторской полиции, где продержали тринадцать суток, потом высекли розгами на выгоне. Так мой друг растрачивал себя на всякую падаль, и порой мне казалось, что ему невозможно помочь. Но как-то раз, просматривая свои немногочисленные вещички, желая найти курительную трубку и полипропиленовый жгутик № 1232 для новой искусственной мушки, он вдруг наткнулся на ксилогра-

вюру, давно прозябавшую в пыли: Маэда Тосииэ все еще скакал на коняге и был с копьем, а на копье — головы. Видать, я тоже стал головы нанизывать, подумал Маэда, тотчас вспомнив голову жены главного редактора маргинального литературного журнальчика «Наполнитель»: в прошлую пятницу эта голова дрыгалась и хлюпала у него между ног не меньше получаса, в то время как муж-редактор валялся у ручья, избитый и пьяный, а рядом ползала его двухлетняя дочка. Сверху на субтильное копье нанизалась премированная голова влюбленной поэтессы. Какой ужас! — воскликнул Маэда и пошел заваривать воробьиные язычки. **42.** Пока этот прирожденный головорез давился раскаянием, я всерьез вознамерился стать профессиональным нахлыстовиком. Но догадывался, что не так-то просто получить посвящение в подмастерья. Маэда, узнав о моем решении, принялся отговаривать, но вскоре согласился написать рекомендательное письмо Инститорику. Заполучив желанную бумажку с подписью и личной печатью подмастерья Маэда, я примчался в Гуингнм. Как раз намечались выборы суверена Великой Украинской Империи. На деревьях развесили портреты единственного и самоочевидного кандидата — Арнольфини. Рожа вождя украшала (временная татуировка) лбы мальчишеские, а на ягодицах семиклассниц (штанишки с вырезом) красовались предвыборные мотто: «Арнольфини. It's just me». Когда я пришел по адресу Первой Ложи Великого Нахлыста Украины, меня не пустили внутрь (членистоногое здание с несовершеннолетними похотливыми кариатидами, которые истекали месячной кровью и краснели от стыда), но рекомендацию взяли, велел подождать на улице у входа. Затем ко мне вышел человек в маске добермана, прошептал на ухо адрес и ретировался. Что мне оставалось делать? Когда приходиться по адресу — этого мне не сказали, поэтому я тотчас направился в означенное место. Там располагался обыкновенный государственный банк. На входе меня встретили два ливрейных лакея и сопроводили в подсобное помещение, где, сидя на курульном стуле, уже скучал Инститорику: гладковыбритый мужчина в розовом фартуке с желтыми свастиками. Инститорику перво-наперво снял с меня мерки, словно портной, приказал встать на весы, поинтересовался, обрезан ли я и вырезан ли у меня аппендицит. Оценивая данные, он устало вздыхал и танцевал бровями, а потом, выписывая рецепт, сказал: «Ну ладно, нах, станете оглашенным. Три месяца поползаете, нах, собирателем³, затем попробуете связать „Сухую Ведьму“. Уверен, что со специальной литературой вы знакомы». Я стал перечислять классические труды по нахлысту. Инститорику ехидно скорчился. Неподалеку стоял ломберный столик, но я заметил его только теперь, когда на него указал Инститорику, он заявил, что в моем распоряжении пять минут. На столике была разложена всячина. Я сразу понял, чего Инститорику от меня хочет. **43.** Подойдя ближе к столику, я увидел следующие предметы: тюбик зубной пасты, ключ, спичечный коробок, расческу, пульверизатор, наручные часы, костяные бусы, линейку, молоточек, очки, намордник, брусок лыжной мази, карандаш, вилку и несколько катушек полипропиленовых жгутиков разной нумерации. Я принялся ощупывать предметы, вертеть их в руках, палпировать, нюхать и подносить к ушам, чтобы вслушаться в тайную жизнь каждой вещи. Был полдень, подсобка банка освещалась огромными светлячками, я не мог правильно определить влажность воздуха, но температуру по Цельсию установил довольно точно. Оставалось две минуты до конца экзамена. Я схватил зубную пасту, выдавил немного на линейку, сверху положил расческу, на которую нанес лыжную мазь, и крепко связал полученную смычку жгутиком № 200. Затем я бросил мушку на пол в двух метрах от

³ Сбиратель шупает окраины деревень, обследует безлюдные хутора. Он заходит в сарай, изучает мастерские, где напильники-молотки-рубанки образуют орнаментальные смычки. Сбиратель ночует на чердаках заброшенных домов, а на рассвете гадает по ячейкам в осиных гнездах. Из каждого дома он забирает одну вещь. Собрав десять предметов, он идет к реке, чтобы поместить находки на линии стыка воды и песчаного берега.

себя. Работники и работницы непрерывно входили и выходили из подсобного помещения, маячили туда-сюда, не обращая на нас внимания, открывали ящички, запертые на сколопендровые замки: стоит неправильно набрать код, и получишь ожог и полный зашиворот многоножек. Одна достаточно пышная работница заметила мушку и нагнулась поднять, причем так неловко, что слишком узкая юбка задралась, обнажив подвязку над чулком. Что-то хрустнуло — это разошелся шов на юбке сбоку, а потом новый предмет брякнулся на пол, он выпал из промежности работницы. Это был ароматизатор кишечных газов. Такое случается, когда сфинктер ослаблен аномальной эксплуатацией. Барышня распрямилась. В одной руке она держала мою мушку, в другой — ароматизатор. А вместо лица у нее было такое, что я чуть в штаны не наложил. Так или не так, но теряя сознание, я чувствовал радость, ведь был уверен, что экзамен сдал успешно. Впереди меня ждал сезон собирательства, из-за которого я отвлекся от любви и отдалился от Ламбруско. **44.** Ведь Любовь — это совокупность элементов, разнородная множественность. Нельзя любить человека, можно пребывать среди тайного собрания вещей, внутри исключительной коллекции обстоятельств, где каждая мелочь имеет значение. Поэтому любовь оказывается такой хрупкой и недолговечной штуковиной. Мушка держится некоторое время, а затем распадается, магия чахнет. И вдруг ты замечаешь дыры в холсте, коллаж разваливается в руках. Любовь — это вид искусственной мушки, один типаж совокупности среди многих. Есть совокупность отчаяния, встречаются замысловатые, неопределенные спайки, но существует еще высшая мушка, окончательное собрание. Зачастую люди довольствуются простыми соединениями: книга-кофе-сигареты, вино-женщина-ночь, солнце-море-отпуск, намордник-стробоскоп-гребля. Есть общедоступные усложненные мушки: вечер-дождь-деревня-мокрые-цветы, друг-философия-новыйпиджак-город, путешествие-молодость-чистаясовесть. Нет конца союзам вещей и обстоятельств: они рождаются, источают свет, ссорятся и расходятся, среди них встречаются воистину великолепные шедевры, тончайшие произведения, но только одна, высшая, мушка никогда не разваливается, в ее центре стоит алмаз, который обеспечивает постоянство этой крепкой спайки, единосущной и неслиянной. Сложнейшие мушки стоят ближе к центру, общедоступные бесконечно удалены от него, но даже они обязаны центру малым величием и временным бытием. Если бы все периферийные мушки не распались, то не было бы шанса достичь центра, который состоит из нескольких ингредиентов и кусочка смерти. Любимые совокупности элементов опасны тем, что создают иллюзию постоянства, привязывают к себе, отвлекая Собирателя от поиска центральной спайки по имени Хрил Мрил Шрун. Поэтому, несмотря на всю замечательность и превосходство отдельных соединений, следует видеть в них только отблеск Центра, лишь ответ Хрил Мрил Шрун. А как же отец? Если бы не было памяти, то не было бы чувства, но память — это набор. Вот отец курит морковный табак, вот листает альбом художника, вот он дремлет в кресле, вот что-то тихо говорит. А вдруг отец сойдет с ума⁴, изменится до неузнаваемости, станет вырезать саблей иероглифы на боках скаковых коней, а внешность его погибнет в уличной трагедии, например, асфальтовый каток нечаянно раздавит нос и губы?.. **45.** Отец или не отец, каток или лоток, нечаянно или нарочно, скаковые кони или просто пони, но вскоре, немного стряхнув с себя пыль собирательства, я заметил, что Ламбруско все больше времени проводит с Маэда. Она стала редким гостем на моем сеновале, и в роще моей уже

⁴ Или не вовремя делает скачок с переворотом. С большинством людей это происходит случайно: вдруг девяностолетний старик становится капризным и бойким, словно ему девять лет, а дело в том, что перевернулись цифры возраста: было 90, стало 09. Хуже всего, когда скачок с переворотом нечаянно совершает двадцатидевятилетний человек — все, теперь он в душе девяностодвухлетний дед. В тридцать один год можно перевернуться в тринадцатилетний возраст, а в тридцать пять вдруг стать пятидесятирехлетним. Врачи-геронтологи рекомендуют делать скачок с переворотом в 52 года.

давно не было слышно ее песен и смеха. Я слонялся один по Черной Калитве, боясь встретить их вместе. Одолевала ли меня ревность? Во всяком случае, я не хотел допытывать Маэда. Мы продолжали встречаться втроем, но исключительно для практики нахлыста. Маэда совсем опустил в последнее время: перестал носить жилеты, увлекся книгами Ильенко и атональной музыкой, бросил созерцателей розовых облаков, ибо цвета и формы его теперь не впечатляли. Он стал придерживаться еретического учения, согласно которому ничего не надо делать, даже практиковать нахлыст, ведь постепенно все вещи мира сами соединятся в искусственные мушки. Однажды мой друг сказал, что пропадающие — это просто-напросто отребье, воры и убийцы, они прячутся в лесах от правосудия... и ничего в них романтического нет. Он перестал ходить в мою рошу, заявив, что если в ней и водится какая-то тьма, то это тьма комарья и гнуса. Что касается небесных линий, говорил Маэда, то это просто следы от летающих машин, в которых ничего особенного не было, такие же мадагаскарские тараканы и попугайчики, скорее всего, только железные. Дни напролет он сидел один в обширном погребке, трескал соленые томаты да стучал молотком по сковородке. От нечего делать он завел собак и теперь выбирался на свет лишь для того, чтобы покормить собственными глистами двух ларс фон терьеров. Иногда к нему в погреб спускалась белобрысая Ламбруско. **46.** Погребное ли затворничество Маэда, или что-то иное подтолкнуло нас троих к экспериментам? До сих пор, удя на блондинку, мы практиковали только сухой метод нахлыста, оставляли приманку на суше: на дороге, на крыльце, у колодца, на поляне, на лугу, в погребке, в чулане, в конуре и т. д. А теперь, посоветовавшись втроем, решили попробовать мокрый нахлыст — забросить Ламбруско в реку, привязав к ней кое-какие ингредиенты. Эта искусственная мушка называется «Влажная Ведьма», ее изобрел магистр Инститорис. На «Влажную Ведьму» следует ловить в предзакатные часы в илстых заводях. Главная часть мушки — блондинка. Ей надо вставить в рот баклажан, крепко связать запястья и лодыжки урановым жгутиком № 1000 (этот жгутик нелегко достать, но вы можете заказать его прямо в издательстве, доставка бесплатная), перед забросом необходимо вложить девушке в одно из свободных естественных отверстий несколько рупий или две-три микронезийских кроны. Бросать в воду эту искусственную мушку следует аккуратно, не создавая слишком большой плеск. «Мокрая ведьма» хорошо подойдет и для зимней рыбалки, но тогда рыбакам понадобится прорубь в форме неравнобедренного треугольника. Если девушка участвует в нахлысте принудительно, то придется вколоть ей небольшую дозу морфия. Инститорис вылавливал на такую приманку невероятные диковины. **47.** Морфий нам не понадобился, Ламбруско была в восторге от этой затеи, но возникли сложности с баклажаном: она долго не могла держать рот широко открытым, челюсть у нее была сломана, то и дело приходилось ей рот налаживать — щелк! И корка снега, пока мы пробирались к треугольной проруби, хрустела под нашим шестиногим сходственно: щелк-щелк, ведь был такой ужасный холод, что даже голуби заледеневали в полете, падали и разбивались вдребезги о задубевшую почву, стоит ли говорить о плевках? Можно было слюной выбить кому-нибудь глаз. Пурга, метель, сугробы — есть где спрятаться пропадающим, и только разноцветные помпоны их шапок мелькали во вьюжном хаосе плювиоза то здесь, то там. А театралы, воздвигнув колоссальную ледяную сцену, сидели на ней в пышных шубах, под которыми не было исподнего. Шубы иногда распахивали — этим ограничивалось действие минималистского спектакля. Театралы лишились зрителей: кому охота мерзнуть, чтобы поглядеть на синюшное тельце? Созерцатели розовых облаков угрюмо постились, скрывшись в теплых норах. Зима старалась чрезмерно: так много белого, что кажется, вот-вот появится оккультная снегурочка, принцесса минусовых температур, дама с красивыми пальцами. Зимняя страсть горячее. Вот и Ламбруско была горяча и прятала свои нежные ладони в широких карманах наших пальто.

Нахлыстовики, собиратели, сабражисты, господа всегда носят пальто со здоровенными карманами, ведь есть что складывать. Так почему бы не сложить там свою руку с рукой прекрасной дамки? Правую она предоставила мне, левую — Маэда. И так шла, окунув свои длани в карманную теплоту и тесноту. Приятно. **48.** Мы ее связали быстро, Маэда предоставил мне право положить несколько рупий внутрь. От холода плоть Ламбруско уже синела, красные пятна появились в тех местах, куда попадал снег. А холодной воды она не боялась. Загодя мы вывернули ей челюсть, немножко ее доломали, чтобы баклажан входил прочно. Шутки ради Ламбруско на бедре вытатуировала Щелкунчика; я разгадал, что Маэда тоже видит картинку впервые, а Маэда понял, что я удивлен не меньше его — это сблизило нас. Связанная обнаженная Ламбруско ничего не могла нам сказать (баклажан мешался), но звучно моргала. Вьюга немного успокоилась, и мы отчетливо слышали, как пощелкивают веки — еще одна особенность ее. Бывало, когда я лежал с ней на одной подушке, прижавшись лицом к ее щеке, то знал наверняка, что Ламбруско не спит, моргает. Мы вместе с ней смеялись над этими щелчками. А теперь выяснилось, что подмастерье Маэда тоже с ними знаком. Сидя на краю проруби, она стала моргать сильнее, рьяно, похоже, хотела рассмеяться, но не могла, конечно. Мы закрыли глаза и некоторое время слушали, а потом одновременно толкнули ее. Ламбруско пошла спиной вперед, последними погрузились ноги с накрашенными ноготками. Нахлыстовики стали ждать, но ничего не произошло. Глуповатый темный треугольник указывал длинным углом на Запад, может быть, из-за этого сорвалась? **49.** Когда Ламбруско пропала, мы, осиротелые черные короли, осознали, что втроем с ней образовывали искусственную мушку, на которую ох как хорошо ловилось. Всякая невидальщина, орнаментированная веселым голубым снегом и молодостью незаспанных утр, даром отдавалась нам — как завидная красotka обаятельному вертопраху. Вся наша тоска и мученья наши были жиром земли, а самые гадкие разочарования тех дней теперь казались редкостными авантюрами в зеленодымной сказке. Порой мы думали, что прозябаем в скуке, а ведь на самом деле вальсировали. Мы смеялись и безобразничали в этих маковых полях. И — видит бОг — ни разу не подумали о том, что можно переспать втроем. Нет, мы были чистыми — как стиранные простыни бабушки Параша. А почему они такие необычно чистые? Да потому, что Параша использует стиральное дупло в дубовом лесу: специальный барабан, встроенный в древесную дыру, прополаскивает белье вперемешку с желудями. Не стесняйтесь, заказывайте дуб со стиральным дуплом прямо сейчас и получите в подарок пакетик отбеливающих желудей. **50.** Через несколько месяцев после той злополучной зимней рыбалки Маэда уехал в Магритт, где поступил в университет на факультет метаматериаловедения и стал изучать усталостное разрушение и кристаллическое мортидо. Поговаривали, что он пытался организовать нерегулярную нахлыстовую ложу — с лишними градусами посвящения и запрещенными горячими мушками; какая-то ересь. Регулярный классический нахлыст ему обрыднул, впрочем, как и мне. Я взялся постигать йогачару в Богучаре, куда меня случайно забросила Ананке, но это, дружок, уже совсем иная повесть. **51.** Так или не так, но в Калитве нашей по-прежнему и по-будущему, как и во все времена, нервничал день и клялся, что бросит освещать предметы и вещи, перестанет бликовать на стенах, уволит солнечных зайчиков, лишит кроны ветряного шума, изведет облака и крики детей в полдневной дымке отменит. Дню надоело, если не сказать — опротивело, день решил прогнать всех млеющих кошек в темноту, очернить себя, оклеветать сумраком, и буквы скрыть и слова. И все бы ничего, все бы продолжалось, цаплям бы леталось, каплям бы падалось, смеркались бы струи строк на исходе каждой страницы, а на новой опять бы вызвездывался текст — и так вплоть до пьяной, завалившейся набок восьмерки, но писателю надоело створаживать язык, захлебываться тягучим киселем лакомой речи, спаривать память с вымыслом. Писатель поплыл ужинать, ведь ужинать надлежит рано,

когда нет mosкитов, и только в лодке. Ужин вне лодки дурно усваивается — к этому выводу пришли полинезийские ученые, исследуя сычужный фермент человека. Лодка нормализует состав соляной кислоты желудочного сока. В лодочной среде сычужный фермент относительно стабилен, вне лодки он теряет активность. **25.** Поэтому, когда день покажет спину, отправляйся через пустырь: там свистят байбаки, там коровяк-верба-скум да крикливый чертополох стоймя стоят, а все прочее разнотравье с тимьяном во главе стелется мильфлером. Через пустырь да луговую брешь — к роднику в ольховой роще. Здесь набери воды, но не задерживайся, минуй овец шумное стадо и пастухов, рассевшихся в тени деревьев. Следуй мимо питомника, где разводят библис гигантский. Остерегайся закругленных тропинок, не блуди тут, к черту! — не то попадешься копытному плясуну — запугает. Держись левее, отслеживай каждую пятую ракету и сворачивай вкось, а как минуешь десять ракет, беги в лес, там пауки да лисы. Выйдешь вскоре на песчаннейший берег, чистый до необычности. Повсюду река давно зашестинилась прибрежной травой, а здесь такая дюна райская. Вались в песок, но гляди не сварись, а лучше прыгай в лодку. Ключ от замка, как повелось, найдешь в песочном замке: раскрой ракушечную створку. День уже клонится, как любовница, холмы — это бедра дня, они движутся, а лодка стоит. И надо признаться, стоит на какой-то непонятной сущности. Слово из четырех букв ни о чем не сообщает: можно быть на поверхности этого, можно заполнить им свое нутро, а можно и вовсе наполнить его собой. На чем же покоится лодка? Двигутся деревья и ползут холмы, а ты поместил доску на борта и разложил на ней снесь да горелку, чайник да голубую голову сыра, дюже ароматного, как подмышка Столяра Бесина. Нюхал ли ты подмышку столяра Бесина? Если нет, вслушайся в запах сего благородного пищевого продукта — так примерно должна пахнуть подмышка и стопа столяра, ошеломительный сыр! Вовсе нет течения — река лилась, но застыла, струилась, но вдруг остановилась, а холмы ползут себе, черные угольные холмы, как набитые щеки негроидного норвежца, который пережевывает печеного крота. Холмы неактивированного угля — залежи. На холмах растут вкусные груши, но лень пришвартовывать лодку. Неспешно ужинай в своем челноке, беззаботно: ни чайка, ни сапсан, ни путто не спикируют, не уступят сырной страсти, а будут парить высоко над черными холмами, завидуя тебе, поглотителю. Никуда не плыви, пускай плывут холмы, берега да плакучие ивы, тихо скорбящие, а поднимется ветер — они в истерике, ивный припадок: плашмя бить плетью по воде. Как увидишь рыбаков, позови к себе берег незамедлительно, пускай придвинется ближе, вплотную. Присмотрись к удильщикам: один из них деревянный, отверти ему голову, как лампочку, запусти руку в полое туловище, найдешь там опилки, лимонную карамель, иглы дикобраза и шляпные ленты, но будь осторожен! — в деревянных рыбаках водятся хищные гржвгпдргчины, могут укусить, и заболеешь чесом. Мармеладный глаз деревянного рыбака и кусочек смерти насади на иглу дикобраза, привяжи красную ленту. Получится мушка под названием «Почти что Хрил Мрил Шрун» — забрасывай! Можно выловить ресницу бОга, скрытую страницу этой повести или несколько счастливых лет жизни.

*Фрюктидор — фример
2148 г. эры Свободы Израиля
Раджастхан*

Григорий ЗИНГЕР

* * *

имеющий ухо
да слышит
что дух говорит церквам
имеющий паблик
да не устрашится
интеллектуальной кражи
мне прошлым даровано свыше
послание из ЦК
я внемлю охрипшему голосу жизни
из клумбы за эрмитажем
культура страданий
на нервной почве
взывает
посторонись
соловьи в полицейских губах свистят
безразличие многолико
за постмодернизмом
следует точно такой же
постпостмодернизм
а за ним
десять лет спустя
будет выпущен
стремный приквел

в госдуме
на чаши весов
возложат
наши легкие
печени
и носы
осмотрев которые
главный врач
всем раздаст
направления в жерло

Григорий Зингер родился в 1991 году в Киеве, большую часть сознательной жизни провел в Калининградской области, где окончил КОМК им. Рахманинова. Автор многочисленных текстов и литературных переводов. Лауреат фестиваля молодых поэтов «Мцыри», текстник и музыкант регги-группы «IRUS», соавтор серии музыкально-поэтических инсталляций «тётра», one-man band dictator. Публиковался в «Зинзивере», газете «День литературы», газете «Правда жизни», проекте «Живые поэты» и различных сетевых медиа. Живет в Санкт-Петербурге.

и по телику скажут
спастись возможно
мойте руки
обрейте власы
создавайте заметки
списки задач
вставляйте изображения

* * *

Я покупал «Голландский» сыр
со скидкой в тридцать два процента,
в знакомой лавке возле церкви
чинил настенные часы
за братский ценник, а потом,
поймав шальную босса-нову,
в комиссионном у Сенного
я брал за полцены пальто.

И ненаписанной строкой
назрел вопрос невыносимый —
с каким дисконтом и пассивом
я приобрел у Высшей силы
такую жизнь и век такой?

* * *

На улице Краснокаменной рубцы от кирпичных стен.
Собаки глядят оскаленно — и жалобно, вместе с тем.
На набережной Макарова судачат — здесь есть о ком.
И птичий галдеж закадрово подзвучивает ситком.
На улице Юных Ленинцев разыгрывают префлоп.
В подвале пытается пленницу насильник-социофоб.
На станции «Пролетарская» забрали последний «брют».
На улице Володарского кого-то по морде бьют.
А там, далеко, в то время как
звенит об асфальт стекло,
студенты ведут полемику,
на город идет циклон,
в подъезде блюет обнюханный,
в ТЦ верещит безнал —
на улице Карла Юхана
весна.

* * *

Ждать, непременно ждать —
видимо, в том нужда —
ждать за рулем ПК
сенсорный слог, пока
снова не вззоет бес,
выскоблив больше вне-
временности и бес-
памятства на волне.

Ждать не Итак — а так,
ангельский кавардак;
в такт не попав, с шестом
чалиться вдоль частот,
впитывая настрой,
ладан, терновник, воск,
чтоб зазвучал на сто
внутренний терменвокс.

Ждать, но не той скупой
симоновской строкой.
Ждать, но не из-за касс
мямля в окно заказ —
за город, за посты —
сотканным из теней
ждать и не стать простым
постером на стене,

осточертев среди
искренности седин,
чтобы в тот самый день
встретиться там же, где
— выпить того же, что
— так и не разгадав,
выяснить, что пришел
снова туда, куда.

* * *

Девочка, слушай — все мы сыграем в ящик.
Щелкнут наручники, время сомкнет кольцо.
Поговори со мной тихо и ненавязчиво,
как с мертвецом.

Дело не в панике, не в криминальной хронике,
Не в обессонивших синусных волосах —
на континенте нет разговоров, кроме как
о мертвецах.

Кости хрустят, перемытые поколением.
Мертворожденные прячутся в переплет.
Мертвые вороны внемлют пустой полемике.
Мертвая плоть.

Слушай и не дожидайся условных знаков.
Слушай, ведь каждое слово имеет вес —
так говорят Заратустра, Столыпин, Сахаров.
Так говорит мертвец.

* * *

люди думают о будущем
принимая вес и вызов
люди чашечки и блюдечки
в разукрашенных сервизах
люди глянца и металла
жертвы грез
объекты сыска
люди пыль документальная
шелест карты медицинской
люди в люльки упакованы
Вавилоном и Сионом
люди людям льют на головы
бриллиантовый зеленый
новый флаг толпе ликующей
новый лозунг
новый слоган
люди думают о будущем
но про вечное
ни слова

* * *

Конечно, прекрасен церковный звон.
Но я видел, как, цепью звеня,
церковная вошь защищает неистово
путь в небесное царство.

Конечно, наркотики — сущее зло,
но на глазах у меня
наркоман чью-то девочку вынес из-под
грузовика на красный.

Конечно, история учит. Звено
за звеном. Церемония антиподов,
долгов, десятин, круговых порук,
беспринципных разделов власти.

Конечно, свобода — основа, но
защищая мою свободу,
мой друг на Донбассе умер. Мой друг
убивал людей на Донбассе.

Конечно — закон, мораторий, вето,
жизнь в рациональном ключе,
диспуты, споры — побольше в жерло
да в топку, красные, белые...

Конечно, нам очень нужна
победа, вот только — чего над чем,
и чем мы готовы пожертвовать
ради такой победы?

* * *

Мы — словно ржавчина из-под крана. Мы — словно вечерний джаз.
Мы все состаримся слишком рано, потратив последний шанс.
Мы знаем каждый ненужный повод и каждый обценный жест.
Мы можем выстроить целый город, похожий на Pere Lachaise.

Нас научили быть жестче, строже и верить своей тропе.
Нас, к сожалению, очень сложно спонтанно узнать в толпе.
Мы смотрим как-то комично гордо, не в силах умерить спесь.
Нам нужно бить сапогами морды за то, что мы просто есть.

Мы курим траурно на балконах, рассматривая людей.
Мы не умеем ценить законы. Мы знаем почем и где.
Мы верим Хокингу и Вольтеру. Мы пишем вселенский текст.
Для нас транслируют vox aeterna на скомканных пачках «Next».

Нас исполняет по полсезона оркестр Концертгебау.
Мы все приходим дистанционно. Читайте нас по губам.
Мы wireless nets. Мы вселенский «похер». Мы мчимся на звон монет.
Мы честь и совесть своей эпохи. Хотите вы или нет.

* * *

время как верхняя дека
под коваными руками
вчераших младенцев
да завтраших наркоманов
армия маленьких деток
идет выбивать потроха
заваривать кашу
вытряхивать наши карманы

окрашивать серость проспектов ситцем
акрилом своих штандартов
и сам ты
вчерашний солдат, променявший
честь на мундир тщеславия
падешь на колени
станешь проситься
обратно хотя бы в штрафбат, но
среди тишины лишь случайная башня
в ответ рассмеется часами

РАССКАЗЫ

БИТВОИН

«Входной билет — пятьдесят рублей, с экскурсионным обслуживанием — шестьдесят, вход для иностранцев — двести. Смешно. Даже если весь город посетит нас, полученная сумма вряд ли сравнится с той, которую я должен заработать», — так думал, вставая с лавки ссыльнопоселенца, Андрей, смотритель Музея каторги и литературного творчества А. П. Чехова, коренной житель города Александровск-Сахалинский, уютно разместившегося на западном побережье острова Сахалин.

Воспитанный на сказках «По щучьему велению», «Золотая рыбка», «Сивка-Бурка» и многих других невероятных историях, повествующих о русском везении вопреки всему, о закономерном спасении героя силами птиц, зверей и царевен прекрасных, Андрей был человеком крайнего оптимизма и запредельного авантюризма, живущим в постоянном предвкушении скорого обретения материального счастья.

Информационный век давно изменил облик современного общества, его плоды появлялись в жизни людей повсюду. Теперь очередь дошла и до всеобщей меры услуг, любезностей и прочих благ — до денег. Кто-то по другую сторону океана придумал криптовалюту, хотя при чем тут какая-то крипта, использовавшаяся ранее в основном для погребения, Андрей не знал. Но он видел, что в мире что-то происходит: невероятное оживление, разговоры со всех сторон, введение в обиход неизвестных ранее слов и понятий, таких, как «биткойн», «майнинг», «блокчейн». Все в цифровом мире пришло в движение, и каждый день появлялись новые отважные кладоискатели. Это был его час: только теперь — или никогда.

Истинный потомок эректусов, унаследовавший от них не только способность к прямохождению, Андрей решил во что бы то ни стало пополнить ряды «битвоинов» — так он называл тех, кто бился в поле неизвестности за свое благосостояние. Правда, все они бились, как он считал, с опущенным забралом. Андрей же, в отличие от них, разработал план и строго следил за его точным воплощением.

Начал он с изучения иностранного языка. Работа позволяла: отсутствие посетителей и казенный Интернет предоставили для этого обширные возможности. Готовых криптоплощадок в России пока не было, Андрей слышал о планах создания русской «криптодолины» на территории Свободного порта Владивосток. Но пока эти планы не стали реальностью, основные мероприятия нужно было проводить на зарубежных сайтах.

Потом следовало выбрать подходящую доходную стратегию. Можно было просто купить криптовалюту на интернет-бирже и ждать момента для ее продажи или вложить деньги в майнинг — в добычу цифровых монет через собственные «фермы», собранные из видеокарт на дому или через коллективные, организованные на средства одного крупного инвестора и иных, более мелких участников пирамиды.

Алексей Александрович Небыков родился в 1982 году на острове Сахалин. Окончил МГЮА имени О. Е. Кутафина и ВЛК Литературного института имени А. М. Горького. Рассказы публиковал в сборнике «Точки». Живет в Москве.

Изучив все риски, Андрей решил инвестировать напрямую. Самостоятельно много не заработаешь, к тому же могут возникнуть вопросы к музею из-за огромных счетов за электроэнергию. Свою квартиру он давно сдал, переехав в музей, деньги за нее получал исправно, ничего не тратил, копил. Участвовать в чьих-то проектах Андрей тоже не хотел: обманут или используют. Долгосрочное вложение казалось ему самым надежным. Оставалось только найти средства, ведь его собственных, сэкономленных было явно недостаточно.

Спасение Андрей нашел в великой русской литературе и живописи. Антон Павлович Чехов «одолжил» Андрею свои дорожные вещи, которые сопровождали писателя во время путешествия по Сахалину. Среди них были пальто, чайник, саквояж, ложка, карта местности, счет из американской гостиницы и фотографии. У местных художников Леонида Кривицкого и Де Сон Ен Андрей «позаимствовал» великолепные картины — «Сахалинская каторга» и «Дорога домой». Все эти богатства музея были заложены местному азиату. Андрей договорился с ним, что тот не будет их продавать, и намеревался выкупить вещи обратно, как только преуспеет. На выставке теперь оставались только каторжные сувениры и интерьеры, воссоздающие быт ссыльнопоселенцев. Андрей задумчиво разглядывал старинную мебель и музейные кандалы и уповал на русские «авось» и «небось», рассчитывая на отсутствие посетителей.

И вот путь к богатству был открыт. Используя анонимайзеры, выдав себя за гражданина другой страны, Андрей зарегистрировался на одной из торговых бирж и пополнил свой счет. Время для покупки криптовалюты было самым подходящим, Андрей надеялся только на лидера — на биткоин. Его средств не было достаточно для того, чтобы купить хотя бы одну единицу желанной валюты, но несколько десятков ее копеек ему удалось приобрести. Солнце наполняло Андрея изнутри, глаза смеялись, улыбка дышала теплом, он наблюдал за балансом своего счета и пел. Он пел звонко, громко, полной грудью вбирая воздух, счастье преобразило его, но он не терял головы и четко держался разработанного плана. Опасаясь закрытия биржи или мошеннических действий других лиц, он решил доверить хранение своего сокровища внешнему носителю. Нужная флешка была доставлена по почте через океан, инструкция подробным образом изучена, перевод валюты совершен.

Андрей возвращался из банка, где арендовал ячейку для своего цифрового богатства. Все было сделано, теперь оставалось только ждать, а также следить за музеем и убеждать посетителей в том, что все экспонаты отправлены на выставку в Москву. Андрей откинулся на сиденье, в маршрутке было тихо, и он задремал. В его сне курс цифровых валют вырос на две тысячи процентов, а стоимость биткоина увеличилась на три. Он был невероятно богат. Но не праздным существованием была его жизнь, не яхты и самолеты он выбирал себе, не намеревался он отправить дедушкин автомобиль в космос. Андрей строил мост на остров Врангеля. Там его научная экспедиция собиралась исследовать сибирского лохматого землекопа — существо с невероятными способностями, с иммунитетом ко всем заболеваниям, нечувствительное к боли, живущее намного дольше своих братьев. Вечная жизнь занимала Андрея, и он намеревался явить ее людям, а потом и продать. Имя его навсегда должно войти в историю, а город, его родной Александровск-Сахалинский, должен теперь упоминаться не только как суровое место каторги бесталанных преступников Российской империи и последнее пристанище знаменитой на всю страну Соньки, но и как родина людей великих и незаурядных.

Но утро не всегда вечера мудренее. Всему свой срок. Миновала пора везения и для Андрея. Сон свой он так и не досмотрел, маршрутку занесло на повороте, и она упала в Татарский пролив, не оставив пассажирам никаких шансов. Потому и не узнал Андрей, что мост его во сне рухнул — неправильно провели инженеры расчеты. Также не

ведал он, что во время копирования криптомонет на флешку случайный скачок напряжения прервал операцию, запись не сохранилась, и валюта была потеряна в цифровом пространстве. А музейные экспонаты все же были возвращены на свое место: подозрительный азиат был задержан российскими таможенниками при попытке выезда с украденным добром в Японию.

ЖДАНА

Но бывает так, что постучится запоздалый путник и, пригретый, забывает, что он пришел на минуту, и остается навсегда.

Сергей Есенин. Яр

— Все мы затворимся здесь, мама, все скроемся в непробудной тишине. Одиноко и пусто тут у тебя, как и у меня дома. Ведь ты боле не шаркаешь уже под моими окнами, не слышу по ночам хряста попадающих тебе под ноги сучьев, — обращалась к покосившемуся кресту Ждана. Растрепанная коса ее выбивалась из-под платка, хрупкий стан кутался от холода в ватнике, мрачная юбка доставала до земли.

Кладбище, мертвый сон вокруг, однообразные унылые могилы, ни щебетания птиц, ни огня, ни света, одни обломки жизни. Но что-то тянуло, раз за разом, Ждану сюда, будто тепла в этой промерзшей земле было больше, чем в ее родной деревне.

Солнце скрывалось за лесом, с вечера падал снег. Ровно, неспешно он покрывал все вокруг. Внезапно засвистел ветер. Он зашуршал, заговорил о чем-то, обжег Ждане лицо, ободрал руки. Наклоненные черные сосны беспокойно зашумели, кресты затрещали. Покров тишины вдруг наполнился хрипами и шорохами. Тревожно стало Ждане, беспокойно. Засобиралась она домой, простилась с матерью и отправилась в дорогу. У околицы погоста набежала на дохлую кобылу, испугалась, как в первый раз, и еще пуще прежнего заспешила к дому.

Подбежав к родной калитке, увидела, что защелка отброшена, значит, кто-то пришел, кто-то чужой или, наоборот, близкий. Разросшийся во дворе многолетний граб заголосил ветвями на ветру, встречая хозяйку. Он точно предупреждал ее о людском присутствии. Сердце ее затрепыхалось, дыхание застыло, глаза тыкались по задворкам в поисках человека или хотя бы его тени. Внезапный крик испуганной совы эхом разрезал воздух. Ждана оглянулась, а вновь обратив взор в сторону дома, увидела незнакомца. Он стоял в пролете двери и разглядывал ее.

— Какая славная ты, смазливая. Глаза — искрой, брови — вербой, а губы, поди, вязки, точно мед, — обратился он к Ждане, снимая шапку и спускаясь с крыльца. В расстегнутой заячьей шубе с просторными рукавами, в широких штанах, заправленных в голенища, с ружьем за спиной, ладный в плечах и в росте, он, так же как и отец когда-то, встречал ее во дворе, и что-то давно забытое затеплилось у нее внутри.

— Ерник ты, как я погляжу! — отвечала она ему, и по щекам ее полыхнул румянец. — Откуда ты такой появился?

— Давно уж брожу по лесу, никак не могу в утишье остановиться. Вот набрел наконец на деревню твою, да нет никого в ней, где поселяне-то?

— Ушли все да сгнули! Баят, что бесталанные мы, али с глазу дурного, али после осуда злого, — и, пристально посмотрев на парня, добавила: — И ты уйдешь.

— Самдели! А покусакать что-то у тебя есть, красавица?

— Было бы что кусакать, сама бы не отказалась, второй день ничего путного не жевала.

— Ну, не бось, я тебя прижалею, мы с тобой теперь глухаря зажарим, сей раз ощипаю, выпотрошу, растагарю очаг, и буде нам тепло и сытно! — и он, заулыбавшись, пошел в дом, шумя на ходу и распоряжаясь, точно хозяин.

В доме запахло березняком, трескучий огонь засопел в печке, Ждана затеплила гасницу, расстелила скатерть и поставила самовар. Аромат древесины смешался с благоуханием тлеющих смоляных шишек и расплылся по хате, навевая давно забытые воспоминания о полном доме, заботе и мужском участии.

Ждана ела падко, в полной тишине, не роняя ни взгляда, ни слова. Незнакомец с умилением смотрел на нее, высмотрел что-то у себя в котомке, сунул в карман и, подойдя к столу, сел рядом.

— Ну, выбирай, — и он рассыпал перед ней ладони, а на них ленты разноцветные, одна румянее другой.

Ждана несмело взяла желтую и спрятала в руке, незнакомец положил на стол еще красную и синюю, остальные убрал и, подмигнув ей, принялся за еду.

— Спасибо тебе за гостинцы, путник, а дорога-то куда тебя ведет?

— Да маюсь по свету я, долю свою ищу, износились и душа, и тело. Кем только в миру не оборачивался: и охотником, и старателем, и бродягой. Да все как-то мимо шло, и нет боле воли скитаться. Обещался вернуться домой, когда опостылю. Туда и путь держу, — услышала Ждана в ответ, и надежды ее опрокинулись.

Она вскочила, захотела схватить посуду, сбежать из-за стола, но он остановил ее, удержал крепкими руками. Касание его показалось Ждане обжигающим. Кровь у нее закипела, губы сделались влажными, сердце заволновалось, стало выскакивать из груди. Высвободив ладони, она выбежала из комнаты, где, переводя дыхание, окончательно убедила себя, что незнакомец пришел, чтобы ее оставить.

Путник сел на крыльцо, а Ждана вскоре уместилась рядом. Она часто сидела так сама и смотрела на дорогу, все ждала кого-то, тосковала о чем-то.

— Ну а ты? Как здесь одна? — заботливо спросил он и будто ненароком дотронулся до нее вновь. Ладони его на морозе остыли, стали теперь холодными, но она не отняла руки и, прижавшись к нему, заговорила:

— Много дворов полных было в нашей деревне, всего всегда в избытке и в достатке. Не смотри, что лесом село обнесено, мужик наш добычливый, всякий раз не пустой возвращался. Повадился как-то шатун по околотку слоняться, скотину валил, житницы рушил. А один раз на поселянина ночью напал, помял немного да бросил. Тем и споганил души наши, грех великий взяла на себя деревня. Вышли охотники, загнали да убили. Хотели было освежевать шатуна, а из утробы его медведята махонькие полезли. Что делать? Своротили и их тоже. Да, видно, не мирские то были медведи, а особенные. С тех пор лихо пошла жизнь наша. Скотина и птица издохли, амбары заполонила шушара, люд стал хворать и сумасбродить. Решили тогда односельчане покинуть деревню, скоро засобирались да по весне и ушли. Наш двор только остался, мать сделалась хворой. Отец с братом и до того нечасто ласкою нас окружали, а тут и совсем истязать стали и требовать. Доставалось мне дюже, до слез, до изнеможения. Мать на поправку не шла, совсем ослабела, не выходила из хаты, все перхала, много молилась. Тогда мужики в путь и пустились, за доктором, говорили, за подмогой. Я же осталась с больной, да меня и не звал никто с собой — обуза да хлопоты. Мать скоро целыми днями уже стала с закрытыми глазами лежать, близко к ней не подойдешь: пропастиной пахнет, протухла вся изнутри. А там как-то ночью пошла горлом кровь, и осталась я сирой. С тех пор много всего утекло, весна прошла, лето сменилось осенью, зима теперь уж на исходе, а мужиков своих я боле не видала и ждать уж отказалась, то ли не дошли, да, верно, просто покинули. И ты пропадешь. Верно дед говорил, что сила какая-то злобу затаила на меня за красоту мою да за нрав скромный... — и Ждана заплакала, закрывшись ладонями.

— Ну, буде, любая моя, буде. Вернутся они. Да и я никуда пока не собираюсь. Помогу тебе во всем, доколе я здесь.

— Знаю я баи твои, да и чем помочь мне хочешь? Рази воды накопятить. Стоско-валась я по силе мужской, наколи мне, путник, дров. А то я все чурки невеликие уж повиытаскала да пережгла, а с большими мне и несдобровать. Топор принесу, поленица за домом, — и Ждана отправилась в хату.

Вскоре на заднем дворе застучало лезвие. Впервые за долгое время Ждана почувствовала какое-то успокоение, какую-то совершенную безопасность. Она водрузила громадный котел над очагом, наплатала его водой, снарядила парню для сна полати, а сама села в полудреме на лавку, ошалев от воспоминаний и давно позабытого счастья.

Могутный стук в окно всколыхнул ее, она кинулась к стеклу, но путника во дворе не увидела. Он входил в хату и, заметив оробевшую Ждану, жажнул дрова на пол.

— Что там углядела, милая?

— Шумнул под окном кто-то. Думкала, ты, ан нет, — и она, закрыв занавеси, продолжила: — Смышляли в старину в нашей деревне, что по ночам покойники к домам своим приходят, проведать, все ли там, как было в их времена. Давно никто уж меня не беспокоил. А ты все же не выходи ночью, мало ли что. Настил тебе справила, а я у себя лягу, с водой управлюсь только. А ты, поди, устал, отдыхай, — и Ждана, наполнив кувшин, ушла.

— Глупости все это, — бросил он ей вслед. — Небось не сбегу!

Путник устроился на полатах, загасил лампадку и скоро забылся нерушимым сном. Ему впервые было так ладно в чужом доме, нравно оттого, что он нужен и мил. И теперь уже меньше тревожила его незнамая доля сродных ему людей. Быть может, сыскал наконец он пристанище свое, обрел мимовольно кров, который так долго страдал.

Ждана обливалась жгучей водой. Теперь ее было в избытке. Наконец-то она отогрелась, и кожа ее приятно горела, отзываясь на прикосновения. Она тихо и осторожно ласкала себя. Груды ее налились, ноги задрожали, голову повело, тело стало изнемогать от приятного томления. Ждана чувствовала, что что-то вот-вот в жизни ее переменится, и не было ей от этого ни страшно, ни совестно.

Путник спал. Где-то тихо отворилась дверь, комнату наполнили неуверенные шаги, кто-то, обнимая и целуя его, лег с ним рядом. Он пробудился, вдыхая запах чистого женского тела. Виски его загудели, горячие губы отозвались на ласку. Ждана задрожала... А следом на улице раздался дикий крик одинокой совы. Птица, рассекая крыльями воздух, сорвалась с крепкого граба и устремилась в сторону погоста, заполняя своим движением пустоту окрестностей.

...Ждана лежала на спине, губы ее горели, сердце кружилось, все никак не могло успокоиться. Ей хотелось говорить, много говорить, во всем признаться. Ну и что, что совсем и не брат, ну и что, что и не ушел с отцом вовсе. Она просто забудет об этом и не станет вспоминать. А путник останется с ней, будет здесь, рядом. И она обняла его за шею, стала целовать, а слезы потоками сбегали из глаз.

— Зоренька моя, ну что ты, что ты. Выспимся нонче, а завтра и в путь заторопимся. Вместе с тобой уйдем. Негоже здесь одной хорониться. Желанна будешь родимым моим — сестре да родителям!

Все опасения ее вмиг рассыпались, все страхи и тревоги позабылись. Все теперь могла она ему объяснить, все доверить, и она тихо-тихо попросила:

— Не уходи, останься. Ладно-то как, полно-то как нам здесь вместе. Держит меня моя деревня, одна осталась она у меня. Нет уже близких моих в живых, поселяне ушли. Да все равно чувствую, что крепко связалась я с местами родными — с этими стенами, лесом, погостом. Любят они меня, никогда не изменят и не прогонят, боль-

но потерять все это, как могу все это оставить? А теперь и ты есть у меня, а боле ничего и не надо.

Притуманился путник, понял, что, верно, поздно пришел и непросто будет выпутать ему теперь девицу. Да не привык он отступать перед заслонами.

— Слушай меня, милая. Пустое ты говоришь, освободись от оков своих здешних, нет нужды тебе в местах этих, изведут, измают они тебя. А коли хочешь, забирай их с собой, в сердце своем, в памяти. Никогда не забудешь колыбелей своих, никогда не расплещешь их тепла да уюта. Теперь не перечь, как сказал, так и буде. Вскину завтра поутру ружье и тебя с собою присвою. Спи, добрая, спи, — и он прижал к себе Ждану и крепко поцеловал.

А она застыла в его объятиях в глубокой печали. Пошевелиться не смела, боялась поверить в то, что стены ее родные стали самой большой помехой счастью ее и талану. Но прав был путник: ничего не ждет ее тут, кроме гибели, и решила она, что оставит очаг свой утром, скажет ему, что любит безмерно, что пойдет с ним в чужие края и на любые стороны. Ждана забывалась в сладкой дреме, давно завязавшийся узел в судьбе ее на рассвете будет распутан, все теперь уладится по-другому.

Внезапный стук по крыше вмиг растревожил ее. Удары были сперва негромкими, размеренными. Потом несколько раз что-то сильно садануло по кровле. Затем появился скрежет, точно шаркал кто-то наверху туда и сюда, а за ним послышались непрерывные бряканье и стукотня. Жутко стало Ждане, выскочила она из постели, запалила лампадку. Пламень окрасил стены дома, спящего путника и оробелое девичье лицо. Схватила она платье свое затворное и суетливо принялась собирать его на себе. Подбежав к окну, увидела, что началась непогода.

Порывы ветра налетающей грозы захлопали и заскрипели отворенной калиткой, двор пришел в движение, изгородь начало срывать, все кругом загомонило, заухало и застонало, брызнувший дождь превратился в ливень, забухал и зарокотал гром.

Ждана затряслась, затрепетала:

— Закрывать, закрывать калитку!

Распахнула входную дверь, выскочила на улицу босиком, протянула руки навстречу дождю и ветру, заслоняя себя от ненастья, и побежала по грязи в сторону истомившейся от скрипа дверцы.

— Мама, зачем пришла? Так давно тебя не было! Знаю, что обещала не покидать тебя, знаю! Но жаждет душа расстаться с местами этими. Твоя юдоль это, не моя! Хочу уйти с ним, отпусти меня. Не могу боле тянуть эту нить, порву ее, ненавистную!

Яростный гвалт непогоды внезапно утих, глухо стало вокруг, безветренно. Вспыхнула ослепительно-белая полоса, затрещал, застонал многолетний граб, озарился в мгновение огнем и упал, разбитый молнией, наземь, а рядом с ним грянулась Ждана.

Очнувшись, она нашла себя распластанной на земле, супротив нее догорал граб, столько лет оберегавший ее от раскаленного солнца. Он и сейчас защитил ее — принял полымя на себя. А теперь, навсегда угасая, согрел ее последним своим блеском. На дворе было тихо, непогода отступила. Опасаясь неладного, Ждана вернулась в дом. Но там все было почти по-старому: путник покойно сопел на полатах, в комнатах глухо и пусто, лишь небольшой на полу беспорядок. Гроза, сотрясая и покачивая стены, поскидывала с настила посуду, горшки и всякий припас. Отцовский серп лежал на полу. Ждана подняла его и села на лавку, зачарованная его блеском.

Уже давно отболело, а он все так же ворошил в памяти ее поминны об ушедших днях. Она вспоминала маму, как та тешила ее, как заступала от отца и других сельских теснителей. Незабывной была встреча ее с супругом. Жалела она те дни, когда муж полюбился ей, когда проводила она с ним все порожнее время, когда провожала вечера, лежа с ним на сеновале, и слушала всякую от него пустяковину о том, какие у нее глаза, коса и губы.

И вот все это, что было так давно, показалось случившимся ныне, и Ждане стало горько оттого, что этого уже ничего нет, никогда больше не будет и с ней не случится. Слезы накатились на глаза ее. Ей представилось, что с приходом путника она точно потеряла что-то, жизнь ее, до того тихая, словно оборвалась, и сердце ее зануло от обиды и жалости.

Что теперь ей делать, как связать себя, заставить забыть? И почему он появился именно сейчас, а не когда она мучилась, терзалась, не спала ночей? Зачем пришел в это время, когда она уже никого не ждала, когда она смирилась с тем, что жизнь ее угасает здесь, в этой деревне, рядом с мамой? А еще волновал ее вопрос: отчего он любил ее, зачем привязался? Было бы гоже, если бы просто обманул, использовал да ушагал, не попрощавшись.

Ждана вошла в комнату и села рядом с путником. Томимая разладицей в самой себе, она сперва замыслила задушить, удавить возмутителя своего спокойствия. Но любясь в темноте кудрями его, вспоминая сильные, нежные руки его, она позабыла намерения свои, почувствовала снова нежную к нему привязанность, опять захотела оберегать, целовать его.

«А я ведь могу оставить его здесь, даже против воли, против желания», — внезапно подумала Ждана.

Пораженная этой новой нечаянной мыслью, она затаила дыхание, с любовью покручивая древко серпа у себя в руках.

И вот утро неизбежное настало. Ждана отворила дверь, пустила в хату приятный морозный воздух, жизни радовался день, солнце раскрашивало все своими полутонами. Она прошла по свежему снегу к сараю, распахнула высокие непослушные ворота, выкатила оттуда крупные санки, смахнула с них пыль, уложила поверх лопату и двинула с ними обратно к крыльцу. Вскоре рядом с лопатой был водружен куль, что-то крупное, замотанное в простыню и одеяло. Ждана собрала с собой в котомку кое-что из припасов и отправилась в сторону кладбища. Пробороздив санками останки истлевшего за ночь граба, Ждана с удивлением вспоминала вчерашнюю ночь, странные свои помыслы и затеи, чуть не сбившие ее с выверенной стези.

На кладбище она вырыла рядом с упокоенной матерью могилу, скатила в нее куль с санок и села тут же рядом, утомившись от пахоты.

— Ну, знакомься, олахарь. Кровники здесь все мои. Матя, батя и муж мои тоже тут. Некогда и они в дорогу наряжались, мать одну хотели оставить. Да вот и не вышло. Теперь и ты будешь здесь с ними вечера провожать. Храбрым ты был, не голосил по-бабьему, улыбнулся лишь криво как-то, вздрогнул, да так и замер. Жаль, только имени твоего не узнала, что на кресте-то теперь нацарапаю...

ОГНИ НЕПАЛА

Сегодня со склонов Эвереста в базовый лагерь были эвакуированы тяжело раненные проводники, в настоящий момент на высокогорье бушует ужасный ураган, в самом эпицентре которого остается группа альпинистов, отправившаяся на вершину до начала сезона восхождения. Местные шерпы считают, что именно они стали причиной разразившейся бури и что теперь рассерженная Сагарматха (так они называют Эверест) их не отпустит.

Непал — государство в Южной Азии, разместившееся между Китаем и Индией. Восемь из четырнадцати высочайших вершин на Земле расположены в Непале. Первая среди них — гора Эверест (8848 метров).

«Эхо гор», специальный выпуск, 30 марта 20** , Намче-Базар, Непал

1

Альпинисты шли по царству тишины и холода. Солнце уже давно покинуло эти края. Вокруг блестели пористые ледяные глыбы странной формы. Пустынные серые скалы и мутный снег сливались с мрачной бесконечностью неба. Четыре маленькие точки завершали сложный переход по ледяной реке, которая с рокотом и треском сползала со склонов высочайшей в мире горы, образуя на своей поверхности скрываемые снегом глубокие разломы и щели. Она словно пыталась избавиться от незваных гостей, смутивших ее своим движением.

Путники поднимались по склону, освещая дорогу налобными фонарями. Лица их были укрыты от ветра и холода, куртки в снегу, высокогорные ботинки обледенели. Лыжные палки в руках помогали идти, но группа шла бы намного быстрее, если бы ее не задерживали вынужденные обстоятельства. Первый в колонне постоянно проваливался в снег, второй шел рядом с третьим и поддерживал его, замыкающий часто оглядывался назад, точно боялся, что тени долины захватят его, оторвут от остальных.

Внезапно намного ниже по склону, у подножия ледяной реки появился огонек. Появился и пропал. Потом вновь, но уже не один. Два, три, четыре огонька, потом целая мерцающая вереница. Свет, так часто несущий радость, тепло, вызвал у путников сильное чувство тревоги и опасности. Замыкающий подошел к паре, идущей перед ним, подхватил шагающего с трудом альпиниста под руку, и они ускорились, догоняя ведущего.

Вскоре группа достигла самой верхней точки ледопада. Здесь, на высоте шести тысяч метров, на пути к вершине Эвереста располагался первый лагерь, где им предстояло отдохнуть и восстановить силы. В нем они нашли три двухместные палатки, установленные шерпами — проводниками из местного населения, которые всегда тропили маршрут на вершину до появления частных экспедиций. Сейчас лагерь пустовал. Шерпы ушли выше по склону, чтобы заняться обустройством других высокогорных стоянок, поднять туда грузы и проложить страховочные перила.

— Погасите фонари, теперь можно обойтись и без них, — обратился к группе замыкающий, крепкого сложения человек, манеры и повадка которого говорили о карьере профессионального горного гида. Лицо его было сплошь покрыто снегом и льдом — маска, а не лицо.

— Клим, они следуют за нами. Как же их много... — захлебываясь, говорил Дема, высокий, худощавый альпинист, с мелкими чертами лица и живыми, суетливыми глазами. На руках у него куклой висел обессилевший товарищ в ярко-красной куртке.

— Тебя, мямля, они, считай, уже поймали, если так боишься... — прохрипел крепкий здоровяк с крупной, будто вытесанной из камня головой, с густыми, торчащими во все стороны седыми бровями, за которые его прозвали «Косматый». — Вадиму надо отдохнуть, а мы пока посмотрим, чем тут можно поживиться... — говорил он, снимая рюкзак и сбивая снег с одежды.

Внезапно Вадим зашелся кашлем, кашель вскоре перешел в рвоту, и альпинист упал на колени, повалив Дему. Клим поспешил к товарищам, обращаясь к Косматому на ходу:

— Воды!

— Фляга замерзла, наколю льда, а вы тащите его в лагерь, — ответил он, достал ледоруб и направился к склону.

Вадима уложили в палатку, Дема топил принесенный лед и разбирал припасы, а двое других альпинистов вышли на воздух. Морозное небо сплошь было усеяно звездами, круглая луна освещала долину. Клим залюбовался вершиной. Громадная трехгранная

пирамида возвышалась надо всем, что было вокруг. Впервые он увидел ее, когда подлетал на самолете к Катманду, тогда ему казалось, что она находится даже выше высоты полета. Теперь же она была намного ближе к нему, но все так же недосыгаема.

Далеко внизу, в долине, снова мелькнули огни, мысли его прервались. Словно змея, серпантинном по склону растянулись маленькие яркие точки, одна за другой, они будто стояли на месте, но Клим точно понимал, что они движутся вверх, что будут расти и увеличиваться, он с тревогой посмотрел на них, потом на вершину, глубоко вздохнул и обратился к Косматому:

— Нужно сделать укол Вадиму.

— Не думаю, что «декс» ему поможет. Вряд ли у него горная болезнь, скорее всего, отравился в городе, — отвечал здоровяк. — Я говорил ему, чтобы он не налегал на пиво с яками. Но дурак есть дурак. А мямля совсем достал меня своим нытьем, так и хочется ему врезать.

— Полегче, приятель, Дема целый день помогал больному, он стер ноги и теперь неважно себя чувствует. Сегодня-завтра они придут в себя, и мы вместе закончим то, что начали. Как наши бумаги?

— Заказчик все устроил. Вертолет будет ждать нас на китайской стороне. Но мы должны быть на месте точно в срок, а с обузой мы будем двигаться впритык.

Клим оставил последнюю фразу без ответа и отправился в палатку. Вадим, корчась от боли, лежал в спальном мешке, серые глаза его запали, от бессилия по лицу стекали слезы.

— А еще родился в горах. Помню, как он хвастался, что прекрасно чувствует себя на высоте и не испытывает никакого дискомфорта. А теперь я уверен, что завтра он не сможет никуда идти, — встретил вошедшего Дема.

— Не переживай, мы опережаем преследователей на два дня. Погода пока на нашей стороне, к тому времени, как они будут здесь, мы уже поднимемся в третий лагерь. Сейчас нужно хорошо отдохнуть, а ему нужен укол, он приведет его в чувство. Ты сам как?

— Я в норме, на взводе только. Голова болит, а еще ноги стер. Все эти новые ботинки. Вот бы сейчас объяснить с тем гадом, который убеждал меня, что они не требуют предварительной носки.

— Держи аптечку, займись ранами и позаботься о Вадиме. Ему обязательно нужно попить. Позже я тебя подменю, а пока пойду посмотрю, как там Косматый, — сказал Клим и вышел.

В соседней палатке здоровяк уже успел перекусить и теперь разбирал оборудование — свое и шерпов, отбрасывая в сторону ненужное. Клим расположился на спальнике, только теперь он мог немного передохнуть, выпить чаю и что-нибудь съесть, хотя аппетита совсем не было.

— Как у нас с экипировкой? — спросил он.

— Я все просмотрел, кое-что выбросил, кое-что позаимствовал. Шерпы наверху, веревку и крепления возьмем у них.

— Часть вещей Вадима я могу завтра забрать себе. Так ему проще будет идти.

— Я не думаю, что он сможет куда-то завтра подниматься, лучше всего будет оставить его здесь на день, он отойдет и догонит нас. Преследователи доберутся сюда только через два дня, если погода не испортится.

— Ты же знаешь, что если оставим его здесь, то сам он не выберется, — возразил Клим.

— Я этого как раз не знаю, но понимаю, что если будем тащить его на себе, то выдохнемся точно. У меня сегодня под конец маршрута появилась одышка, чего никогда раньше не было. Завтра ты пойдешь первым, мне нужно немного сбавить темп.

— Как скажешь. Но мы могли бы сделать носилки, большую часть маршрут будет довольно пологим.

— Исключено, ты и часу с ним на такой высоте не пройдешь, лучше позаботься о мямле, он совсем раскис, а Вадим пусть сам выбирается.

— Может, мне остаться с ним на какое-то время...

— Тогда оставь «Огни Непала» мне, — просипел здоровяк, бросая недобрый взгляд на рюкзак Клима.

— Ты же знаешь, что это невозможно. Мы заранее все определили: у тебя бумаги, у меня «Огни».

— Да, да, я помню. Но и задержки для нас неприемлемы, поэтому завтра, несмотря ни на что, мы идем к вершине.

— Ты помнишь наше восхождение в Каракоруме, мы стояли на вершине К2, весь мир был у нас на ладони, тогда мы завидовали только тем, кто смог взойти на Эверест. А теперь он здесь, рядом, в нескольких днях пути, но это все не для нас, мы пройдем мимо...

Он не успел договорить, в палатку вошел Дема:

— У него новый приступ, больше не могу с ним сидеть.

— Я пойду, — сказал Клим, поднимаясь.

— Остаешься, ты еще не поел. Я подежурю с ним ночью, отдохайте, — просипел Косматый и, собрав вещи, оставил товарищей.

— Холод невероятный, все тело болит, устал невозможно. Даже на дальних марафонах никогда так не выматывался, — жаловался, забираясь в спальник, Дема.

— Выпей чаю, он согреет. Завтра нужно встать пораньше, чтобы быстрее пройти маршрут.

— Как далеко ушли шерпы? Как считаешь?

— Думаю, до третьего лагеря должны были дойти, погода наверху была хорошая. Будем держаться проложенных ими перил, нам бы только дойти до Южной седловины, а оттуда уже спустимся в Тибет. Скоро все это закончится. Жаль только, что мы так и не побываем на вершине... Для многих подъем на нее — это самое значимое событие в жизни, единственное настоящее испытание или даже подвиг ради любви. Он ей: «Я подарю тебе вершину!», а она: «Зачем же так рисковать? Ведь гору можно обойти, как и любое препятствие!» — и они засмеялись.

Довольно скоро Дема уже перестал отвечать, он тихо засопел. Приятная дрема окутала его, она всегда завладевает теми, кто долго и упорно заставляет свое тело трудиться. Клим подошел к окну и посмотрел на долину. Внизу было темно, ничего не видно. «Значит, остановились на ночлег, а ведь могли бы идти всю ночь...» — думал он, опуская полог. В тот же миг где-то далеко на склоне мелькнули огни, а ледопад, будто предупреждая об опасности, заскрипел и заскрежетал, сбрасывая вниз ледяные глыбы.

2

Клим проснулся за три часа до рассвета и разбудил соседа. Поставив воду на горелку, он вышел на улицу. Навстречу ему шел Косматый.

— Вадим умер... — прохрипел он.

— Как? Почему?

— Всю ночь он кашлял и стонал, и я долго не мог уснуть. Потом он затих, и я решил, что ему стало легче. Утром он уже не дышал. Горы... — здоровяк пристально посмотрел Климу в глаза и похлопал по спине своей огромной рукой.

Вадим, как и вчера, лежал внутри спальника, но теперь его веки были сомкнуты, челюсти стиснуты, лицо оливкового цвета перепачкано какой-то мутной жижей. Вадима больше не было. Клим быстро покинул палатку, с трудом подавив в себе рвотный рефлекс, и вернулся к товарищам.

Косматый занимался завтраком, Дема просто сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, а увидев Клим, двинулся к нему навстречу:

— Нельзя было его оставлять, еще не известно, как он умер... — причитал альпинист, бросая многозначительные взгляды в сторону Косматого.

— Ты на что намекаешь, мямля?! — пробасил здоровяк.

— Спокойно, парни! Никто ни на что не намекает. Он умер сам, от отравления или горной болезни. Каждый из нас теперь возьмет ношу потяжелее и будет вспоминать погибшего. Нужно его похоронить и двигаться дальше, — успокаивал их Клим.

— Не нужно его хоронить, сбросим вниз вместе с палатками, подальше от тропы. Это займет наших «приятелей» и даст нам дополнительное время, — размеренно прохрипел Косматый. — Ему уже все равно, пусть нам поможет.

Предложение застыло в тишине. Здоровяк был прав: преследователи могли отвлечься на тело и палатки, сброшенные со склона, и потерять время и силы, добираясь до них. Возражать ему никто не стал, но и разговоров за завтраком больше не было.

С рассветом альпинисты надели кошки, проверили обвязку, карабины и веревки, на лицо нанесли защитный крем, глаза прикрыли масками, нос — специальными защитными пластинами. Потом скинули палатки со склона, а за ними и тело своего товарища. Гора не принимала его, он то и дело перекатывался с места на место, налетал на камни и выступы, оставляя клочья одежды то там, то тут, скользил по льду, создавая на нем причудливого цвета разметку, и так почти до самого конца, пока его полет не прекратился где-то на середине ледопада. Место было возвышенным, открытым, его ярко-красную куртку было хорошо видно с основной тропы.

В тот же миг совсем недалеко от места падения появились огни, теперь они были намного крупнее и ближе, вскоре огни превратились в точки, а точки стали силуэтами, которые наполняли осязательным движением все пространство внизу.

— Все-таки шли всю ночь! Нужно спешить, впереди долгая дорога, — раздосадованно проговорил Клим, набрасывая рюкзак.

Альпинисты вышли на склон, за ними внизу, на большом расстоянии, двигались тени. словно звенья одной невидимой цепи, две группы людей взбирались вверх. Медленно, почти незаметно они сопровождали друг друга, исследуя новые грани окружающего мира, столь неживого, столь чуждого, видя только им понятную цель.

В полдень друзья достигли громадного ущелья. Это был поражающий своими размерами каньон с вертикальными отвесными стенами. Слева возвышались массивные скалы, усыпанные снегом, справа, прямо над головой, нависали промерзшие ледяные склоны. Жара стояла невыносимая, солнце было в зените, небо ясное, без облачка. Группа, повязав куртки на поясе, то и дело останавливалась, набирала в шапки снег, утоляла жажду, а потом снова двигалась дальше. Впереди предстоял пологий монотонный путь по раскаленной печи. Полуденный жар очень опасен, он усыпляет, обезвоживает, но пережить путники не могли. Чуждые миру природы, нарушив законы людей, они могли двигаться теперь только вперед, в «зону смерти», где нет чувства голода, где сон не прибавляет сил, где тело медленно истощается и умирает, где любой шаг дается с невероятным трудом, где каждый сам за себя и даже у подготовленного альпиниста очень небольшие шансы выжить.

Они шли медленно, без разговоров, сберегая дыхание для ходьбы, связанные одной веревкой и одной целью. Замыкающий, самый крупный из всех, то и дело поправлял маску, прятал лицо от палящего солнца. Несколько раз он падал, тогда на

помощь к нему глиссировали по льду товарищи, и он вновь поднимался и продолжал путь. Вечером путники подошли к последнему на сегодняшний день препятствию — почти отвесной скале, по которой несколько часов нужно было подниматься вдоль вертикальных страховочных перил. Погода портилась, появился холодный ветер, посыпал снег, долину внизу постепенно заволакивали облака.

— Быстрее бы добраться до места стоянки. Я пойду первым, — сказал Дема.

— Хорошо, внимательно проверяй веревки, — согласился Клим и направился к здоровяку, который приближался к склону.

— Как ты?

— Да в норме. Солнце слепило днем, местами терял вас из виду, и все вокруг становилось белым. Теперь мне лучше, голова только раскаливается страшно, но до лагеря дотяну, — прохрипел Косматый.

— Хорошо, поднимайся, я за тобой, а то погода портится.

Здоровяк с трудом полез вверх, а Клим стал карабкаться следом.

Заканчивалась скала на высоте шести с половиной тысяч метров, там расположился второй высокогорный лагерь, разбитый на плоской площадке, образовавшейся в результате движения горных пород. Стоянка была хорошо защищена от ветра, утром первые лучи всегда согревали ее, с нее открывалась потрясающая панорама долины, но теперь повсюду виднелись только ледяные пики и хмурые грозные облака.

Подбираясь к краю скалы, Дема отцепил карабин для того, чтобы обойти крепеж перил и подсоединиться к ним выше. Внезапно на голову посыпался снег, потом ледяные камни, не крупные, но их было достаточно, чтобы он потерял равновесие. Руки его судорожно хватили воздух, шипы впивались в гору, падение было неизбежным, но второй страховочный трос должен был удержать альпиниста и спасти от полета в бездну. Канат натянулся, заскрипел, затормозил падение — и вдруг что-то лопнуло. Основная веревка, к которой был прикреплен Дема, не выдержала. По ошибке, выбившись к вечеру из сил, он подсоединил страховку к прошлогодним перилам, которые сгнили и пришли в негодность. И вот он полетел вниз по склону, успев только крикнуть: «Шерпы!»

Косматый, увидев падающего товарища, сделал петлю из связывающей их веревки и накинул ее на скальный выступ недалеко от себя, потом с силой вбил кошки в склон, присел и воткнул ледоруб в тело горы. Дема пролетел мимо него. Веревки выдержали. Здоровяка дернуло, но он не сорвался. Дема сильно ударился головой в момент натяжения, но был в порядке и уже подсоединился к основным перилам. Здоровяк отцепил себя от общей страховки и быстро стал подниматься вверх.

Шерпы были предупреждены по рации о том, что к вершине движутся альпинисты, которых необходимо остановить или хотя бы на какое-то время задержать. Сейчас был не сезон для восхождений, и частные экспедиции еще не прибыли в базовый лагерь, поэтому ошибиться в том, кто встретился им на пути, шерпы не могли.

Когда Клим и Дема забрались на скалу, они застали ужасную драку, а точнее, просто избивание: Косматый топтал двух щуплых проводников грубыми высокогорными ботинками, шипы то и дело пробивали ткань и доставали до плоти. Потеряв способность сопротивляться, шерпы лишь стонали и всхлипывали.

— Стой! — крикнул Клим, но его не было слышно.

Тогда он подбежал к здоровяку и бросился на него, пытаясь сбить с ног. Они упали и стали кататься по земле.

— Прекрати! Это я! — кричал Клим. Но Косматого было не остановить, он махал руками и рычал. Только отвесив несколько ударов ему в голову и получив в ответ столько же в лицо, Клим смог унять громилу и оттолкнуть в сторону.

Разъяренный здоровяк направился к палаткам, Дема подошел к Климу и стал поднимать его. Вдруг он резко подался назад, не то крикнул, не то простонал, испугав-

шись чего-то, и повалился на землю. Клим обернулся и увидел мертвого альпиниста в черной выцветшей куртке, точнее, только верхнюю его часть, ног не было. Он сидел, подпирая спиной склон, лицо его было свинцовым, плоть местами отсутствовала, открывая череп и пустые глазницы, кисти рук были обглоданы ветром до костей.

— Черная куртка, черная куртка! — закричал Дема.

— Перестань, это просто тело, его не убрали со склона, потому что не видели под снегом! — успокаивал товарища Клим. И только когда тот с трудом овладел собой, друзья смогли подняться, зацепить за поясные сумки обессилевших шерпов и отправиться в лагерь.

3

На площадке вплотную друг к другу были установлены небольшие треугольные палатки. Вдоль отвесных стен располагалась свалка: использованные кислородные баллоны, снаряжение и прочие отходы, в баках или просто на земле все то, что не спустили вниз и бросили альпинисты на горе. Мрачная неживая картина, памятные людские дары.

Тьма сгущалась, обволакивала все вокруг. Вместе с ней пришла и непогода. Температура упала до минус тридцати, холод пронизывал до костей, руки деревенели. Поднялся шквальный ветер, он выл и ревел, рвал палатки, хлопал пологом. Гора, так и не сумев остановить восходящих на подступах, бесновалась и неистовствовала.

— Что за бардак ты там устроил? — спросил здоровяка Клим, сбрасывая рюкзак.

— Они еще хорошо отделались! Сперва я хотел сбросить их с горы после того, как они чуть не сбили с нее нас! — проревел Косматый, очищая шипы на ботинках.

— Ты слишком сильно их отделил, они без сознания. А нам нельзя терять контроль. Это главное, — отвечал Клим.

— Мне главное сейчас — поесть и выпить чаю, а потом отдохнуть, — бурчал здоровяк.

— Срочно нужно уходить отсюда... Немедленно... Сейчас же... — словно в бреду, повторял Дема.

— Как идти в такую погоду, мямля? — возразил Косматый.

— По прогнозам, завтра должно быть окно, и мы сможем достичь седловины. А потом, не забывайте, что непогода на всей горе, и они тоже будут ждать, — успокаивал друзей Клим.

— Дальше маршрут не проложен. Пойдем без перил. Для сложных участков нужно будет взять крючья и веревку, — хрипел Косматый.

— Да, я знаю. Как твои глаза? — спросил Клим.

— Солнце утюжило их целый день! Голова так и не прошла! Год назад мне паяли сетчатку после стычки в баре, может, причина в этом?..

Клим кивнул и отправился в палатку к шерпам. Начинался сильный снегопад, хлопья валили сплошной белой массой, видимости не было никакой. Проводники приходили в сознание. Клим дал им напиток и помог забраться в спальные мешки, связав предварительно руки. Он надеялся, что через день-два к ним должны будут подняться их преследователи, тогда они будут спасены, а может, ему было уже все равно. Один из шерпов в бреду повторял:

— Большой грех... Сагибы не должны искать богатство в горах, только сердце, только гордость... Сагарматха не довольна, зовет остаться, навсегда остаться... — и потом только стоны.

Вернувшись к товарищам, Клим заметил, что у Демы началась лихорадка. Возможно, у него обострились симптомы горной болезни, а может быть, это были последствия его падения.

— Что с ним? — спросил он Косматого.

— Не знаю, мямля сперва слонялся по палатке, точно пьяный, спотыкался, плохо отвечал. Все вспоминал того замерзшего «приятеля». Тогда я сказал, что на китайских склонах его еще ждут такие же «друзья» и что по ним мы будем отмечать высоты на спуске. После этого он просто закутался в спальник и стал маяться, словно в бреду.

— Ты нашел тему для разговора. Нужно вколоть ему «декс» и дать кислород, — сказал Клим, подходя к Деме. Тот лежал в забытьи, никак не реагируя на вопросы и просьбы, язык его сильно распух, тело температурило. Клим сделал ему укол.

— Если это отек, то его спасет только спуск вниз. Другими словами, он обречен, а кислород завтра может понадобиться нам самим, — возражал здоровяк.

— Перестань! Кислород остановит болезнь и поможет заснуть. Завтра ему станет лучше, вот увидишь, — говорил Клим, надевая на больного кислородную маску. — А когда все это закончится, мы снова вернемся сюда и дойдем до вершины, до высочайшей точки Земли...

— На этой вершине так легко сгнуть! И никому не будет дела. Ты думаешь, кто-то там понимает, что это значит — взобраться сюда, да никто и представить себе не может, с чем тут приходится справляться, как сложно здесь выжить. Для многих восхождение — дело обыденное... — закончить здоровяк не успел, Дема пришел в себя и, сбросив кислородную маску, начал стонать. Клим подошел к нему.

— Как ты себя чувствуешь?

— Разбит, совершенно разбит, голова стянута обручем, — тихо пошептал Дема и, вцепившись в руку товарища, продолжил: — Я до сих пор чувствую взгляд того мертвеца. Черная куртка...

— Ты бредишь, успокойся.

— Нет, слушай. Это было давно. На горе меня и напарника застал буран, снегу намело столько, что мы потеряли ориентиры. Идти больше не могли и решили вырыть в склоне пещеру. У него случился отек, ему резко стало плохо. Нужно было срочно спускаться, но я не мог его тащить, совершенно выбился из сил. Я сказал, что отправлюсь за спасателями и приведу помощь. Прощаясь, он просил меня похоронить его в случае, если я не успею вернуться. Я пообещал. Долго плував по склонам, я в конце концов нашел лагерь. Лишенный возможности говорить, истощенный обморожением и усталостью, я проспал не менее двух дней и помощь вовремя отправить не сумел. После спасатели так и не нашли следов нашей пещеры, а я никогда уже не возвращался в те места. С тех пор прошло десять лет, это случилось на этих склонах, на склонах Эвереста, мой друг был одет в такую же черную куртку... — и Дема зашелся кашлем, так и не договорив.

— Ты лучше просто лежи, лекарство и кислород помогут, — проговорил Клим, надевая ему маску.

— Вадиму ничего не помогло... — прошептал Дема.

— Если он не отойдет до завтра, то придется оставить его здесь, — вмешался хриплым голосом Косматый. — Он бы больше нам помог, если бы умер и не растратил запасы кислорода. Я пойду спать в другую палатку, надо восстановить силы, — закончил он и, не дожидаясь ответа, вышел на улицу.

— Не слушай его, лучше представь, где бы ты мог сейчас оказаться. Мы могли бы быть на вершине Эвереста, с одной стороны Китай, с другой — Непал. Ты выше планеты всей, а ноги по-прежнему на земле. Сколько бы ты отдал за этот миг?

Но ответа не последовало. Дема опять впал в беспамятство. Вскоре и Клим провалился в сон, он утонул в глубинах своего спальника, купол палатки улетал куда-то ввысь, картины вокруг расплывались, вызывая головокружение. Периодически он

слышал стоны товарища, потом его обдало холодом, казалось, что на лицо падает снег, стоны сменились звуками какой-то возни, потом все стихло, а вновь появившаяся прохлада сменилась ощущениями тепла и покоя.

4

Сон на высоте очень беспокоен и неглубок. Утром встаешь неотдохнувшим, ощущая только уныние и апатию. Тело словно напитывается ядом, постоянно страдает и болит. Голова все время напряжена, точно ты не спал много дней.

Клим проснулся от приступа удушья. В палатке совсем нечем было дышать. Оглядевшись, он увидел, что Демы нет. Ночью снегопад усилился, и лагерь полностью замело. Клим первым понял опасность и, откопав себя, стал расчищать снег — сначала с палатки здоровяка, потом с палатки шерпов. Косматый только проснулся, и видно было, что эта ночь также далась ему нелегко: перекошенное лицо, впалые глаза, землистый цвет лица, пересохшие губы. Дему он не видел. Состояние шерпов было критическим. Клим вколол им лекарство и пошел дальше разгрести лагерь в надежде отыскать под снегом пропавшего товарища.

Погода прояснилась, редкие облака накрывали долину, рассвело, но следов Демы так и не удавалось обнаружить. Все запорошил снег, кричать было бессмысленно. Здоровяк готовил оборудование к выходу и занимался едой, а Клим, замерзая от холода, продолжал поиски. Исчезновение Демы казалось странным: обувь и куртка были на месте, его вечернее состояние говорило о невозможности не то что выйти на прогулку, но просто подняться по нужде. Оставив в итоге попытки найти его, Клим вернулся в палатку.

— Куда мог подеваться Дема? — спрашивал Клим скорее самого себя, отогревая руки у горелки. — Мне приснился какой-то странный сон, не знаю, что и думать...

— Похоже, мямля вышел ночью на улицу. Ты помнишь, в каком он был состоянии? А на краю очень скользко, особенно если ступаешь на лед в неправильной обуви, — отвечал Косматый.

— Ты будто рад?

— Да, пожалуй, я рад! Теперь не придется идти с обувью, и доля моя стала больше... — с вызовом ответил Косматый.

Клим посмотрел на здоровяка, вид у него был зловещий: губы скривились в отвратительной ухмылке, сосуды в глазах полопались, брови торчали в разные стороны, лицо сплошь покрыто черной щетиной. Черт, а не человек. Только в этот момент Клим понял, как опасен и непредсказуем его товарищ — человек, от которого зависит его жизнь, его шансы на подъем, спутник, который должен выполнить свою часть сделки и которому он должен верить.

Проверив веревки, надев шипы и фонари, вооружившись ледорубами, альпинисты покинули лагерь. Теперь их осталось двое, горе удалось погубить остальных, а также заронить сомнение в души живых — дальше в связке они не шли. Им предстояло восхождение на кислороде, шансов дойти без него на такой высоте практически не было. Каждый нес по три баллона: по одному — на подъем и спуск и еще один — для ночевки в последнем лагере.

Маршрут предстоял непростой. Вначале необходимо пройти по пологому ледяному склону, проваливаясь по пояс в свежий снег, сбивая дыхание на каждом шагу. Потом нужно подняться вверх по отвесному морю льда, болтаясь на прошлогодних перилах на ветру и температуре минус сорок с риском сорваться в любой момент. Далее предполагал привал, всего на несколько часов, а вечером группа должна войти в «зону смерти», пройдя путь вдоль совершенно голых скал и льда на ураганном ветру, и ос-

тановиться на ночь на Южном седле, где сил совсем не будет, где сердце даже во время отдыха бьется, как сумасшедшее, где тело медленно умирает, где сознание тебе уже не принадлежит, а любые ошибки становятся роковыми.

За час до заката альпинисты достигли места временного отдыха. На отвесной скале прямо во льду когда-то очень давно была высечена небольшая площадка. Там, на ветру, изможденным путникам с трудом удалось установить палатку и укрыться от холода. Они забрались в спальники прямо в одежде. Восстанавливая дыхание и отогреваясь, они сделали себе уколы, чтобы прекратить головокружение и избавиться от дурноты. Вскоре лекарство подействовало, и они почувствовали себя лучше.

До выхода оставалось чуть больше часа, солнце только-только зашло за горизонт, долины уже были все в тени, но отблески света еще сохранились на вершинах. Они стояли, словно раскаленные острия мечей, приковывали к себе взгляды, наполняли окружающий мир каким-то таинством.

Клим вышел на улицу. Погода здесь менялась непредсказуемо и моментально. Теперь воздух был недвижим, и он смог сесть, свесив ноги, на карнизе ледяного склона, на самом краю пропасти. Дух захватывало от высоты и потрясающего вида на долину, которая утопала в облаках, похожих на взбитые сливки. Точно застывшее море, они сгущались далеко внизу, ниже второго высокогорного лагеря. Это были верхушки грозовых облаков. Там уже начиналась буря. До «седла» оставалось всего несколько часов. Сигнальное снежное облако развевалось, будто флаг, над пиком Эвереста. Значит, ветер наверху совсем небольшой. Клим хотел оказаться там, на вершине, объять весь мир своим взором, расправить руки, как крылья, и почувствовать потоки небес. Мысли уносили его вдаль, но тревоги всегда возвращаются, как только мы забываем о них.

В лагере, который они покинули сегодня утром, появились огни, теперь их стало меньше, но и их группа давно была неполной. Преследователи располагались всего в одном дне пути. Опасность стала ближе, реальнее. «Будут ли они спускать травмированных вниз, или в этом уже нет необходимости? Почему никак не отстанут? Зачем хотят забрать то, что им не принадлежит? Зачем хотят получить то, что наше по праву?» — думал про себя Клим, направляясь в палатку.

— Как там погода? — встретил его здоровяк.

— Густые облака в долине, но думаю, сможем дойти до седловины без осложнений. Шлейф еле виднеется, ветра совсем нет. При других обстоятельствах мы могли бы взойти на самый пик, испытать границы своих возможностей, найти неведомый ранее внутренний смысл, задышать полной грудью...

— Ну что за бред ты несешь! На вершине ты найдешь только лед и камни, а дышать там и вовсе невозможно. У тебя в рюкзаке «Огни Непала», и весь мир в твоих руках. Если уж ты так сильно хочешь покончить с собой, то сможешь дорого это сделать позже, взойдя налегке с командой помощников. Ведь твоя красивая мечта уже давно продается за деньги! наших «друзей» не видно?

— Они во втором лагере.

— Чтоб их! Допивай чай, и будем выдвигаться, оборудование я проверил.

Через полчаса альпинисты вышли на склон, огни были на прежнем месте, даже казалось, что некоторые из них стали спускаться. Ветер усиливался, снизу росли грозовые облака, теперь они озаряли небеса всполохами оранжевых молний. На вершине ледяной стены гора обрушила на незваных гостей всю свою ненависть и злобу. До места последнего лагеря оставалось не более ста пятидесяти метров, но пройти их означало совершить невозможное.

Начался ураган, и альпинисты оказались в самом его центре. Распластавшись на широком, исхлестанном ветрами плато, они пытались найти убежище, хоть какое-то

укрытие. Молнии сверкали то тут, то там, по склонам сходили лавины, грохоча, словно сотни орудий. Одежда давно не спасала от жуткого холода. Вихри снежной пыли сбивали с ног, заклепывали маски, разглядеть что-то можно было только на расстоянии вытянутой руки. Дикий вой стоял повсюду. Пепельно-серое небо стало ослепительно-белым и слилось с горой, различить их границы было невозможно.

Путники связались веревкой и, прижавшись друг к другу, пытались подставить спины ветру, но тщетно: ураган налетал со всех сторон, бросал в лицо снег и ледовое крошево. Рев заглушал звуки, докричаться можно было только по ветру, иначе ничего не слышно. Альпинисты ничего не различали, видели только какие-то очертания и тени. Они пытались согреться, хлопая друг друга по спине, старались двигать руками и ногами. Клим подключил перед подъемом свой второй баллон и теперь боялся, что ему не хватит кислорода, поэтому попросил здоровяка уменьшить его расход. Косматый повернул вентиль и, сказав, что пойдет к скалам ставить лагерь, неуверенным шагом направился в белую мглу.

Клим последовал за ним, он видел только свет его налобного фонаря, который то появлялся, то пропадал где-то впереди. Голова его как-то странно прояснилась, появились силы, и он начал двигаться быстрее. Потом эйфория сменилась проблемами с дыханием, возникла одышка, он сел, чтобы восстановиться, но почувствовал, что ему становится только хуже. Появилось ощущение удушья, в глазах потемнело, голова закружилась, силы в одночасье покинули его. Клим проверил уровень газа в баллоне и увидел, что он был на нуле.

«Как же так? — думал он про себя. — Косматый, наверное, случайно открыл вентиль на полную... И весь запас вышел... Но есть еще один в рюкзаке... Только бы не потерять здоровяка из виду...» — сокрушался Клим, доставая баллон и разыскивая свет фонаря в темноте. На какое-то мгновение огонек возник где-то на востоке, а потом исчез. Тогда Клим захотел предупредить товарища, сообщить ему, что он остановился. Он стал подтягивать связывающую их веревку, но натяжения не происходило. Через какое-то время в руках у него оказался ее конец, карабин был отстегнут.

«Зачем отстегнулся? Палатка, разрешения — все у него... Сперва восстановить силы, потом до лагеря», — успокаивал себя Клим.

Но кислородный баллон оказался пустым, Косматый подменил его во время стоянки. «Огней Непала» в рюкзаке также не было, вместо них в коробке лежали простые булжники и записка: «Такие же камни ты найдешь на вершине!» Клим не в полной мере понимал, что произошло. Один вопрос крутился в голове: «Как мог я дать себя так провести?!» Без кислорода движение казалось невозможным, он чувствовал только одну нескончаемую боль, по телу разливались странные волны тепла, хотелось скинуть одежду, но Клим знал, что это симптомы чрезвычайного переохлаждения. Он лег на рюкзак, чтобы немного передохнуть, тело тут же разомлело, стало ватным, никогда раньше он еще так не уставал...

5

Клим очнулся от внезапных раскатов грома, он не знал, как долго пролежал на месте, но по ощущениям прошло не меньше часа. Вокруг все было абсолютно белым, молнии сверкали где-то там, над головой. Он снял маску, чтобы очистить ее, но, оказывается, дело было не в ней. Один глаз был полностью закрыт пеленой, другой — почти ничего не видел. Силы совсем покинули его, он словно умер. Каждый вздох обжигал гортань, он попробовал поесть снег, но это не помогло. Ощущения отсутствовали — ни боли, ни страха. Он просто лежал на снегу, и ему было спокойно и приятно.

Клим понимал, что в движении — жизнь, если он останется здесь, то заснет и погибнет, не сможет вернуться... Нужно было найти какое-то укрытие, добраться до

скал. Но как пошевелиться, когда тело словно не твое, когда ты просто сознание, оказавшееся в чужой оболочке? Идти он не мог, поэтому вначале просто пополз, без ориентиров, наугад. Он будто оказался под водой, на самом дне, утонул в вязком иле, любое движение казалось бесконечным, встречало непреодолимое сопротивление, воздуха не хватало, легкие разрывали его изнутри. Превозмогая себя, через какое-то время он смог встать на колени и стал перемещаться немного быстрее. Помогали собраться разговоры с самим собой и воспоминания о прошлом.

Внезапно он увидел что-то впереди, какой-то силуэт. Фигура светилась, пылала, лицо было сплошной черной бездной, всклокоченные волосы, точно змеи, развевались на ветру. Он хотел подползти ближе, но наткнулся на что-то и упал сверху на препятствие. Сперва он подумал, что это камень, но это оказался рюкзак, рюкзак болотного цвета, рюкзак здоровяка. Подняв голову, Клим увидел, что он вновь на склоне один. Там, где раньше было видение, теперь остался лишь небольшой пригорок. Нужно ли ползти дальше? Что он там найдет? Интуиция подсказывала, что там нет ничего, кроме опасности. Какое-то непонятное чувство страха сковывало его, замерзшими руками он достал баллон из рюкзака Косматого.

Кислород прибавил сил, голова прояснилась. С большим трудом ему удалось установить палатку прямо около небольшого пригорка. То, что обычно занимало не более десяти минут, на ужасном холоде и ледяном ветру отняло не меньше часа. Укрывшись внутри, он упал на пол без сил. Руки были обморожены и сильно опухли, ремень от часов тисками сжимал левое запястье, но пальцы не слушались, и он не мог их снять. Ног он также не чувствовал. Мозг изменил кровоток, спасая ему жизнь, жертвуя теплом конечностей. Он понимал, что без потерь теперь явно не обойдется, может, даже понадобится ампутация, но был рад, что остался жив, что не сгинул на горе. Сознание постепенно покидало его...

Он стоял на вершине Эвереста над просторами мира. Видел его край, чувствовал ветер небес. Руки ловили потоки воздуха, они были теплыми и ласковыми. Невероятная высота не вызывала страха, ее глубина дарила только восхищение, только спокойствие. Как часто он грезил об этом миге, как сильно желал оказаться тут. Он оглянулся по сторонам. Слева распластались необъятные дали Тибета, справа утопало в облаках плато Королевства Непал. Священные буддистские флажки и ленточки, привязанные к небольшому треножнику — символу высшей точки планеты, яростно хлопали на ветру.

Но что-то было не так. Вокруг не было никого, никто не поздравлял его с победой. Все, кто были рядом, погибли или покинули его, а та, которой он обещал вершину, все еще ждет его возвращения. Но дождется ли? И что с ней будет, если он не вернется? Как он вообще оказался тут? Острая необходимость быть здесь теперь исчезла. Померкло чувство особой значимости, жизненной полноты, причастности к числу избранных. Правильность его решения предстала совсем в ином свете. И он просто стоял на пике мира с нарастающим чувством внутреннего опустошения, совсем один, совсем без эмоций.

Эпилог

Согласно полицейским отчетам, в конце марта группа преступников из четырех человек совершила ограбление представителей известной кинокомпании, которые прибыли в базовый лагерь у подножия Эвереста до начала сезона восхождения для проведения рекламной съемки «Огней Непала» — известных во всем мире алмазов. Завладев камнями, бандиты попытались достичь Южного седла — плато недалеко от вершины Эвереста, расположенного на высоте 7900 метров. Оттуда они хотели спуститься в Китай, чтобы скрыться от правосудия.

Отряд местной полиции, отправленный за ними в погоню, не имел бы шансов поймать грабителей, если бы не разразившийся на склонах высокогорья ужасный ураган, который, по словам старожилов, был самым сильным за всю историю Сагарматхи.

О судьбе похитителей на текущий момент известно следующее.

Один преступник, в ярко-красной куртке, был найден недалеко от тропы, идущей по ледопаду. Он умер естественной смертью в результате серьезного пищевого отравления и воздействия горной болезни. Бандиты избавились от него, скинув со склона вместе с ненужными вещами, среди которых было также обнаружено три разрешения на спуск в Китае.

Другой похититель лежал на животе без обуви и верхней одежды у подножия отвесной скалы на подступах ко второму высокогорному лагерю. Вся спина у него была ободрана, точно его тащили по камням. Предположительно, возникшие между бандитами разногласия спровоцировали ссору, в результате которой его и скинули вниз. Под телом преступника нашли еще одного альпиниста, в черной куртке, который пролежал под снегом не менее десяти лет. Он обнимал упавшего на него бандита, словно старый товарищ.

Еще одно тело обнаружили у подножия ледяной стены, недалеко от третьего высокогорного лагеря. Вид найденного громилы был ужасающим: одежда расплавилась, плоть полностью обожжена, кожа полопалась, волосы на голове выгорели, вместо глаз зияла обугленная дыра. Он умер от удара молнии, после которого и упал со скалы.

Последний член банды находился на Южном седле, на краю обрыва. Он сидел в положении полупоклона, обнимая полный кислородный баллон, вентиль которого замерз. Снег забился в его капюшон, маска на лице отсутствовала, глаза были разодраны, левая рука у него была без перчатки, опухшая и почерневшая, она сжимала фотокарточку неизвестной девушки, на обороте которой кто-то мелким почерком написал: «Ты вернешься, обещаю мне играть Шопена! Твоя Н.».

В заключение сообщаем, что «Огни Непала» так и не были найдены!

«Эхо гор», специальный выпуск, 2 апреля 20** , Намче-Базар, Непал

Константин КОМАРОВ

* * *

Не говори, приятель,
мне о пустой победе.
Я в слов чужих плеяде
застыл, как в старом плеле.

В плену у снов глубоких
я хрипло небо хаю.
За дев голубооких
водяру не бухаю.

И вся моя баллада,
все встрепанное слово —
как кислая баланда
для узника больного.

Подвергнувшийся сбою
нечеловечьих станций,
я стать хочу собою
и далее остаться.

Я на вооруженье
взял цвет простынных пятен.
Мы лучше пораженье
отпразднуем, приятель.

НА ОТЪЕЗД СЕНЧИНА

Привет, Роман! Пусть будет светел Таллин.
Мы верим, что ты это не всерьез.
Но Екб и так и так притален —
здесь не прижгут ни холод, ни мороз.

Ходи, Роман, пешком и будь здоровым,
люби и доверяйся чудесам.
А все, что можно сделать с Комаровым,
он с Комаровым сделает и сам.

Константин Маркович Комаров родился в 1988 году в Свердловске. Поэт, литературный критик, литературовед. Кандидат филологических наук. Стихи публиковались в журналах «Дружба народов», «Звезда», «Урал», «Дети Ра», «Нева», «Новая Юность», «Волга», «Сибирские огни», «День и ночь» «Вещь» и др. Финалист премии «Лицей» (2018). Автор нескольких книг стихов. Участник и лауреат нескольких поэтических фестивалей. Живет и работает в Екатеринбурге.

* * *

Результат не проверен,
хоть решение дано.
Этот мир не проветрен
и довольно давно.

Я доподлинно верю,
что не буду в раю.
Тихо слушаю Веню
да картофель варю.

Мне б дыханьем подкрасить
эту рыхлую пасть.
К верткой рифме подкрасться
да созвучье подкрасть.

Мне не нужно обратно
(к сим пришел я от сих).
Я сжимаю в объятьях
рук — немых, немых —

все, что вырвет напрочь,
вырвет слезы из глаз.
И порукой мне на ночь —
только звука алмаз.

* * *

Пусть я иссяк, но все ж насекомых
в блокнотцах — дробный ядерный петит.
Так соечка решает за осечку,
поняв, что до сих пор еще летит.

Не то чтоб сильный, но не сильно сальный —
я знаю, как из звука слово мнут —
весь трепет этих ангельских, сусальных,
бестрепетных, злых, золотых минут.

Пусть со второго прыгаю на третье
и дважды два выравниваю в пять —
себя готов в бумагу истереть я,
пока еще мне нечего терять.

* * *

Одинокий от рожденья,
распахни в себя окно —

не твое ли отраженье
в зеркале закалено?

Не тебе ли воздух синий
в гордой темени цеплять
и считать скупые силы,
как по осени — цыплят,

отдавая зуб за око,
выжимая белый сок.
Здравствуй, морок, и морока,
и тяжелый черный рок.

Так давай — держи бодрее
тихой горечи рычаг,
дуновение Борея
распознав в тугих речах,

разгоняй густую пестрядь,
заливая в перья сталь,
и получишь медный перстень
с гравировкой «Перестань».

* * *

М.

Кануть ли безвестно
с местного моста...
Расскажи, невеста,
где мне высота.

Сникнуть в гроб горбатый
снеговой реки,
а потом — обратно —
гнутья от тоски.

Будто подрисован
к яви черный сон.
Мне ли адресован
трезвости трезвон?

Истиной инстинкта
истины инстинкт
поверить не стыдно
тем, кто горько спит.

Знак твой ждет девичий,
свет моих очей,
некиногеничный
дохлый книгочей.

Этой ночью зимней
я совсем один.
Только не грози мне
полаханьем льдин.

Знаю: ты парила
в этой стороне...

Скользкие перила
жгут подошвы мне.

* * *

Леше Котельникову

Мы не канем — это не канает,
если рифма ходит от бедра.
Если кто за жизнь и покарает,
то не смерти злой белиберда.

Просыпайся под небесной сталью
в голубую дня галиматью,
нарывайся гибельною статью
на дождей расстрельную статью.

Крышу нашу дождь иной простукал
и в сквозную вытекает даль,
там, где лука кукольного купол
перекрыл летальную деталь.

Но слова, что пляшут здесь и плещут,
не алкая лайков, как лакей,
обещают кое-что похлеще.
И словам мы говорим ОК.

* * *

Учуяв неба запах,
непросто быть собой,
и ты мышшиной сапой
сливаешься в запой.

Не зря ты век варился
в котле иных времен.
Но чуть проговорился —
и вот приговорен

к стакану влаги местной,
к сей жидкости мирской —
и сладостной, и мерзкой,
как соль воды морской,

и оседая грузно
в фаянсовый провал —
себе пророчишь грустно
финансовый провал.

И хрусткий позвоночник
настраиваешь петь —
нетрезвый полуночник,
умеющий терпеть...

* * *

Прозрачный снег дыхание коробит,
его немного в угол накренья.
Так выскобленно и высоколобо
январский воздух смотрит на меня.

Прошедшей ночью я прошел три ада,
я ползал, прыгал, плавал и летал,
в моей башке друиды и дриады
топтали мозга красный краснотал.

Я выжил, но не чувствую вольготно
себя и не почувствую уже...
Чадит и затухает новогодье
в от чуда застрахованной душе.

Маргарита ПАЛЬШИНА

ПОКОЛЕНИЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Роман

Between extremities man runs his course.

William Butler Yeats

ГЛАВА 1. НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРЕДЕЛОВ

Третий путь? Он существует...

Трамвайные пути упирались в солнце. Над Москвой плыл июль. Зеленый и многоголосый.

«Учеба! Работа!!!» — надрывался продавец утренних газет близ остановки.

Неужели кто-то еще читает газеты?

Они проходили мимо. Рыцари свободного копья. Призраки больших и малых городов. Люди мира. Они учатся всему сами. Не платят налоги, не плодят детей, не живут в кредит. Не значатся ни в каких списках. Где бы ни обитали, везде не местные. Не ждут завтрашнего дня, не помнят вчерашнего. И мечтают лишь об одном: чтобы лето не кончалось.

Из дневника Жанки, на грани столетий

Она приходит ко мне из будущего. Снятся качели в нашем дворе. Ночь. Никого вокруг. Она садится на другой край, и мы поочередно взлетаем в пронизанный звездным светом воздух. Она — это я взрослая. Но никак не могу разглядеть ее лицо, хотя всегда видела лица везде: в узорах коры деревьев, трещинах стен, решетках ворот и люков, рисунках обоев, даже буквы в книгах иногда выстраивались в виде лиц. А своего будущего лица не могу увидеть! Разговариваю с пустотой, а мне столько нужно у нее спросить! Кем я стану? Исполнятся ли желания? Буду ли счастлива, любима?

Взлет качелей: мой вопрос — ее тишина в ответ, глубокая, как колодец ночного неба. Когда в отчаянии спрыгиваю с качелей, она вдруг поднимает голову и спрашивает, о чем мечтаю я.

Маргарита Николаевна Пальшина родилась в 1978 году. Окончила Московский современный гуманитарный университет и Режиссерскую мастерскую при ВГИК. Проза публиковалась в литературных журналах «Нева», «Новый берег», «Пролог», «Гостиная», «Белый ворон», «Сетевая словесность», «Зарубежные задворки», «Млечный Путь», «Поэтоград», «Номо Legens». Лауреат Всероссийской премии «Кинохит-2008» (за сценарий криминальной драмы «Вертикаль»). Серебряный лауреат Международной премии «Золотое перо Руси-2014» (за рассказ-антиутопию «Безбрежные дни»). Лауреат Южно-Уральской премии-2017 (за повесть «Белый крик, красная песня», опубликована в журнале «Нева», 2016, № 4). Финалист премии им. И. А. Гончарова, Славянского форума искусств «Золотой витязь», лонг-листер Бунинской и Горьковской премий 2016–2017 (за роман «Фигуры памяти», издательство «За-Za Verlag», Германия, 2015). Живет в Москве.

Просыпаюсь в слезах, потому что знаю: ни одна детская мечта у нее не сбылась. Просыпаюсь все глубже в осень. И осень тоже плачет за окнами, как на вокзале. оплакивает мое последнее беззаботное лето. Впереди — выпускной класс. Мне говорят: выбирай, кем ты станешь. А я хочу остаться собой. Не из чего выбирать в нашем унылом райцентре. Вот если бы в свободную Америку слетать или дожидаться обнуления, то на другом конце планеты или в новом времени наверняка нашлась бы подходящая для меня судьба. А здесь и сейчас вокруг типовые многоэтажки и серые лица на автобусных остановках.

Странная все-таки цифра нас ждет: двойка и три нуля. Почему ноль по Фаренгейту воспринимается язбче, чем минус семнадцать по Цельсию? Потому что ноль кажется абсолютным, но это по Кельвину, минус двести семьдесят три по Цельсию, хотя папа и утверждает, что на практике такое состояние недостижимо. А я верю, что он есть — где-то в межзвездном космосе.

Ноль уничтожает любое умноженное на него число, в школе твердят «на ноль делить нельзя». А что будет, если на ноль умножить или разделить бесконечность?

Неопределенность пределов, говорит папа. Он математик, и цифры для него — язык описания мира, способ его исчислить, а значит, понять. Например, он мог бы написать уравнение танцующей на песке у моря девушки или полета птицы над городом. Но не может понять меня. Я для него — неопределенный предел терпения. И для мамы тоже, хотя она и гуманитарий.

Что ж тут поделаешь, если год моего рождения — восьмидесятый. Вертикальная бесконечность, умноженная на ноль. Но предки считают, что восемьдесят — это восьмой десяток столетия, ни к чему его переворачивать в череде веков, а я просто подросток, полный внутренних противоречий.

По-моему, шестнадцать лет почти старость. У предков время законсервировано, как в банке: под новый год открывают, съедают ложечку меда (или дегтя?) — и закрывают. Их время — смена цифр в календаре, а для меня прошлый год — как другая жизнь.

Пообещала им: вот состарюсь — и выброшу всю косметику, в шестнадцать не понадобится «боевая раскраска под индейца». Старшекласснице не у кого отвоевывать территорию на школьных дискотеках: то, что принадлежит тебе по праву, перестает интересоваться.

Теперь по ночным клубам шляемся со взрослыми мужиками и тетками под двадцать тусоваться, у некоторых из них уже дети, а все туда же, типа молодость. И никто никого толком не знает на танцполе.

Воруем у Алискиного брательника из карманов контрамарки. Накопили коллекцию: красные, зеленые, оранжевые, золотые. Гладим уютгом и проходим на халяву. Билеты нам бы не продали, а в толпе удастся проскользнуть. И красимся уже под египтян — черными тенями. Предки дают нам деньги на такси из клуба домой, а мы спускаем их на «отвертки» и «блудливых мэри».

Сквозит. Холодно, до дрожи.

Интересно, кто-нибудь видел замерзшую водку? Может, в Якутии? Или космонавты на Луне по ночам лижут заспиртованный лед? Или наоборот: под строчку Есенина «с бандюгами жарю спирт» всегда отчего-то представляются революционные костры, одна бутылка на весь замерзший Питер — кладут на жаровню и дружно вдыхают спиртовые пары.

Спиртного в холодильнике, конечно, не оказалось, для него всегда почему-то нужен повод. Жаль, добавила бы капельку в чай, чтобы согреться. Батареи включают на ноябрьские праздники. Самое мерзкое время: тепла в доме еще нет, а на улице уже холодно. И ветер с дождем прямо в окна.

Как-то мама в порыве откровения сказала: «На вас вся надежда! Наше поколение никогда не вырвется из Страны Советов. Рожденные в семидесятых — потерянное поколение, вынуждены выбирать судьбу на перепутье, в эпоху развала и разгула, а вас, может, и вынесет штормовой волной на берег благополучия, сумеете сберечь себя для счастья».

Ага, Изумрудный город выстроим и забаррикадируемся от старших братьев и сестер. Они и сами бы нас замуровали в стену, как в ужастиках Эдгара По, чтобы не подглядывали.

Наивная она, на самом деле с каждым поколением все безнадежнее, потому что мы все предыдущие разочарования в себе несем. Это как папины фракталы Бенуа Мандельброта: меньшее растет из большего, повторяя его в произвольной форме. Случайно и непредсказуемо.

У деревьев из хаоса рождается гармония. У людей нет. Я люблю рисовать деревья, переплетающиеся ветвями. Или чтобы их тени на земле, соприкасаясь, напоминали влюбленных, держащихся за руки. Однажды нарисовала, как сосна корнями обнимает прибрежные скалы. Школьный психолог, Олеся Николаевна, похвалила и сказала, что корни — это крепкая связь с родителями...

За чаем прочла в рассказе Набокова словосочетание «складные картины» — и сразу в памяти заскребся тот сизый сентябрьский рассвет после первой по-настоящему серьезной ссоры с мамой. Ночь напролет я бездумно выкладывала в ряды квадратички с листьями лиан, тигриными глазами и спинами, кусочками синего неба и облаков. Механическое действие лучше всего успокаивает. Это было любимым семейным занятием — собирать мозаику, а папа аккуратно наклеивал ее на кусок картона и вешал на стену, как картину.

Мама вошла в кухню в шесть утра, кутаясь в махровый халат. Заплаканная. Тоже всю ночь не спала. Тихо обняла меня и сказала: «Ложись! Я напишу тебе записку для школы». И начала собираться на работу. Я подумала: «Жаль, что взрослым некому написать освободительную записку».

Сейчас бы все сложилось иначе. Олеся Николаевна научила меня жить мечтами о будущем. Руки Хирурга сняты реже, я будто выдохнула, избавилась от страха и стыда, но это только с ее появлением в школе, а до встречи с ней я была сама не своя.

Застала маму с дневником в руках. Дневник я хранила в шкатулке, а резной ключик носила на цепочке, как кулон. Заходил кто-то из друзей, отвлек, и я забыла дневник на столе. Обыкновенная школьная тетрадка. Мама решила, что тетрадка с сочинениями, и принялась читать. Ей нравились мои сочинения, тетрадки по литературе — единственные с высокими отметками, преподаватели остальных предметов мрачно констатировали: «Жанна не учится, ничто ей не интересно, выползает на тройки-четверки за счет генов». А литераторша мной гордилась. И мама тоже.

«Ненавижу мать и лгу на каждом шагу», — прочла она в моем дневнике. Губы задрожали, пальцы побелели. Отшвырнула дневник и повалилась на диван, будто ей кто подножку подставил. Я в дверях комнаты стояла, все видела.

Сейчас обняла бы ее и сказала: «Мама, не плачь! Во всем виноват мой неразборчивый почерк! Это не буква „м“ и не „мать“. Только те, кто не любит родителей, говорят о них „мать“, „отец“, отстраненно. Я же всегда говорила „мама“, „папа“ или в шутку: „предки“, „черепа“, „шнурки“... — и мы вместе смеялись. В дневнике написано: „ненавижу лгать“. Ну вот же, видишь, точно такие „г“ галками ниже в словах „говно“ и „гаснет“. Как ты могла прочитать плохое?» И мы бы никогда не поссорились так страшно».

Но я была не той, что сейчас. Визжала на всю комнату, что нечестно читать чужие дневники, нужно просто быть рядом. А после до рассвета собирала мозаику, пытаюсь

понять, что же произошло между нами, прочувствовать силу отчаяния. Точно язык отнялся, и среди множества бесполезных слов, как в коробке с мозаикой, затерялся единственный нужный квадратик со словом «Прости!».

Потом я ей все объяснила, но потом — значит, «слишком поздно». Что-то треснуло между нами в ту ночь, из отношений исчезли тепло и откровенность. Что-то важное, что уже не склеить, было утрачено.

Может, поэтому и продолжаю вести дневник: надо же хоть кому-то довериться, даже если этот кто-то — ты сама.

Звонок в дверь. Длинная трель и сразу короткая. Марат.

С порога:

— Ну что, напишешь, как договаривались?

— А деньги принес?

Потоптался на коврике, извлек из-за пазухи блестящую коробочку.

— Вот.

Открыла.

— А почему тени розовые тронуты? У мамы скоммуниздил?

Впрочем, из всего набора косметики пригодятся только квадратики с черными и фиолетовыми тенями и пудра — белая. Лучше б деньги принес, придурок, купила бы в секунд-хенде кожаную кепку под Клауса Майне.

— Да ты офигела! Набор — прямо из дьюти-фри. Где ты в нашей дыре такое достанешь?

— Ладно, сдую, щеточкой почищу. Проходи.

Уселся на диване в моей комнате. Бегло осмотрел рок-н-рольные плакаты и уставился на сиськи Сабрины. Специально для них повесила. Пока мечтают, могу спокойно сосредоточиться — и написать. А финский «Rolling Stone» не дам ему листать, святое.

Помню, мама частенько штукатурилась перед моим трюмо: комната на солнечную сторону, а трюмо папа сделал из верстака и самого большого зеркала, которое тогда удалось достать в магазинах. Удобнее не придумаешь. Стену напротив окна я и украсила плакатами. Мама увидела искаженные экстазом рожи вопящих на концерте рокеров в зеркале за спиной — чуть припадок с ней не случился от страха. Больше не приходит. Красится в ванной, там тоже свет ничего, яркий.

Хотя рок-н-ролл в семье у всех в крови. И свадьбу в студенческом общежитии они играли не под Мендельсона, а под популярную рок-композицию конца семидесятых, о которой все думали, что она о любви, а на самом деле — о тяжелой жизни индейцев в резервации. Но об этом мои родители узнали через много лет счастливой супружеской жизни. Это мы сейчас об Америке мечтаем, а они в школе учили немецкий.

«Close your eyes and I'll try to get in... 'cos I was born to touch your feelings...» — засунула кассету «Scorpions» в магнитофон — они всегда меня вдохновляли.

Еще летом отправила в городскую газету стихи:

Просто сумерки,
И не ночь, и не вечер.
И без умолку
Ветер на ухо шепчет
Те слова, что стесняюсь сказать...
Взять бы под руку ночь да пойти гулять!
Переулками,
Звезды накинув на плечи...

Красиво же? А они не напечатали. Даже не позвонили.

И теперь пишу для одноклассников и дружков из моего квартала розовые записочки вроде: «Ты мне сегодня приснилась...» или «Я вижу, как твои руки обнимают меня...».

Пацаны их переписывают — с ошибками, своим почерком, чтобы никто уж точно ни о чем не догадался, и суют в карманы пальто в школьном гардеробе или в почтовые ящики всяким прыщавым, но грудастым девкам.

А для крутых, вроде Марата, сочиняю коронные фразы — что нужно сказать, чтобы дали прямо в подъезде. Он их наизусть заучивает. У кого из властителей дум, интересно, власти больше: у драматургов или у писателей? Неважно, все они, из школьной программы, умирали в нищете и забвении, а я процветаю. Потому что талант изначально был мерой золота. Это потом его закопали в землю и превратили в недоказуемый миф. Говорят, в знании — сила. Я считаю: свобода. Всякий волен выбирать, на что употребить свой талант, если он есть.

Когда меня пытались отчислить из школы за порубленные топором джинсы, наша классная кричала маме: «Дочитались! Жанна, девочка из интеллигентной семьи, ходит в школу хуже бомжа одета, куда уж свободнее! Беспредел!» Утверждает, что читать за пределами школьной программы — преступление, то же самое, что за взрослыми подглядывать.

А мама свято верит: если человек читает, все у него в жизни так или иначе, рано или поздно сложится. Дома у нас почти александрийская библиотека, запрещенных книг в семье нет, читаю что хочу. Твердит только: «Береги глаза! Не читай в темноте!» Как секретарь мама имеет доступ к ксероксу на работе. Года три трудилась: отксеренные пачками талоны на водку меняла на раритетные книги. Так что теперь стеллажи доверху забиты самиздатовскими диссидентами, «Иностранкой» и подписными журналами «Юность» и «Новый мир».

Потом в старших классах в школе объявили свободную форму, а мама решила, что родительские собрания ее тонкая нервная система гуманитария не выдержит. И теперь туда, как на каторгу, каждый месяц ходит папа. На семейном совете постановили: раз классная алгебру и геометрию преподает, папе-математику легче будет найти с ней общий язык.

Караюлю его на лестничной площадке, тайком покуривая.

«Ну как?» Он тяжело вздыхает: «Все то же». И добавляет заговорщицким тоном: «Но мы не будем расстраивать маму».

Отчего мне все время кажется, что в книгах правду пишут, а по жизни лгут?

— Готово? — трясет за плечо Марат.

— На, читай.

— Ощутить трепет твоих век на губах... Это еще что за хрень?

— Она закрывает глаза, а ты целуешь ее в сомкнутые веки, она тебе доверилась — и ты принимаешь этот дар. Полное растворение друг в друге. Есть такое состояние, как абсолютная близость. Когда закрываешь глаза и... любимый человек может делать с тобой все, что захочет, хоть кусочки плоти вырезать себе на амулеты. Высшая степень доверия, понимаешь? Она расслабится — и тут ты бери ее тепленькой, голыми руками.

— Круто! Тебе надо на психолога пойти учиться после школы. А вообще — грейт сенкс. Много понаписала. Половину использую для Инги, а другую — для Майки. Пусть будет запасной вариант на Хеллоуин.

Ушел довольный.

Лучше бы они говорили и писали то, что думают. Но когда они это делают, девки их посылают. Ясное дело: ни хаты свободной, ни денег, чтоб напоить девку до беспмятства, нет. А тут медленный такой период созревания в подъезде у почтового ящика.

И почему Инга? Майка-то понятно, кто ее только не. А Инга — странная. Тихоня невысокого роста. И взгляд... будто сквозь тебя смотрит куда-то в иные измерения. Так и подмывает спросить: «У меня что, привидение за спиной?»

Еще подумалось, что трахаться в подъездах могут позволить себе только рок-звезды. Их никто не осудит: всего в жизни добились — недостижимая для обывательской морали высота. Для них падение — еще один полет. А если ты никто, то лучше и не падать. Грязь отвратительна. Как болото: сильный проскачет по кочкам на другой берег, слабого засосет.

Я вот не собираюсь сидеть на скамейке запасных. Когда человек любит по-настоящему, отдает все до капли и не может быть никаких «вариантов».

И вообще: нельзя писать о любви! Потому что невозможно. Не получится обойтись без пошлости. Только ощутить трепет сомкнутых век...

Джанет, в нашем веке

После второго звонка в дверь Джанет на цыпочках пробежала по квартире, щелкая выключателями. Звонили тихо, но настойчиво. Стражи порядка? Когда соседи-гастарбайтеры теряют ключи, жмут так, что штукатурка с потолка сыплется. А звонящий — человек вежливый, но явно по ее душу. И знает, что дома.

Третий звонок.

Джанет замерла у окна, напряженно глядя в антрацитовый вечер. Светящаяся тьма. Фонарь пульсировал в ветвях каштана на ветру, как сердце дикобраза на анимированном рентгеновском снимке.

Откуда возникает страх перед людьми за дверью? Никогда не отпирала, чтобы понять, а двери на съемных квартирах как на подбор либо не имели глазка, либо выходили в общую прихожую, и невозможно было узнать, кто за дверью, не обнаружив своего присутствия.

Четвертый звонок. Так на краю памяти звонил лишь один, но его не могло быть сейчас за дверью. Из прошлого не возвращаются.

Она же, очнувшись от тишины, вернулась к компьютеру. Авиабилет до Неаполя за сто пятьдесят евро. Забронировать? Да. Чтобы стать свободной, нужно выдумать кучу правил и неукоснительно их соблюдать, иначе будешь жить по чужим. Первое правило гласит: хочешь счастья — избегай зимы.

После детства на севере Джанет гналась за летом. Сентябрь в Москве — эпидемия суеты и нервозности. Слово вчерашним отпускникам объявили, что они доживают последние дни. Пора, вновь решила она. На сей раз — в Сорренто. Город над морем из далекого сна, где по-прежнему реяли буревестники Горького. Девяносто заветных дней, а дальше до безвизового Туниса через пролив рукой подать.

И скрываться ей незачем. Ничьих законов Джанет не нарушала, жила по своим. Не убийца, не вор, не преступник. Просто выдумщик или, как сейчас принято говорить, креатор. «Я пишу сказки», — уклончиво отвечала она на вопрос о занятиях. Хотя за последние годы не написала ни строчки. Мама оказалась права: пером на жизнь не заработаешь. Стезя писателя в наши дни — хобби. Как переводчика или редактора Джанет обвиняли в невнимательности: прощала авторам и ведро спелой вишни в мае, и сваренную на языческой Руси картошку, полностью погружаясь в придуманный ими мир. Свои коммерческие, «не принятые» заказчиком и неоплаченные статьи до сих пор то и дело нагугливали в Интернете. Бессмысленно бороться с теми, кто сильнее тебя, — учись у них. Художественную литературу заменила прикладная. Училась всему сама. Сайт заказчика в случае неуплаты можно уничтожить. Разработка сайтов вела напрямик в электронную коммерцию, а из нее — к махинациям. Словечко обывателей. Джанет говорила: «приключениям».

Самым интересным приключением, пожалуй, были ночные райдеры. Любой запрет порождает новые возможности — сказочно разбогатеть тому, кто сумеет его обойти. «Riders on the storm», — напевала она вслед за Моррисоном, в очередной раз переноса виртуальное представительство по продаже алкоголя в ночные часы на новый хостинг. Парни варили самогон в Подмоскowie, разливали по бутылкам с этикетками элитного алкоголя и отправлялись по звонку в ночь. Русскому мужику сколько ни покупай — все равно бежать за второй. Сайт постоянно блокировали, но каждую ночь он всплывал на просторах Интернета, а райдеры, груженные под крышу, до рассвета колесили по неспящей Москве. Строчками кода Джанет писала историю их дорог.

Виртуальная жизнь позволила колесить по миру и ей. Джанет никому не должна, ее нигде не ждут. Может зарабатывать из любой точки мира. Ни с кем не связана дольше, чем на проект. Любой социум воспринимала, как охотник тайгу, где каждый хищник выживает сам по себе, в одиночку, предчувствуя опасности и рискуя оправданно, тщательно продумывая возможности и взвешивая на ладони судьбы свои способности. Не решалась идти на крупного зверя — белые корпорации с миллионными заказами, зная, что не выстоит против, так как все они склонны превращать фрилансера в раба двадцать четыре часа онлайн, что значит убить охотника. Работала, как промысловик по пушному зверьку: для мелкого, но ценного бизнеса, или, проще говоря — теневого. Кому есть что скрывать — готовы платить дорого.

Родителям аккуратно звонила раз в неделю — сообщить, что жива-здорова. А все прочие, кто жаждал семейных уз и оседлости, остались в прошлом. Времени нет, повторяла себе, мельком отмечая, что любовники меняются, как времена года, и год от года молодеют. Лишь недавно задумалась о быстротечности времени и, следовательно, существования. Сначала весной в аэропорту, в очереди на таможенный контроль, обнаружив в паспорте спутника девятку в годе рождения. А позже летом, в московском парке, узнала от парнишки-брейк-дансера, что дети нулевых уже доросли до того, чтобы крутиться на голове и стрелять сигареты.

И сейчас, сверяя цифры авиабилета Москва—Неаполь, Джанет вновь окунулась в чувство, что всю жизнь от чего-то бежит. Или от кого-то.

Из дневника Жанки, на грани столетий

Каждую осень ветер гонит по Озерному проспекту вниз, к набережной, вихри желтых листьев. Морозный, прозрачный воздух, осыпается иней с веток, и, кажется, город цепенеет, медленно погружаясь в зимнюю спячку. Я останавливаюсь посреди проспекта или набережной, пытаюсь расслышать слова колыбельной. Но улавливаю только мелодию, она похожа на тихий перезвон маленьких колокольчиков.

В этом году снега не ждали. Деревья не успели облететь, ветрогона не было. Ветки гнутся к земле под тяжестью снежных шапок на листьях. Сыро, промозгло. Снег идет и идет, вторые сутки подряд. Говорят, многие деревья сломаются, погибнут. Ощущение полной беспомощности: жалеть — жалеешь, а спасти не можешь, нечем помочь, не будешь же соскабливать лед с листы каждого дерева.

Еду на троллейбусе до Зареки — бесцельно бродить по размытым, чавкающим грязью дорожкам меж деревянных домов, словно бегу из скандинавского чистенького и уютного городка на окраину Руси, в есенинское прошлое. Перешагиваю через трухлявые поваленные стволы берез, заплетаю в косы ветки плачущих ив над рекой, которая давно никуда не течет и напоминает болото.

— Это не наша, это зарецкая грязь! Что ты забыла в этом убогом районе? — поморщилась мама, разглядывая мои ботинки. Не успела их вымыть перед ее возвращением с работы.

— Там опасно, самый криминальный район города! — поддержал ее папа.

— Не опаснее нашего.

Чуть не крикнула снова: «Забыли Хирурга?»

Но они и так все поняли, замолчали и прекратили расспросы и убеждения.

Зарека — корни нашего города. Старые дома, сохранившиеся или перестроенные со времен петровской слободы вокруг пушечно-литейного завода. Наш город вырос из этого неказистого поселка, и теперь мы все живем в новых многоквартирных домах, а зарецкие — в историческом прошлом. У нас одинаковые окна: не отличить ни днем, ни в сумерках, когда светятся, а у них — на каждом окне резные наличники и ставни с поэтическими узорами разного цвета и формы. Там часто отключают свет, и в окнах зажигаются свечи.

Я еду на Зареку тайком, с тех пор как увидела его в июне. Тополиный пух кружился в солнечных лучах, как снег. Он танцевал у калитки, изображая лунную походку. Загорелый, в обтягивающих джинсах, голый по пояс. Гибкий, как канатоходец. Почувствовал мой взгляд, поднял голову и улыбнулся. Черные глаза — ожог!

Таким я представляла себе цыгана Лойко Максима Горького.

Учительница по литературе призывала меня любить Гоголя. Но я его ненавижу! «Шинель» — бесконечная цепь постыдных унижений. Половая тряпка, а не шинель. Персонажи «Мертвых душ» вообще паноптикум какой-то — один другого уродливее. Русью-Тройкой правит нерусский, потому что русский человек — созерцатель, он на печи лежит, думает, а не суетится, скупая чужие мертвые души. А вот Горьким я зачитывалась, его герои стали пределом всех моих мечтаний. Кто-то скажет: романтические персонажи нежизненны и банальны, но зато как они красивы! Они — герои, а не маленькие жалкие людишки!

И тогда, в июне, под тополиным пухом, похожим на снег, я увидела живое воплощение своих грез.

Снег кружится за окнами троллейбуса. Сейчас на остановке разъедутся двери, он вбежит по ступенькам, увидит меня — и улыбнется, как тогда. И будет таять снег на черных волосах, и буду таять я, как в самом сладком сне... Надо срочно придумать оправдание, если спросит, куда еду, почему на Зареку? Бабушка там у меня жила, например, тоскую, хожу вокруг старого заколоченного дома, вспоминаю детство, которого не было до того, как мы переехали в новый район... Но ему же необязательно рассказывать, что не было, что никогда не жила на Зареке. Не станет же он узнавать семейные истории всех заколоченных зарецких домов!

«Кличка — Джексон. Зовут Женей», — позже сообщил Марат, ходячая энциклопедия тусовщиков города. Всех и все про всех знает.

Здорово, подумала я, что наши имена начинаются на одну букву, словно увидела тайный знак. Букву, с которой начинаются все неприятности. Или приключения?

— На хрена он тебе сдался? Нищета цыганская, у него даже ванной нет, чтоб помыться.

— Образ бродяги. Писать о любви нужно учиться у менестрелей.

— Так он двух слов связать не может! Дебил. Абсолютный ноль.

— Сам ты дебил, Марат!

Больше о Джеконе не разговаривали. Надо бы что-нибудь еще о нем выяснить у того, кто в поэзии смыслит, а не девок по подъездам тискает.

Результат прогулки по Зареке: насквозь промокшие ноги, черные щеки и пальцы — потекла косметика, не спас даже натянутый на глаза капюшон куртки. Снег с дождем, грязь под ногами — и ни души вокруг.

Отчего-то вспомнился такой же внезапный снег в прошлом апреле. Выпал накануне майских праздников, у папы как раз был отпуск. И мы торчали с ним вечером на лестничной площадке, он курил, а я донимала его вопросами.

«О чем ты мечтаешь?»

«Каждый год на три-четыре дня город окутывает нежно-зеленая дымка. Клейкие юные листочки на деревьях, почки можно размять в ладонях и вдохнуть запах начала начал. Самые счастливые мгновения весны. Десять лет уже пропускаю: то научные конференции, то доклады, диссертация... В этом году решил: все, нельзя пропускать весну! Взял дни за свой счет — и вот...»

Не глядя, махнул рукой в сторону окна. За плечами не падал, а отвесной стеной стоял снег. Тусклый свет рыжих фонарей пробивался сквозь густую пелену. Папа думал, я не замечу в темноте подъезда, но когда повернулся в профиль затушить сигарету, в контровом свете вспыхнули выступившие на глаза слезы.

«Знаешь главное свойство времени?» — спросил он.

Я помотала головой.

«Все проходит, как снег, боль или отпуск. Жаль, что и жизнь тоже. Не завершается, а проходит. Делал что-то, делал, не успел доделать — и уже шагаешь по дороге из желтого кирпича в Изумрудный город».

Мне стало невыразимо тоскливо. Я решила жить быстро, как герои рок-н-ролла, каждый день — как последний. А о смерти к тому времени уже почти все знала.

Впервые поняла, что живое хрупко и может погибнуть в любую минуту, когда мне было лет семь или восемь. Бежала за автобусом наперерез через площадь. Площадь была покрыта сизым шевелящимся ковром голубей, клевавших хлебные крошки. Я бежала, голубиное покрытие мгновенно превращалось в ковер-самолет. Мне и в голову не пришло, что птица может не взлететь, не увернуться. И вдруг под ногой — что-то скользкое, мягкое хрустнуло. Воробышек *собирал* крошки подле голубей. Я ощутила необратимость прошедшего времени глаголов: больше не собирает — и никогда не будет. Баюкала в ладонях еще теплый трупик.

Взрослые за спиной перешептывались:

«Может, закопаем птичку под деревом? Девочке легче станет».

«Не трогайте, первый опыт смерти. Надо пережить, осознать».

Вскоре все разошлись, а я осталась одна посреди площади. Воробышек на ладони был уже холодным.

Позже в жизни возник Хирург, и я узнала, как приходит смерть. Больно, но буднично. И ничего ты с ней не поделаешь.

С бабушкиных похорон тоже все родственники расходились, обсуждая какие-то мелкие домашние дела, каждый в свой будний день. А она осталась одна под каменной плитой за оградой кладбища.

Часто мне потом снилось, что она по-прежнему с нами, но словно не в нашей квартире, а в какой-то чужой. И песок летит в раскрытые окна, замечает полы, столы, шкафы, и мы уже по горло в песке, не можем пошевелиться. Она просила вымести песок из дома. Я рассказывала о снах родителям, мы возвращались на кладбище и укрепляли могилу: почва оказалась песчаной — и памятник проседал, сгибался к земле, чуть не падая.

В день поездки на кладбище покупали цветы, и папа говорил, что нет смысла делать крюк от дома к цветочному магазину, чтобы потом возвращаться обратно на автобусную остановку, что цветы можно купить у дороги перед кладбищем. Мама ворчала: «Математик! Ничего-то о жизни не знаешь». Однажды и я увидела, как нищие забирают еду и сигареты у покойников, и поняла, почему мама заставляла нас делать этот крюк.

Гуляя сегодня по Зареке, мечтала, что мы с Джексоном будем как Орфей и Эвридика. Мимолетная встреча летом, зимой — разлука и царство тьмы, но если я начну замерзать, он придет и согреет, спасет меня своим танцем. Или как Геро и Леанр: ночью я зажгу в комнате свет, он переплывет зарецкое болото, и мы уже никогда не расстанемся.

«Ты мой свет в окошке», — твердила мне покойная бабушка.

Евгений Романов, в нашем веке

Он узнавал птиц по голосам и мог исцелить любое мохнатое существо. В городе к нему обращались не иначе как Евгений Романов или доктор Романов. Уважали все, кто любит животных. В северном краю животные — залог тепла и уюта в доме.

Антрацитовый блеск глаз скрадывала легкая седина на висках. «Рано, Жен», — сокрушалась мать. Но только таким он смог обрести самоуважение и жить в ладу с самим собой.

«Вырождаемся, — рассудил отец. — Единственный сын как ракло¹ рос, так и всю жизнь не делом занят».

«Брось, животных природа исцеляет», — поддакивала мать.

«Больше нет. Звери в нашем безумном мире больны, как и люди», — отвечал Евгений.

В восемнадцать лет добровольно пошел в армию — служить в горячие точки. Чечня не иссякала, а его черные глаза как раз там были востребованы. Ходил в разведку и на переговоры в аулы. После имел льготы на обучение. Выбрал профессию ветеринара.

Однажды вылечил даже львенка из гастролирующего цирка. Львенок терял зрение, плохо ориентировался в пространстве. Альбинос, ничего не поделаешь. «Держись, тезка, прорвемся», — шептал ему, капая в глаза бабкины отвары. Евгений был единственным врачом в городе, не чуряющимся нетрадиционной медицины, способной исцелить безнадежно больных. В умелых руках и скальпель, и дорогие лекарства в фирменных упаковках, и дары природы превращались в мощную систему обороны хрупких, теплых мирков внутри тел от смертоносных ветров отчаяния. Белый лев вырос на арене, судя по афишам: цирк приезжает в город каждое лето.

Семья Евгения кочует по городам, точнее, ее женская половина. Отец умер в пути, не дождавшись коронации сына. Старшая сестра выгодно вышла замуж в Санкт-Петербурге, а куда дальше они отправились всем табором — устал следить. Вздохнул с облегчением, когда проснулся один. С периодичностью раз в полгода звонили и требовали денег в связи с финансовым кризисом или рождением очередного наследника. Евгений включал режим экономии и высылал перевод, чертыхаясь процентам. Зарплата у царя зверей не соответствует признанию в кругах общественности, а руку не золотил никогда — цыганские корни в прошлом. Позже научились справляться сами.

Старый дом потихоньку в кредит облицовал сайдингом, сделал ремонт, провел электричество и горячую воду, печь перестроил в камин. На пустыре в конце улицы вместо поля разбили парк, рядом с ним выросло двухэтажное здание — единственная в городе клиника для домашних питомцев. Живет почти на работе.

И вот вчера принесли кошку по имени Жанка.

Иногда забытое слово может всколыхнуть... вечность.

— Неподходящее имя для кошки, — подумал вслух.

— Почему? — удивилась хозяйка.

— Кошке нужен дом.

¹ Не цыган, чужой.

— А Жанке — нет?

Она не вернется. Евгений знал это, как «Отче наш». Чувствовал, как ветер в камине сквозь сон. И даже выходя из дому в ночь, чтобы услышать ее далекий голос из-за невидимого в темноте горизонта. Она научила его читать: не складывать буквы в слова, а искать скрытый за ними смысл.

— Когда прадед паспорт получал, спросили: чей будешь? Цыгане, ромы... Как еще могли записать? — пересказывал семейную байку.

— И Нищий стал Принцем, — шутила она в ответ. — Романовы — царская фамилия.

Царем он и стал, но не для людей — для животных. Впрочем, благодаря им и для некоторых людей тоже. Для людей особой — самой лучшей — породы. Другие не в счет: цивилизованное общество строится милосердными к нижестоящим на ступеньках эволюции, законы бытия всегда справедливы, и истинная власть дается тем, кто их соблюдает.

Благодаря Жанке Романов нашел ответы на все свои вопросы в книгах. Кроме одного: был ли он честен с ней, рассуждая о цыганской свободе? Когда точно на временном отрезке пути родилась его собственная мечта: всецело принадлежать обществу, найти свое место в нем, стать его неотделимой — полезной — частицей, до или после встречи с Жанкой?

«Я не искала бы тебя, если бы уже не нашла в своем сердце», — хранил он ее выцветшую записку. Лишь спустя много лет Евгений узнал, что книжная эта фраза адресована Богу.

Из дневника Жанки, на грани столетий

Осень в этом году нервная или зима нерешительная? Ночи разбрасывают по небу не звезды, а пригоршни крупного льда. Но после снегопадов настали сухие ветреные дни. Был снег — и исчез. По-моему, если выпал, так лежи. А когда ни то ни се, не знаешь, что чувствовать. Как во сне живешь. И только Млечный Путь ледяной дорожкой от балкона прямо в зиму.

Что-то нас ждет...

Утром решила погадать по книге. Взяла первую попавшуюся с книжной полки, открыла наугад и прочла: «Идеализм — крайняя форма отчаяния. Сон наяву»².

Мне часто снится наше идеальное будущее. Сегодня ночью мы с Джексонем катились на светящихся роликах по Озерному проспекту вниз, к набережной. Над головой — звезды, за плечами — россыпи золотых фонарей. Головокружение огней!

Таких роликов в продаже нет, есть только велосипеды с катафотами, отражающими свет, они тускло мерцают в сумерках, но не светятся сами. Светящиеся ролики изобретут в двадцать первом веке. Останемся ли мы там и наяву вместе?

«Придерживайся своей стороны», — сказал Джексон во сне.

Вечером поджидаю Леру возле университета. Подруга старше на год и уже учится на юриста. Лера серьезнее меня, за год до поступления выбрала факультет, будущую профессию, посещала подготовительные курсы, всю весну и лето зубрила, поступила. Теперь придется выбирать мне. Но я не знаю, чем заняться и куда пойти учиться после школы. Мама твердит: «Только не филфак! Посмотри на меня, на свою учительницу по литературе... Читать книги можно и нужно вне зависимости от образования, которое должно кормить не только душу». Но другие предметы меня не интересуют. Литература учит жить, и кормить надо душу, а она научит кормиться тело.

Сегодня все пошло не так: опаздывала, а светофор на перекрестке не работал. Побежала до следующего. Могла разминуться с Лерой, но страх очутиться под колесами пересилил, с детства боюсь машин.

² Н. А. Бердяев.

Вдруг за спиной раздались резкие хлопки. Визг тормозов. Оглянулась: на противоположной стороне улицы у перекрестка столкнулись вишневая девятка и джип. С водительского сиденья девятки, развернувшейся от удара поперек дороги, в распахнутую дверь выпал водитель. Это в него стреляли. И на глазах у всех выстрелили еще раз — в упор.

Не помню, сколько прошло времени. Оно как будто перестало существовать. Бандиты смылись. Примчался милицейский уазик. Улицу перекрыли. Все столпились вокруг лежащего на дороге бизнесмена. Привстала на цыпочки — из-за спин увидеть, как из кармана пиджака выпал остов часов на золотой цепочке. Уже без циферблата. Говорят, ТАМ времени нет. Он ушел туда, и его земное время исчезло.

А чуть поодаль, на тротуаре, несколько прохожих стояли над другим телом.

«Опять разборки! Студента рикошетом задело», — услышала, подходя ближе.

Студент лежал на газоне, раскинув руки, и смотрел в небо. Глаза у него — как у Джексона: радужки сливаются чернотой со зрачками, а внутри — очерк летящих по небу облаков. Будто прилег на траву отдохнуть или, как в игре, притворился.

В детском саду мы играли в «Оживи мертвого». Нужно лечь на спину, скрестить руки на груди и ни за что не шевелиться. Тебя щипают, тормошат, щекочут, пока не оживешь. Выигрывал тот, кто дольше всех оставался мертвым.

Мне нестерпимо захотелось ущипнуть студента.

Зачем все это? Учишься в школе, набираешься знаний в университете, чтобы шальная пуля в одно мгновение вышибла их из тебя? Зачем планировать свою жизнь, если все в ней так непредсказуемо, так ужасно случайно?!

Вернулась домой и села писать письмо Джексону.

«С тех пор, как узнала тебя, боюсь потерять».

Что я знаю о нем? Мы незнакомы.

«С тех пор, как увидела тебя в июне, боюсь потерять».

Не потеряю! Стоит зажмуриться, и он, как сейчас, танцует перед глазами.

«Мой мир разделится надвое: до нашей встречи и после».

Только «до» осталось в июне, а за все лето и начало осени мне так и не удалось разыскать тебя. Может, «после» и не случится. Легко писать по заказу, но трудно правду! Не успеваешь написать предложение — и оно тут же теряет смысл.

«Как мне найти тебя?»

В одиннадцать ночи позвонила Лера. Плакала. Сказала, что студента звали Гришей, он первокурсник и что наша общая знакомая, Надя из одиннадцатого «Б», с ним встречалась.

«От армии парня сберегли — и на тебе! Точно все живем на какой-то невидимой войне», — расстроилась мама.

«А если бы я побежала на другую сторону, несмотря на сломанный светофор?» — подумала, вспомнив, что сказал Джексон во сне. И внутри похолодело.

Неужели все знал, хотел предупредить об опасности?

Письмо Джексону я не написала, вернулась на Зареку.

Из-под капюшона куртки, замирая от страха и стыда, всматривалась в проем улицы, где он танцевал в июне. Главное — не быть узнанной. Мама внушила: женская гордость — единственная ценность, что у меня есть, не смей никому ни звонить, ни писать, ни даже улыбаться первой. До явления лунной походки Зарека была для меня заповедным краем, куда тянуло необъяснимо, и никто не мог меня поймать. Но как только незнакомые улицы обрели цель — его лицо, глаза, улыбку, я словно утратила право здесь находиться.

Сегодня улица пустовала. Я шагнула вперед, медленно, крадучись, чтобы в случае чего сразу улизнуть дворами на соседнюю. На втором перекрестке из его калитки вынырнула молодая цыганка в цветастом платке и с бидоном в руках. Мама или сестра? Глянула на меня с подозрением, так смотрят на чужаков. Я ускорила шаг. В конце улицы почти бежала, с трудом переводя дыхание. И вдруг дома по обеим сторонам кончились, улица оборвалась в поле. За полем — заброшенный дом. В таком вполне могла родиться и моя бабушка. Она любила окраины. И мне захотелось в нем побывать.

Обошла дом по кругу. Выглядел необитаемым. Но не все окна были заколочены. В одном мелькнула тень. А в заборе передо мной зияла дыра. Через нее и проникла во двор.

— У тебя глаза викинга. Ты, верно, смелая!

Подпрыгнула от испуга. Рядом со мной стоял старик, опираясь на палку. Невольно перевела взгляд на окно.

— Мы здесь вдвоем, — пояснил он, будто читая мысли.

Смотрел на меня в упор, часто моргая, и глаза на мгновение подергивались пленкой, как у голубей или ящериц. Мне стало не по себе, а старик продолжал говорить, не со мной, а куда-то в пустоту за моей спиной.

— Шестнадцать? Прекрасный возраст! Все пути открыты. Но скоро песочные часы тряхнут впервые, и время начнет ускользать сквозь пальцы — не остановишь.

Сумасшедший, подумала, надо бы валить отсюда. Но ноги не слушались.

Вдали раздался протяжный гудок.

— Молоко привезли, хочешь? — спросил он.

— Нет, спасибо, — отшатнулась в ужасе.

Он вылез через дыру наружу. Присела передохнуть на минутку у забора, а когда выбралась в поле, увидела только ветер. Ветер легко увидеть, если трава волнуется, как желтое море, а деревья кланяются, как швейцары пятизвездочных отелей или грешники на причастии. Не видела ни того, ни другого, ни третьего. Да и старика, как пишется, след простыл. Удивительная способность перемещаться в пространстве! Был — и нет его. Куда можно подеваться в открытом поле?

Дома принялась разглядывать себя в зеркале. Если и викинг, то вырождающийся. Цыпленок, если быть честной. Мини-юбки противопоказаны, только джинсы клеш. Монгольские скулы, явно не северные. Оттенок волос называют русым, я называю мышинным. Белая тонкая кожа, капилляры близко — краснею по поводу и без, пудры на маскировку тонну извела! А глаза — да, того самого цвета нашего моря-озера — синь серебра. Считается вторым по величине на европейском континенте. Но хочется быть первой и единственной. Хочется быть Геро... Может, и волосы выкрасить в синий цвет?

— Ужин готов! — позвала мама из кухни.

— Я не буду! — прокричала в ответ в открытую дверь.

И снова уставилась в зеркало. Но теперь мы там отражались вдвоем. У мамы тоже дар телепортироваться по дому. Скрестила руки на груди, пристально разглядывая меня.

— Никаких диет, некуда мне худеть, — успокоила ее.

— Тогда пошли есть.

— Сегодня лягу спать без ужина. Бабушка рассказывала, на голодный желудок цыгане снятся.

— Он не один, а со всем табором придет! — рассмеялась мама.

Догадалась.

— Больше не поеду на Зареку, — пообещала ей.

— Езди куда хочешь, но будь осторожна.

Инге бы так не ответили. Все-таки повезло мне с родителями. Сидели у нее однажды дома, пили чай на кухне, смеялись. А потом пришла ее мама... Инга вскочила со стула так, словно мы курили траву. Помню, отчитывала Ингу в коридоре, не понижая голоса, чтобы и я услышала: «Не приводи в дом барабашек! Крест в ухе, немисливо! Сама скатись!» А моя мама взвесила на ладони алюминиевый крест, и рассудила, что такой легкий ухо мне не оттянет, и разрешила носить. А Инге ничего не позволят, дышать не дают спокойно, за каждую тройку ругают. Марат ее несвободой воспользуется, возьмет «на слабо». Мне уже впаривал: рок — музыка твоих предков, «ты так несовременна рядом со мной», рейв слушай, винил носи... А я смотрю на афиши и не понимаю, что такого сделали все эти диджеи: чужую музыку перекроили?

Марат сообщил: убитый возле универа бизнесмен — хозяин бывшего ресторана на Озерном проспекте, который теперь Питер переоборудовал под новый ночной клуб, «Неосад» называется, моднее не будет в городе. Забрали помещение, не заплатив и трети, когда потребовал свое — пристрелили. Для столиц наш городок — чухонское окно в Европу, и на пересечении дорог сильных мира сего войны не прекращаются. Городок замер, ждет: кто победит, кому ж...у лизать и бабло отстегивать. Тихий северный край. Надо бы Ингу предупредить насчет Марата. По уши в криминале, готовит себе светлое будущее после школы. Повторяет за старшим братом: «Конец века — разграбление империи, великий беспредел. В обнулившемся мире будут новые законы, а пока будущее не предопределено, надо успеть набить карманы».

— Как же вы мне надоели оба, созерцатели застеколья! — вклинулась мама в мои размышления.

— Застеколья?

— Один в монитор компьютера смотрит, другая — в зеркало! А ужин стынет!

Да, быть дочерью ученого — привилегия. У нас даже видеоманитофона, как у всех обеспеченных семей, нет, а компьютер есть. «Отцу на работе выделили, не приближайся, ломаешь — не рассчитаемся!» Включаем тайком с друзьями, когда папа уезжает на свои конференции, чтобы посмотреть, как мелькают белые цифры на синем экране. Будто в космос летим, загружаем будущее. А будущее продается: фенечки из кожи и бисера для меня плетут за возможность взглянуть хоть одним глазком.

Пужинаю — придет мое «я» из будущего мучить меня вопросами о смысле жизни. Останусь голодной — есть шанс увидеть, как табор уходит в небо. А ты будешь танцевать на облаках, мять их босыми ногами, как виноград. Во сне на земле пойдет кровавый дождь, как в фильмах ужасов, и лишь я буду знать, что твоя кровь на самом деле вино.

Возле плиты стояла бутылка с характерным узким горлышком: темное стекло, красное вино. Хлебнула залпом, пока мама с папой суетились вокруг стола. «Боже! Это подсолнечное масло! Худшей гадости...»

— Радуйся, что не уксус, — упрекнул папа, пока промывала рот над раковиной.

— Неправильно мы с отцом тебя воспитываем, — вздохнула мама.

— Наоборот, правильно, — возразил папа, — растим свободного человека новой эпохи, а не узника Страны Советов. Без ошибок не обойтись.

Он математик и знает, сколько неправильных решений нужно перебрать, чтобы найти одно — правильное. Мама с ним не спорит. В нашей литературе вообще не принято отвечать на вопросы, только задавать.

Ответить придется читателю. Пишут же: утро вечера мудренее. А главное — оно всегда настает, сколько ни откладывая.

— Сейчас Жанна прочтет доклад о романе Евгения Замятина «Мы» и ответит на ваши вопросы, — объявила литераторша и посмотрела на меня по-кошачьи.

Я на секунду прикрыла глаза — глупая детская привычка прятаться: кажется, если ты никого не видишь, то и тебя не поймают.

— У нас с тобой уговор, — сказала она.

Кошки всегда получают желаемое, надо бы у них поучиться.

Снова это тошнотворное чувство беспомощности, как в кабинете у зубного: «Девочка, скажи „а-а-а“», деваться некуда, придется разинуть рот.

Уговор заключался в следующем: она покрывает мои прогулы, а я готовлю доклады по внеклассному чтению. Наша школа объявила себя лицеем, и меня чуть не отчислили после девятого класса, когда всех, кто портил общую картину успеваемости, в том числе по поведению, разгоняли по просто школам и ПТУ. Литераторша с историчкой убедили всех, что у меня способности к гуманитарным наукам, размахивая перед носом директора моей медалью за сочинение о «Преступлении и наказании» Достоевского для городской олимпиады. Медаль была одна, их всего двое, а проступков и замечаний в моем дневнике — уйма, но гуманитарии все-таки обладают даром убеждать. Их послушали. Мне дали зеленый свет в старшие классы и университетское будущее.

Алиска поступила в кораблестроительное училище. Но уже ко второму курсу выяснилось, что никакие корабли они там не строят, а без присмотра балду гоняют по коридорам. Второй год балдеет без чужой указки!

— Старый парк аттракционов скоро закроют. Может, на зиму, а может, навсегда, — сообщила мне по секрету. — Надо успеть!

Я вспомнила свое последнее первое сентября. Выпускной лицейский — до невозможности пустой класс! Надписи и рисунки на партах закрасили, под ногами не доски, а новенький линолеум, а главное — лица в окружении гладиолусов! Никогда не любила их: ничем не пахнут и ассоциируются с концом лета и свободы. С концом всему. Сидели за партами: «ровная осанка — правильный статус». Сами как гладиолусы: прилизанные, отглаженные, точно свободную форму объявили для меня одной. Оглядела класс: единственные из выживших близких — Марат, Коста, Инга. Остальных еще год назад слили и долили чужаками из других классов.

Марат прическу соорудил под «Depeche Mode». Ангел изменчивой моды. В детском саду воспитатели называли его «амурчиком» за «нежные щечки», еще тогда мерещилось в нем что-то подленькое, лживое, как в любом идеале. Срифмовала амур с лемуrom. Смотрит не мигая, и никто не знает, что у него на уме. Лапкой хватать — и полмира в руинах. А после того, как в первом классе попросил прыгнуть на незапечатанную крышку колодца во дворе — чуть не перевернулась! — уже не сомневалась, кто он на самом деле. На Косту, прямо у нас за столом, опрокинул вскипевший чайник — как бы невзначай. Коста теперь красавчик, крутой барабанщик рок-группы, но мама однажды грустно сказала, что жениться он вряд ли сможет и девчонки за ним бегают зря.

Инга... Что о ней рассказывать? У нее даже комнаты своей нет, живет при младшей сестре как нянька. Иногда думается: друзей, как и родителей, не выбирают. Как сидели с Маратом на одном горшке в детском садике, так и сейчас недалеко друг от друга переместились: за одну парту и на ступеньки общей лестничной площадки.

Лера с Алиской тоже сидели за одной партой, и меня тогда в их жизни не существовало. Писали на стенах и скамейках: «ЛЕРА + АЛИСА». Но потом Лера уехала в летний лагерь к морю, а мы с Алиской море рисовали разноцветными мелками на асфальте во дворе. Осенью в школе Алиска познакомила меня с Лерой, и я ей сразу понравилась тем, что выгодно оттеняла их дуэт блондинки и брюнетки своей мышастостью. В шестом классе Алиска подхватила гепатит, пропустила много занятий, и ее переместили в мой класс, на второй год. После мы еще долго называли себя тремя мушкетерами. А сейчас я жду Леру возле универа на Озерном проспекте, Алиску воз-

ле ПТУ на набережной. И пути их не пересекаются. Лера нацепила тонкие очки в золоченной оправе, стянула белокурые волосы в хвост и изо всех сил старается походить на юриста, считает, правильная внешность поможет сдать все экзамены и получить диплом. А подруга-пэтэушница портит ей имидж. Странно, что и мама с недавнего времени частенько ставит мне ее в пример. Не Алиску, конечно, — Леру. Однажды вообразила себя юристом — и расхохоталась: более злостного нарушителя правил не найти. Хотя... говорят же: «Закон что дышло». Можно было бы стать адвокатом, искать дыры, как в заборах, и спасать бунтарей вроде меня.

А пока мы с Алиской действовали по плану: несколько капель йода на кусочке сахара, ломтик лукавицы, выжатый в глаза, — и вот оно, заветное официальное освобождение по причине ОРЗ.

Раздолбали все гоночные машинки, два раза прокатились на «Чертовом колесе», выпили в кафешке на летней веранде шампанского. А потом лежали на зеленой пока траве и смотрели в небо. Высокое и прозрачное, с легкими перьями облаков. Ощутила, что пью эту синь глазами, почудилось, что лечу. Или падаю? В бездонную пропасть небес, как Холден Колфилд. Самые волшебные дни осени! Если бы на третий во дворе не встретили мою классную...

И вот сейчас выставили перед гладиолусами. И надо бы как-то начать о перегибах тоталитарного режима, где все были равны, даже по половому признаку, и о наших замечательных постперестроечных временах, где каждый уникален и волен выбирать себе судьбу и дорогу. Ерунда! Все они одинаковые! Модные. Все как все. Шмотками обмениваются. Ни за что не надела бы чужое платье!

Ощущение тяжести в желудке, а в голове все крутится вопрос: «Зачем I-330 понадобилось взрывать Зеленую стену? Почему самим не сбежать? Бросили бы зомби на произвол судьбы и через Древний дом — на волю. Нет, пожертвовали собой ради тех, кто ничего не знал и не просил даже».

Пригрезился старик-отшельник с глазами ящерицы из заброшенного дома на краю поля. Считается, ящерицы — прямые родственники доисторических драконов или динозавров. А вдруг он колдун и открыл третий путь? Если вспомнить, с какой скоростью перемещался в пространстве...

— Девочка плохо социализируется, — говорили обо мне сначала в детском саду, а потом и в школе. — Никакой солидарности с окружающими. Если дело так и дальше пойдет, то встанет вопрос о способности сопереживать. Об отсутствии человеческого сочувствия, об аутизме, алекситимии.

Мама с папой не верили. Я тоже, но мне приходилось изображать эту самую солидарность. С детства ненавидела командные игры: несколько придурков рвут друг у друга мяч. То ли дело бег: обогнал всех — прибежал первым, если никто подножку не подставит на старте. Коллективные медосмотры приводили в ужас. Всякий раз говорят: «Раздевайтесь!» — и такая безысходность накатывает! Хочется уйти внутрь себя, нырнуть с головой в свитер, как в колодец, или хотя бы закутаться в плед. Чтобы никто не сравнивал меня с другими.

Стою перед классом, дура душой, и рта не могу раскрыть. «Девочка, разденься и скажи „а-а-а“, а мы будем оценивать, насколько правильно ты это делаешь. Иногда говорить то, чего ждут, — как пытаться проглотить склизкую молочную пленку. А сказать то, что не можешь не сказать, — значит раздеться на площади перед всеми. Чувство незащищенности, словно будут бить за каждое слово, которое для тебя хлеб, а для них — оскорбление. Как легко писать сочинения, как тягостно говорить вслух! Сюжет пересказать?»

В детском саду нас кормили жидкой молочной кашей, на поверхности вечно плавали сгустки топленого масла. Выворачивало наизнанку от одного вида, как ни пыта-

лась, не могла впихнуть в себя ни ложки. С голодухи начала таскать хлеб и ела в тихий час под одеялом. Нянечки обнаружили крошки. Выстроили всех у разобранных кроватей.

«Подойдите каждый к своей. Чей номер двадцать два?»

Отступать было некуда. Выставили в трусах в старшую группу. Худшее наказание — унижение, потому что боль проходит, а страх и стыд — нет.

В тот год я сбежала. В марте. Пока все спали, пролезла меж прутьев ограждения на детской площадке. Не такая уж и маленькая была, раз сама смогла натянуть рейтузы и зашнуровать ботинки в раздевалке. А поймали потому, что не знала, что делать дальше, за забором, и куда идти. Главный парадокс взросления: чтобы знать, как поступить, нужно быть человеческой личностью, а не личинкой человека, но личность формируют поступки.

Помню, среди облаков в весеннем небе летел вертолет, как многокрылый птеродактиль, и лопасти пропеллера рассекали облака. Прохожие задирали головы и тор мозили на мгновение, словно само время замедлило их бег по делам.

Ночью спросила у себя-будущей:

— Почему они все-таки не сбежали?

— Некуда бежать. Любое время и пространство вместе образуют территорию, всякая территория населена и принадлежит тому или иному обществу. А общество, где мы вынуждены пребывать, незаметно меняет каждого под себя. Слово «успех» значит за всеми успевать, шагать в ногу. Дело не в общественном строе, а в том, что нужно строиться и подстраиваться. Не хочешь сопричастности, живи одна в поле, за пределами мира, как старик-ящерица.

У меня впереди два доклада: «Дивный новый мир» Хаксли и «1984» Оруэлла. Три дня — три доклада. Как специально выбирали, чтобы выведать и спалить сокровенное. Ни к черту мне не сдался их бунт! Одному ампутировали душу, второй повесился, третий признал правоту партии. Против незыблемой системы — как комары о стекло, бессмысленное геройство. Утопия это, а не антиутопия. Нужно действовать как-то иначе, но как? Рискну предположить, что все написанные в мире книги утверждают лишь два пути: либо бунт, либо повиновение; либо жертва, либо палач; либо раб, либо хозяин; либо герой, либо изгой; либо принимаешь правила игры, либо выходишь. Но неужели нельзя проскользнуть между мирами, нащупать свою тропинку по краешку?

Она приходит оттуда, где людей много, значит, побег не удался. В моей жизни времена года меняются: после лета наступает осень, потом зима и весна. А она возвращается из бесконечного лета, где цветут каштаны, кружится тополиный пух и пахнет свежескошенной травой. Где и как она живет, то есть я буду?

— Если я — это ты в юности, то должна помнить, что снилась мне. Я не могу вспомнить твоего лица, но помню сам факт, что говорила с тобой. А ты помнишь меня? Или это я тебе снюсь? — спросила ее и опять проснулась без ответа.

Джанет, в нашем веке

Джанет проснулась раньше трех будильников, которые заводила только накануне отъездов, чтобы не проспять самолет. Ветер сводил с ума. Джанет узнавала осень по голосу: навязчивое шуршание, бесконечное «ш-ш-ш-ш-ш» за окнами. Шелудивая осень, все время чешется, и невозможно усидеть на месте. Небесным дворником безжалостно вычищает двор ее памяти, выметая хлам родной оседлости и срывая покровы времени, накипевшие за лето.

Лето было русскоязычным: Москва, Санкт-Петербург, Минск, Рига... А зимой легче прожить и прокормиться на Средиземноморье, чем в космическом олимпийском Сочи или нищем и алчущем денег Крыму.

«Очутиться бы сейчас вдвоем в Венеции и ловить отражения света в воде каналов или на дне твоих темных глаз... Интересно, а где собираешься провести зиму ты: Тель-Авив, Стамбул, Марокко, Тайланд, Гоа? Пришли хотя бы открытку».

Ей представилось, как в прошлом веке путешественники внимательно разглядывают «вертушки» с разноцветными картинками, выбирают одну или несколько, а потом подписывают адресатам, сидя в уютном кафе на краю мира и глядя на дождь из окна. Открытки, хранящие тепло руки.

Джанет получала mms-ки с картинками без подписи или сообщения в мессенджер со смайликами. Перелетные птицы изобрели язык нового поколения задолго до повальной моды на Twitter. Ни один из ее друзей, знакомых или любовников не владел родным языком, да и никаким вообще: писали с ошибками и сокращениями русским на латинице, разбавляя фразу сразу всеми известными словами из языков стран, где побывали когда-то: английский, немецкий, французский, испанский, в живой речи дополняя эмоциональными жестами, в электронных сообщениях — смайликами всех пород и мастей. Чтобы нестись по жизни без оглядки, этого вполне хватало, а нырять на глубину мыслей и чувств никто не решался: к чему застревать в памяти, если прошлого не существует? Время — вода, и мы снуем по зеркальной его поверхности, как водомерки, — неуловимо и бестолково.

Ответственные работяги сновали под землей. Платформы поездов забиты до отказа, в переходах между станциями метро — пробки из человеческих тел. Наверное, красные отрезки на картах колец московских дорог и подземных линий совпадают. Сентябрь — час пик осени. Везде десять баллов. И лучше толкаться в метро, потому что на такси успеть в аэропорт безнадежно.

На платформе кто-то сзади хрипло дышал почти в ухо, кто-то рядом медленно оседал на пол, сползая спиной по колонне. Джанет не рискнула встать на краю. С тяжелым рюкзаком за плечами в толчее не удержать равновесие. Меньше всего сейчас ей хотелось упасть под колеса поезда.

Вспомнилось, как в Токио пассажиров в вагоны заталкивали чуть ли не пинками под зад. Поезда стоят у платформы несколько секунд, а двери не резиновые. Есть там специальная должность в метро: утрамбовывать вагоны, чтобы все успевали по утрам на работу.

«Зачем тебе жизнь, на которую нужно зарабатывать? Имей доступ к источнику со всем необходимым», — писали на птичьем языке. Да, только потом этот «источник» начнет диктовать, что делать, куда идти, с кем спать и как жить. Лучше уж самой. Впрочем, некоторые птицы фрилансили, как и она, но большинство тянули награбленное из девяностых.

С третьей попытки Джанет влезла в вагон, облегченно сгрузив у ног рюкзак и прилонив к нему ноутбук. На сиденье заметила полицейского — чересчур красивого для своей униформы. Набрасывал портреты пассажиров в блокноте, поймал ее взгляд и улыбкой предложил сесть. А сам начал протискиваться к выходу. Смена — двенадцать часов патрулировать улицы под морозящим ледяным дождем. А мечтает писать картины в художественной мастерской, полной солнечного света и воздуха.

В тоннеле... токийская электричка... включает прожектор.
Я тоже, уезжая осенним днем в темный, полный обмана город,
должен включить в своем сердце яркий-яркий фонарик...³ —

вспыхнули в мыслях чьи-то стихи.

³ Дзюн Таками. Избранная лирика.

Дорога для Джанет была личным средством борьбы со временем. Новые впечатления — долгие дни. Время зависит от восприятия, а значит, способно растягиваться в пространстве: год, насыщенный событиями, считался за десять. Жизнь ощущалась бесконечной, как в детстве, и Джанет верила, что в этом и заключено бессмертие, а не в том, чтобы сохранить себя в книге или размножить в детях, как учили когда-то в школе и в институте, брошенном на втором курсе.

Среднестатистический человек не более чем сумма прочитанных книг. Писатель же может переписать реальность, присвоив себе любое имя и любую судьбу, и в веках останется прав. Как и Джанет. Но писатели пишут романы для многочисленных потомков, а она сочиняет жизнь для себя одной.

«Жить для себя — эгоизм», — твердила мама.

«Внутренние перипетии — признак настоящего романа. Если герой не меняется, зачем тогда описывать события его жизни?» — главный вопрос преподавателей филфака.

Но на самом деле нет никакого «зачем», а прав тот, кто счастлив. Даже несчастливый по жизни человек может быть счастлив в данную минуту, а из «данных минут» и состоит жизнь.

И все же язык — отправная точка во времени и пространстве. Родной язык определяет все: мысли, чувства, действия, мироощущение, сознание, бытие. Мимолетно вспомнилась строчка из интервью с лингвистом в документальном фильме Вернера Херцега «Встречи на краю света»: «Ежегодно на планете умирают сотни этнических групп. С последним носителем языка уходит целый мир...» Что будет с ее родным, русским, если уже сейчас соцсети изменили его до невнятных аббревиатур? И как тогда говорить? Английский эсперанто истерт до дыр, итальянский еще в самолете зазвучал браваурной музыкой, и только русский шипел в мыслях, как грешник на сковороде. Может, поэтому отношения с перелетными мальчиками у Джанет и не складывались: поколение бесконечности не наделено от природы долговременной памятью и, значит, не способно понять ее чувство вины.

Сорренто встретил объявлением на автобусной остановке: «Школа международных языков: китайский и английский для детей от пяти лет».

«Мы живем в Китае, они заштамповали собой всю землю, теперь наш мир — китайская подделка», — ужаснулась Джанет. А навстречу маршировал отряд узкоглазых туристов, вооруженных селфи-палками.

«А почему бы и мне не взять с них пример? — решила она, разглядывая копии китайских воинов, — какая мне разница, где ты и что с тобой, если я могу воссоздать тебя в каждом встречном? А уж на смуглом неаполитанском юге, где у всех твои глаза...»

Не успела спросить у вчерашнего солнечного сожителя, знает ли он свои корни, происхождение. Неужели неинтересно, чья кровь течет по твоим венам, чей язык ты забыл? Впрочем, о корнях он вспоминал в единственном случае, когда звонил домой с просьбой: «Киньте денег на карту, кончились». А предки, вздыхая в ответ: «Плохи родители, если не содержат ребенка до пенсии», — перечисляли требуемую сумму тоже откуда-то из заповедья. Бедлам после него в московской квартире убирать не пришлось — Джанет самой пора было собираться в дорогу. Осень подстегивала к переменам мест.

Окна апартаментов в Сорренто распахнулись в стену. Стена зеленая, увитая плющом. Живая, скребется, копошится: ящерики, мелкие грызуны, птички.

«Wi-Fi мощный, наводнений не случается: высота над уровнем моря — сто метров», — успокоили ее на ресепшен по поводу дешевого андеграунда.

Ну да, где еще жить любительнице рока на мели.

Пока на мели. Деньги не подушка безопасности, а энергетические потоки. Невозможно накопить на безбедную жизнь, ищи неиссякаемые источники дохода. Но те-

чение их переменчиво. Поиск заказов не стрельба по тарелочкам, а охота. Вспомнился анекдот о фрилансе: «Вытащить копьё дорого, покрасим в телесный цвет». Только перед тем, как вытаскивать копьё или красить, нужно его загнать в заказчика, потому как без твоего копья он прекрасно жил и ни в чем не нуждался.

Справимся, повторяла себе. У фрилансера ночи белые.

Над окном кто-то непрестанно ухал: и ночью, и днем. Ушастые русскосеверные совы прилетают в Италию на зимовку, как и Джанет. Ее никогда не спящая сова, похоже, тоже жила в безвременье.

А время между тем текло за горизонт, необъятный взгляду с террасы над морем. На перилах позировали редким туристам и заговаривали Везувий, как пернатые шаманы, гордые буревестники Горького. Извержений не ожидается, продолжайте наслаждаться жизнью.

Сам Везувий одарил браслетом из лавы и кораллов: слились в нем горы и море. Джанет привозила из всех мест, отмеченных на ее карте, талисманы на удачу.

На этот раз не сработало. Деньги таяли, телефон онемел, волны электронной почты выносили на берег спам и мусор бессмысленных сообщений прошлого.

«Перезимовать хватит, а дальше?» — тоскливо спросила себя, выгребая в банковской карточке последнюю пачку сотенных неподалеку от площади Vallone de Moline.

Название площади переводится как «Долина мельниц». И Джанет взялась пересоздать ее заново — на своем языке. На скандинавском севере, откуда она родом, существует легенда о мельнице Сампо, намоловшей всем изобилия и счастья. А «сампо» по-итальянски означает площадь.

Долина мельниц раньше вела к морю, в современном Сорренто она разделена площадью и мостами, и в нее уже не спуститься.

«Мельница-мельница, намели и мне!» — попросила, бросая мелочь в пропасть под мостом.

На пересечении мостов располагался роскошный старинный ресторан, тщившийся сохранить облик и историю со времен черно-белых открыток.

...And my telephone number! — выхватил открытку из счета официант, чтобы подписать.

Он был молод, нагл, черен как смоль и похож на далекий образ, который Джанет искала на дне бокалов, куда разливала их всех, тщательно перемешивая, — дистиллированное и уже ничье вино.

После ночи любви ее разбудил ветер, гулявший по комнате. На сквозняке хлопала не только рама окна, но и дверца сейфа.

Черноглазый жрец Долины мельниц! Боги забрали все. Оставив две зеленые двадцатки и мелочь в кармане куртки на библейские обеды: вода из-под крана и свежий хлеб из супермаркета. Постись, грешница. Забавная ситуация: обокрасть великого машинатора. Жрец не смог преодолеть искушения или был послан ей свыше в наказание за других обманутых вкладчиков? Но с заказчиками проектов Джанет была честна, а кого они кидали на деньги — не ее ответственность.

Бог любит троицу: ошиблась она трижды. Первый раз, когда суеверно сняла все деньги с карты, в надежде, что пустота заполнится новыми поступлениями от заказов. Второй — когда поленилась вернуться в апартаменты, чтобы убрать их в сейф. И третий — когда открыла сейф при нем, созерцающем телевизор: не одна Джанет, как выяснилось, была потомком Януса. И кто-то из них смотрел в прошлое в метафорическом смысле, а кто-то в прямом — имел глаза на затылке. Или, может, все произошло с точностью до наоборот: вернулась, убрала деньги в сейф, в этот момент позвонила горничная, узнать, все ли в порядке, Джанет отвлеклась, по возвращении вдвоем обнаружила дверцу открытой, захлопнула у него на глазах, не задумавшись, что элек-

тронное табло сейфа на мгновение высвечивает цифры кода запирающему владельцу, и что фотографическая память свойственна не ей одной. Не все ли равно, если Янус прав и прошлого не изменить, сколько ни оглядывайся, а события жизни память переписывает, как автор бестселлеров? Толку от пристального пересмотра отснятых кадров в попытке их как-то обозначить на карте жизни, дать имена?

Открывая новые пространства и меняя сторону света, Джанет вдруг сознавала, скольких имен не знает. Как на самом деле зовут сову над окном? А вон то дерево, пиния или ливанский кедр? Каждая страна ассоциировалась с деревьями или цветами. Греция — с олеандрами, Сицилия — с гибискусами, Мальта и Тунис — с оливковыми деревьями. Названия, которые она увидела там впервые. Неаполитанский юг стал апельсиновым адом. К концу ноября апельсины гирляндами висели над головой, падали под ноги, подавались на завтрак, обед и ужин в окно за неимением лучшего, за неимением ничего. Что такое голод, она теперь узнала не из книг. Возвращаться в ресторан — бесполезно. С полугодовым жалованьем в кармане жрец уволился и сбежал в Неаполь.

— Возвращайся домой! — уговаривала мама по телефону. — Мы купим тебе электронные билеты на самолет и на поезд из Москвы, пришлем по e-mail, при условии, что зиму ты проведешь у нас. Ты так давно не была дома! Значит, время пришло. Перезимуешь, заработаешь — улетишь опять.

Резкий холодный ветер сорвал шаль с плеч. И она, взмахнув черными кистями, как обломанными крыльями, полетела неуклюжей траурной птицей над морем. Туда, куда не направилась бы ни одна перелетная, — на север.

Итак, зиму Джанет проведет в заброшенном городке своего детства, где в ответ на вопрос «Как дела?» жители нетрезво машут руками: «Что здесь делать? Север...»

Из дневника Жанки, на грани столетий

Почему зима и лето воспринимаются константами, а весна и осень — как промежуточные времена, которые нужно пережить, переждать?

Хеллоуин — ночь перехода в зиму. Мы все к ней готовились. В ночь на Хеллоуин отрывался питерский «Неосад». Премьера стала событием для нашего городка. В секонд-хенды, приторговывавшие таможенным контрафактом, очереди занимали с утра за виниловыми куртками и кислотных оттенков майками и топами, светящимися в темноте. Контрамарки для «малолеток» стоили дороже входных билетов. Вряд ли бы мы с Алиской достали их сами, но вдруг расщедрился Марат. Сказал: «Потом попрошу тебя об одном одолжении», но не сказал каком.

Я не смогла устоять. И не зря.

Теперь все только и говорят о космических лучах, пронзающих танцоров насквозь, витиеватых конструкциях танцполов в виде гигантских ступеней лестницы в поднебесье потолка, невидимого снизу, пещерах и подводных гротах чилаутов, дымящихся коктейлях всех цветов и вкусов с непроизносимыми названиями — их следует выучить наизусть: в меню плятятся только отсталые слои населения. И какой-то неведомой дури, отправляющей всех желающих в полет до утра сквозь стены и времена. Сад наслаждений Иеронима Босха.

Джексон танцевал внизу, у первой ступеньки сцены. Лазерные лучи скользили у него за плечами. Я глядявалась в силуэт, выхватываемый вспышками из темноты, точно зная, что это он. Джексон танцевал один, обнимая пустоту. И пустота должна была заполниться. Мной.

Я бросила Алиску с каким-то студентом и уже почти протиснулась к нему сквозь толпу танцующих, как за спиной прогремел взрыв. Обернулась — и глаза залило болью, а вдох застрял в горле, как кусок наждачной бумаги.

В центре зала взорвали баллон со слезоточивым газом. Война за главный дом на перекрестке дорог еще не окончена — нашлись мстители за обворованного и убитого бизнесмена, как сказал позже Марат.

Дальше в голове все перемешалось. Крики, толчея... Помню, как очутились с Джексоном в туалете. Вытащил из зала на руках? Ослепнув, я вряд ли сама нашла бы выход.

Ледяная вода из-под крана — будто отслаивает режущую слюду с глаз, но разлечь их все равно невозможно. Он вытирает мне лицо платком, кожа онемела, и я не чувствую его движений, кроме... странного невесомого прикосновения тепла, как крылом птицы по кромке ресниц. «*Ощутить трепет твоих век на губах*», — не к месту вспомнились слова дурацкой записки для Марата.

Глаза открыл свежий воздух. Морозное дыхание ночи за стенами клуба. Город стал чище, или — нет: переродился за это время, был стерт и заново нарисован неизвестным художником. Импрессионистом. Расплывчатые очертания в свете фонарей, в хрустальной подрагивающей дымке огней — сквозь слезы.

Мы как будто стояли на пороге исландской саги. Джексон взял меня за руку, и внутри взорвался гейзер жаркого счастья. У меня в ту ночь постоянно что-то взрывалось... Я даже не помню, о чем мы разговаривали, шагая вниз по Озерному проспекту к набережной. Собираю и записываю осколки слов, а так хотелось бы снять непрерывный кинофильм в голове, чтобы крутить его потом вечно!

— Тебе понравилось в клубе?

— Не очень. Все какое-то ненастоящее: музыка, свет. Я знала, что так будет, но хотелось самой посмотреть.

— Зачем?

— Потому что все туда рвутся. Нужно все пробовать, чтобы знать. Важно знать то, что знают другие.

— Тяжело за всеми угнаться. Легче всего быть первым там, где никого нет.

— На Зареке?

— Тебя там видели. А я бродил взад-вперед по Озерному проспекту и набережной, чтобы случайно встретиться, а сегодня пришел в клуб. Мне сказали, ты там будешь.

В клубе встретила всех, даже мрачного Марата без Инги, но в ту ночь мне было не до запасных вариантов, я играла главную роль, а точнее, не играла — жила.

— С синими волосами ты похожа на Снежную Королеву. За тобой должен прийти снег.

В последние дни была слякоть и предзимняя тьма. Первый снег позднего сентября исчез, растворился в грязи улиц. Но вернулся в ту ночь! Густыми хлопьями. Кружился в конусах света от фонарей, как обезумевшая стая бабочек-альбиносов. У меня получилось!

— Веришь в сказки?

— Я понимаю их лучше, чем обычную жизнь. В жизни нет логики, а в сказках...

— ...концентрированная мудрость земли, как говорила моя бабушка.

И мы шли и шли куда-то под снегом в эту необычную ночь, как герои сказки, легенды, мифа, саги... Не читали, подчиняясь чьим-то писанным законам, как всегда бывает, когда в жизни плывешь по течению, а писали свою историю сами. Слова рождались на ходу из шагов, прикосновений, взглядов...

«*Любовь есть мечта, порожденная взглядом*»⁴, — вспомнилась книжная строчка о героях Шекспира.

В ночь на Хеллоуин я поверила, что мечты сбываются. Как будто совершила открытие. Наверное, все влюбленные ощущают себя героями мифов и верят в то, что они-то как раз и есть первые люди на земле.

⁴ «Музыка у Шекспира». Уистен Хью Оден.

Все время думала о Геро: как зажечь негасимый свет в окне для Джексона? И чтобы лампочка счастья никогда не перегорала. Купила светильник в магазине подарков в виде домика из цельного куска мрамора. Тяжелый, зато прочный и не разобьется. Свет от маленькой лампочки — желтый, теплый, живой. Поставила на подоконник. Сделала перестановку в комнате — подтащила диван к окну. И теперь свет льется в обе стороны: за окно и на меня. А я закидываю голову на подушке и смотрю, как в луче из окон домика кружится снег.

— Зима же, замерзнешь, — повторяет мама, гася в моей комнате свет на ночь. Но светильник не выключает, и, кажется, с ним в моей комнате стало теплее.

Ночами снится повторяющийся сон. Фантазмагория в театре теней. Посреди темного леса поляна, ярко освещенная, будто сцена театра. Откуда льется свет — непонятно, как изнутри, от волшебного фонаря. Героев не видно, они — тени на белом полотне, растянутом вместо декораций на сцене. Но я знаю, что актеров всего двое: мужчина и женщина, и играют они разные роли из разных мифов. Теням позволено перевоплощаться в кого угодно. Джексон в моем сне — осветитель за сценой, но никогда не рассказывает о фонаре. Может, это символ горящего сердца Данко?

В пьесе, то есть во сне, за сценой сквозь шелест леса слышатся шепоты о тайне света и тьмы, о том, что они вечно меняются местами... Просыпаясь, записываю и читаю книжку по мифологии и истории праздника Хеллоуин. О заблудших душах, утративших ориентиры в пространстве и времени. Темнота улиц в ту ночь была освещена белым, чистым снегом, и когда я вспоминаю, как две наши тени на снегу сливались в одну, снова ощущаю толчки гейзерного счастья. Неоновый свет клуба, когда взорвали газовый баллон, обернулся слепотой и болью. Если бы не Джексон... Интересно, почувствовал он себя Орфеем, спасающим Эвридику? Он же сказал, что верит в сказки. Надо спросить, героем какой сказки представлял себя в детстве.

А самая страшная тень в моем сне, конечно, Марат. Ничего хорошего от него не ждешь. Но за то, что помог нам встретиться, можно пожертвовать многим. Знать бы чем? Что он попросит?

«Чтобы зажечь негасимый свет, нужно осознать тьму», — пишут в книгах.

Вечер, метель за окнами. Папа стучит по клавишам компьютера в гостиной. Щелкает выключателем.

— Дочь, я вообще-то работаю, — говорит папа, снимая очки в сумерках.

— Я хочу увидеть абсолютную тьму.

— Представь себе межгалактический космос...

— Не хочу воображать — хочу ощутить. И не где-то когда-то, а здесь и сейчас.

— Ммм, — забывает о монографии. Ему всегда было интереснее применять научные знания на практике.

За полчаса закупориваем нашу маленькую квартирку в капсулу. Завешиваем окна плотными шторами, как в войну, чтобы не проник ни один лучик света.

— Ты видишь очертания мебели?

— Да.

— Плохо. Нужен черный вакуум.

Мама вернулась с работы, как в голливудский кинофильм, где главный герой решает покончить с собой и открывает газ. Долго и мучительно ждет, пока комната наполнится ядовитыми испарениями, но вдруг вспоминает, что смертнику положена последняя сигарета. Прикуривает — и забирает с собой на небеса весь квартал близлежащих домов.

— Идиоты! У нас электрическая плита! — только и сказала мама, когда зажгла свет в кухне и увидела два наших зада, торчащие из духовки.

— А мы ее и не включали.

Космос в духовке... Смешно, но хочется записывать любую мелочь. После той ночи все вокруг обрело тайный смысл, стало важным, значительным. Каждое мгновение как будто залито ярким светом. Нельзя упустить, не записать, не запомнить. Боюсь утратить свои дни и часы. Может быть, потому, что все они освещены ожиданием новой встречи?

Евгений Романов, в нашем веке

Иногда нужно уметь ждать. Неизвестно чего, но ждать.

Поздняя осень. Ветер обнажил деревья, и больше не осталось преград. Напал со всех сторон, как непредсказуемый враг. Город напоминал гигантскую турбину самолета. Свистело в ушах и в подворотнях. Негде укрыться.

В небе над кладбищем с ветром боролась запоздалая стая перелетных птиц. Не успели они выстроиться в клин, как тут же были разбросаны среди туч как попало. Птицы боролись молча. Улетали не прощаясь. И свистящая тишина угнетала.

Евгений поднял воротник, втянул руки в рукава пальто и решил посидеть с Братом еще немного.

Брат появился в его жизни неожиданно — и сразу стал ее частью. Так воплощается судьба: негаданное оборачивается предрешенным. Сам он не смог бы предать память Акелы. Но в один из таких же ветреных и темных дней распахнулась дверь клиники, и высокий мужчина посторонился, пропуская и подталкивая вперед собаку. Терьер когда-то был черным, а теперь седым. Стоял на пороге старости и — новой жизни. Десять лет — это уже не просто домашний питомец, а член семьи, брат.

— Предаете Брата? А как же заботиться о тех, кого приручили?

— Это о людях сказано.

— Скорее для людей.

— Мне в Питере должность предлагают, перспективная работа, но сложная, и от меня потребуются все силы, понимаете? На возню со старой больной собакой точно не хватит.

Впрочем, он позаботился. Принес любимое одеяльце пса, чтобы родной запах не дал подохнуть от тоски в первые дни. А дальше...

— Пристроите куда-нибудь на доживание. Или усыпите.

Брата хотела забрать в дом медсестра Мила. «Милая Мила», — называл ее про себя Романов. Добрейшая женщина. Но у нее — трое детей в возрасте от пяти до восьми лет, замордуют животное. И Романов взял Брата себе. Доживание, подумал он, страшное слово, Акела простит.

С недавних пор ловил себя на тревожном интересе к старым больным животным. И к людям. Вечерами наблюдал одну и ту же картинку: дед из соседнего дома выволакивал на прогулку такого же древнего дога. Дог за один присест выливал ведро мочи под яблоню у крыльца и, тяжело вздохнув, садился рядом с дедом. Дед на скамейке, дог на земле, а головы почти соприкасались, как у тех, из сказки, что жили счастливо и умерли в один день. И смотрели они всегда в одну точку, куда-то за излом улицы, словно там, на неведомом экране, демонстрировали с допотопного проектора слайды рая. Смотрели, не отрываясь, с тоской по возвращению... Куда? В материнскую утробу? В детство? В небытие? В начало начал?

«А ведь мне даже не сорок», — отворачивался от них Евгений.

Дома ждал Брат. Первые дни выгуливал его по утрам, кормил и оставлял в доме до вечера. Но потом соседи пожаловались, что воеет, и Романов начал брать его с собой на службу. Тем более что Брат, в силу возраста, к кошкам и другим собакам был равнодушен, никаких потасовок и грызни за территорию кабинета не устраивал. И они стали неразлучны.

Поначалу Брат верил, что Евгений — попутчик, из тех, кого встречаешь в зале ожидания аэропорта или вокзала. Но хозяин уехал навсегда. Евгений пропустил момент, когда Брат это понял. Их дружба крепла день ото дня, и вряд ли он назвал бы точную дату, когда впервые сказал медсестрам: «Моя собака не любит, если кто-то стоит за спиной или подталкивает вперед».

Романов смотрел в него, как в зеркало: черная шерсть серебрится, глаза вспыхивают угольками, когда чешешь за ухом. «Радуйся, что есть кому почесать, меня вот никто не приласкает», — говорил ему.

«Бещасть», — проклял его перед смертью отец.

«Одиночество старит, Жен», — писала мама, закрашивая свою седину.

Сестры помалкивали, гадали другим.

А у Брата обнаружилась сердечная недостаточность. Собачьи сердца лечат и человеческими таблетками. Выписывая рецепты владельцам собак, Романов не задумывался о стоимости лекарств, только о свойствах. Когда начал отовариваться в городских аптеках, поразился цене в две тысячи сто шесть рублей. «А как же пенсионеры? — спрашивал себя. — Если пенсия восемь тысяч, а таблетки — две? В нашей стране все доживают». У самого болели чеченские шрамы от осколочных ранений: на плече и бедре. Осень обостряла боль. Непогода и резкие скачки давления, кожа и мышцы человека растягиваются, рубцовая ткань — нет, внутреннее давление вызывает ноющую непрерывную боль. По осени даже прихрамывал. Целебные мази предков не помогали, пил анальгетики.

Жалел себя? Нет, скорее гордился, что нашел. В армии бьют не за то, что цыган, а за то, что слаб. Дай отпор — и заслужишь уважение. Ранение получил, спасая командира взвода. Остался еще на два года по контракту после срока. Хотел учиться, выбрать профессию, на жизнь во время учебы нужны были деньги.

«По столичным меркам доходов я — ничтожество, но на самом деле царь зверей. Продлеваю жизнь тем, кто нам беззаветно предан, кто любит нас так, как никто никогда не любил — безусловно», — рассуждал Романов.

Когда-то, выбрав Жанку, он шагнул, как сейчас принято говорить, за пределы этнической группы. А назад не возвращаются. Он выделялся среди прочих несеверной красотой, и белые женщины любили его. Но не воспринимали всерьез. Последняя ушла к владельцу сети пивных ларьков под гордым названием «Снежный барс». И одиночество стало сквозящим, как продуваемое всеми ветрами поле его детства.

После смерти Брата осиротел. В силу практики на руках у него умирали живые существа, но не брат, которого у Романова никогда не было, у него вообще никогда не было рядом по-настоящему близких.

В свою последнюю ночь Брат залез к нему на диван у камина, положил голову на колени. Хриплое дыхание напоминало скрип старого дерева. Евгений гладил его по голове, зная, что ничем уже не помочь. Наконец пес заснул. Евгений его не тревожил, сидел, стараясь не шевелиться. Камин погас, ветром распахнуло окно. К утру оба заледенели. Евгений — от холода и неподвижности, у пса началось естественное окоченение.

Похоронил следующей ночью на человеческом кладбище, за всеми могилами, у ограды. Брат был замечательным псом: легким на подъем и характер, в отличие от Романова, умел прощать обиды и ушел так же легко — во сне. В этом Евгений увидел какую-то высшую справедливость.

Сам Романов не мог простить предательства самой близкой. Ее исчезновения. Когда не знаешь, где искать... и проще похоронить. Подарила мир, а потом отняла, унесла с собой. И огонь в окне погас.

«If You leave me, close the door, I'm not expecting people any more...»⁵ — пела виниловая пластинка из прошлого.

И прошлое, возвращаясь без предупреждения, возвращало желание ждать. Эта странная клубная мода их юности: красить волосы в разные космические цвета. Недавно на перекрестке увидел трех девчонок: красную, синюю и зеленую. Синяя дрожала в мини-юбке, переминаясь на тонких ножках в увесистых ботинках, точно якорях, чтобы ветром не унесло хлипкий кораблик. Романов невольно улыбнулся, вспомнив Жанку. И загадал: если синяя обернется, то...

Потеряв Жанку, продолжал ли любить ее, и как долго, или только помнил, что должен любить, чтобы вернулась?

Синяя оглянулась.

И в этот раз, навещая Брата, он купил цветы. Собаке цветы не нужны, конечно. Брату припас ливерную колбасу. А цветы отнес на другую могилу, тоже из прошлого, будто замаливал Жанкины грехи.

Дождь настиг по возвращению с кладбища. Немощная глинистая дорога превратилась в болото. Лезвия дождя полосовали лицо и шею. За ворот пальто натекло до поясицы. Романов не смог дойти до автобусной остановки, укрылся по пути в забытой кем-то и не демонтированной с двадцатого века телефонной будке под фонарем. Темнело, и потоки воды по стеклу создавали ощущение капсулы времени. Евгений снял трубку. И вдруг услышал гудки! Как таксофон до сих пор работает? И какими монетами платят за разговор? А главное — кому звонить, если у всех давно мобильники?

Он долго стоял и слушал гудки, как музыку, когда силится угадать мелодию и вспомнить композитора. И понял, чего ждет. Первого снега. Год от года северные зимы короче, снег приносит свет и очищение в ноябрьские дни все позже и позже. А в снеге и есть начало начал.

Джанет, в нашем веке

В поезде, впервые за много лет, Джанет увидела настоящий сон. Работая по ночам, отвыкла от сновидений. Засыпала на рассвете, просыпалась за полдень, а сны, как известно, дети ночи.

Во сне шла по канату в туфлях на высоченных шпильках. Канат был натянут над облаками, и земля проносилась внизу, будто снимали ее, как на канале «Discovery», с птичьего полета. Джанет не испытала ни малейшего страха высоты, как в жизни, словно впервые за плечами кто-то стоял, кто непременно подхватит и удержит от падения. Проснулась отчего-то в слезах, хотя во сне была уверена, что не сорвется, несмотря на неустойчивую походку на каблуках.

Над головой в вагонном окне мелькали темные деревья и серые столбы, а между ними — просверки обледенелых и вибрирующих, как звуковые волны, проводов. Песнь севера. А провода — канаты, связующие нити меж городами, домами, людьми. И ты скользишь по ним туда-сюда, как неуправляемый вагончик, а когда-то мечталось о твердом шаге канатоходца...

Сон медленно перетекал в мысли, обрастая судьбоносными символами, растворяясь в утренней зябкой неге, и она бы летела еще долго, если бы не хлопнула дверь купе. Внезапное приземление — и Джанет столкнулась нос к носу со своим отражением двадцатилетней давности. Синеволосая девица, вероятно, села в поезд после Твери, когда Джанет уже спала. И предчувствие прошлого отозвалось неприятной тягучей болью в солнечном сплетении.

⁵ «Deep Purple». «When a Blind Man Cries».

«Как глупо, — подумала. — Все круг за кругом возвращается в жизнь, как время на года и мода. Все, кроме людей. Отпустила человека — и считай, что потеряла навсегда. Пройденный без тебя отрезок пути изменит его, и встретишься ты уже с совсем другим человеком, если вообще посчастливится вновь оказаться на одном перекрестке. Да и сама я меняюсь — непредсказуемо и неотвратимо».

Узнают ли ее на Озерном проспекте, набережной, на улицах некогда родного города? И кто из бывших близких окликнет первым?

«Ты похожа на Тильду Суинтон, есть в тебе что-то потустороннее», — повторяли друг за другом почти все ее мимолетные любовники.

Джанет старалась быть незаметной. Вписаться в облик любого города, где бы ни жила. Становилась своей в самых разноцветных и разноязыких компаниях. Она не заботилась о красоте или молодости, как большинство женщин. Русые волосы давно не красила, косметикой не пользовалась, слово «юбка» для нее звучало таким же устаревшим, как, например, «вуаль». Одежду молодежных брендов диктовал размер — подростковая худоба. На тонкой коже вокруг глаз проявлялись морщинки-лучики, когда улыбалась, но никто не спрашивал: «Сколько тебе лет?» Призраки существуют вне времени, а ящерицы не стареют. Ящерица — татуировка на плече — и аватар фрилансера — личный тотем Джанет. Идентичность образов подмечали все: друзья, клиенты, любовники. То же неуловимое, ускользающее обаяние. Ящерку всем хотелось поймать, а Джанет научилась быстро бегать, отбрасывая прошлое, как хвост, избавляясь от мыслей, чувств, привязанностей, обязательств.

— Тебе скоро сорок, не пора остепениться? — робко спросила мама за ужином.

— Анаграмма, — отмахнулась Джанет.

В ее жизни все переворачивалось и менялось местами. После осени наступало лето, после заказчика — его конкурент. Джанет будто удерживала равновесие на канате: нельзя останавливаться — заштормит, нельзя поворачивать назад — сорвешься и упадешь. Она не задумывалась о том, кто, где и когда дал ей фальстарт, теперь оставалось бежать вперед и вперед. Сад расходящихся тропок — иллюзия, и бесполезно искать, на каком перекрестке свернула не туда, потому что у каждого из нас единственный путь — предначертанный. А какой именно и поименно — знать никому не дано.

Джанет не спала по ночам, чтобы не очутиться внутри сумрачного сна, от которого просыпаешься, как от выстрела. Страх победить нельзя, он — часть тебя, но можно заполнить пустоту новыми впечатлениями, планами, повседневными делами, горящими заказами или идеями для проектов, и тогда ему негде будет гнездиться. Лучше всего со страхом справлялась дорога. Адаптация в незнакомом городе требует сил, перетягивает внимание на решение самых простых проблем: где поесть, как найти ночлег, укрыться от дождя. Так живут «божьи птицы»: кочевники, паломники, странствующие монахи. Джанет словно обретала истинную свободу — от рождения, паспортных данных, предназначения и своего места в мире. От самой себя. И побег в никуда затянулся на годы.

«Быть в нашем мире означает быть другим», — книжный постулат из детства превратился в мечту, мечта сбылась, и Джанет оказалась на краю отчаяния. Отчаяние также замалчивалось внутри себя, в него, как в твердую, неподатливую землю, с трудом и потом вбивались новые вехи на бесконечном пути. Она пыталась работать — ее увольняли. «Увольнение — от слова „воля“, а работа — от слова „раб“», — писали в Интернет те, кто остался сидеть на стульях за стенами офисов и контор, а Джанет пленил Интернет, превратив в виртуальную сущность.

Она вышла замуж за архитектора, проектирующего дома. Семейный дом был устан цветами, но не просуществовал и года: от осени до весны. Муж строил Москву, но родился и повзрослел в Грозном. Джанет им восхищалась: вырасти на войне, чтобы

строить мир. Бродили по Москве, а он рассказывал ей о портиках и фронтонах, как о живых существах: рождаются, продолжают в архитектурном стиле других домов, как в детях, стареют, умирают. Камни в его руках оживали, а Джанет чуть не погибла. Вычистила потом напрочь из памяти, как это корчиться на полу, стараясь убежать живот и грудь одной рукой, а другой закрывать лицо подушкой, чтобы смягчить удары. Проснувшись утром и ощутив, что может ходить, замазала тональным кремом синяки, запихала в рюкзак весенние вещи и, закрыв за собой дверь, бросила ключи в почтовый ящик. На кухонном столе ждал приготовленный завтрак с запиской под чашкой: «В следующий раз веди себя прилично. Люблю. Буду не поздно». Но было поздно. Она обналичила подарочную кредитную карточку и шагнула в пустоту съемной квартиры. С тех пор привыкла поднимать из руин свой маленький мирок, и даже не спилась, потому что алкоголь тоже союзник воспоминаний, а значит, прошлого, а она устремлена в даль будущего.

«Выбери своего. В семейной жизни важнее, когда тебя любят, а не наоборот», — советовала мама. У Джанет могли бы сложиться серьезные отношения с мужчиной нордической внешности, если бы светлые глаза не обесцвечивали сразу и бесповоротно любую возможную страсть или хотя бы близость. И Джанет выбирала одиночество, а иногда безъязыких мальчиков-птиц: чем моложе, тем меньше накопилось в нем мужского шовинизма. Иногда замечала олений взгляд у заказчиков на встрече — вот с кем бы точно все получилось, дело объединяет, — но проверять, начался ли весенний гон, не хотелось. Финансовая независимость для одиночки — главное условие выживания, а секс и бизнес не смешиваются, как вода и масло.

Словом, по традиционным меркам родителей жизнь у нее не сложилась.

И сейчас, после ужина, просматривая семейный альбом, Джанет сама ощутила крах. Она не помнила отца молодым: наука его быстро состарила, полысел, носил очки. Но с фотографии студента-математика на нее глядели цыганские глаза самого первого. Вся ее концепция невозвращения оказалась на поверку иллюзией. Будто ходила по дому голой, ощущая себя невидимкой, а стены были прозрачными, и толпа вуайеристов наблюдала за ней. Эти глаза возвращали ее в прошлое снова и снова — с другим, по-другому, но по кругу — по кругу. Она будто всю жизнь воскрешала одного и того же во многих-многих. Дежавю.

«Могла бы остаться, никто ничего не знал, не винил тебя в случившемся».

«Истекая кровью после неудачного замужества, могла бы приползти домой — зализать раны, глядишь, и осталась бы навсегда, и сейчас у тебя была бы жизнь, а не побег от нее».

«Мы же совсем одни! Поначалу страшно было заходить в квартиру... Обе ушли... покинули нас одновременно: ты улетела, Мага умерла. На внуков надежды нет».

Споры, разговоры текли, как реки, но не сквозь них, сидящих за столом, а мимо, в невозвратное прошлое, слова не становились жизнью.

— Ладно-ладно, — подняла наконец руки вверх Джанет, и ее «иду спать» прозвучало как «сдаюсь».

— Твоя комната тебя ждет, — вместо пожелания спокойной ночи сказала мама.

В комнате детства Джанет встретил музей имени Жанки. Трюмо с зеркалом, испитым фломастерами. Стены в бурых полосках и уголках клея на обоях — след рок-н-рольных плакатов. Правильно, что мама и не заикнулась о покое. Как тут уснешь?

Джанет распаковала ноутбук.

— Все-таки решила работать в ночь?

— Нет, просто почитаю немного, чтобы заснуть.

Джанет выключила свет. Родители без нее комнаты не запирали, так и не успели залатать дверь, чтобы плотно подходила к полу, и полоса света из-под нее была в гла-

за, мешая спать. Переместившись с ноутбуком от стола на диван, отодвинула шторы. Диван по-прежнему стоял у окна. Но двор за окном был темен и слеп. Джанет поежилась. Ноут горел бледным, почти невидимым светом.

— Побереги глаза! — сказала мама, как в детстве. — Хочешь, зажжем светильник? Он неяркий, не помешает.

И принесла маленький мраморный домик, окна которого некогда освещали столько жизней.

Джанет захлопнула ноутбук, положив на крышку тетрадь. «Мне бы хотелось быть чьей-то мечтой», — прочла в первых строчках Жанкиного дневника. Странно, но себя она не идентифицировала с подростком, писавшим эти слова. Даже почерк в дневнике показался чужим. Таким вдумчивым и старательным! Сейчас она пишет бегло и часто не может разобрать иероглифы набросков идеи или телефоны заказчиков в записной книжке. От ночных бдений за компьютером село зрение, и теперь призрачные фонари Жанки, освещавшие город в ту первую ночь сквозь слезы, стали ее импрессионистской реальностью. Зыбкий мир, где каждый шаг вслепую, как по тонкому льду, неопределенность пределов.

Дневник мама сохранила: «Не заглядывала после той ссоры ни разу, но выбросить рука не поднялась». Как и светильник. Как все, что осталось от Жанки. И Джанет узнавала себя заново, проживая дни, некогда стертые из памяти, переписывая своим почерком Жанкины строчки.

Из дневника выпал рисунок. Акварель и чернильные штрихи на половинке альбомного листа с бахромой оторванного по линейке края. На рисунке — кряжистое дерево, а внутри ствола горит окно, как маяк в темном лесу. Жанка любила деревья. И птиц, гнездившихся в кронах. Птицы не поют на лету, им нужно на что-то опереться, присесть на ветку. Когда она нарисовала это? До или после полета Инги?

Вопросы-вопросы... без ответа. Джанет будто счищала патину времени с зеркала памяти, смывая за слоем слой, не надеясь выровнять некогда кристально ясную поверхность.

Ночь осталась без сна.

— Ты куда? — утром спросила мама в дверях.

— Прогуляться.

— И правильно! Нельзя сидеть днями в четырех стенах. Нужно общаться с людьми. Я недавно встретила в городе Леру, хочешь, дам тебе ее телефон?

— Позже, сначала я переговорю с той, что давно меня ждет.

Вряд ли Джанет смогла бы предсказать, что первой прогулкой после возвращения в родной город будет по кладбищу. По улицам мертвых, отгородившихся от суеты живых литым забором. Ржавые ворота на замке, вход через узкую калитку. Где-то за городом раскинулось новое кладбище, а сюда редко кто возвращается. Калитку караулили две старушки с сухими букетиками и сонный, горбатый смотритель кладбища. «Харон со свитой», — усмехнулась Джанет и взяла у старушек синие звездочки с неизвестным названием.

В аллеях между могилами стояла столь густая, неподвижная тишина, что Джанет увидела ее цвет — бурых фотографий — и почуяла запах — сырости. Имена под портретами повторяли друг друга. Не существовало человека с уникальным именем, а значит, судьбой. Жизнь любого из нас — как выщербленный ветрами прочерк между датами рождения и смерти. Учился, плодился, делал что-то, недоделал, исчез вместе с памятью последнего навестившего. Пустота в финале, одинаковая для всех: ложась в землю, не вознесешься на небеса.

«Странное дело, — размышляла Джанет. — Человек, наверное, изъян эволюции. Никто из живых существ больше не стремится выделиться среди прочих при жизни

и остаться после смерти монолитной плитой надгробия, наоборот, звери прячутся, маскируются под окружающую среду, вливаются в поток, воплощаются частью мозаики неуловимого времени и уходят тихо, с весенним перегнем продлевая чужую жизнь, и только человек копит себя, разбухая, как раковая опухоль на теле вселенной. Писатели, художники, музыканты... живут в шедеврах искусства, героини — в заглавиях улиц, бизнесмены — в международных банках, никчемные домохозяйки — в детях, перелетные мальчишки — на фотках в соцсетях. Современное человечество оцифровывает каждый свой шаг... Я существую, хочет сказать человек. Но живу ли по-настоящему? Чувствую себя живым? Не страшно ли мне при этом?»

Джанет чувствовала себя перекачанной. И страх за плечами, как вездесущий ветер пустыни, гнал вперед и вперед, чтобы сны из прошлого не настигли в пути, не сожгли в костре вечной, как ей когда-то казалось, памяти. Отречение от себя спасало от пламени раскаяния. Если любой из нас рано или поздно обречен на забвение, то не обратится ли оно в прощение для нее? Равнодушные — это когда все равно и потому все равны. Или у каждого из нас — своя мера вины? Где та точка невозврата, когда проступок становится преступлением и обрываются все дороги в нормальный мир? Кто способен определить ее раз и навсегда? Уж точно не блюстители закона, который каждый из них выворачивает себе на пользу и в оправдание.

Темнело, лес вокруг молчал, и в тишине неприятно шелестела палая подмороженная листва под ногами. Ярко атели вспышки рябины на оголившихся черных ветках. Небо уходило из голубого в темно-лиловый. Ясный день уступал место ночи, осень скоро уступит место зиме. В этом году на севере она непривычно долгая, будто ждала возвращения Джанет, прежде чем сдаться. Грань времен, оцепенелое предзвездье — как предчувствие чего-то неотвратимого...

Внезапно вспомнилась синеволосяя девица в поезде.

«Перекрасить волосы — значит стать другой, — продолжила видение Джанет, бродя по тропинкам между могилами. — Нужно отстаивать право быть собой, а не меняться, как хамелеон».

«Быть „как все“ легко, быть собой — это поступок, достойный восхищения», — вспомнилась строчка из романа «Над пропастью во ржи», обретенного как раз в то время, проложившего для нее третий путь. От одиночества к уединению за пределами мира. Холден Колфилд — первый неприкаянный, кто болтается по страницам книги между людьми без цели и смысла, без места, определенного, казалось бы, каждому из нас. Его пропасть за неимением дна превратилась в космос, падение — в полет к неизведанным звездам. Позже Джанет разгадала великую мистификацию Сэлинджера: он создал икону нового поколения, предсказал появление тех, кто шагнет за край. Послевоенные дети и были детьми ловца во ржи. Дети цветов верили, что хорошей песней можно изменить мир, мы слушали их музыку и шли за ними, как за Гамельнским крысоловом.

«А ведь в тот год рок окончательно сменился рейвом», — озарило Джанет. Для нее это было важным открытием прошлого. Хронотопом. «Скажи мне, какую музыку ты слушаешь, и я скажу, кто ты», — твердила она. Рок был музыкой ее родителей, Эдемом, последним оплотом правды и красоты. Бунтом мира, где выбор между жизнью и смертью все еще принадлежал человеку.

На мраморной плите Инги Джанет увидела живые цветы. Каллы. Белые, хотя невинной Инга не была. И главное — три нежных бутона, будто тот, кто принес цветы, в смерть не верил. Кто он? Родители Инги принесли бы четыре.

Позже Джанет узнает от мамы, что каллы — цветы покойников.

А сейчас швырнула в урну свой синий букетик. Инге такие цветы не нужны.

— Я была последней, с кем ты говорила перед тем, как..., — начала она, но слова оборвались, как обрываются провода под тяжестью льда, и в телефонной трубке повисает тишина.

Ласкала, отогревая в ладонях, замершие стебли увядающих цветов, вновь испытывая полную беспомощность перед неизбежностью прошлого — ничем не помочь.

«Жизнь существует в пределах... Мы с Ингой шагнули за... Только она взлетела, а я все никак не могу встать на крыло. Может, вместе с ней я убила и в себе способность любить? Утратила все, что некогда было мной, и склеила себя заново из пустоты? Что если я вернулась, чтобы вернуть себя, прежнюю? Чтобы наконец быть?» — спрашивала себя Джанет шаг за шагом по дороге назад, в город живых.

В темноте вспыхивали искорки. Кусочки замороженного неба, падающего на землю. Первый снег.

ГЛАВА 2. АБСОЛЮТНЫЙ НОЛЬ

Стеклянный купол остановки вобрал в себя людей и собаку на поводке, как ковчег завета. Снаружи очертания мира поглощал снег. Миниатюра вселенной, где все чего-нибудь да ждут. Исполнения мечты или хотя бы троллейбуса, чтобы тронуться с места. Временные пленники застеколья.

«Героями не становятся зимой, на пороге эпох», — вспомнилась давняя строчка.

— Жить нужно так, словно тебе всегда шестнадцать, — поучал кто-то собеседника за спиной.

Захотелось оглянуться и спросить: «Как?»

— В шестнадцать человек еще доверяет миру и людям, а главное — верит в себя. Вот я сейчас загадаю — и мы все уедем, — ответил голос.

Из снежной пелены внезапно вынырнул троллейбус. Обитатели ковчега ринулись атаковать распахнувшиеся двери. Вспыхнула искра и побежала по проводам. Троллейбус уронил усы — и свет внутри погас.

— Теперь никто никуда не уедет, — восторжествовал невидимый собеседник.

Из дневника Жанки, на грани столетий

Гостей города на вокзале встречает вой громкоговорителей, на жителей в домах орет радио: «Штормовое предупреждение! Будьте осторожны, по возможности оставайтесь в помещении! Высота волн достигает пяти метров, ветер до тридцати метров в секунду. Воздержитесь от посещения набережной! В ближайшие сутки ситуация может ухудшиться...»

Никто не слушает. Гости жужжат полароидами, местные спасают свои машины из ледяного плена, вычерпывают воду из подвалов домов, долбят лед.

К началу декабря озеро не успело полностью замерзнуть. Циклон с Белого моря принес с собой штормовые ветра. При температуре минус десять глыбы волн обрушиваются на набережную и почти сразу застывают. Все скамейки, фонари, памятники похожи на причудливые ледяные скульптуры, сталактиты пещеры сурового северного божества. Ветер сбивает с ног, деревья ломаются, машины сносит в озеро. Ледяные торосы надвигаются на город, как непобедимые воины, черные языки волн дотягиваются до близлежащих домов. Городские службы со стихией не справляются, жители набережной борются сами, им помогают окрестные районы.

И все это под оглушительный свист ветра и треск льда.

— Песнь севера, — говорит Джексон, обнимая меня.

Я еле доползла до набережной. Автобусы сюда не едут, выбрасывают всех посреди проспекта, а потом скребешься по льду, сгибаясь пополам от ветра. Ощущение — будто всю душу выдуло.

— Наш зарецкий Шувано предсказал затишье на седьмой день. Многое к тому времени будет разрушено... Я ему верю. Видел над его домом свечение. Мои говорят: колдует, а я считаю — знает приметы.

— Шувано?

— Шаман по-вашему.

— Хотела бы я увидеть!

— Северное сияние или шамана?

— Сияние. А шаман — это старик из дома на краю поля с глазами ящерицы?

— Странно, что ты его видела. Он не показывается посторонним. Даже моя мать ходит к нему за советом, когда совсем край и не знает, как исцелить.

Вспомнилось газетное объявление с портретом юной женщины, повстречавшейся осенью у калитки с бидоном в руках: *«Раина. Потомственная цыганка. Гадалка. Целительница»*.

«Каждый выживает, как умеет, — сказал тогда Джексон. — Наш дом снаружи ветхий, уродливый, а внутри почти модный салон, тебе бы понравилось».

Я не решилась спроситься в гости: с чужими за один стол садятся только гадать. Но какой красивой и молодой была его мать после рождения четверых детей!

«Для ромов время течет иначе, — объяснил Джексон. — Можно всю жизнь быть молодым, а потом состариться за одну ночь. Молодость, старость, время... — потоки природной энергии. Это как вода: бывает замерзшей или стоячей, чаще течет ровно, как ручей, а бывает, проливается».

— О Боже! — завопил кто-то слева, как из громкоговорителя.

Мы развернулись по команде. Стояли на скамейке, чтобы не замочить ноги, и смотрели на гребни волн, жутко и мерно шедшие на берег. И вдруг сбоку подкралось чудовище. Хлынуло черной водой наперерез.

Джексон сиганул через спинку скамейки, подхватил меня, и дальше мы неслись сквозь вихрь ледяных брызг. Точнее, он бежал, а я ехала за ним, ухватившись за карман его куртки, как на коньках. И где-то посередине забега по обеим сторонам от нас я заметила скачущих по сугробам северных лаек.

Всякий раз случается что-то из ряда вон, за гранью, когда мы вместе.

— Теперь будем встречаться каждый вечер, — заявил Джексон у подножия проспекта, карабкающегося вместе с обледенелыми троллейбусами и автобусами вверх, в город, в одомашненную зиму.

Шутили на остановке, что мир от наших встреч перевернется, потому что мы выпустим шторм гулять по городу. А взъерошенные лайки, радостно повизгивая, терлись у ног.

— На самом деле они наполовину волки. Прошлая зима была морозной, лес пустой, голод, волки бродили по городским помойкам. Наша зарецкая сука потекла в марте. Когда щенков увидели — хотели утопить. Мы забрали двоих себе, жалко же, хоть кто-то должен выжить из помета. Но они почти взрослые, невозможно и дальше держать вместе. Течка у нее скоро, боюсь, дело кончится кровосмешением. Возьми себе девочку! Нельзя разлучать брата с сестрой.

Я смотрела на Магу и думала не о том, разрешат ли мне оставить ее себе, в голове почему-то застряло словосочетание «родственные души». Если любовь и есть встреча душ двух родных существ: «Мы с тобой одной крови»? Крово-смешение. Душе-смешение. Где обитает душа? Может, она — огонь в крови?

Эта странная нежность, граничащая с болью, растворяющая в себе без остатка, медленно тлеющий внутри огонь.

Я целовалась и раньше. С Маратом, например, тренировались как-то на лестнице, потом было еще несколько парней на дискотеке. А сейчас мне кажется, что их и не было вовсе. И все было не то и не с теми, и даже не помню как.

Имена волчатам дали прямо в троллейбусе. Джексон опять как будто чего-то ждал, и щенки росли безмянными. Акелу сразу придумали, кто ж Киплинга не знает, а Мага я назвала в честь любимой детской книжки Потиевского «Мага уводит стаю». Имена вожаков. Пусть растут сильными и смелыми, а мы будем о них заботиться. Вместе. Теперь каждый вечер.

Ближе к ночи объявился Марат — взглянуть на волчонка. Видел в окно, как Джексон провожал меня с двумя собаками, а вышел из подъезда с одним Акелой. И тут же соседка на лестничной площадке просветила: «Не собаки это, чистые волки, завоют, ой, что бууудет!» Ненавижу многоквартирные монолитки, как в общаге живешь: все всё про всех узнают еще до того, как что-либо случается всерьез и по-настоящему.

Мага у нас к его приходу освоилась, отмыли дустовым мылом — от зарецких дворов, как сказала мама.

— Радуйся, что не прокипятили! — заржал Марат и дал Маге кусочек сахара.

Та долго обнюхивала белый непроницаемый кубик, потом, зажмурившись, осторожно лизнула.

— Давай-давай, к сладкой жизни быстро привыкаешь.

Надо бы отобрать у нее эту первую сладость-слабость. Но поздно: разгрызла — подседа, будет теперь попрошайничать, встречать у порога, а Марат и так ко мне зачастил в последнее время.

— Ты же, Жанка, о нас забыла, в пещеру не заглядываешь больше месяца, — сказал он.

Пещера — это наш заповедный край. Подвал на вершине мира. Поднебесное подземелье. Темный чердак рядом с лифтовой будкой. Стены выкрашены в черный, маленькое оконце, через которое летом на крышу лазаем, чтобы загорать, как на берегу озера: вид на город открывается аж до набережной, а зимой — смотреть на море огней.

Интересно, какие там сейчас плакаты повесили? Черные стены, понятное дело, украшали рок-н-рольными плакатами. Цой, «Нау», «Алиса», свои финские роллингстоунские приносила — те, что не жаль.

— Драм-энд-бэйс, джангл, эйсид-джаз, новая эра началась, — ответил Марат, запиная кассету в магнитофон.

— А как же Коста, он же барабанщик рок-группы?

— В диджеи подался. В «Нео» его, конечно, не пускают, но это пока... Мой брат уладит.

Марата старший брат повсюду с собой таскает, и связаны они с мажорами города. В курсе всех дел, самые крутые. Сидели на диване рядом, но я чувствовала агрессию, волнами от Марата, а может, она лилась из магнитофона, мигающего красным недобрый глазом. Мой рок тоже не ласковый лай, но когда слушаешь, например, «Black Sabbath» — ощущение, будто в гору поднимаешься, выше-выше-выше, а потом летишь над полями. А музыка Марата уводила по нисходящей, в темный лес, шаг за шагом, вниз по тропам, в тоннели пещер под корнями мертвых деревьев, и под ногами хрустели сколопендры и белые черви... Жуть!

— Эй! Вы там грохотать закругляйтесь, мы спать ложимся, — постучал в дверь папа.

— А он у тебя кто? — спросил Марат, убавляя звук на магнитофоне.

— Как кто? Математик.

— Ага, с таблицей умножения на лбу родился. Откуда родом? Вид у него не северный, — с издевкой пояснил Марат.

— Из Кабардино-Балкарии. Учился в Ленинграде. К нам рыбу ловить приехал на каникулах. На причале, тогда еще он был деревянным, волшебным, не то что сейчас, набережная в гранит закована, встретил маму. Она ждала кого-то или чего-то, наверное, чудес. И появился папа на горизонте и решил остаться у нас на севере, потому что у мамы глаза синие, как наше озеро... — начала рассказывать в сотый раз семейную историю.

— У тебя глаза в мать, а вот кровь — отцовская, может, и не голубая вовсе, как ты тут хвасталась про дворянское имение в питерских широтах. Черная у тебя кровь. Мы все гадали, чего от тебя цыгану нужно. И решили, что свою признал.

Я задумалась, но будить папу расспросами, были ли в его роду цыгане, поздновато. Утром же эта заполосная мысль Марата и вовсе не правдоподобной показалась.

— Ты приводи его к нам, в пещеру, — шепнул он уже в прихожей.

— С чего вдруг? Вы ж его за человека не считаете! — возмутилась я.

— Ты не нервничай, просто передай ему, что ждем, он поймет. Это и есть моя просьба, Жанка.

Дверь захлопнулась, и в квартире стало темно. А я еще долго сидела на корточках под дверью в прихожей и думала-думала-думала. Вести Джексона в пещеру или нет. Сожрут его, или, наоборот, обратит нас всех, потерянных, в свою веру, как Данко.

Пещера поразила преображением. На стенах кислотными красками нарисованы странные грибы и растения. На полу в самодельном мангале горел костер. Окно наглухо задраено, свет шел лишь от огня, а по стенам бродили причудливые тени. После яркого света подъезда с трудом присмотрелась к сумраку, чтобы разглядеть сидящих вокруг костра.

Кирилл — брат Марата. Коста. Алиска. И даже Лера одарила своим присутствием. В уголке Инга, зябко поеживаясь, дула в ладошки. Марат, открывший нам дверь, проводил к костру. Кирилл поднялся навстречу, протянул руку Джексону. Я тоже почувствовала скользнувший холодок от шейных позвонков, через плечи, к кончикам пальцев, и меня, как Ингу, зазнобило. Без меня Джексон бы в пещеру не сунулся. Он и без нас прекрасно жил. Я виновата, что притащила его сюда...

— Где тебя носит?! Два часа ночи! Завтра в школу! — кричала на пороге мама.

В школу завтра никто из нас, наверное, не пойдет. Хорошо, что мы с Джексоном собак успели выгулять по Зареке. Остатки ночи почти не спала. Зеркало трюмо разбилось от ветра. В темной пустоте проявилась сидящая на корточках в позе зародыша я-будущая. Голая и белая, как суккуб, с черной татуировкой ящерицы на плече. Прошлепала босыми ногами в кухню, оставляя за собой мокрые блестящие следы на полу. Мимо меня прошлепала. Не замечая. Так, словно меня и не было в комнате. Будто это я существую в ее мире, а не она в моем.

Проснувшись в ледяной лихорадке. Мага тихонько посапывала в ногах на диване. В кухне капала из крана вода. Капли ударялись о железное дно раковины, а мне слышался звук удаляющихся шагов по невидимому коридору.

Джанет, в нашем веке

Во снах Джанет никогда не бывала собой — существовала кем-то или чем-то другим, а потом сны отстали. В путешествиях усвоила эзотерические практики — как избавиться от кошмаров прошлого и жить в моменте. Ни прошлого, ни будущего в до-

роге не существует. И то и другое — проекции в мыслях, иллюзии волшебного фонаря подсознания. Сиюминутное — средоточие личного мира, где прошлое переосмысливается и пересоздается с позиции сегодняшнего опыта любви и боли, а будущее не более чем страх или греза: завтра не случается никогда, потому что воплощается все в том же растянутом во времени сегодня и всякий раз иначе, чем виделось, ожидалось. В темной комнате нет ничего, кроме знакомой мебели, чьи очертания изуродовала или, наоборот, приукрасила ночь, и никакие чудовища не живут под кроватью, а в изголовье ее не сидят возлюбленные.

Детскую сказку о двух волках изменила жизнь. В сказке обитали два волка по имени «мечта» и по имени «страх», счастье было обещано тому, кто кормил правильного волка. Но память путевых заметок — некоторые открытки возвращались к Джанет, не достигнув адресата, и она хранила их — подсказывала, что волк о двух головах и кормится он из одного источника ничем не оправданной фантазмагории воображения.

В итоге Джанет отказалась от детских сказок, как и от книг вообще, где миром правил экзистенциальный хаос, а героини болтались по страницам романов, как дерьмо в проруби, в поисках ответов на проклятые вопросы и неспособные обрести смысл существования погибали. Смысл она могла различать лишь в движении — безоглядно вперед. И каждую ночь, закрывая глаза, проваливалась в кромешную тьму забытья. Джанет не помнила, что снилась себе когда-то. А сейчас явственно ощутила запах хвои, продираясь сквозь лесной туман Жанкиных строчек.

Отбросив дневник, вдруг встретила с собой взглядом: зеркало трюмо отражало край дивана у окна. И Джанет смотрела на себя, как в Жанкином сне: сидела раздетой, поджав колени к подбородку, и на голом плече чернела татуировка ящерицы.

Зачем она сделала татуировку? Изначально образ ящерицы заменял фото на неуловимом аватаре фрилансера в сети, а потом... Хотелось наконец поймать счастье, всегда держать его под рукой? Прикрывая плечо ладонью, Джанет улыбалась лучу света из детства, внутри которого, как на экране, возникала картинка, где они с отцом играли на солнечной тропе меж камней. На камни погреться выползали ящерицы. И нужно было, оставаясь в тени и не шевелясь, тихонечко протянуть раскрытую ладонь к камню. Затаить дыхание и ждать. Ящерица чувствовала, что ладонь теплее камня, и перебиралась к ней на руки. Джанет всякий раз испытывала непередаваемый трепет, ощущая касание этих маленьких, легких, почти человеческих пальчиков. Слово сама вселенная разгуливала по ладони без страха. Так и Джанет доверялась дорожному будущему, отбрасывая прошлое, как хвост, возрождаясь снова, снова и снова. Выращивая себя из ничего.

Ящерица — как символ побега, а татуировка — печать, самоидентификация, его втайне желанная невозможность?

Совсем недавно, на подступах зимы, поила молоком ящериц — обитателей зеленой стены в Сорренто. Молочницу в отеле выдавали на завтрак под кофе, а блюдце можно было позаимствовать в столовой и поставить на подоконник. В первый день приползла одна, а потом целая стайка ящериц, словно они делились секретами друг с другом. Джанет лежала на кровати с ноутбуком, глядя, как они лакают молоко, сама вдыхая цитрусовые эликсиры средиземноморского юга. В тех днях зима не могла с ней случиться, а сегодня за окнами метет, уже третьи сутки, и кажется, что в мире нет ничего, кроме снега и темноты. Уезжая на север, оставила записку на зеркале на трех языках — русском, английском и итальянском: *«Ящерицы у вас за окном полюбили молоко на завтрак. Не разочаровывайте их!»* Кто-то поит их сейчас...

После расставания с Магой Джанет отчаянно не хватало живого тепла. Мага умела любить безусловно, прощая все на свете за сущую малость — быть рядом, и по своему заботилась о ней. Пристально и понимающе, будто испила душу до дна встре-

чающим у порога взглядом; нежно и осторожно, боясь повредить раны внутри, лишь положив голову на колени или молча осушая слезы шершавым языком; обучая получать все домашние блага просто потому, что проснулась и дышишь.

Умирала Мага без Джанет, тоже в метель, посреди зимы. Звонки родителей остались без ответа, Джанет в ту зиму потеряла мобильник. Мага вернулась во сны, оберегая ее. Джанет верила, что такой и была ее первая жизнь на земле: одинокого охотника с собакой, бредущего сквозь снега. Просыпаясь, видела свой тоскливый, почти волчий взгляд в зеркале.

Взгляд отражения — как доказательство, что жива, документ без срока хранения.

«Моя лучшая фотография», — написала Жанка на зеркале черным маркером. Всмотреться в себя, как в воду времени, прочесть, как сонник.

Первое, что удалось разглядеть: человек никогда не бывает по-настоящему красив. Свежесть шестнадцатилетнего лица скрывает безвкусная косметика: черные тени, синие волосы, блестки на скулах — стать взрослее и ярче, обрести себя, примерив все маски превосходства. К тридцати семи, битая, обретаешь чувство меры и способность стереть с лица все, кроме себя, но боишься уже цифровых камер с рекламным слоганом: «Точностью превосходим жизнь». Рубцы времени никаким стилем не перекроешь. И это не сугубо женское. Общечеловеческое. Мальчики Джанет уродовали себя пирсингом, крашеными бакенбардами и мефистофельскими бородками, а потом, когда все это начинало ржаветь и лысеть, отражение в зеркале заднего вида безжалостно демонстрировало им бульдожьи брыли и второй подбородок.

В детстве считаешь, зрелость — это свобода, а повзрослев, мечтаешь о детстве, как о потерянном рае. На внутреннем экране памяти возник грустный видеоролик под названием «Как мелеет счастье». В первых кадрах по бульвару шагают и смеются семеро закадычных друзей, вокруг цветет-благоухает весна; зыбкой осенью — помрачневшие трое, в зимней мгле — никого: года летят, листья опадают, люди убывают, желания так и остаются желаниями. А вокруг все темнее, темнее и темнее...

Четыре часа дня, за окнами — ночь. Северная зима, световая депрессия. Джанет чувствовала, как тьма растет у нее внутри с каждым прожитым здесь днем. Сумрачный мир прошлого медленно окутывал ее, проникая в мысли и сны. Он догонял ее и раньше, достигал в самые солнечные моменты пути. И пока был жив, не давал покоя. Возвращение домой не случайно: пришло время выпустить пленницу из подземелья, встретиться с ней один на один. А кто кого — жизнь рассудит. Джанет устала бежать, да и от себя, говорят, не убежишь. Загнанное в угол подсознания прошлое — часть тебя, и ты возишь его с собой повсюду.

Она решительно набрала номер Леры.

— Ты давно в городе? И не позвонила сразу! Какая ты, Жанка!

Джанет поморщилась: сначала синеволосый двойник в поезде, потом провинциальное забытое имя — из девяностых.

— А в нашем неоновом саду теперь ресторан. Да, как всегда, самый лучший в городе. Уверена, от такого предложения ты не сможешь отказаться! — пропела в ухо Лера.

В ресторане заняли столик на двоих у высокого окна. На столике в полумраке горела свеча. Окно было воздушно-прозрачным: теплый пар сдувал наледь со стекол. За окном вихрями извивался снег. Деревья под его тяжестью клонились к земле, люди на проспекте втягивали головы в воротники шуб и пальто. А город чудился дрейфующим в белом море айсбергом. Айсберг не может пойти ко дну, но у Джанет опять возникло ощущение, будто все они медленно тонут.

Капсула времени не спасет, сколько бы боев ни пережил сад наслаждений, рано или поздно...

«Надо убираться отсюда, — подумала, пока Лера изучала меню. — Получу первый транш на карту — и хватит вернуться в Сорренто, по мультивизе остался почти месяц. А дальше ручеек заказов постепенно превратится в полноводную реку. И все будет, как прежде...»

Когда прежде? Жизнь разделена невидимым стеклом, а сама она словно распилена надвое в ящике. На сцене вовсе не цирка, а плахи, и не фокусником, улыбающимся детям, а кем-то зловещим, на кого не способна взглянуть даже во сне, всякий раз просыпаясь от ледяного предчувствия. Страх, как маятник: когда-нибудь устанешь уворачиваться, и он снесет тебе голову. Нужно остановить его навсегда. Да, именно это держало, мешало уехать сразу после заветного письма от клиента с цифрами, или хотя бы сейчас вдруг встать и уйти.

Поздно. Официант записал в блокнот пожелания.

Придется встретиться с Жанкой, взглянуть на нее глазами бывших друзей, вернуться к той части себя, что давно не горит, но болезненно глеет внутри. Может, удастся разжечь и сжечь или навсегда затушить? Зима — время свечей на окнах и переосмысления прошлого, а у Джанет его никогда не было.

— Где ты собираешься встречать Новый год?

Вот оно, доказательство разобщенности с миром, первый же дежурный Лерин вопрос завел в тупик. Вспомнилась шаманская фраза: «Исцелиться — значит обрести целостность».

— Не знаю. Я давно не видела снега, и Новый год обычно не отмечаю.

— Хочешь, приходи к нам, — улыбнулась Лера.

Но улыбка получилась какой-то вымученной и жалкой. И обе предпочли молча смотреть то за окно, то на пламя свечи, лишь бы мимо друг друга, ощущая себя героинями картин Эдварда Хоппера, на разные лады переименованных современными дизайнерами в сети: то одинокое кафе летит в пустоте космоса, то над полярной пустыней, то в апокалипсическом мире будущего его замечает радиоактивным песком. А за холодными окнами в мертвенно-бледном свете рядом чужие люди.

Официант разрядил обстановку: принес бокалы с мартини, Лерин салат с креветками и черничный пирог для Джанет.

Не то чтобы Джанет больше нигде в мире не пробовала черничных пирогов, наоборот, заказывала всегда по привычке, но лишь здесь он обладал вкусом другой жизни, где все сверкало, свершалось на глазах и было вновь. Залитый солнцем, насквозь просвеченный его золотом лес. Корабельные сосны тянутся в поднебесье, ковры черничных кустов под ногами опровергают возможность края. Ели чернику горстями, язык и губы чернели, как у обитателей сумрачного мира — вечность, трепещущая на кончике раздвоенного языка ящерицы. Джанет невольно дотронулась до татуировки под свитером, вспомнив ее второй, утраченный смысл.

— Ты права, я тоже не люблю встречать Новый год, — призналась Лера. — На самом деле никто не любит. Это как новая жизнь в понедельник. Мы не любим понедельники, новогодние праздники и начала, потому что их нет. Ни утро, ни новая жизнь не начинаются. Будильник выталкивает из постели, не давая досмотреть сон, троллейбус тащит на нелюбимую работу, а человек тащит себя до могилы. Каждый день одно и то же на автопилоте. Жизнь не чувствуется, не осознается, мелькает мимо. «Как и не жил вовсе», — сказал мне однажды клиент, оформляя завещание...

— Ты работаешь юристом? Мечты все-таки сбылись?

— Да, пятнадцать лет в одной конторе. Такой срок не дают даже за убийство! Знаешь, чего я больше всего боюсь? На входе в торговые центры стоят люди и раздают рекламные листовки. Боюсь, не смогу кого-то защитить, и посадят невиновного, или

попросту совершу ошибку в документах, и меня уволят... А потом встану, как они. На обочине жизни. Одежду покупаю в маленьких бутиках, там дороже, но нет этих, безликих.

— Они что, в масках листовки раздают? — съязвила Джанет.

— Нет. Но вид у них ничтожный. Уничтоженный. Не могу смотреть им в глаза. Кажется, заражусь их никчемностью — и исчезну.

— Тебя ценят, значит, существуешь?

— Я член коллегии адвокатов, мой портрет висит на доске почета! У молодости короткий срок, не успеешь доказать... и сбросят со счетов. Моя работа — как оправдание, как доказательство меня самой. У Алиски хоть дети есть.

— Окончить школу с золотой медалью, потом университет, сделать карьеру, создать семью, вырастить детей, жить по писаным законам... Вы все ищите оправдания бытия. Кто в детях, кто в бумагах. Кто в чем. Правду, что существовали. Бога нет на земле в физическом обличе, никто не подтвердит, что зачем-то вас создал, и вы ждете признания от авторитетов, считая их избранными. Иначе жизнь неправдоподобна, не по образу и подобию. Либо значишься в списках избранных, либо прислуживаешь тем, кто в них.

— В обществе нельзя быть никем, нужен статус. Каждый хочет чего-то добиться в жизни, хочет признания! Оставить свой след на земле...

— ... прожив по чужим меркам.

— А ты — другая? Что есть у тебя?

— Ветер. Лучше обойти полмира в драных кедах, чем менять дорогие туфли на одном и том же тротуарчике в провинции.

— Вот именно! всю жизнь бежишь. Все проблемы решала бегством. Только трава везде одинаковая, нигде не зеленее. Поэтому ты вернулась.

— Нет, — с усилием произнесла Джанет. — Я вернулась, чтобы попрощаться. Навсегда.

— И куда дальше? — усмехнулась Лера, ни на секунду не поверив подруге.

— В дом у моря за сотню миль от ближайшего города, — соврала Джанет. — Провожать закаты, потому что больше некого. Читать книги, потому что некому писать. Не помнить прошлого, потому что каждый день похож на предыдущий, и нечего запоминать. Только волны-волны-волны: другие и все те же. Заведу двух лаек, чтобы если одна умрет, другая осталась бы рядом. Вместо зеркал повешу картины с прозрачными венецианками эпохи Ренессанса, говорят, я на них похожа, — и время остановится навсегда.

— Полная изоляция от мира невозможна ни на бегу, ни в покое. Рано или поздно выедешь в город, увидишь себя в отражении витрин — и ужаснешься.

— А зачем мне выезжать?

В аэропорту в ожидании самолета на Москву Джанет прокручивала ленту соцсетей и наткнулась на фотографию бывшего бойфренда. Сидел в позе лотоса на стене над морем. Черные смеющиеся глаза, а над головой небо уходит в бесконечность. Вот кому плевать на все оправдания. Может, именно этим он так поранил ее? Или тем, что поза напомнила другого человека и другое небо. Шаманскую ночь на берегу озера и костер под куполом звезд. Сидели вдвоем у костра так же расслабленно... И то позабытое ощущение себя — крохотной, но неотъемлемой частицей мира, где каждому принадлежит свой кусочек берега, по праву рождения, и за него не придется бороться.

«В городе мы так одиноки, потому что из-за отсветов фонарей, витрин и окон не видно звезд. И мы вынуждены быть звездами сами себе», — сказал тогда Джексон.

Лера та еще звезда. Сколько пластических операций сделала ради третьего, пятого... мужа, который уйдет, когда кончатся деньги? При свече заметно, что не одну.

Сколько коллег подставила ради блестящей карьеры? Впервые она бросила друзей в лесу, чтобы не отвлекали от университетских экзаменов. А кого дальше — не имеет значения.

На каком перекрестке человек предает себя, смиряясь с общественной ролью как с неизбежностью, когда перестает быть собой? Можно ли в начале начал, в шестнадцать лет, сразу шагнуть по третьему пути? Не имея оправданий в виде душевной болезни или долгой службы на пользу общества? Не имея права голоса и самостоятельности, чтобы быть за себя в ответе, а не подчиняться чужим решениям — так тебе лучше, так поступают все, так правильней? Шестнадцать лет — перепутье, когда не знаешь, как поступить: любой вариант ведет к краху. Уйти или остаться? Любить или сохранить себя? Что ни выбери — проиграешь. Существует ли личность в личинке или растет шаг за шагом в пути?

Смерть Инги разделила их всех на два лагеря: осуждающие выбрали судьбу благопослушных горожан, сочувствующие полету покинули город, как Джанет. На досках объявлений в пути, тоже своего рода досках почета, Джанет читала о пропавших без вести. Объявления на остановках, столбах, у подъездов домов — как личные письма. Сколько их? Сотни или тысячи? Галереи портретов! Может, наш мир не единственный? Мы попали сюда по ошибке, и за тем, кому здесь нет места, кто-то пришел из другого мира, более счастливого, взял за руку и увел туда, где он нужен, где любят и ждут? Наверное, там всегда светит солнце.

— След на земле мечтают оставить те, кто не жил по-настоящему, — сказала она на прощание Лере.

Лера вдруг поняла, что витало над ними весь вечер, боясь прорваться сквозь частоток из ненужных слов, что вернуло бы их друг другу.

Окликнула Джанет уже в дверях:

— ...Глупо и странно называть тебя так... Я хотела сказать: не раскапывай старую историю, если вернулась за этим. Забудь. И живи, как все.

Джанет вышла из бывшего неоновое сада под снег. Лера осталась в ресторане за столиком, подождать, пока новый муж подгонит машину. Лера по-прежнему была по другую сторону стекла.

Глядя на мерцающий в свете фонарей снег, Джанет вспомнила, о чем еще рассказывал Джексон, сидя у костра под звездами. Об умирающих лесных озерах. Вокруг города раскинулось пресное море, а озера окружены дамбами. Северные озера образованы таянием ледников. Вода в них непроточная, и чем больше в озере зарождается жизни, тем быстрее оно зарастает, загнивает — и погибает.

Евгений Романов, в нашем веке

«Замкнутый в круг мир мертв», — снова подумал Романов, разглядывая сад камней на месте дома Шувано. Старик умер, дом разрушился, а власти обустроили территорию Зареки, превратив в парк над рекой.

Обустроили? Скорее изуродовали, как и набережную озера, как все, к чему прикасались. Деревянной она была романтической пристанью из гриновских «Алых парусов», а теперь закована в гранит и щерится скульптурами — подарками скандинавских городов-побратимов. Вырождающиеся викинги уже никого не могут испугать зверским видом, зато ужасают искусством. Рыбаки с сетью напоминают о жертвах Освенцима, разрывающих руками колючую проволоку. Звездное небо похоже на изрешеченную из автомата ржавую расстрельную стену. Авангард. Сад камней — тоже побратим. А наивные приезжие верят в древние сейды. «Сейдоозеро», — написано на табличке перед каменными кругами. И они разбивают палаточный лагерь в километрах от обита-

лица духов Гирваса, в черте города, прямо на газоне. Мерзнут без костров, как и принято на сейдах, чтобы не тревожить духов, живут неделями и чего-то ждут. Озарений свыше? Вряд ли, на камнях декоративную полировку видно невооруженным глазом. Верят, что души шаманов после смерти вселяются в камни. Может, они правы, и старик до сих пор жив? Летом на камни выползают погреться ящерицы, и кажется, это он присматривает за своей землей их глазами.

Сегодня Романов заметил следы на снегу у камней. Конечно, не волчьи. Волков давно не встречал. Леса вокруг города распроданы, «зеленая валюта» севера, пустыри заросли ипотечными многоэтажками. Но следы крупные и охотничьи. Служебные собаки бегут по прямой, не кружат по запахам птиц и зверья, а следы обычно сопровождаются следами хозяина на поводке. Те, что увидел, петляли меж камней. Лайка свободна, как ветер.

Евгений и сам запетлял по следу. Видел Жанку из окна на остановке, когда в метель вдруг упали усы и троллейбус встал замертво посреди Озерного проспекта. Все начали выходить. Думал, рванет к двери первым, но, как в замедленной съемке, вжавшись лбом в узорчато-ледяное стекло, продолжал разглядывать ее из темноты салона. Узнал сразу — она, но почуял, что нет. Нутром Акелы. Предчувствовал, что рано или поздно вернется, но никогда не верил в ее возвращение. Всякий из нас, проживая дни, месяцы, годы, делится в пути на встречаемых, близких и дальних, людей и зверей, перенимая их опыт и образ существования, смыслы времени и черты мироздания, пока не иссякнет источник. Мы все друг у друга учимся, даже бессознательно, мы все друг друга меняем, и неважно, к лучшему или к худшему. Случайное столкновение с кем-то в пути задает новый вектор жизни, ломает траекторию судьбы. Расширяет горизонты возможностей и желаний. Новая территория смысла осваивается и присваивается. И только свой человек способен вручить от нее ключи.

Была ли та, которую видел, Жанкой? Личность стерта или что-то блещет на дне души, как чешуя рыбки в мертвом озере? На какой стадии деления эта незнакомая женщина? Сохранила ли в себе Жанку ее повзрослевшая оболочка с новым именем, движениями, мыслями, чувствами? Или то, что вернулось, для него абсолютный ноль?

Наши следы замечает время. По заснеженному полю все равно, в какую сторону идти, белый цвет искривляет пространство. Тропинку можно лишь ощутить где-то под толщей снега, почуять, как неуловимый запах несбывшегося лета. Запах костра, хвои и предрассветного тумана над озером. Жанка любила белые ночи и растворилась в одной из них. Табор уходит в небо на рассвете, когда гаснет костер и блекнут над озером звезды. Возможно, в ней самой текла цыганская кровь, раз унесла прочь из города в большой мир.

«У всех цыган бес в ботинках», — шутили в семье, намекая на его нежелание жить на широкую ногу.

Они с Жанкой мечтали шагнуть за пределы окружения, и эта мечта изменила обоих до неузнаваемости и поменяла судьбами и местами под солнцем почти зеркально. Девочка из интеллигентной семьи колесит по миру, как его мать и сестры, а он — уважаемый горожанин при доме с камином. Ее имя не произносят на встречах одноклассников в некогда родных стенах школы, а доктор Романов нужен всем и круглосуточно на связи. Слышал, живет за границей, проводит зимы у моря и снега не видела много лет. Верил, что путешествует, а не бежит, потому что бег всегда по кругу.

Ставя виниловые пластинки из общего прошлого, размышлял о своем. Звуковые дорожки песен их печальной юности замкнуты в черный круг. Маленькая вселенная, где они жили вместе. Инга начала первой скакать по дорожкам, чтобы достичь края и освободиться. Инга сорвалась вниз, а Жанка перепрыгнула через ее кровь на дороге... перед глазами вновь возник этот кадр, ясно и жутко: темно-красное густое озеро мед-

ленно заливает асфальт, преграждая всем путь, и только Жанка находит в себе силы перепрыгнуть на другой берег, чтобы сбежать.

До ее появления в городе Романов и не вспоминал ни о чем, был занят. Яркие насыщенные дни, занятые выживанием и обретением себя. Боролся за нормальную жизнь — в ней столько замечательных вещей! Весенняя капель, треск поленьев в камине, преданный взгляд собаки, теплое женское тело рядом под одеялом, жаренная с луком картошка, полная луна, стакан виски, работа, секс, переборы гитарных струн, детский смех под окнами, свой дом... да хоть те же виниловые пластинки! Он хотел иметь семью. Он действительно любил животных. И людей, наверное, тоже. Не всех, но очень многих. Хотел быть с ними, быть, как они, и чтобы «они» превратилось в «мы». И эта борьба за нормальность забирала все силы, занимала мысли и сны. Дни, месяцы, годы жизни. Вращающиеся шестеренки часов, откидные календари-вертушки. Казалось, шел вперед, но на самом деле был заперт внутри винилового круга, глядя вслед чужим разбегающимся путям.

Романов закрыл глаза, представив трехмерную модель вселенной в виде громадных башенных часов с миллиардами шестеренок внутри. Часы и есть олицетворение времени, его воплощенная идея. А живой механизм состоит из людей: соприкасаясь и проникая друг в друга, мы вращаем время, а оно заставляет нас сходиться и расходиться в своем танце. С Джанет не встретиться, только с Жанкой. Географически они в одном городе, но физически, точнее, метафизически — в разных мирах. Их слои времени и мироощущения не в едином пространстве, и встреча невозможна. Наверное, он мог бы ее расколдовать, вернуть Жанку, если бы знал, как сделать это, не сломав часы.

Иначе другие тоже останутся. Цветные, любовные, нервные предрассветные сны открыли им двери. И они вломились толпой. Тени выходили из зеркал, бродили по квартире, перешептываясь. Перевернулся с боку на бок — лицом к стене. Притворился, что спит и не слышит. По-научному подобное явление называется сонный паралич: когда невозможно проснуться, только ждать, когда сон отпустит.

Наутро в клинику заявила бывшая. Кричала и плакала, что «Снежный барс» сломал себе шею из-за темных следов, что упаковала и перевезла к нему в новую уютную квартирку. Долгое время чемодан лежал на шкафу, а потом Барсу что-то оттуда понадобилось и...

Медсестры не знали, как ее успокоить и выпроводить вон, хозяева в очереди в приемную похватили своих питомцев на колени. Один мужик даже сенбернара умудрился затащить в кресло, хотя тот не помещался и съезжал на пол. Паника началась невообразимая.

— Чтoб ты сдох, ведьмино отродье! — выстрелила дверью кабинета.

Романов взял отгул. Встал затемно и честно пошел на исповедь. Говорят, с зарецкой церкви и начался город, когда в слободе появилось, кому молиться и жаловаться, и житие стало цивилизованным. Позже перестроили в белокаменную на двух холмах над рекой. При советской власти там был промышленный склад, в девяностые вновь отмыли витражи и стены, сделали пристанищем для всех, кого не догнала лихая пуля, а сейчас первый холм на подступе превратился в асфальтовое плато для парковки туристических автобусов — историческая достопримечательность северного края.

«Святая водичка — налево», — прошамкала бабушка, продающая свечи. Романов вздрогнул: они всегда появлялись слева, те, кто не ангелы.

В церкви дымно, хотя никто не махал кадилом. Понедельник, некого ублажать представлениями, кроме четырех бабок — одной продавщицы и трех в очереди в рай, никого не было. В оглушающей тишине священник положил тяжелую руку на голову и сказал: «Не бойся, сын мой, там, куда пришла смерть, уже нет нас, а там, где мы, еще нет смерти». Хотя вообще-то они ничего не должны говорить, кроме как «епити-

мья, читай „Отче наш“ по сто раз на день» или что-то вроде. И все равно прозвучало неубедительно. Романов знал, что смерть — это часть жизни и мертвые бродят среди живых.

После церкви решил провести шамана. Старик завещал похоронить голову отдельно от тела, чтобы не возвращаться. Романов не смог. Сидел над ним в муниципальном уродливом морге, то и дело сплевывая на пол, — затошнило: от соседних ящиков с божмами нестерпимо воняло. Долго курил, а потом — прямо над гробом — позвонил отцу. «Ракло», — снова ответил отец. Они приехали в ночь. Оформили все бумаги в морге. Голову отец отпилил на заднем участке двора. Тело забили в гроб и отвезли на кладбище. Над одним из общих захоронений проросла сосна, как памятник, опознавательный знак. Наверное, это и есть его шаманское дерево, прорастающее сквозь все наши миры. А голова где-то здесь, заперта внутри одного из кругов. Шувано верил, что мертвые возвращаются, и не хотел быть одним из них.

Романов тоже верил, но иначе. Зомби встают из могил в фильмах ужасов, а в жизни никто не разгуливает по улицам, разбрызгивая гнилую кровь. И все-таки некоторые вещи происходят не на проявленном уровне и необъяснимы с точки зрения физики. Барс полез на шкаф, подвернул ногу и упал неудачно. Но что его туда понесло, не за своим чемоданом? И почему нельзя было стащить чемодан со шкафа на пол, а не балансировать на хромоногой табуретке? Если реальность зависит от наблюдателя, то что есть жизнь? То, что перед глазами, или твоя реакция на увиденное? С годами зрение у Евгения ухудшалось и часто подводило, а интуиция — никогда. Отец умер далеко от дома, следом за ним Романов потерял Брата, выпустил из рук, сидя у потухшего камина. Никого уже нет рядом, но, меняя мебель или делая мелкий ремонт, Евгений невольно задавался вопросами: понравился бы его новый дом Брату, гордился бы им отец? Мертвые вечно влияют на наши поступки, даже если нам кажется, что мы сами за себя в ответе.

Жизнь опять предстала хрупкой картонной декорацией. Сумрачный мир рядом, он всегда рядом, за тонкой стенкой образов и видений, скрывается в каждой тени даже в полдень. Еще немного — и хлынет внутрь нашей маленькой убогой коробки.

«Они возвращаются, снимают нас с карусели жизни, отводят за руку в тень, прилечь, отдохнуть. Обо всех не наплачешься, только о близких. Зачем она вернулась, Жанка или не Жанка? Смерти ищет? И чьей?»

В сердцах сплюнул в снег. Тот порозовел каплями. В слюне была кровь. Плохой знак. Во времена, амнистированные сегодня в силу истекшего срока давности, по темной тропинке Джексон шагал впереди. Он всех вел и привел туда, где их быть не должно было.

«Не пора ли устроить вечеринку лесных друзей?» — мрачно усмехнулся Романов, представив себе нечто вроде спиритического сеанса.

Из дневника Жанки, на грани столетий

Джексона узнала сразу. Звонит всегда четыре раза, первые два — едва уловимо, робко, никто из нас не слышит, а я жду четвертого — настоящего, способного разбудить. И только потом открываю дверь. Сегодня он зашел ко мне позже обычного, чтобы увидеть, как на самом деле устроен свет. Я играю в эту игру перед сном. Уже не могу заснуть без мраморного домика на подоконнике.

Мы полулежали на диване валетом, соприкасаясь коленями. За окном было непроглядно темно, словно воздух застыл густой тушью.

Если чуть прищуриться и не мигая смотреть в окошко домика — в точку, откуда льется свет, он превратится в живое существо. Лучи начинают двигаться, пульсировать,

ветвиться, как капилляры, тянутся к тебе щупальцами, дотрагиваются и отбегают при малейшем вздохе прочь. Замереть и не шевелиться, позволить свету познать тебя на ощупь. Тогда и сам ощутишь тепло, где-то глубоко внутри, в солнечном сплетении. Наверно, там и в нас обитает свет. Сейчас лучи соединили нас в одно целое, и что-то невосомое, почти невидимое глазу, волнами пульса перетекало от меня к Джексону и обратно, будто у нашей энергии была своя система наподобие кровеносной.

— В детстве я так смотрел на пламя костра. Чудилось, огненные языки отражают лица людей, их чувства, мысли, секреты, и чем больше наблюдаю за огнем, тем лучше понимаю всех вокруг. В мире все так переменчиво, неуловимо! Думают одно, говорят другое, делают третье. А огонь никогда не повторяется, не показывает один язык дважды, всякий раз перевоплощается в кого-то еще, значит, может поймать и сохранить в себе любого, а потом изобразить, выдать его секрет. Я верил, что из пламени можно вытянуть все тайны на свете, если смотреть долго и внимательно. И это завораживало. Я просиживал у печи или у костра во дворе летом целыми вечерами. А потом все как-то прошло само собой, позабылось.

— Я тоже в детстве многое чувствовала, понимала, а потом забыла. И только сейчас вспомнила, что мы все сделаны из света, когда купила светильник и его лучи дотронулись до меня. И в лесу я видела свет. Из окна в стволе дерева.

— Из окна в стволе дерева?

— Да, светилось в темноте, как маяк. А ты вел нас всех к нему сквозь лес. Ты смелый!

— Кстати, знаешь, как называет шаман дерево из твоих видений?

— Как?

— Древо мира. Оно растет из пламени и прорастает сквозь все людские сны. Оно может быть и родовым тоже. А дальше, когда увидишь его, должна спуститься вниз, к корням, если хочешь исправить прошлое, снять родовое проклятие, загладить вину и все такое прочее, или вверх по ветвям к небу, если нужно предсказать будущее. Можно еще лечить огнем: держать руки вокруг пламени, и дерево либо заберет болезни, очистит от всего дурного, либо, наоборот, зарядит новыми силами, отдаст свою энергию. Шувано учил мать, что огонь и есть средоточие мира, точка, откуда все проявляется изначально. Это как Большой взрыв для миллиардов маленьких галактик. Зажги огонь, и все события начнут разворачиваться вокруг и удаляться от него в разные стороны. И чем дальше, тем сложнее будет установить, откуда что берется. Таких миров очень много.

— А мы с тобой в одном мире или в разных и только соприкасаемся?

— Мы с тобой точно в одном. Но насчет остальных твоих друзей я не уверен. Они как будто приходят и уходят каждый из своего мира.

Мы поцеловались мельком. Как льдом обожгло — его губы и морозное стекло ночи, которое я случайно задела щекой, пока тянулась к нему.

— Расскажи о подруге Марата.

Почему Джексон спросил об Инге? В глазах потемнело, как за окном. Зачем она ему?!

— Ее не было в школе несколько дней, — отодвинулась как можно дальше, сказала чуть слышно, стараясь, чтобы ни одна нотка в голосе не выдала, что ревную. Лучше бы он ушел! Хочет Ингу? Пусть ищет сам.

— Навестила бы ее, — продолжал он.

— Мы не подруги, — отрезала я.

— Но ты в ответе! — резко сказал Джексон и добавил: — Ты свела ее с Маратом...

Он опасный человек, понимаешь?

Кому, как не мне, это знать. Отлегло немножко. Всмотрелась в его встревоженное отражение в стекле. Нет, Инга ему не нужна. Здесь что-то другое, о чем я не знаю...

«Отвергнутый Флорентино Ариса⁶, — подумала, — пишет любовные письма во времена чумы, и они соединяют людей. А я, влюбившись и получив ответ, написала, чтобы разрушить чью-то жизнь. Непреднамеренно, но глупо и несправедливо».

— Твои записки — легкомыслие, которое может обернуться трагедией, — сказал Джексон.

— Научила цитировать классиков на свою голову, — проворчала я, скидывая его с дивана. — Пойдем, провожу, ночь уже.

— И все-таки... — уперся он уже в прихожей.

Мама с папой зашевелились и зажгли свет в своей спальне. Я вытолкнула Джексона за дверь и сама вышла следом на лестничную площадку.

— Я все контролирую, не беспокойся, — сказала надменно, закинув ногу в мохнатом тапке на перила. Должен же он знать, в конце концов, кто его любит и как ему повезло?! Королева двора или нет — района, а то и города. Будем вместе править Твин Пиксом.

...Боль была адской. Рука Джексона мгновенно стянула все волосы на затылке, будто с меня сдирали скальп... И мы целовались до кровавых губ на этой чертовой лестнице, и лунный свет из створки распахнутой форточки падал на ступеньки, и верилось, что ведут они не вниз, на улицу провинциального города, в ночь, а вверх — в поднебесье.

В те дни мы часто ссорились, мирили нас только собаки. Уговор есть уговор. Магу с Акелой нельзя разлучать надолго, выгуливали их каждый вечер вместе, иногда Джексон с Акелой приезжал к нам, иногда мы к нему на Зареку.

Инга не появлялась в школе пять дней и не ночевала дома четыре ночи, а в доме шамана горел свет. Не знаю, как нам пришло это в голову, но мы вдруг поняли, что она там. И после прогулки, оставив собак у Джексона во дворе, решили зайти к Шувано.

— Входите, — проскрипел он, пропуская нас в свою пещеру сквозь дыру в заборе. Калитки у забора не было. Снова ужаснул его мелькающий взгляд ящерицы, будто считывает тебя за слоем слой.

В широкой квадратной комнате горел камин и на пол были набросаны волчьи шкуры. Мы с Джексонном переглянулись. Хорошо, что не взяли с собой собак. Мага с Акелой бы такого не вынесли. А у задней стены... я увидела Ингу. В люльке, подвешенной к потолку. Точнее, это была наша финская лодка-байдарка из тонкой бересты, обвязанная пеньковыми канатами, крепившимися к потолку, и уютным пледом внутри. Инга спала, свернувшись калачиком, как зародыш. Самодельная люлька чуть раскачивалась, отбрасывая тени на стены. Плыла сквозь ночь.

— Если пришли за ней, то рановато, — сказал шаман, оборачиваясь к лодке. — Девочка потеряла себя и должна найти.

— А тебя она как нашла? — спросил Джексон.

— Это я ее нашел, спящую, у меня под забором на рассвете. Совсем, бедняжка, выбилась из сил.

Мы снова переглянулись. Инга, конечно, походила на лунатика, но чтобы лунатики были способны преодолеть город с его троллейбусами и проспектами и улечься под чьим-то забором на окраине... Такого никто из нас предположить не мог. Я ощущала, что Джексон верит своему Шувано, но не доверяет обстоятельствам. Я не верила ни во что.

— Нельзя нарушать свои границы. Я пытаюсь вернуть ее обратно, к себе самой. Садитесь к огню, ночь долгая, холодная. Возможно, наутро проснется, и отведете домой, — говорил шаман, расхаживая по комнате. Появлялся то в одном углу, то в дру-

⁶ Герой романа Габриэля Гарсия Маркеса «Любовь во время чумы».

гом, я устала за ним следить и ловила эмоции, как отблески пламени, на лице Джексона. А он уставился на огонь в камине. Опять что-то оттуда вытягивал.

— Не знаю, чем вас накормить, — бормотал Шувано. — Хлеб есть, корочки отрежу... Наверное, заплесневелый.

— ...масло, чай с можжевельником и брусничкой, с дымком, хотите?

Похоже, самой большой проблемой для него сейчас было, чем нас, свалившихся ему на голову среди ночи, накормить, а я боялась за Ингу.

— Мы не голодны, хватит и чаю, — ответил Джексон.

Шаман отправился в кухню, по пути стукнул по чему-то спрятанному в проеме стены — и оно зазвенело, пронзительно и нежно. Я вздрогнула, будто меня окликнули. Подошла ближе разглядеть, что это. Обыкновенные песочные часы.

— Если песочные часы положить набок, время не остановится и не превратится в вечность, — сказал старик-ящерица, проведя кряжистым пальцем по тонкому стеклу одного из бокалов времени.

Потом мы долго пили чай у огня. Свет потянулся ко мне, но в шаманском доме я не решилась ему довериться...

Джанет, в нашем веке

Человек не может жить без тайн. Есть мелкие тайны не для всех, а есть те, что перерастают хозяина и продолжают жить после его смерти.

Джанет понимала, что от прошлого свободны лишь те, кому нечего забывать. Мятник невозможно остановить, удержать, его нужно уничтожить. Иначе любой неожиданный толчок запустит его с новой силой, где бы она ни ложилась спать. Да и страдать бессонницей всю жизнь, работая по ночам, тоже не выход. Невыносимо жить, отвоевывая каждый свой день у ночи.

Сон и сновидение — разные вещи. Нормальные сны Джанет обычно не снились, а когда позволяла себе крепко заснуть, видела по ту сторону усталости примерно одно и то же. Черно-белые вспышки глитч-эффектов, вздрагивающее шипение, как белый шум на экране, ломкие тени по стенам. Если не получалось вытащить себя за ниточку из темноты, стены раздвигались в нескончаемые анфилады и лабиринты деревянного дома, где блуждала в потемках, всегда на ощупь, по скрипу половиц. В одном из снов после возвращения на север Джанет вдруг почувствовала, что заблудилась и не может проснуться. И тогда во сне появилась Инга и зажгла свет. Джанет обрадовалась, протянула к ней руки, хотела поговорить, обнять, но Инга молча оттолкнула ее и исчезла, оставив на столе светильник.

«Она простила тебя, — обрадовалась мама, толкая сон. — Когда мертвые обнимают, целуют или дотрагиваются до живых, значит, зовут с собой. Инга же оттолкнула тебя обратно в жизнь».

В долгих разговорах после ужина на кухне за чашкой чая с черничным вареньем мама снова и снова убеждала Джанет, что старая, забытая всеми история имеет власть над ней одной и незачем ворошить прошлое.

Но сумрачный мир снился все чаще, и раз за разом Джанет искала выход из сна, пока светильник Инги не догорел...

— Не дури мне голову! — засмеялась Алиска, разливая вино по бокалам. — Твой сумрачный мир — усвоенный с детства архетип. Мы же в школе вечно твердили наизусть: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу».

Джанет решила, что если уж ее занесло в северную зиму, то встретит Новый год, как полагается: с родителями, снегом за окнами и оливье с шампанским, а на каникулах поочередно навестит лесных друзей. Вечное лето обрекало жизнь на безвременье,

а семейный — исконный — Новый год вернул календари и тиканье часов на место. И если время исцелило лесных друзей, то они, возможно, помогут ей.

«Не напрашивайся, — поморщилась Лера, записывая на листке для Джанет Алискин телефон. — У нее строгий муж, гостей в доме не любят, Алиска вообще живет при нем как домашнее животное».

«Посмотрим», — ответила ей и себе Джанет.

Алиска пригласила на семейный обед во время первого и единственного телефонного разговора, накануне Нового года. Джанет купила дорогое бордо, кило мандаринов и не уместившуюся в пакет коробку шоколадных конфет. Хотела подарить подруге мечту ее детства — живую орхидею в горшочке, но не осмелилась на столь резкое сближение восторгом общих воспоминаний.

Входной звонок затрещал модной птицей из девяностых. Алиска с трудом поместилась в проеме двери. А ее муж, Максим, как ни странно, обрадовался Джанет. Все суетился, выискивая для нее удобное местечко за столом, подкладывая лучший кусочек, пока Джанет не затошнило от необъятности съеденного. Желудок, приученный к перекусам канapé и салатами, еле усваивал и скромную родительскую кухню, а тут такие изыски: свинина под соусом, копченая баранина, мурманские осетры, маринады... Семья готовилась, стол ломился. Джанет стало неловко за неизмеримую, но одну коробку конфет: дети втроем — малыши-близнецы и старший, девятиклассник, — управились с ней за полчаса. И теперь накинулись на мандарины.

— Вот у детей Новый год действительно новый, — горько сказала Алиска, наблюдая за их суетой. — А у нас — копия предыдущего. Взросление и есть медленное погружение в сумрак несбывшихся надежд. Яркие краски детства незаметно для глаз выцветают, бледнеют, темнеют. И ты вдруг оказываешься одна и в темноте. Сумрачным миром стало бы и мое настоящее, не исполни я мечту о доме, о детях... У тебя баальный кризис среднего возраста.

— Думаешь, я, как Лера, начинаю бояться старости?

— Старости все боятся. Хоть десять детей нарожай. Взрослея, они отдаляются, старший со мной уже почти не разговаривает.

Джанет вспомнилась жуткая северная сказка из детства. Больная мать просила воды, дети не слышали. И она обернулась кукушкой, чтобы улететь к большой воде. Опомнившиеся дети бежали за ней с кувшинами воды, рая ноги об острые камни, но так и не догнали. С тех пор мох в тайге красного цвета, а кукушка подбрасывает птенцов в чужие гнезда. Но в гнезде у Алиски было тепло и тесно. Удушливо жарко. От жирной пищи хотелось пить, вино действовало умопомрачающе, но попросить воды не решилась.

— Да, пресловутый стакан воды, — сказала вслух.

— Дело не в нем. Пить-то, как в бородатом анекдоте, не захочется. Дело в невоплощенной роли, неисполненном предназначении. Нужно успеть, пока молода. Потом будет поздно. Старость отменяет пол, а человек жив либо мужчиной, либо женщиной. Поэтому стариков никто и не слушает, никому не нужна их бесполовая мудрость. Их просто терпят. Из жалости.

«Пол, половинка, — шумели у Джанет в голове слова, — исцелиться, обрести целостность, одиночки неполноценны, мир без тебя неполный, мы одно целое...»

— Личное важнее личностного! — возбужденно кричала, размахивая пустым бокалом, Алиска. — Любовь важнее славы, карьеры, познания мира, путешествий... или на что вы там с Лерой растратили счастье материнства. А я знаю, что значит быть женщиной. Я не боюсь будущего, потому что *была* настоящей!

— Кто это у нас настоящая женщина? — скептически усмехнулся Максим, вернувшись в кухню за очередной порцией водки из холодильника.

Максим позволил женщинам посплетничать на кухне, а сам ушел смотреть футбол в гостиную. Близнецы бегали по квартире, вырывая друг у друга мандарины. Старший в своей комнате бился за компом в игру-стрелялку. Взрывы и выстрелы прерывали свист футбольных болельщиков в телевизоре. Джанет почувствовала себя в дурдоме: все шумят в одном замкнутом пространстве, но каждый заперт сознанием в своем мире, — какофония мыслей и чувств, и потому слиться в симфонию единой реальности им не дано.

— Твой кошмар — в том, что ты одна. Переполнилась собой до краев, а отлить некому. Я тоже видела себя-будущую в снах в детстве. Но знаешь, будь у меня возможность вернуться в прошлое, я бы себя утешила, сказала бы: «Потерпи, все идет как надо», но ничего не стала бы менять. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло, одно без другого не сбывается.

Алиска тараторила на коротких вздохах, точно убеждала себя, а не Джанет, и боялась недослышать. Так боятся нехватки воздуха в самолетах.

— Детям твержу: нужно уметь все вытерпеть, быть терпимыми друг к другу. А настоящая женщина, настоящий человек... живет ради близких...

От духоты и вина кухня раскачивалась перед глазами, и Джанет отчетливо услышала объявления стюардесс: «...наденьте кислородную маску сначала на себя, потом на ребенка».

Кислорода в доме и правда не хватало, окна сжимали его пространство подступающей в сумерках метелью, Алиска в попытке приблизиться вытесняла в угол дородным телом истинно русского женского идеала, который «коня на скаку». Джанет все же вскочила из-за стола.

— Прости, на балкон подышать не выйти. Там свалка: велосипеды, лыжи, самокаты, ящики с гвоздями и инструментами... дверь не открывается...

Сославшись на головную боль, Джанет вызвала такси.

— Я провожу, — с готовностью предложил Максим. — В подъезде темно, не дай бог, ножку подвернет.

Алиска расцеловала Джанет на прощание, и дверь в прихожую захлопнулась.

Такси сигналило у подъезда. На лестнице было не так уж темно, снег давал мерцающий отблеск из окон. Джанет решительно шагнула вниз по ступенькам, Максим хрипло дышал позади. Вообще-то его помощь не требовалась.

На втором пролете лестничной площадки ее руку сжали в тисках, а через секунду и все тело в грубых объятиях.

— Поцелуй меня! — пьяно зашептал он ей в ухо. — Алиса сказала, ты не замужем. Чего тебе, любовников много... Ты не понимаешь, женатые ведь не целуются, я ни о чем тебя не прошу больше, только ощутить... романтику, свободную любовь, как у вас там, в европах...

Джанет ощутила бывшего мужа, чьи руки, как змеи, проникали под одежду. Вспомнила свои — в кровоподтеках, скрещенные на животе в попытке защититься. Представила себя в роли многолетней ЖДН — и задохнулась от ужаса.

А Максим притиснул ее к стене и говорил, говорил, говорил...

— Алиса, как земля, трахаемся в темноте, пашу, не глядя, бросаю в нее семя, при свете на нее и смотреть-то тошно... А ты такая тоненькая, красивая... с тобой я почувствую себя свободным... Живым! Тебе что, жалко?!

— Любовницу заведи! — прошипела, вырываясь, Джанет. И прыгнула через две ступеньки, как зверь.

«Даже Алискина простая земляная жизнь плодит тайны», — думала, сбегая по лестнице и трясущейся рукой отыскивая впотьмах кнопку домофона.

Упала на заднее сиденье такси, заплетающимся языком произнесла адрес и заплакала всю дорогу, уткнувшись лицом в стекло, чтобы водитель не заметил, не спросил, что не так.

А снег все мел и мел...

Дома без сил повалилась на диван в бывшей детской. Но забыться не удалось: за окном уже танцевал Джексон. Как в том далеком июне под тополиным пухом, прикрывая рукой промежность, словно боялся разоблачения. Он и был ее Адамом и потерянными раем, тысячеликим героем, разлитым и отраженным в солнечных мальчиках безвременья, краевым архетипом мифологии ее снов, утраченной надеждой на целостность, живым и призрачным воплощением счастья, всем, что у нее не сбылось, всем, что она упустила и теперь искала без права найти. Первая любовь — как Большой взрыв маленькой личной вселенной: после никогда не станешь прежней, отныне обречена с каждым, в ком ищешь виновного, остывать и удаляться от себя самой все дальше и дальше, пока не исчезнешь.

Романов не значился в ее списке лесных друзей, Джанет не собиралась навещать его на каникулах. Но именно Джексон ходил по луне, улыбался, звал за собой в оконную снежную тьму. В сердце тайны.

Как в приступе безумия, не чуя себя, Джанет размахнулась противоударной, «специально для дальних перелетов», сумкой от ноутбука, первым, что попало под руку у дивана, — и разбила окно.

«Ты должен был быть на моей стороне, защищать меня! А что ты сделал? Сказал: „Жанка, признайся!“ — и бросил меня, беззащитную, прямо им в пасть?! С тех пор я бегу от тебя, от всех вас, от прошлого, не останавливаясь ни на мгновение, ибо что я могла им сказать?..»

Осколки стекла беззвучно, безответно падали на диван, на пол. Когда любишь кого-то, должна бы желать ему счастья, но на самом деле хочешь, чтобы он испытал твою боль — и понял тебя безвозвратно.

В комнату неслышно вошла мама. Молча села и заплакала рядом на диване. Джанет только сейчас заметила, какая она хрупкая и несчастная, как постарела за годы разлук — и горло сдавила жалость.

Вьюга подвывала по углам. Снег сыпал и сыпал в черный проем окна. Женщины молча собирали с пола и диванного покрывала осколки.

Джанет отчетливо увидела, как ветшает их дом. Облетает лепестками цветов, плоти, пепла.

— Что-то неправильное с тобой здесь творится, дочь. Тебе, наверное, лучше уехать, — сказала наконец мама.

— Да-да, смогу сразу после Нового года. Первые деньги от заказчика получила. А окно — ерунда, вставим. Кажется, что глубокая ночь, потому что север, а на часах и семи вечера нет, сейчас позвоню, вызовем стекольщиков... и все уладим, я заплачу. Не волнуйся!

К девяти окно заменили, и в комнате воцарилось тепло. Джанет улеглась, как в детстве, — в десять. Перед тем как заснуть, вспомнила фразу Алиски: «Есть те, кто не хочет и не может взрослеть. Марат сделал Ингу женщиной, и она не выжила во взрослом теле». Иногда стоит вернуться ради одного предложения — смыслового. С Маратом Джанет в одной лодке отчаяния. Его надо бы разыскать...

Мысль ушла в сон, и Марат ей приснился, каким запомнила: юным, резким, с шарнирными движениями и ершиком под *dérêche mode*.

Проснулась внезапно среди ночи, будто кто-то смотрел и разбудил взглядом. На пороге окна стояла полная луна. Снег прекратился. Сон пропал. Джанет включила ноутбук, решив до утра работать. Чем скорее справится с заказом и уедет, тем лучше.

До Нового года осталось три дня.

Евгений Романов, в нашем веке

Новый год доктор Романов предпочел отмечать на дежурстве. Последние дни в клинике ему было спокойнее, чем в собственном доме, зажившем отдельной от него зловеще шевелящейся по углам жизнью, мороками тьмы. К тому же все равно не дадут ни отдохнуть, ни выспаться. Салюты новогодней ночи из года в год приводили к нему на порог толпы рыдающих людей с обугленными собаками на поводках, руках, носилках. И он одержимо колотл обезболивающее, промывал лекарствами ослепшие от взрыва глаза, зашивал разорванные хлопущими пасти всю ночь и несколько суток после. А сколько приводили потеряшек! Уже в период репетиции фейерверков вся стена в холле ветеринарной клиники, входные двери и столбы во дворе у подъезда стык в стык покрыты разноцветными бумажными криками хозяйских душ: «ПОМОГИТЕ НАЙТИ!» И ему при взгляде на них вспоминается лето накануне совершеннолетия, когда весь город стал прототипом его сегодняшней жизни, оклеенной плакатами с портретами пропавших без вести. Люди ведь тоже теряются и смотрят с фотографии тебе в глаза, будто из заповедья, как если бы давно знали и ждали каждый своего поезда в никуда, сидя на краешке вокзальной скамейки между мирами. Ясным утром вышел из дома и не вернулся...

Евгений знал, что ни самоубийц, ни пропавших без вести не существует. Никто добровольно не расстается ни с телом, даже больным, ни с домом, даже покинутым всеми. Надежда, никогда не умирающая надежда на возвращение к истоку, когда «все еще было хорошо», на исцеление — наш инстинкт самосохранения. И если вдруг природа дает сбой, то не в нас. Их всех просто уводят. Кто и куда? Вряд ли там светит солнце.

Тешил себя, воображая, что Жанка, тогда, на рассвете, когда проснулся один и с тех пор одиночество его не покидало, как ее еле уловимое тепло и запах сквозь сон на подушке, отправилась на их поиски. Одиноким спасателем. Но искать она начала себя. Нашла ли?

Троих питерцев, пропавших в то лето, нашли другие посреди дороги в невменяемом состоянии. Зарецкие говорили: нарушили территорию местных духов сейдоозера, и те заманили их в лес навсегда. Евгений предпочитал рассуждать научно: энергетика старейшего вулкана Земли, где любой компас теряет север. Постаревшие дети годами ищут выход из леса, шагая взад-вперед по двору местной психушки в пригородном поселке Летное. Последователей у них немало, каждый год кто-то теряется, в городе их так и называют: улетные.

А Жанка улетела не за ними, а от них, от Джексона, от всего их провинциального Твин Пикса. Бежала, спасая себя. Этот ее вечный протест против «живи как все, будь послушной!». Никогда никого не слушала, даже его. В армии, на чеченской войне, спасая неразумных детей черномазых от «наших», Романов усвоил, что, преступая грань — смерти или закона, — обретаешь внутреннюю свободу, трансцендентное надобщинное подлинное «я», которое никто никогда уже не сотрет и не отнимет. Обретаешь бесстрашие решать свою судьбу самостоятельно — от слова «самосуд», что значит стать единственным судьей для себя, ибо других больше нет: ты преодолел и оставил позади на горном перевале всех. После точки невозврата человек не падает — он летит, а вниз или вверх, какая разница, если вселенная не имеет ни неба, ни дна и сама разлетается в разные стороны? Он чуял и в том далеком рассвете, и в недавнем троллейбусе, что Жанка обрела свободу дикого зверя. Как царь зверей, доктор Романов не проводил черту между животным и человеком. О чем мечтает кошка? О собственном доме. А собака? О любви к своему человеку. Базовые ценности всего живого. А дикие звери о чем? О собственной — неприкосновенной — территории.

И Жанка создала новый мир, запечатанный по личным законам, куда никому из посторонних никакая ее вина не откроет двери. С годами Евгений начал понимать, что люди расстаются из-за правды, которая с течением жизни меняется, то есть не существует вовсе. Но его интересовало только одно: что за всем этим стоит? В чем смысл перемен — в бесконечном падении в бездну? Когда не за что ухватиться и остается только визжать от восторга, обмирая от страха? Страх притягателен краем, как секс сердцевинной бытия.

Он не рад был родиться цыганом в исконно северной культуре, не хотел оставаться нулем в замкнутом городке. Стремился стать единицей. И у него получилось. «Доктор Романов — единственный ветврач в городе, который может...» Да, он может. Но на вершине царства хоть людей, хоть зверей ты всегда один. И одиночество означает не избранничество, а исключительность. Люди вокруг выбирают друг друга, но не тебя. Ты никому не пара. Евгений впервые задумался, что все его попытки исцелиться после Жанки были похожи на хаотично разбросанные по холмам темного времени огни в чужих окнах, не связанные ни маршрутом судьбы, ни сюжетной линией.

«Игра называется: стань своим!» — сказала Жанка и обучила его вариантам правил. Жесткому, как в покер, где отказываться было нельзя, а проигравший исполнял желание — любое, бросая карты на стол рубашкой вверх и сполна оплачивая счета. И целомудренному, как в шахматы, когда чужая боль брала под уздцы и удерживала скачущего слишком прямыми углами вопросов коня со словами: «Притормози, так нечестно!» Как желания в дупло дерева, они шептали друг другу в ухо истории, которые больше никому и никогда не расскажешь. Самое сокровенное. Страшное. Постыдное. Заветное. Исподнее. Нутро. Все, что было в юном неопытном запасе. Тогда она и рассказала ему о звездных качелях во дворе с утратившей надежду собою взрослой и о том, что все книги жизни имеют одно название: «Мечты не сбываются», и потому иное никто не прочтет, но можно заглянуть в библиотеку возможностей царства несбыточного, чтобы зря не надеяться.

Джексон испугался безнадёги. Возвращался от Жанки ранним утром, ранней весной; утаила его от родителей на ночь, как заветное, но тогда, пока «все было хорошо и все еще живы», не осмелилась взять. Троллейбусы до шести не ходили, шагал через весь город один в пустоте гулких улиц, содрогаясь на каждом шагу по брусчатке от режущей боли невоплощенного желания. Будто все клетки организма разом решили отрезать себя от него, отделиться во что бы то ни стало, разодрать его тело на части. С Жанкой он понял буквальный смысл фразы «умирать от любви», как маленькая вселенная после большого взрыва, с тех пор превращающаяся в звездную пыль на зеркалах и окнах — везде, к чему бы ни прикоснулась и где бы ни отразилась.

Как такое мощное чувство могло исчезнуть, раствориться со временем? Если мы на уровне микрокосма воплощаем все физические законы, что-то должно остаться по закону сохранения энергии, иначе куда тогда денется настоящая общая наша Вселенная в конце пути? И если он прав — должно, то где? И как теперь вытянуть этот мир обратно? Мир его прошлого — из огня в камине. Вытянуть и исправить, раз и навсегда, улегшись спать головой на север, а наутро проснуться наконец в тепле недогоревшего, ощутив ее запах и вкус наяву?

Романов медленно брел домой отоспаться перед новогодним дежурством. Улица детства менялась вместе с городом. Сегодняшняя Зарека — престижный коттеджный поселок с ровными ромбами скандинавских лужаек, летом изумрудно-зелеными, сейчас белоснежными, украшенными по случаю гирляндами и Санта-Клаусами. Но видел он ее прошлое: покосившиеся деревянные домики проступали сквозь дизайнерскую каменную кладку и сайдинг, как призраки умерших в полночной амальгаме старого зеркала. В окнах горели не тусклые чадающие свечи, а яркий театральный свет рамп

чужого успеха; если какое из окон было покинуто и темно, в нем отражались соседские огни призывом в лучшие времена.

На секунду застыл у окна, разглядывая ужинавших за ним людей. Мать раскладывала по тарелкам мужа, сына и трех дочерей что-то вкусное и дымящееся. Как призрак его семьи. Жаль, что они так далеко! Мама умела не только увидеть, но и исправить прошлое в судьбоносной точке межсвечной улицы.

— Как и где хранятся наши слова, прикосновения, взгляды, отпечатки поступков? — спросил он, погружаясь в коридор света.

— Мир состоит из зеркал, природных, как вода или огонь, и искусственных, размноженных человеком. И все они считывают брызги и отблески жизни и прячут отражения в некую книгу временных лет, будто собирают фрагменты мозаики, пишут картину вселенского масштаба, где есть каждый из нас.

— И как туда попасть, в эту книгу-картину?

— Смотря зачем...

— Исправить прошлое!

— Прошлое произошло. Саму исторически сложившуюся ситуацию не удалить из пространства времени, но можно изменить ее образ в памяти — отношение к ней. И тогда изменится будущее.

— Как?

— Прошлое существует всегда, в момент настоящего ты зависишь в своем выборе от того, правильного или неправильного, решения и повторяешь или, наоборот, отвергаешь его, сворачивая на нужном перекрестке судьбы или пролагая новую тропинку. В коридоре свечей в зеркалах я вижу прошлое человека, но его будущее мне недоступно, оно — чистая энергия и принимает форму в момент достижения настоящего. Я не вижу, что будет, но могу предвидеть мотивы того, что произойдет, — *предсказать*, посоветовать, подталкивая в нужное русло, направляя мысли, слова, действия. Будущее существует как потенциал, а точка его воплощения — в человеке, время заключено и свершается в нем самом, и потому его можно исправить...

— Откуда ты знаешь, что правильно, а что нет?

— Я наблюдаю. Люди отражаются друг в друге.

Романов за годы врачебной практики наблюдал многих: в зверях видел отражение хозяев. Через них познавал людей: плачущих и радующихся, как над детьми. Иногда выходил из клиники исцеленный и исцарапанный, а в глазах хозяев сквозило недоверие. Но чаще вера возвращала его пациентов к жизни даже из небытия. И в кольцах сплетенных над питомцами рук он ощущал это загадочное вторжение в мир физической материи, что обещало быть нашим неповторимым и непредсказуемым приключением, но не сбылось. Жизнь мохнатых и людей протекала перед глазами, как бесконечный кинофильм, и Евгений понимал, что мы все одинаковы и всё, чем будем обладать к концу пути, — череда превращений, через которые прошли все живые существа во всех уголках мира во все времена. И все мы похожи на падающие снежинки: каким бы уникальным ни был узор, в основе его — пресная вода. Романов, как врач, привык к стандартным действиям для всего живого: зашил, перевязал — и смирился с происходящим и преходящим. Научился залечивать раны свои и чужие — и идти наперекор судьбе дальше.

Но судьба упрямее человека: зеркала времени не зашьешь, не замажешь и не перевяжешь. Поэтому ему так страшно возвращаться домой одному. Зеркала — живые, как память, и они ждут... Ответа на вопрос, почему вовремя не исправил прошлое, почему не смог никому помочь?

Потоптался у калитки, с трудом подняв взгляд на свое окно. Не сразу сообразил, что оно зияет чернотой пустоты, без всполохов отражений света из чужих окон. Не

сразу понял, что окно разбито, но почувствовал кем. Любовь — это связь, когда чувствуешь, что своему человеку плохо, сквозь часовые пояса и километры, а уж если она рядом и ходит по тем же улицам, то тем более. Синхронные мысли возвращают чувства.

**Из дневника Жанки, на грани столетий
(записка желаний,
из тех, что сжигают, а пепел мешают
с шампанским и выпивают в новогоднюю ночь)**

«Я мечтаю о книге, которая убедит меня в том, что смерти нет, мечты сбываются, а любовь не проходит. И мы, держась за руки, вошли бы в нее под бой курантов, как в зеркало. И стали там жить. Вечно и счастливо».

ГЛАВА 3. ИНТЕРЛЮДИЯ

«Нас просто меняют местами, таков закон сансары, круговорот людей...» — пел парнишка с шапкой-ушанкой у ног, притулившись к вокзальной стене.

Что заставляет их голосить днями напролет в двадцатиградусный мороз до хрипоты, перебирая острые струны посиневшими пальцами в обрезанных перчатках? Если песни не своего сочинения, а выученные по образу и подобию с телеэкрана?

Люди выходили из здания вокзала, отстояв длинную очередь в кассу в другой мир. Кто-то радостно покупал билеты, кто-то в отчаянии сдавал. От перемены мест слагаемых сумма в мире не меняется. Везде подают больше молчаливым и покорным судьбе нищим, чем шумным и непонятно на что надеющимся музыкантам.

Может, поэтому они и поют чужие песни чужими голосами? Пой они свои, ушанки и вовсе бы пуствовали.

Джанет, в нашем веке

«Новый год не сбывается», — вспомнила Джанет слова Леры, меняя билеты на позднюю дату. Решила дождаться или разыскать Марата. Друга детства, чьи шальные желания заставили их всех повзрослеть всего за год. Когда половина жизни прожита, год ощущается мгновением. Никто из лесных друзей не был готов, летели как в пропасть. И кто-то пропал без вести, а кто-то остался на берегу и выживает, как умеет. И надо понять как. Как им всем это удается?! В относительном благополучии и здравом уме, не стирая себя бессонницей аэропортов с отложенными рейсами?

Джанет сумела распознать в судьбах подруг свои непрожитые пути — те, что пришлось избежать. Она могла бы сделать карьеру, как Лера, если бы не узнала еще на школьной олимпиаде, что успеха никогда не бывает достаточно, а медали не делают из чистого золота. Каждая ступенька лестницы успеха открывает следующую, пока не поймешь наконец, что лестница изначально была приставлена не к той крыше, и остается лезть выше и вымученно улыбаться, рассказывая, что над всеми крышами небо одинаковое.

Джанет могла бы иметь семью, как Алиска, если бы Джексон, как все мужья, предавал бы ее по частям, а не сразу и бесповоротно. Если бы сама не предчувствовала гибель в нем — единственном и бесконечно чужом. «Потому что так правильно!» — заявил Романов, выбрав город вместо нее. С тех пор Жанка жила вне закона, не соблюдая ничьих правил, кроме своего: «не оглядываться», бессознательно выбирая

парней с похожей внешностью. Что скрывалось на дне этих черных глаз? Ей казалось, там отражается все на свете и невозможно оторваться, как от заколдованного зеркала предсказаний. Расставаясь с другими, всякий раз переживала одно и то же прощание на рассвете; тоскуя по копии, возвращалась к оригиналу. Вот она, тайна набоковской Лолиты. Не испившие первой любви до дна будут искать иных ее воплощений, как правило, в тех, кто моложе и не способен понять... Так жаждут вернуться к истокам, так ищут потерянный рай, зная, что рай либо умер, либо изменился до неузнаваемости и существует лишь в грезящей памяти.

Она не смогла бы сама сесть в поезд и помахать ему рукой на прощание, если бы не Алискино «несчастье помогло» не вышвырнуло вон из города. Осталась бы навсегда. И утратила бы себя, с детства провожающую поезд на вокзале. Поезд был крылатой мечтой, а небо стояло. Годы и годы в их провинциальном городке ничего не меняются. Поезда гудят, зовут вдаль, а небо над северной землей — молчаливый голубой кристалл с мраморными прожилками облаков. Небо в камне, где и при сильном ветре облака стоят над горизонтом, как ангелы над душой, не нашедшей предназначения. Чтобы чувствовать себя живой, Джанет требовался высокий градус бытия, на грани выживания, а здесь повсюду был лед. Замораживает рутину повседневности, и человек превращается в раба обстоятельств. Джанет привыкла менять обстановку и смотрела на стремительно уменьшающийся в размерах и удаляющийся в прошлое родной город, как с высоты полета, испытывая благодарность за то, что никогда сюда не вернется. А страх возвращения, страх быть похороненной заживо бежал за ней по солнечным улицам незнакомых городов преданной собакой. Джанет полюбила неспящие города: Москва, Париж, Тель-Авив, Барселона... В маленьких сонных городках выживают большие тайны, а где не спят, тайнам спрятаться негде: на них там не обращают внимания.

«У тебя все впереди, не бойся жить!» — утешала по телефону мама блудную дочь после очередной дороги в никуда. В последнее время Джанет все чаще их выбирала, накапливая обманы, обиды, разочарования. «Будь собой!» — убеждали спутники. Но возможно ли быть собой, если себя нет? Лера в буквальном смысле стала адвокатом и на вопрос «Кто ты?» не ответит, что женщина или попросту человек, а назовет профессию. Алиска растворилась в муже и детях. Обоих не существует. Но что останется от человека, если вычесть из него личную историю, социальную роль, предназначение? Сегодняшний шаг? Путь вперед? Попытка догнать горизонт? Невозможность берега?

Джанет чувствовала, что ей предназначены долгие дни в пути, где прошлое оживает в каждом шаге. Есть вещи, которые не вычеркнуть из памяти. Разве что сделать лоботомию. Где-то прочла, что во время лоботомии люди видят, как расцветает белый прекрасный цветок, и это дает ощущение невыразимого покоя и счастья. Раньше Джанет, как щит, спасали новые впечатления, необходимость выживать, цепляться за чужую почву, а сейчас она ощутила себя перекасти-полем в арктической пустыне. Джанет тщетно искала точку опоры, но она, как и север, была внутри. Раньше Джанет владело желание ускользнуть от чувства вины, а безопасность гарантировало отсутствие личности. Незнакомые люди, знающие каждый соответствующую ее грань, никогда не встретятся и не сложат мозаику, что обещало могущество стать кем угодно, проживая разные жизни в бесчисленных перевоплощениях в течение одной — буддисты бы позавидовали.

Но здесь и сейчас, на вокзале, глядя на сансару встречающих и провожающих, Джанет отчаянно захотелось встать с ними рядом, проявиться в их мире прощений-прощаний. В этом мире существовал сюжет: они играли роли, исполняли предназначение, понимали смысл происходящего как нечто незыблемое и непрерывное.

Свою жизнь Джанет воспринимала фрагментарно: посты в ленте соцсетей, набор открыток из противоположных частей света, где ее уже нет для адресата, сновидческих всплесков прошлого. А они протягивали друг другу жизнь, как раскрытые ладони, предъявляли, как газетные вырезки.

Вырезка... Это опасное слово вырезало из жизни города и ее. Рассылая первые стихи по газетам, мечтала, что заметят и как будет вырезать и хранить эти заметки с теплыми словами о ее словах. Но заголовки газет обвиняли в преступном молчании.

Жанка единственная вернулась из похода на сейды. Ей повезло, сразу вышла на трассу, остальных поглотили леса: кто-то физически пропал без вести, а кто-то не смог выйти из сумрачного мира своих снов и угодил в психиатрическую клинику пригородного поселка Летное. Оба случая мгновенно связали между собой, ее начали «приглашать на доверительные беседы» — таскать на допросы через день.

А Джексон собрался в армию, весенним призывом, в конце мая. Жанка верила, что мужчина должен защищать женщину с любимым лицом, близкую, теплую, рядом, но он вдруг решил защищать безликую враждебную родину. А она навещала тех, в поселке Летное. Зеленый солнечный лес, птицы поют, ровненькие дорожки, белки попрошайничают у скамеек. Идеальная гармония. Но зелень листвы скрывает ржавые решетки заборов. Не дай бог остаться хоть на минуту дольше — не вырвешься никогда. Скорей в автобус — и домой, закрыть двери и окна!

В ту весну и Жанкины родители испытали чувство самосохранения — ушли ее подальше, в Кронштадт к папиным родственникам. И поступила туда, куда и хотела, за неимением времени на подготовку и выбор, — на филфак. И пока все готовились к выпускному балу, Жанка паковала вещи в дорогу.

Под стук колес, вжимаясь виском в вагонное окно, безучастно смотрела, как удаляется город, синее у горизонта озеро, мелькают мимо северные леса: сосны, елки, розовая дымка иван-чая галлюцинацией над полями на грани болот. Видела даже аиста, сидящего на железнодорожном щите. И не видела. Это сейчас Джанет вспоминала его как не принадлежащее северу чудо, а тогда все чудеса предвещали несчастье. Перед глазами будто бы навсегда опустили шторы с фотообоями: утро в палатке у озера, солнечные теплые блики гуляли по гладкой, как стекло, смуглой коже сладко спящего рядом, рассыпаясь и преломляясь на тысячи радужных отражений, и казалось, он — само солнце. Проснется, взойдет — и подарит ей новый день, новую жизнь, отведет рукой-лучом все кошмары. Но проснулась она одна, а разбудить Джексона не решилась. В поезде мысленно сжигала этот кадр в памяти, но он упорно возрождался перед глазами фениксом. И только время, терпеливое время, медленно, час от часу, день за днем, шаг за шагом, за поворотом — дорога обесцветила образ, превратив жизнь в нескончаемое сегодня...

...Сегодня вокруг суетились люди. Суета на первый взгляд не имеет смысла, а на второй и третий заражает энергичностью, втягивает, поглощает. Являясь чистой энергией, ничто мимолетное и случайное: сказанное, сделанное, даже вымышленное, скрытое или позабытое — не исчезает бесследно, подчиняясь закону ее сохранения. В этом смысл вращения колеса жизни.

Не решившись когда-то заговорить, Жанка пробовала доверить жизнь бумаге. Но разборы письменных произведений в институте — и художественных, и документальных — неумолимо влекли к основе основ — сопричастности. Героя можно было понять, и потому он на время чтения становился тобой, рождал в душе сочувствие. Лучшая книга рассказывает тебе то, что ты давно знаешь, говорит не с тобой — о тебе. Великие авторы открывали читателю жизнь в другом обществе другой эпохи, но полную тех же сомнений, разочарований, восторгов, любви, печали или ненависти.

«Так далеко, но как близко!»

«Герою соперничают, потому что у него есть цель, созвучная твоей».

«Биографию нужно писать последовательно, а в рукописи должен быть сюжет».

Жанке хотелось писать правду, но правду должны увидеть, чтобы понять. Может быть, где-то в тайнике энергии и хранились кадры темных коридоров и запутанных лестниц, чужих и пустых комнат, сумрачных тропинок сквозь сырой лес, откуда люди не возвращаются прежними.

«За что это с нами сделали?»

«Зачем вы туда пошли?»

«Ты сам согласился. По глупости».

«Сама виновата».

У каждого из нас есть тайны. Тайны обратной стороны времени. О них не принято говорить, тем более писать книги: унижения не возвышают. Одни люди доверяют, пытаясь спастись от одиночества, а другие их глупость используют. Обман — невидимое насилие над душой. Но хуже всего то, что все заранее все знают, их предупреждали тысячи раз, но они все равно пошли, думая, что с ними будет иначе. Темные комнаты и сумрачные тропинки полны народу. В таких комнатах не поднимают друг на друга глаз, по тропинкам бродят молча. Делают вид, что не видят, не слышат. Притворяются, что их нет. Невидимое невыразимо, для него не существует слов, потому что найти слова — значит понять. Увидеть. И дать увидеть другим, которые сочтут это глупостью. Если писать о невидимом глупо, то о видимом вообще бессмысленно — без тебя расскажут. Если талант — это правда души, значит, не каждой позволено говорить.

«Человек ли я, если никто не способен меня понять?» — спрашивала Жанка себя в такие дни. С такими вопросами обучение в институте теряло смысл. Ни о литературной, ни о преподавательской стезе мечтать не приходилось. Взросление — это расчехление детских представлений о себе и мире вокруг, но редкая бабочка вылетает из кокона. Джанет не ощутила крыльев за спиной, напротив, ее начал терзать страх высоты.

В институтские дни познакомилась с группой невских поэтов. Один из них сказал в утешение: «Нет ни сюжета, ни смысла. Но жизнь — прекрасна! Лучше забей на все и езжай к морю».

Она так и поступила, провела первое лето на море — в Крыму. А потом в жизнь ворвался Интернет, Крыма вдруг стало ничтожно мало, и Жанка рванула в Москву. После неудачного замужества от безысходности начала «серфить» и многому научилась, нашла себе новое определение — «фрилансер» — и превратилась в Джанет, повесив в анкете вместо фото аватарку ящерицы, отбросившей прошлое-хвост. И предпочитала быть сверху, диктуя свои условия выживания тем, кто неопытнее и моложе.

С берегов морей и из столиц писала открытки:

«Барселона — кружащийся город платановых аллей. Полюбила платаны, в народе их называют бесстыдницами: постоянно обновляются, скидывая кору, как одежду, за слоем слой. Светлые стволы и листья, а над кронами стайками носятся зеленые попугаи. Райский сад, если бы не кошмарные сны Гауди, похожие на мои...»

«В Иерусалим уехала из Тель-Авива, забыв в апартаментах телефон. Несколько дней никто не знал, где я. Существовала человеком-невидимкой. Звездные ночи под кустами гибискуса, как в царстве сна, наверное, это и есть прикосновение к таинству бытия, когда ощущаешь себя никем в нигде, в потоке жизни. Счастье жить инкогнито, выход из-под контроля. Нормальное большинство так и предпочитает жить: незаметно, чтобы не приходилось оправдывать каждый шаг, чувство, действие. Но куда девать их жажду самореализации, внимания к своей персоне, признания, востребованности? Может, ищем среди многих безликих близких по духу, кто примет и полюбит такой, как есть, без осуждений и исправлений? Просеиваем популярность, отделяем зерна от плевел. Но те, кто пришел, вряд ли останется рядом, и путь продолжается.»

В Иерусалиме я поняла, что такое метель времени: все святые следы вытоптаны, не чувствуется энергетика древности, священных мест. Город-базар, на Via Dolorosa торгуют женскими лифчиками. Но в храме Гроба Господня мне явили чудо. „Не ищите живого среди мертвых. Он воскрес“, — написано на гробнице. Инстинктивно подняла голову и под куполом храма, в солнечном круге, куда улетает душа, увидела парящего голубя. Святой дух? Вряд ли живые голуби, что им есть внутри? Остается верить, что сама пока не мертва».

«Пустили пожить в студию в Зачатьевском переулке. Вокруг — звезды телеэкрана и знаменитости. Но вчера повстречала первую женщину, которую не узнала в лицо. Вела на поводке дымчатого веймаранера к набережной Москвы-реки. Если бы пес был лайкой, я бы стала ею».

«Как бы тебе ни было плохо, мир вокруг равнодушно-прекрасен. И если поймешь внутренним зеркалом солнечный зайчик его бесконечного лета, то аура счастья не уберезет от всех бед, но поможет их пережить. Даже горькими днями бывает сладко от красоты у моря или среди деревьев».

...Фрагменты, разбросанные во времени. Бессюжетье дорог опутывало Джанет, как бабочку, и паутина с годами затвердела в непробиваемое стекло безопасного иллюминатора над пропастью небес. В самолетах не летают, в них спят, ощущая усталость, но не ветер.

Спящие за окнами городских домов ее детства по пути остановок троллейбуса, где ютились, гнездились, вились и ветвились другие судьбы, не смогли бы разобрать в ее открытках ни слова.

Джанет чувствовала, что в открытках прошлого содержится открытие ее настоящего, как в вопросах — ответы. И сейчас ей захотелось отправить сразу две. С одним из адресатов столкнулась в подъезде нос к носу. Сначала люди приходят в твой сон, а потом поднимаются по лестнице в твою жизнь.

Из дневника Жанки, на грани столетий

— Пожалуйста, не уходи! — попросил Марат. — Я боюсь оставаться один.

С ним и правда творилось что-то странное. И я осталась.

Все началось с новогодней ночи. Встречали каждый с родителями, а после двенадцати собрались всей пещерой на набережной. Озеро после декабрьского шторма застыло изгибами льда, как замороженными морскими волнами.

Я подумала тогда: море — вечность. И мы сами — тоже море, оно у нас в крови: приливы, отливы. Волны всегда возвращаются на берег другими и все теми же. Похоже на жизнь поколений в роду. Рождение в глубине, смерть, когда разбиваются о берег, и бессмертие в новой волне. И еще о том, что сама никогда не была на море. «Все живое вышло из мирового океана», — твердят в школе. Получается, на берегу смотришь в вечность. Настоящая, солнечная и соленая, она переменчивая, а нашу, северную, заморозили вдали от мира, и нас вместе с ней бросили погибать во тьме. Разглядев себя в застывшей во льду волне, ясно ощутила, что не дочь своих родителей, а какое-то иное существо, пришедшее в этот мир через них, но не являющееся их продолжением. И такая тоска накатила!

Но потом мы зажгли костер. У огня стало тепло вместе, все шутили, смеялись...

А после каждый вспоминал тень. Никто не знал этого человека, сначала думали, что на тусовку его пригласил кто-то из нас, но не знали, кто именно, а потом видели только друг друга. За всю ночь я так и не взяла Джексона за руку, хотя, казалось, он был повсюду: подливал вино, подбрасывал ветки в костер, запускал салюты. Знакомого незнакомца видели все, но никто не приглашал и не мог вспомнить, как он (или

она) выглядит. Пьяных не было, мне родители налили под бой курантов первый «официальный» бокал шампанского, до этого пробовала украдкой. Ребята надеялись выпить за новый год у костра, но вторая бутылка вина так и осталась непечотой. Кто-то увидел своего двойника напротив и в ужасе вскочил на ноги. Мы вдруг поняли: каждый из нас говорил с тем, кого знал, тень принимала облик любого из нас. Пришла за кем-то одним, а потом поочередно отразила и подменила всех.

После при встречах отводили глаза, существование сумрака отрицалось, и высмеивалось его обсуждение. Никто ничего не видел, кроме ночи и разбросанных углей костра. Никому не хотелось выглядеть сумасшедшим в глазах друзей, никто никого не поддерживал, разбежались в разные стороны — и все.

— Родители уехали на Рождество кататься на лыжах. Я уже взрослый, могу сам о себе позаботиться, — сказал Марат.

Я огляделась. Марат заклеил окна квартиры непроницаемой пленкой, а дверные щели и «глазок» входной кое-как залепил пластырной лентой.

— Но недолго, они проходят сквозь стены, просочатся куда угодно.

Я бы посмеялась: псих в апокалипсическом бункере. Но у самой внутри гнездились жуткое ощущение, что за мной постоянно наблюдают, и если зазеваюсь — схватят, утащат на дно кошмарных видений, от которых не сможешь проснуться, они — грань между мирами, их не отогнать, как сон. После одной тени у костра в сны постучались многие. Единственным действующим средством борьбы с ними было жить в движении и ни в коем случае не оставаться одной.

А Джексон исчез. Возвращалась на Зареку. Встретила на ледяной дорожке его маму. «Еще рано, — сказала Раина. — Он ответит, поможет, но время пока не пришло».

Не поняв ее слов, молча кивнула и пошла обратно, к остановке троллейбуса, чтобы ехать домой. Замерзла, ожидая. Мне не нужна была его помощь, просто обнять. Как мы всегда обнимались, когда не могли демонстрировать свои чувства открыто: делая вид, что он поддерживает меня, чтобы не упала, а я со всей страстью и радостью хваталась за него, как утопающая. В эти дни вспоминала наш сговор не рассказывать Инге о том, что провели вечер у шамана и видели ее спящей. Мне было легче молчать обо всем, в молчании странное видение Инги в лодке, слова шамана о чужих тайнах, как об оживших мертвецах, казались кошмарным сном, который не сбудется, если не говорить о нем никому. Я не спрашивала Ингу, как она вернулась домой. Я не рассказала ничего Марату и так и не узнала, что между ними произошло и что значат слова шамана «потеряла себя». На Новый год Ингу отпустили с нами благодаря моей маме: поговорила с ее, сказала, мы молоды, встречаемся, взрослеем, надо давать больше свободы дочери.

Джексона не было нигде. А у Марата в окне тускло мерцал свет. Увидела почему, когда впустил меня: из-за пленки на окнах, а может, из-за того, что вместо электрического света он жег свечи.

— Зачем свечи? Зажги электрический свет, он освещает комнату ровно, а огонь отбрасывает тени на стены.

— Электрический свет искусственный, а огонь лишает их силы.

До утра жгли свечи и молча слушали музыку.

На листке, вырванном Маратом из школьного дневника, написались стихи:

...а над городом сонным плыла луна,
на порогах окон стояла, грустна, бледна,
а за окнами переплетались тела,
бесконечно чужие друг другу в пространстве сна.

Мы так и не заснули в ту ночь. Позже я сказала Инге, что между нами ничего не было. Она не поверила.

Евгений Романов, в нашем веке

Жизнь зачастую состоит не из того, что случилось, а как раз из того, что не случилось. Романов жил в мечте. Несбывшееся всегда сильнее действительного, потому что живет вне времени и не уходит, как прожитые дни. Евгений боялся, что прошлое чувствует острее настоящего, потому что обещал, но не смог забыть.

— Ты украл и потерял большее — покой. Забудешь, все вернется на круги своя.

В те далекие дни на излете зимы ему казалось, что Джексон должен всех спасти...

— Спаси себя, остальные последуют за тобой.

...должен бороться с тьмой, но не знал как и просил о помощи.

— Не с кем бороться, врага не существует, — сказал Шувано. — Просто прими зверя внутри, доверься ему, позволь делать что хочет. Услышь его зов — и он выведет тебя из самых гиблых мест, поможет выжить.

Он верил наставнику. Зверь внутри молчал, и потому он дал слово не вмешиваться. Шаманы никого не спасают, их путь — срединный, между мирами, они хранят равновесие. Кто должен уйти — уйдет, они не станут мешать, кому рано — удержат на краю.

В каком-то смысле она тоже выбрала третий путь — между мирами, где времена сосуществуют, отрицая само понятие времени, и переходный период затянулся на годы. Путь по межлюдью: не рядом с людьми, а сквозь них, как сквозь чашу сумрачного леса. Возможно, всю жизнь так и простоит в темноте под чужими окнами, чтобы никогда не зажечь свет в своем, потому что межлюдье лишает и дома.

В детстве мы все подглядываем в чужие окна и строим жизнь, вдохновляясь примерами живущих за ними в ореоле света. Тех, кто у нас перед глазами, тех, кого хорошо знаем. Мы хотим быть похожими на них или, наоборот, отвергаем убожество интерьера их судеб. С годами познаний горизонты расширяются, дома растут, окна меняются, и вдруг с отчаянием осознаешь, что живешь в чужой мечте, как в съемной квартире. А чего хотел сам — так и осталось непостижимой загадкой. Разгадай ее — и получишь себя у судьбы обратно. Если не боишься подобных встреч. В противном случае ты не ты, а череда даже не самостей, а перевоплощений чьих-то желаний и ожиданий. Да, думал Романов, любому из нас стоит ответить на два главных вопроса. Чего ты хочешь на самом деле? После множества впитанных в себя или исторгнутых чужих окон. И что ты боишься потерять или хуже — обрести? Когда жертвы вроде ясны, а приобретения могут сыграть с тобой злую шутку, обернувшись сокровенной мечтой, как в тайной комнате Сталкера.

Человек может существовать в обществе либо сливаясь с людьми, стремясь к идентичности с ними, либо вычитая себя из окружающих, пока не встретит себя настоящего в облике исконного зверя, как прочил Шувано. Жанка жила протестом: «Что угодно, но не так, как они» — и не смогла проникнуть в тайну иного, судя по тому, что вернулась искать. До невстречи с ней на остановке троллейбуса Романов был уверен, что нашел предназначение и занимает свое место в городе. Сжившись с состоянием изгоя, он перестал быть здесь чужим. Отказавшись от близости с отдельными людьми, получил уважение многих. Жил чужой жизнью, исполняя чужие желания, будто искал искупления, пока не понял, что отшельничество вовсе не подвиг, а благо. Людей вокруг ощущал глухой стеной, отделяющей его от мира, плотной занавеской от собственной души. Пустые обыденные разговоры мешали думать, чувствовать, вспоминать... И как отшельники выбирают бога, он рано или поздно должен был выработать свою связь с миром как истинное счастье быть наедине с собой.

«В книгах люди встречали людей, которые становились для них маяками, а в жизни я встречала только стену, которой нужно противостоять», — сказала Жанка ему в ночь на озере. Ее мир тоже был полон стен. Или зеркал? Твердят же со всех сторон: каждый человек — зеркало для другого, в одиночестве нас нет, без отражения в мире мы исчезаем, мы не что иное, как образ в глазах других, и лучше бы он был положительным. Жанке проще было на всех положить, нежели соответствовать отражению. Но человек не может быть один, должен прийти кто-то, такой же сумасшедший, для всех потерянный.

«Как я? Поэтому она меня любила?» — спрашивал себя Евгений.

«Окрай небес звезда Омега», — читала ему стихи Блока в ту ночь. Омегу не нашли в небе над озером, но оба чувствовали ее внутри — звезду пророков и изгоев, звезду иных. Оба стремились пролагать каждый свой путь по краю: «Легче всего быть первым там, где никого нет. Труднее всего быть первым, когда один».

Взрослея, он переосмыслил прошлое, но не смог ни исторгнуть его, как Жанка, ни исправить или принять, как мать.

Не честнее ли было бороться и погибнуть? Мы способны выдержать все, если знаем, что этому наступит конец. А несбыточное — бесконечно, непреходящий кризис неопределенного возраста.

Больше всего на свете человек ждет (и боится) встречи с самим собой. Романов улыбнулся этой внезапной мысли — и, зашторив окна, погасил в комнате свет. Простое решение, но как долго к нему нужно было идти! Годами, жизнями, собой, другими людьми. А всего-навсего требовалось — остаться одному в полной темноте, не бежать от тени, а впустить ее внутрь, позволить ей стать частью себя.

Впитывал в себя незнакомое (или исторгнутое, забытое?) ощущение растворения в невесомости. В глазах черно, и по поверхности ночного озера пляшут искорки света. Вспомнил, как Жанка на другом берегу зажигает светильник: дорожка бежит по волнам к нему, и ее волосы в проеме окна вспыхивают разноцветьем в ореоле света.

Джанет, в нашем веке

Повстречав во дворе эту девочку в белой куртке, Джанет не смогла удержаться, чтобы не пойти за ней. Девочка несла перед собой на вытянутых руках айфон, как волшебный фонарь, и луч чарующей музыки освещал улицу. Джанет привыкла относиться к музыке как к мусору, который выкидывают из окон домов и машин; пытаются заявить о себе нестерпимой громкостью, перекричав других; заглушают ею тишину, чтобы не остаться наедине с собой, не услышать голос души. Но девочка была поглощена собой, растворившейся в звуке, шла по улице как бы вне мира, несла свою мелодию света как последнюю обитель красоты.

Прохожие останавливались и улыбались ей вслед, и на миг их лица обретали неземную просветленность портретов эпохи Возрождения. Джанет шла за девочкой до остановки троллейбуса, пока та не спрятала айфон в сумочку и не заспешила к распахнувшейся двери. Музыка стихла, но свет не погас. Солнце светило ярко, и Джанет почувствовала запах весны. Смешно было обнаружить себя на обочине весны в зимних меховых ботинках. Как же она пропустила ее возвращение? Не заметила, что днями солнце поднимается над горизонтом, а вечера уже не черные — голубые? Может, оттого что в квартире Марата навечно поселилась зима?

Троллейбус отъехал от остановки, унося с собой девочку в белом и ее прекрасную музыку, напомнившую море на рассвете.

«У моря нельзя быть несчастным, как не получится быть несчастным в одиночестве. Несчастливым человек себя чувствует только рядом с кем-то другим или без не-

го», — подумала Джанет, и ее потянуло в Сорренто или теперь уже прямо в Тунис: европейская виза кончилась.

Рекламные плакаты в окнах парикмахерской возле остановки изображали улыбающиеся головы, демонстрировавшие всевозможные переплетения солнечных африканских косичек.

Джанет вошла в парикмахерскую.

— Хочу ваше солнце на голове!

Ей старательно подобрали ленты всех цветов лета.

— Ты не меняешься, разве что выцветаешь, — пошутил Марат, впервые за прошедшие после бегства из города годы увидев ее на лестничной площадке.

И сейчас она словно вернула себе цвет, как в юности, когда, протестуя против природной серости русого, красила волосы в синий.

«На шаманское дерево повязывают разноцветные ленты желаний, я вплетаю их в волосы как оберег от сумрачного прошлого», — решила Джанет.

А в квартире Марата по-прежнему стояла зима. В гостях у Алиски Джанет задыхалась, у Марата постоянно дрожала от холода. Двери, как у родителей, — настежь, только у них внутри квартиры, а у него — не только входная не запиралась, но и балконные. Джанет казалось, что снег кружится под потолком в свете люстры, как на улице под фонарями, а спят они на замороженных простынях.

— Живи у меня, — предложил Марат. — Косту забрали в Летное.

Джанет сразу его узнала на лестнице. Марат мало изменился внешне, разве что прическу сменил с «ежика депешей» на каре и складки скорби в углах рта залегли чуть глубже. Ему по-прежнему не хотелось оставаться одному. Джанет приспособилась жить на две квартиры, все чаще оставаясь на ночь у Марата. Как и в детстве, не притронулись друг к другу, исповедуясь ночи напролет. Слишком уж были похожи, что исключает взаимное притяжение.

История Марата была типичной историей крайностей: из демона в ангелы сквозь череду утрат. Новое падение — и всякая последующая боль усугубляет первую. Криминальный бизнес рухнул, начал с нуля, голодным, по-честному — и получилось, дальше задумался о благотворительности. Не отдашь — не получишь, мир — замкнутая энергетическая система обмена: что посеешь, то и пожнешь. Личная жизнь не сложилась, потому что упустил Ингу, теперь у каждой встречной просил прощения, но они уходили, уходили и уходили, пока не вернулась та, которую всегда ждал, но вернулась иначе. Коста тоже вернулся: не соперником, а избитым, изъеденным жизнью младшим братом, при виде которого на пороге сердце сжимается теплой, кровоточащей нежностью, кому всегда помогаешь независимо от того, что он там натворил. Родителей Марат друг за другом похоронил несколько лет назад, а старший брат...

— Кирилл из тюрем не вылезает. Утверждает, что если в стране не будет лагерных заборов, никто здесь не почувствует себя по-настоящему свободным. Он понял, что такое жизнь и свобода, когда после первой отсидки вышел за ворота и увидел весеннее небо. С тех пор так и живет: на воле творит, что в голову взбрдет, идет куда хочет, берет что хочет. Пока не поймают. Говорит, свобода — как воздух: в здоровом состоянии не ощущаешь, но стоит начать задыхаться... Мы всю жизнь дышим спертым воздухом, а он предпочитает кислород. Я-то знаю, Кирилл все бы отдал, чтобы никогда не возвращаться за решетку, но жить «как все» не умеет. Никогда не умел. Для него жизнь — череда взлетов и падений, только взлетает он все реже, а падает все больнее. Живет вне закона и считает это чуть ли не подвигом. А знаешь, как он называет тех, кто придерживается хоть каких-то правил?

— Как?

— Неваляшки.

Могла ли Джанет отнести это странное слово к себе? Скорее нет, чем да. Она жила за пределами мира правил, но ее пока не поймали.

На полке у Марата стояла, а точнее, все время падала с нее на пол деревянная фигурка охотника на камне — подарок Косты.

— Коста назвал статуэтку «Достоинство» и просил никогда не ронять. Но ты же видишь: дно камня специально подпилено, удержать равновесие сложно, почти невозможно.

Джанет размышляла о том, что достоинство современного человека превратилось в неваляшку: упал — поднялся, качаешься — улыбаешься. Здесь никто не способен ощутить унижения. Вспоминая Косту, она вновь и вновь думала о музыке. Не она ли служит приметой времени? Как меняются музыкальные течения, так меняется река времени. Вчера слушали честную поэзию рока, с ее грубыми неотесанными ритмами, а сегодня растворились в пластмассовой электронной кислоте, с ее бессмысленными повторами одних и тех же слов, впадая в транс повседневности, забывая, кто ты и где, забывая жить. Встретив девочку с волшебным лучом звука в руках, она поняла Косту, бросившего в тот роковой год стучать по барабанам. Музыка девочки была роковой композицией прошлого в современной обработке, где главную мелодию вела флейта — древнейший инструмент на земле, возникший из музыки ветра в пустом стволе дерева. Коста нуждался в природе музыки, а не в искусственно созданных на ее основе шумах. Одна из его картин изображала оркестр. Коста нарисовал фотографию рождения музыки: размытые движения рук и голов над четкими контурами инструментов. Он намеренно создал тени, безголовые и безрукие тела, растворившиеся в движении, заявив тем самым, что музыканты лишь инструменты в руках времени. Джанет ощущала подобное. После «Неосада» посещала многие, хорошо танцевала, даже подрабатывала в подтанцовке. Казалось, новая музыка наполняет изнутри. Но однажды в клубе время вдруг замерло, и Джанет, тогда еще Жанка, вдруг увидела вокруг себя потные дергающиеся тела — как белых извивающихся червей в яме, а музыка загрохотала снаружи. Выбежала на крыльцо. Стошнило в урну у входа. И она отправилась пешком на рассвет через весь город одна, чтобы прийти в себя. Больше никогда не танцевала, ни разу. Что-то сломалось в ней тогда, и внутри поселилась тишина. С тех пор музыка внушала ей то страх, то отвращение, то чувство вины. Но сегодня девочка в белой куртке вернула ей первобытную радость.

— А Коста искал истинный, изначальный образ всему, — рассказывал Марат. — Говорил, безобразие — это значит жить без образа, как без иконы. Говорил, современная икона — «Черный квадрат», олицетворяющий всеобъемлющую пустоту. Искал, расширял сознание, заваливал мою квартиру картинами. Уходил, возвращался, жил у меня, жил на улице. Все от него отвернулись, кроме меня. Сейчас снова в Летном. Я вернулся, чтобы вывести часть денег из бизнеса — на этот раз лечение обойдется дорого. Иначе ты бы меня не застала. Нанял управляющего, а сам живу почти всегда в Летном, в поселке у озера. Летом ловлю рыбу, зимой хожу к нему в лечебницу на другой берег прямо по льду на лыжах.

— Он так и не вернулся после сейдов? — ужаснулась Джанет.

— Он всегда здесь, — отвечал Марат.

Это странное свойство исповеди: лишь спустя годы можно открыто рассказать обо всем, лишь спустя годы поверить в случившееся. Балансировали на подтесанном со всех сторон камне Косты, как две ухватившиеся в отчаянии друг за друга статуэтки. Она — на камне вины, а он — на камне непреходящей боли.

— Инга тоже здесь, присматривает за нами, — блаженно улыбался Марат, и у Джанет мороз пробежал по коже.

«Get inverted» — крутился в голове обрывок виртуального кода, вновь и вновь возвращавшего посетителя в одно и то же место web-сайта, превращавшего его «нет» в «да», воровавшего данные, искажавшего их до потери личности. Перевернутый, опрокинутый мир. Марат говорил о живых как о мертвых, а о мертвых — как о живых. Мрак в его квартире излучал свет, а тишина была живой, дышала, издавала звуки. По ночам засидевшись допоздна, когда не решалась будить родителей, возвращаясь домой, и легла спать в его гостиной, Джанет слышала шелест снега под потолком, а в сны приходили люди из-за океана: из тех, кто строил дома на могилах предков или на могильных плитах писал не годы жизни, а мгновения счастья. Все эти годы Марат просидел в четырех стенах, не выезжая из города, но понял о мире и людях больше, чем объяснили ей тысячи дорог. Ближе Марата сейчас не было никого. Застань Джанет его по приезду и поговори обо всем, ей в голову бы не пришло размораживать Леру или задыхаться в Алискином семейном счастье.

— Неужели жизнь дана только как жизнь внутри тела? — спрашивал он пустоту в квартире, и Джанет ощущала присутствие третьего рядом.

Рассказала ему о девочке с флейтой в руках, и Марат подвел ее к зеркалу.

— Инга живет здесь, — сказал он. — Когда у нее было тело, я раздел ее перед этим зеркалом, и комната сразу наполнилась каким-то сладким туманом. Она смотрела на себя так, будто увидела впервые, будто это я ее воплотил, а до меня она жила незримо. Тело — ребристое, как индийская флейта, но чище звука я не извлекал ни из кого, а у меня было много женщин. Инга не сразу вернулась, и мне нужны были другие, чтобы, лежа на них с закрытыми глазами, мечтать о ней.

— Ты не виноват, — протестовала Джанет. — Страх не победить, не изъять изнутри, можно лишь научиться жить с ним. Или избавиться от него, то есть — от себя. Мы росли в девяностые, видели много чего, на улицах стреляли, смерть казалась чем-то обыденным, что в любой момент может наступить. Неудивительно, что мы отворачивались, притворялись слепыми. Знаешь, в ту пору отец рассказал мне одну историю... Она меня успокоила и заморозила. Во время научной конференции он познакомился с профессором, доктором наук, который учил его за обедом... ловить чертей. Папа решил, сумасшедший. Но профессор написал монографию о магнитных полях и лекции о своих «чертях» читал и в Лондоне, и в Нью-Йорке. А дело было так: из углов выходили тени. Ученый, конечно же, не поверил в их существование, зато поверил в свое безумие. Добровольно лег на обследование в Летное! Ездил в Москву к самым дорогим специалистам. Но многочисленные доктора никаких проблем с психикой у него не выявили. Дальше пошло-поехало: экстрасенсы, изучение магнитных аномалий, открытие нового закона, чтобы избавиться от явлений «чертей» и не продавать фамильную квартиру с видом на набережную...

— В том доме с резными балконами, который затопляет во время штормов?

— Затопляет подвал. А он жил в поднебесье, на последнем этаже. Квартира была двухэтажной: балкон на первом уровне и мансарда на втором. Никто из нас не мог позволить себе такое жилье, а у него — партийное наследство по отцовской линии.

— Я бы тоже боролся за такую квартиру. Фамильный замок, а не квартира. И что, избавился от чертей? Может, стоит его навестить, спросить как?

— Он умер несколько лет назад.

— Вот видишь...

— Нет, черные люди ни при чем. Банальный инсульт или что-то вроде. От старости.

— Не был бы так уверен. Они могут все!

— В любом случае он перекрыл один выход, а их тысячи, если видеть и знать. Я предпочла верить отцу и навсегда отделила физику от метафизики. Наш сумрачный мир — фобия северных стран, где всегда темно. Скандинавия на первом месте по чис-

лу самоубийств в мире, основной причиной называют световую депрессию. Когда сбегала в лето, забыла о ней. В курортных городах зимой менеелюдно, чем в сезон, но никто не запирается на ночь в домах. Улицы полны людей, звуков, огня. Там никогда не спят. Теням негде прятаться, перестаешь ощущать присутствие за спиной и наконец выдыхаешь. Папина история убедила меня, что я не безумна. И не одинока. Я смогла успокоиться и сделать вид, что все в прошлом или, лучше, что ничего не было или было, но не со мной. Глитчевая картинка: вздрогнула в подсознании и исчезла. Значит, привиделась, почудилась, показалась.

— Вот именно: показалась! Явила себя.

— Да ладно тебе, главное — сменить фокус. Когда знаешь, что страх существует, но не замечаешь, тем самым лишая его силы, он перестает управлять тобой. То, что перестает быть важным, не способно влиять на твою жизнь. Несущественный страх уменьшается, а со временем исчезает вовсе. Иногда вспыхивает посреди ночи до рези в глазах, до ледяного пота и зубовного скрежета, но можно научиться контролировать эти жуткие вспышки, переключаться на то, что ночь неминуемо кончится. И постепенно забывать себя прежнюю.

— Есть только миг между прошлым и будущим, — пропел Марат. — Ты поняла этот миг. Связь времен существует.

Из дневника Жанки, на грани столетий

В феврале за окнами падал тяжелый снег, льдинками дробя подоконник. Чудилось, кто-то скребется, пытаюсь прорваться в сон. Ночами напролет я училась притворяться мертвой во сне, чтобы не заметили и отпустили.

А потом в город внезапно ворвалась весна — и нас всех отпустило. Пещера распахнула окно в пронзительно-синее небо над крышей. Превратилась в пункт обмена: музыкой на кассетах и пластинках, яркими шмотками из секонд-хендов, клубными впечатлениями. И все это было окрашено светом влюбленной радости. Мы были рады друг другу и тому, как быстро успели позабыть тревожные зимние ночи. «Память девичья», — любит повторять мне мама. Иногда такая память спасает: мы не стали искать логического завершения, а просто отбросили все непонятое, счистили его с себя, как грязный подтаявший снег. И пошли танцевать.

Коста взялся за тушь. Из-под его пера выходили пугающе-прекрасные картинки заброшенного всеми сумрачного мира. Новый стиль жизни, говорил он, психоделика. Превратив страх перед неведомым в модное увлечение, преодолел его — и научил нас. Даже Инга начала рисовать. А Коста с Алисой стали парой: взглянули друг на друга по-новому и решили быть вместе.

Мы говорим: «Они ходят», мама спрашивает: «Куда?», мы смеемся над ее непонятливостью.

С Джексоном мы тоже ходим. Избродили всю Зареку с собаками. Нам хватало нас, и в пещере появлялись редко. Весна водила по улицам города допоздна...

Я сидела на скамейке у окна в коридоре. Большая перемена, все ушли обедать, а у меня аппетит пропал еще на уроке. Историчка, захлебываясь от восторга, рассказывала о подвигах во имя отечества. «Они пожертвовали жизнью, а чем вы готовы пожертвовать или так и будете до старости жвачку жевать?» Чавканье на последних партах стихло. Я, не поднимая головы, срисовывала в тетрадку орла с распахнутыми крыльями с лейбла «Монтана» на джинсах и не заметила, как она очутилась рядом. Вырвала у меня тетрадку. Последнее, что мелькнуло как озарение: тетрадка была в клетку. Я посадила орлов, чей размах крыльев ассоциировался с мощью свободы, за

решетку. И тут же перед глазами всплыла другая картинка из детства. Первый класс. Маленькие испуганные дети за партами слушали о подвиге Матросова — грудью на амбразуру во имя отечества. Все одноклассники сразу возмечтали стать героями. «Нас готовят на убой», — подумала девочка с бантиками за школьной партой.

«Тюрьма внутри тебя», — повторяла гораздо позже школьный психолог Олеся Николаевна.

Я спорила: «Чтобы она там была, нас с детства обрабатывают. Нас учат не жить, а служить другим».

«А ты думай сама. Человека ограничивает среда, чтобы раздвинуть рамки существования, расширить горизонты возможностей, нужно учиться. Всю жизнь учиться чему-то новому. И не зубрить, чтобы сдать экзамен и забыть, а размышлять, как и где применить усвоенные знания». Она рассказала мне о теории альфа-, бета-, гамма- и омега-людей. Лидеры, помощники, серая масса и аутсайдеры. Омеги не вписываются в предназначенные социальные роли, часто нарушают закон или выбирают отшельничество, но все опередившие время открытия принадлежат тоже им. «Учись, думай», — твердила Олеся. Начала напоминать мистера Антолини. Я сидела на скамье у окна и держала в руках не раз читанную и потрепанную книгу, которую она же и подарила. Тоже героя войны, освободителя Дахау, где черным по белому было написано: «Признак незрелости человека — то, что он хочет благородно умереть за ~~правое дело~~ мечту, а признак зрелости — то, что он хочет смиренно жить ради...»⁷ Текст книги я исправила, будто продолжая с ней спорить. Но искренне верила, что Сэлинджер выжил, потому что писал не о войне, а о приключениях подростка в Рождество.

«Единственная обязанность человека — жить и быть счастливым. А быть счастливым — значит жить как хочешь», — решила сказать ей при встрече, но в сердцах крикнула вслух.

Я отвернулась к окну. Оглянувшись, увидела пустую аудиторию, двинула к лестнице, чтобы идти домой. Оставаться на другие уроки не было сил — из меня будто выкачали весь воздух...

Евгений Романов, в нашем веке

— Тебя долго ждать? — спросил гость в кресле, наливая себе выпить.

Так они и появляются: окна зашторены, двери заперты. Из ниоткуда. Одеты по обстоятельствам, но всегда в черном. Косуха в дни молодости, сейчас — блистательный смокинг.

— Я уже не подросток с бритвой в руках, доказывающий всем свою крутизну в ожидании слов: «Мы все тебя любим таким, как есть, для нас ты — лучший», — спокойно ответил Романов, усаживаясь в кресло напротив.

— Конечно-конечно, — закивал гость, — Джексона давно нет. У тебя иней в волосах, а все не веришь нам.

— Я не старик, — чуть оживленнее возразил Романов. — Не репетирую пока перед сном свои похороны, тщательно подсчитывая количество пролитых слез и восторженных слов вослед.

— Но тебе же незачем оставаться, — усмехнулся гость, поднимая стакан с коньяком.

Евгений отстранил свой, не желая соприкоснуться даже стеклом. На него вдруг накатил смертельная усталость.

«Иней... — подумал, — лучше бы поседел весь, заледенел, и ничего бы уже не хотелось». В последнее время он чуть ли не физически ощущал тяжесть безмолвия. Ему все труднее стало находить общий язык с людьми в городе. Говорил с пьедестала ува-

⁷ «Над пропастью во ржи».

жаемого ветврача на профессиональном жаргоне, когда не могли возразить. Доктор Романов! Лечить людей цыгану никто бы не позволил, а к зверям он, по их мнению, был ближе, чем вызывал безграничное доверие. Дитя природы, дикарь. Ведьмино отродье.

Цыганскую Зареку всемогущая Раина дом за домом перевезла за собой в Санкт-Петербург, а потом в Москву. Блондинистые соседи-северяне, к которым еще лет пять назад Романов мог запросто зайти в гости — приготовить что-нибудь вкусное на мангале, посидеть за чаем или рюмкой водки, послушать музыку или посмотреть какой-нибудь нескончаемый сериал вместе с их женами, распродали свои ветхие дома как землю под застройку коттеджами новых русских и переехали в престижные городские районы. Как они бывали разочарованы им: цыган, и без гитары?! Но Джексон и не стремился к самовыражению. Никогда не умел ни писать, ни говорить складно, ни рисовать, ни петь, не учился играть на музыкальных инструментах. Одно лишь тело, послушное ритму музыки, вело его само, гибкого канатоходца по лунной дорожке, отсюда и прозвище. А с Жанкой они когда-то были лучшими танцорами «Неосада». Когда-то — значит, слишком давно, чтобы помнить. А теперь и вовсе некого разочаровывать или удивлять. От прежней Зареки остались слепой дед с большим догом и каменные круги Шувано. Романов понял, что сейчас ближе всего к наставнику, своим запретным одиночеством. После смерти Брата и ухода последней подруги круг общения сузился до рабочего. А выходные и праздничные дни грозили полной изоляцией. Люди не прощают тех, кто выделяется. Он заслужил уважение, выделившись из толпы бесполезных клерков профессией, но вне клиники его предпочитали не замечать.

На днях, прогуливаясь по Озерному проспекту в час пик, Романов испытал то же мистическое чувство, что и Джанет на привокзальной площади: бытие вне мира. Люди всегда куда-то бегут, как во сне, и живы, пока бегут. Если вдруг остановятся — сон кончится. Жизнь — борьба и движение вперед, ее основа — невоплощенные желания. Счастливые люди уверены только в движении, изобретая себе все новые и новые цели. Переизбыток внимания порождает тягу к уединению, желание всецело принадлежать себе, а одиночество — потребность слиться с окружающими. И то и другое недостижимо: любимого не отпустят, как он не может отпустить беспокойство о близких, а одинокого не примут, как он не принимает себя. Все живут ожиданием лучших времен. А если перестают желать и нуждаться в будущем, над ними произносятся: «Наконец обрели покой».

«Я не должен чувствовать усталость, иначе...» — подумал Романов.

— Человека невозможно победить, пока он сам, в душе, не сдастся, — процитировал вслух книжную истину.

— Человек рождается, чтобы потерять себя. Он здесь жертва, чья жизнь принадлежит другим, а себя ощущает лишь в редкие минуты тишины, когда смотрит на звезды над озером. Усталая душа просит уединения, где способна воссоединиться с источником, исцелиться, обрести покой. И мы не можем отказать. В последние дни ты ведешь себя именно так. Может, пора?

Гость подлил им обоим еще коньяку. Бутылка не убывала. Гость никуда не спешил. Романов понял, что беседа затянулась надолго, и потому лучше бы экономить силы.

— Нет, — как можно дружелюбнее ответил он. — Не думаю, что мое положение столь исключительно.

Гость уловил игру слов и нахмурился. Романову хотелось крикнуть: «Не дожدهшь-ся!» Читают ли они мысли? Приказал себе ничто не воспринимать всерьез и, преодолевая страх, продолжил:

— Избавления просят от неизлечимой болезни, когда нет сил терпеть боль. От позора игрока, спустившего наследство. В одиночной камере, откуда нет выхода, кроме

как в могилу. Разведчики носят при себе ампулу с ядом, чтобы не выдать своих. Безумие отправляет в доисторический вакуум вселенной. Мало ли исключительных случаев. Я не из их числа. Простой обыватель, вполне довольный своим здесь пребыванием и отчаянно цепляющийся за жизнь, какой бы она ни была...

— Пустой надеждой, — едко закончил гость.

Неважно какой. На Озерном проспекте у Евгения появилась надежда, и определения значения не имели. Если двое способны обмениваться снами и чувствами, то шестеренки часов вновь совпали. Город стал единым пространством, где существует вероятность встречи. Теперь он не чуял, а видел след некогда близкой. Жаждал вернуть прошлое, раскрыть все его тайны.

— Я не узнал всего, что хотел узнать.

— Боюсь, это невозможно. Взгляни сюда, — гость поднял пустой стакан на просвет. — Можно ли считать коньяк полноценным, если наливать его, предположим, в стакан с кока-колой, соком или, не дай бог, с молоком? Вот же дрянь будет, правда? Ценен чистый напиток. Ваша жизнь — тоже эксперимент. А опыт искажает результаты познания.

Романов внезапно вспомнил, как рассматривал лица людей в троллейбусе. Догадываясь, что воспринимает их предвзято, наполняя истории незнакомцев своим жизненным опытом.

— В течение одной жизни ты расслаиваешься на роли и предназначения, а прибавь сюда опыт предыдущих или чужих. Не запутаешься?

Евгений промолчал.

— Синдром Фауста опасен. Жизнь гения может быть аннулирована.

— Но гении живут вечно.

— Всякий раз возвращаясь к одному и тому же. На вечный суд. Человек приходит на землю учиться, а не оставлять следы. Тебе будет позволено сложить мозаику там. Там освободишься от тайн. По ту сторону. Чтобы выбрать, так сказать, следующий курс университета жизни, а по прибытии все забыть и черпать новые знания без искажений. Хочешь пожертвовать своей надеждой на перерождение в пользу живых, чтобы они знали, что смерти нет? Согласен, благородное желание. Но никому не нужное. Люди верят, и им этого достаточно. Без доказательств. Да и что ты можешь доказать? Живешь день за днем, каждое утро рождаешься, чтобы вернуться на круг повторений...

— Значит, я достиг гармонии. И мне — хорошо в постоянстве дней. Самое время оставить меня в покое! — не сдержался Романов.

— Рутинa не есть гармония, — покачал головой гость. — Как правило, неразвивающийся организм, как любая замкнувшаяся в себе система, стремится к саморазрушению. Сердечный приступ, например, или попал под колеса машины на перекрестке. Я удивляюсь, как тебя не удостоили вниманием...

— Будем считать, что мне повезло, — Романов хотел подняться с кресла, тем самым указав гостю на дверь, но не смог пошевелиться.

— Запомни, — сказал гость на прощание, предугадав его желание. — В этой жизни тебе остались только сны. Молить будешь, мы не вернемся!

— Дверь закрой с той стороны! — заорал вслед.

Хорошо, что не запустил стаканом, осколки с пола потом убирать, подумал, обнаружив вдруг себя сидящим перед зеркалом. Отражение закинуло ногу на ногу и уставилось на него дикими глазами.

«Надо завязывать с выпивкой!» — решил Романов, глядя на обмелевшую бутылку на столике у кресла.

Истина всегда о двух концах, выбери, за какой держать. Мистики утверждают, что сумерки опускаются на землю с наступлением ночи. А дедушка Юнг бы возразил: су-

мерки поднимаются из земли, наблюдайте внимательнее, сказал бы он, сумрачный мир творите вы сами, это ваше подсознание. Страх смерти, страх не дойти до конца пути, не закончить начатое, не завершиться...

Бродил бы я по небесам при свете и во тьме,
 Во времена и дня, и ночи облачаясь,
 Я б постелил одежды неба под ноги тебе:
 Сказав, что полон только снами,
 Но до незримости истощены они.
 Ступай нежнее, ибо идешь ты по последнему,
 Что у меня осталось, —

переиначил строчки Уильяма Батлера Йейтса. Никогда не запоминал строфы наизусть, читал своими образами и словами. Ирландская темная мифология поэта и отчужденность от мира старой доброй Англии напомнила Романову собственную лунную походку по краю скандинавских болот.

Томик стихов бросила на клеенчатом кресле в приемной ветклиники хозяйка кошки по имени Жанка. Романов забрал книгу себе, как когда-то забрал Брата. Зная, что никто за ними никогда не вернется.

Джанет, в нашем веке

— Новая дверь — новая жизнь! — радостно сообщил коммивояжер, протягивая с порога рекламные буклеты.

— Перемены не всегда к лучшему, — мрачно выпроводил его Марат.

— Но все-таки не запирай, — попросил, уходя.

Утром звонили из Летного, сообщили, что Коста умер во сне. Марат поехал улаживать формальности с больницей и похоронной службой.

Джанет осталась одна. Обещала быть на связи на случай, если понадобится помощь в городе. Двери у Марата в квартире не запирались изнутри, только снаружи. Джанет нервно ходила из комнаты в комнату, понимая, что в любой момент кто-то может проникнуть, ворваться внутрь. Как Марат здесь живет? Ей вдруг вспомнились внезапные звонки в дверь московской съемной квартиры осенью, и как испугалась невидимых незнакомцев, погасила свет, будто темнота, растворяя в себе, могла уберечь от опасности. Она часто скрывалась так ото всех: погасив монитор компьютера, отключив телефон или свет в квартире. Темнота в окне, электронном ли, живом, означала: «Меня здесь нет. Вы меня не достанете, я недосягаема, в безопасном месте».

Тишина, чьи-то шаги по лестнице, снова тревожная тишина. Чем ближе к весне, тем позже темнеет. За окнами повис белый день.

«Одиночество — как молоко, — подумала Джанет, ощущая себя заблудившейся в пустоте, где некому защитить. — Будешь от страха кидаться из угла в угол, взбивая вокруг себя стены из масла, как та лягушка из басни, но, скорее всего, захлебнешься, утонешь».

Для Марата страшно быть запертым. «Будь на связи», — твердит он по телефону каждому позвонившему. Незакрытая дверь — как веревочка в детском саду, за которую они держались, чтобы не потеряться, когда воспитательница вела их на дальнюю прогулку. Марат отпустил Косту в Летное, и тот потерялся. Марат теперь тоже мечется от безысходности: хотел как лучше, заплатил за лечение, а получилось, что потерял друга. В детстве они соперничали, потом дружили, снова сплетались и расплетались, в их отношениях было много жестоких травм, но и близость, их порождающая. Не-

ужели нельзя с кем-то слиться воедино, чтобы не изранить друг друга? Джанет взяла с полки статуэтку достоинства. Вот то, что мешало ей: руки, скрещенные на животе, во время битвы с несчастлившимся мужем за личное пространство; спешка паковавших рюкзаки перелетных птиц, когда тебя оставляют в чужой стране, как надоевший пейзаж; чувство вины за никак не желавшую клеиться жизнь, за отсутствие привязанностей, будто связь с миром — это некий жизненно важный орган, и без него человек — инвалид.

Джанет невольно провела руками по многочисленным афрокосичкам. Зачем ей вздумалось заплести их? Девочки в детском саду и школе любили плести косички, складывать из кубиков кукольные домики, позже в школе вязать шарфы, всегда что-то связывать между собой. Ей же нравилось вырезать что-то из чего-то. Может, так она и себя шаг за шагом отделяла от мира? В дневниках Жанки мало ее собственных слов, намеки, обрывки мыслей, цитаты из книг и летопись чужих разговоров, отдельными фразами, из которых так трудно что-то понять, сложить воедино. Может, уже тогда она начала стирать себя, растворяться?

Да, жизнь состоит из смерти — из череды похорон и пожелтевших фотографий в семейных альбомах, из утрат и разлук. Потусторонний мир существует. В глубине души любой из нас верит в непреодолимые силы, толкающие или влекущие нашу судьбу. Мы говорим с ангелами или демонами внутри себя, но из страха показаться безумцами маскируем эту веру общепринятой мифологией, не пытаемся проникнуть за грань, объяснить. Люди боятся темноты, как дети. В ней что-то шевелится, что не поймашь за хвост. Люди закрывают глаза.

Жанка сделала то же самое. В неспящих городах можно проваливаться в предрасветное забытие, восполнять силы, чтобы жить дальше, не перешагивая границ, оставаясь по эту сторону бытия. И Жанка закрыла глаза, даже наедине с собой. Так крепко, что, когда открыла, очертания мира казались неясными и размытыми, как в дымке, когда смотришь с необитаемого острова и не веришь в возможность кораблей. Издалека все кажется неправдоподобным. Иллюзия самозабвения: забываешь о себе, забываешь о других.

Джанет смотрела, как в вечерних сумерках морского цвета зажигаются одно за другим окна во дворе детства. Мама недавно горько усмехнулась ее безнадежным попыткам нашарить на стене выключатель.

— Потому что нигде не чувствуешь себя дома, — сказала она.

Джанет вспомнила, что собирала и склеивала только в семье: мозаику, «складные картины», которые папа потом вешал на стену, и ее мучительно потянуло домой. Если бы не связь с семьей, пусть нерегулярная, виртуальная, по телефону, но неразрывная все эти годы, она не пережила бы своего одиночества. Марат раньше утра не появится, а ей нужна была скорая помощь: поговорить по душам с самыми близкими.

Вслушав ее сбивчивую исповедь обо всем прошедшем и случившемся вновь, мама долго молчала сама. Но одна тайна влечет за собой другую, и Джанет узнала семейную легенду, в которую тоже не верили, но боялись повторять вслух.

«Береги глаза!» — твердили ей с детства, об остальном молчали.

Младенцем Жанка чем-то заболела, сутками не смыкала глаз, врачи разводили руками. Бабушка вопреки протестам родителей позвала зарецкую цыганку. Та помогла ребенку заснуть, но предупредила: «Начнет видеть в темноте, не сможет жить при свете».

Мама поняла буквально: Жанке без конца проверяли зрение.

«Не скажешь, не сбудется!» — успокаивала бабушка.

И только сейчас, сложив все слова воедино, обе поняли: цыганка толковала не о зрении, а о видении.

ГЛАВА 4. МЕЖДУ МИРАМИ

Вокруг постели спящей расселись шесть человек. В изголовье на прикроватном столике лежала увесистая книга. Первый сидящий взял ее в руки, открыл на произвольной странице и зачитал: «Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»⁸.

Фразу повторяли по кругу, будто передавая друг другу и дополняя смысл интонацией. Скороговоркой и нараспев, глухо и звонко, криком и шепотом, восторженно и печально... Пока она не превратилась в мантру, в молитву. Не заполнила комнату, растекаясь по стенам, отталкиваясь от потолка, нагревая воздух до жара огня. Лица с шевелящимися губами приближались к лицу спящей. Голоса сливались в неотвязный бессмысленный гул.

Она не слышала говорящих, смотрела их сны наяву. Порог между явью и сном исчез: она пребывала в комнате с побеленными известью стенами и одновременно в разных мирах. Так ощущается безумие — безысходностью, когда невозможно очнуться.

Сон Леры: «Возвращение»

Лере выдали сверток и сказали: «Ты должна отнести!» На стене начертили план города. Красной точкой выделили пункт назначения. Город выглядел незнакомым, что в свертке, Лера тоже не знала. Но продолжала нести. С каждым сном сверток становился все тяжелее. Улицы поднимались и опускались. Переулки петляли. Здания в адресе то меняли таблички и названия, а то вовсе в них не существовало «пункта назначения», и никто не знал, где он. Трамваи, троллейбусы, мосты, перекрестки, проходные дворы, замкнутые площади. Солнце и дождь. Осенние шуршащие листья. Свежий снег и грязь под ногами. Она несла и несла сквозь времена. Не зная что, куда и зачем.

Иногда ей казалось, что в пакете бумаги, иногда чудилось что-то звенящее и рассыпчатое, как драгоценности или старинные монеты.

Этой ночью северный ветер бил в лицо, рвал во все стороны полы пальто. Лера запахнулась потуже, прижав к груди сверток. Шла по мосту, мимо со звоном и грохотом проносились трамваи. Мост дрожал под ногами и раскачивался. Лера, обмирая от страха высоты, хваталась за перила, останавливалась, закрывая глаза. Под мостом стелился туман, конца моста через ближайšie метры не предвиделось.

— Вам плохо? Вас подвезти? — спросил водитель из распахнувшейся рядом двери.

Машина была черной обтекаемой капсулой, с тонированными окнами, внутри таких чувствуешь себя замурованной заживо. Машина была подозрительной.

— На мосту нельзя останавливаться, — сказала Лера.

— Если сядете быстро, никто не заметит, что я останавливался, — ответил водитель.

Лера в отчаянии посмотрела в бесконечность моста и села на заднее сиденье.

Из зеркала заднего вида на нее взглянули внимательные, но ничего не выражающие глаза. Абсолютно непроницаемые.

— Куда едем?

Лера вынула сверток из-за пазухи и зачитала адрес.

Водитель уверенно кивнул вместо ответа.

«Кто он? — спросила себя. — Никто в городе не знает, куда мне нужно попасть, а он знает».

Ехали долго, до самой окраины. Снег на полях вдоль дороги здесь лежал нетронутым, хотя в городе давно наступила весна и текли ручьи. Дорога упиралась в КПП пе-

⁸ Евагелие от Матфея 7:14.

ред прямоугольным серым зданием с бетонным забором. Водитель вышел из машины и за руку поздоровался с человеком в военной форме. Они что-то обсуждали между собой, то и дело оглядываясь.

Лера сжалась на сиденье. На секунду в сознании мелькнула дикая мысль, что в пакете — бумаги из зала суда. Ее собственный приговор.

— Вы на месте, — сказал водитель, помогая ей выйти из машины. — Дальше вас проводят.

Лера молча последовала за человеком в военной форме. Здание они обогнули, миновав парадный вход. За зданием располагались вольеры со сторожевыми псами, которые тут же взвыли и подбежали к сетке, чуя приближение людей.

— Это здесь, — равнодушно сказал человек в форме и ушел, оставив ее наедине со взбесившейся стаей.

Лера в каком-то оцепенении смотрела в их пасти, брызжущие слюной, блестящие, налитые кровью глаза, на когти, царапающие сетку вольера... Не могла сделать ни шагу, ни вперед, ни назад.

Вдруг сверток в руках зашевелился и промок. В воздухе резко запахло ковриками из подъезда ее детства, где бабушки-соседки вечно держали по пяток котов в одной квартире. Лера сорвала упаковку. В руках ежился серый котенок. Тоненькое беззащитное тельце. Ей приказали убить самое дорогое, что у нее было, но она не могла этого допустить. Лера спрятала котенка за пазуху, повернулась спиной к вольеру и под вой и рычание собак твердой походкой зашагала прочь.

...Проснулась оттого, что кто-то едва слышно, но упорно царапался в дверь квартиры. Лера сразу поняла, кто это, и решила оставить котенка себе.

Налив ему молока в блюдце на кухне, смотрела, улыбаясь, как он нелепо и жадно лакает, а потом позвонила на работу и сообщила, что увольняется. Денег на ее накопительном банковском счете было достаточно, чтобы, лежа на диване и обнимая кота, читать книги до конца жизни. Вымышленные приговоры уже мертвых судей несуществующей судьбе, которым незачем сопротивляться из последних сил.

Сон Алиски: «Необратимость»

Длинный обеденный стол решили поставить к стене, накрыть белой скатертью, украсить цветами, зажечь свечи. На блюда из разноцветного хрусталя разложили всевозможные яства, чтобы гости свободно подходили к нему и накладывали себе на тарелки кто что хочет, как на фуршете.

Алиска — ей бы хотелось, чтобы ее звали иначе, но со временем привыкла к жестокому и пренебрежительному «эй, ты!», звучащему в лишней букве «к», как к чему-то само собой разумеющемуся, ей даже стало казаться, что иного отношения она не достойна — по первому звонку рванула к входной двери встречать гостей.

— Ради бога, только не облажайся! И детей прибери из-под ног, — рявкнул вслед Максим.

Алиса не помнила, по какому случаю муж собирал на званый обед важных персон: именины начальника отдела, серьезный контракт, выигранный тендер, но знала непреклонную цель — повышение по службе. Все они, и Максим особенно, служили одному богу — золотому тельцу. Максим в семье — добытчик, а она — растратчица. Он ради семьи жертвует, а она своей неуклюжестью и непривлекательностью только и делает, что разрушает семейную крепость, воздвигнутую с таким трудом!

Люди приходили и приходили. Алиса прислуживала без усталости: вешала пальто, раздавала тапочки, провожала до двери в гостиную, недоумевая ее вместительности: народу, по ее подсчетам, собралось больше, чем на премьеру в театр. Наконец с последним гостем в комнату протиснулась и она.

То, что увидела, было необъяснимо и жутко. Не просто страшное зрелище, а именно непонятое способно вызвать настоящий инстинктивный ужас — из самой глубины существа.

— Поприветствуем хозяйку дома! — объявил человек в маске.

Он должен быть и мог быть мужем, но Алиса не признала говорящего. Как не увидела всех остальных. Как не узнала детей. На блюдах вместо угощений лежали разноцветные маски, и гости уже облачились в зверей и богов, чертей и птиц, насекомых и киногероев... И весь этот разношерстный мир зашевелился и поднял к мордам, лицам и клювам свечи в знак приветствия. Чокались свечами, как бокалами, и пламя переливалось через край.

Алиса привалилась к косяку двери и продолжала смотреть, не в силах покинуть комнату. Воздух потрескивал, капал воск, видения медленно оплавлялись на пол, и вскоре гостиная превратилась в омерзительную скульптуру из разлагающихся членистоногих монстров, в адово-колдовские фантазии Гауди.

Во сне попыталась убежать из дома — и проснулась. «Повезло», — подумала, как ребенок. А Коста проснуться не смог...

Первая оттепель. Свежая земля вокруг его изголовья будто дымилась. Алиса пересадила орхидею из горшочка в землю. Погибнет от холода, но не сразу, побудет с Костой вместо нее. Когда-то он не позволил ей остаться рядом, и потому в дальнейшем, разведенные, как мост, жизни складывались так уродливо и печально. В их первую семнадцатилетнюю ночь горячо целовала Косту, гладила, ласкала, но он не смог, у них ничего не получилось, и с тех пор ни разу не решились остаться наедине. Алиса в ту ночь поняла, что любовь — это случайная нежность, огромная, как мировой океан, но бессильная наполнить маленькие человеческие жизни. И не искала таковой более. Алиса мечтала иметь детей и выбрала Максима. Все одобряли ее выбор, кроме молчаливой матери. Беременной, Алиса боялась, что мальчики, старший, а потом близнецы, будут похожи на отца, когда вырастут. Но они уже были им. Необратимо.

Сон Косты: «Вечный образ»

«Божьей милостью камень обратится в воск», — звучало во снах. Люстра раскачивалась под потолком, рассеивая по комнате горячие блики. Обессиленный, он лежал у нее на коленях, как в стране чудес, не сотворив своего. «Микеланджело. Пьета», — увидел он два обнаженных тела взглядом потолочного солнца.

«Что делать искусству, когда художник, сотворивший мир, давно умер, а образ его живет, не меняясь веками? — задавались вопросами искусствоведы в книгах. — Ничего, — отвечали сами себе, — начинать все сначала, и чтобы колесо не уставало вертеться».

«Смысл лежит за пределами вашего мира, — убеждали тени во снах. — Шагни в ночь — и обретешь больше, чем потеряешь».

Коста искал смысл во всем: в рок-музыке и кислотных клубах, в репродукциях картин из журналов и собственной неумелой графике, в поделках из дерева и Алискиных мягких руках. Но не мог проникнуть за невидимый восковой слой, заменявший миру вокруг целлофановую обертку, не мог сорвать, соскоблить с самого себя пленку окалины и расправить плечи. Оскопленный творец.

В гробнице Медичи он подходил к скульптуре Микеланджело, а оказывался перед зеркалом в современном зале какого-то провинциального музея. Постмодернистский сон, где тела Мадонны и Христа были выполнены художником из разноцветных стекол. Инсталляция начинала вращаться, сначала медленно, потом ускоряясь, сверкая до боли в глазах, радужные отблески, отражения, бесконечность. Помещение во-

круг, как единственная опора реальности, во сне растворялось в нестерпимо ярких бликах, и он физически ощущал бескрайнее одиночество летящей или падающей в открытом космосе планеты. Коста хватался руками за невидимый рычаг, чтобы остановить коловращение, но рука вытягивала из конструкции длинный язык бумаги, похожий на магазинный чек: сколько же там было причудливых знаков и слов! арабской вязью, иероглифами, латынью... и последнее слово по-русски — «Тщета».

Просыпаясь, под закрытыми веками он видел свой же отчаянный взгляд — как из черного квадрата зеркала.

Просыпался в кромешной тьме. Ждал, что кто-нибудь зажжет ему свет. И, не дождавшись, тянулся сам — к прикроватному шнуру. В больнице такие предусмотрительны для лежачих больных. Или тех, кого насильно заставляют лежать, привязывая к кровати.

Свет ослепил ненадолго. Коста достал из-под матраса наполовину исписанную и зарисованную школьную тетрадку, ручку и дописал Р. С.: «Флоренция не существует».

Сон Марата: «За рассветом»

В детстве Марат не верил в мир, существующий за пределами видимости. И в каком бы возрасте ни засыпал, окружающий мир уходил вместе с ним куда-то на ночь, исчезал до рассвета и рождался каждое утро, новый, неведомый, когда открывал глаза. Не Марат существовал в мире, а мир исходил из него. Где-то в глубине души знал, что его земля умрет вместе с ним и потому невозможно оставить на ней хоть какой-нибудь след. И, повзрослев, слушал чужие мечты о завещании, наследии и прочей бессмыслице с едва сдерживаемой улыбкой, какой одаривают особо наивных и глупых детей. Ни в юности, ни в зрелости не покидал пределы родного города и не собирался, не думал уехать куда-либо, даже в отпуск. В детстве каникулы, а потом отпуска взрослой жизни проводил с братом на озере. Оба были страстными рыбаками. На природе сумрак, поселившийся в его квартире, рассеивался, и если прошлое не отпускало совсем, то не давило так сильно, словно выветривалось ненадолго. В доме от духоты не спасали распахнутые в морозный день окна, а на природе на душе становилось светлее, чище, прозрачнее. И горизонты будущего взмывали ввысь, как корабельные сосны.

В лесу, у озера, он мог заблудиться и оторваться от преследования прошлого. Выйти за пределы видимости той, что уже никогда не вернется и потому не способна простить. Прощают живые, а Инга давно мертва.

Когда закованные в гранит набережные города или мрачная духота домашних стен начинали всерьез действовать на нервы, он ложился на диван у распахнутого хоть в зиму, хоть в лето окна, не чувствуя холода, не слыша барабанной дробы дождя, не внимая ничему вокруг, закрывал глаза и вызывал этот сон...

Огненная полоска над озером, красные угольки костра, тишина, прерываемая редкими всплесками. Лето, озеро, лес, рассвет.

— А что там, за рассветом? — спрашивал брата, тыча в пылающий горизонт удочкой, как указкой.

— Другая жизнь, — отвечал Кирилл.

Разговор во сне повторялся в разных вариациях, но с единым смыслом. Если рыбы не догадываются о нашем существовании, это еще не значит, что нас нет. Может, они считают нас богами: сыплем в воду манну, ловим и караем неосторожных, вытягиваем на небесный берег. Они могут дотянуться и поцеловать небо, но на берегу им нечем дышать. И нам тоже незачем догонять горизонты. За ними — чужая жизнь, где для нас нет места.

Во сне Марат бросал удочку и уходил бродить вдоль берега. Шел на рассвет, далеко-далеко. Но всякий раз упирался в невидимую стену. Прочную, словно из непробиваемого стекла. Как слепой, он водил по ней руками, вверх, вниз, кругами. Надеялся нащупать лазейку в зигзагах береговых шхер, но стена изгибалась, как застывшая волна, не пускала внутрь и оставалась невидимой, недостижимой. Марат чувствовал себя пойманным, замкнутым, как в аквариуме, а кто-то недобрый наверху наблюдал за ним и беззвучно смеялся.

Просыпаясь, слышал этот смех наяву. Не замечал, что и в жизни над другими смеется так же — не понимал, почему окружающих передергивает, стоит ему кому-нибудь улыбнуться. Впрочем, Марату давно уже не до смеха. Он рвался в сон и боялся, что там, за чертой, его ждали. Инга тоже водит по стеклу руками, и однажды, когда ладони их совпадут, стена, не выдержав разницы температур, треснет и разобьется. Крови не будет — в руках запыхает рассвет.

Сон Джанет: «Источник»

Джанет старательно поддерживала свет, оставленный Ингой во сне. Древесный дом был маяком в темном лесу. А маяк не может погаснуть. Он никого не спасет, но горит всегда, даже для тех, кто не видит далекий свет.

Прошла сквозь анфилады комнат, зажигая по пути настенные и настольные светильники, шагнула за порог — на поляну. Оглянулась. Позади возвышалось дерево — дуб с кленовыми листьями. Дубы и в природе умеют притворяться. Колдовское, шаманское дерево. Но как ему удается вместить внутри ствола, пусть и векового, целый замок? Иллюзия сумрачных пространств.

Поляна перед деревом тоже была освещена. Джанет подумала, луной и светом из окна. В темноту леса уводила тропинка. Поколебавшись немного, решила пойти по ней, узнать, куда приведет. Лес редел полянами, пока не оборвался на берегу озера. При села у воды. Волны тихонько накатывали на песчаный берег, что-то шепча и укачивая. Джанет впервые за много лет ощутила во сне покой. Темнота не пугала, от нее защищал тусклый свет, разливаясь повсюду, куда хватало взгляда. Джанет подняла голову и начала всматриваться в горизонт в поисках луны. Но горизонт тонул во мраке, а лунная дорожка по воде бежала от ее ног.

Джанет проснулась, вмиг осознав, что единственным источником света в сумрачном мире была она сама.

Сон Романова: «Двоеточие»

Самый яркий свет белого цвета. Кто-то видит в нем начало, кто-то конец. Евгений Романов увидел непреодолимость бесконечности, но продолжал вглядываться в пустоту до рези в глазах, до слез, пока невидимый, но осязаемый ветер во сне не прорисовал изгибы снежных барханов. Ветер не может дуть в пустоте, ему нужно от чего-то отталкиваться. У Романова получилось вылепить из ничего заснеженную пустыню. Первый шаг сделан.

Далеко впереди маячила черная точка. Евгений представил себе человека, бредущего сквозь снега, — и испугался: не дойдет, замерзнет и никогда не очнется. Значит, нужно представить иначе: в черной точке — сдвоенный силуэт. Человек и его собака. Если рядом собака, то за него можно не беспокоиться. Оба доберутся домой, где тепло и горит камин, где их любят и ждут.

«*Меня ждут. Я и есть этот человек*», — подумал Романов.

Но картина все равно оставалась безнадежно неполной.
Евгений зажмурился и вновь всмотрелся в белую пелену. Точек должно быть две.
Двое, каждый с собакой, ступают след в след, пролагая дорогу в снегах. Вчетвером они преодолеют все.

Здесь стоило бы проснуться, но сон не кончался, не отпускал.

Счастливого конца не будет, любовники никогда не встретятся.
Ибо каждый из них всегда находится у другого внутри⁹, —

завучала в ветре чья-то далекая пустынная песня.

Евгений открыл глаза, увидел белый потолок над головой — и заплакал, впервые за много лет.

ГЛАВА 5. МЕТАФИЗИКА ВРЕМЕНИ

Проснуться в чужой квартире, чтобы ощутить: на земле мы все неместные, временные, проходящие, понаехавшие... но у каждого — свой потолок, куда ни уезжай, ни беги от себя, и конца всем этим перевоплощениям потолка не будет.

Отвернуться от мира лицом к стене. На стене увидеть картину. Впервые увидеть: не темную абстракцию, которую не знали, как повесить, где верх, где низ, без подписи художника. А портрет.

Разгадку подарил солнечный свет весеннего утра. Лучи из окна падают на стол. На столе стоит ваза с полевыми цветами: маки, лютики, колокольчики, балаболки, цикорий — яркое разноцветье. Стол — в изголовье кровати. Девушка просыпается, кожа золотится и розовеет в утреннем свете. Картина называется «Пробуждение», и хочется всем сердцем поверить в лето.

Кто знает, быть может, это и твой портрет, и если поверишь ему, потолок исчезнет.

Из дневника Жанки, на грани столетий

Примета вступившей в права весны — крики чаек над городом. Живем, как на море. Зимой они улетают куда-то далеко, к открытой воде, летом и осенью обитают на озере, а весной, пока озеро подо льдом, ждут и ищут пропитания на городских помойках. Небо напоминает триллер Хичкока «Птицы», а крики — пронзительные, до боли в ушах. Который день подряд в их голосах слышится отчаяние, будто оплакивают всех: и живых, и мертвых, потому что неизвестно, кому из нас повезло.

— Чайка от слова отчаяние, — повторила вслух Косте, когда шли домой с кладбища позади всех, жмурясь от слепящего снега под ногами. Ингу похоронили несколько дней назад, но при родственниках трудно выразить все, что накопилось на душе за последние дни, недели, месяцы. И мы решили навестить ее одни, без присмотра старших. Окружили мертвый периметр прямоугольника еще живой взрытой земли и, склонив взгляды, молчали. Все шестеро: Лера, Марат, Коста, Алиска и мы с Джексонем, он встал чуть поодаль. Марат первый поднял голову, и я подумала, что взгляд у него — утопающего. Не смогла протянуть руку, боялась выдать себя.

Мать Инги затеяла расследование, кто виноват, но за неимением признаков насилия и хоть каких-то улик дело закрыли. Версия следствия: гуляли по крыше, подошла к краю, поскользнулась, выпала за борт. Те, кто был в центре крыши, не успели добежать-подхватить. Но кто был с ней на крыше? И что подтолкнуло ее так близко к краю?

⁹ Джелаладдин Руми.

Матери Инги пока хватило признания факта, что дочь не самоубийца. Но я знала: она не остановится, будет копать дальше, писать в газеты, следить за нами. Докопается до правды и сделает только хуже, они ведь не поленятся вскрыть и перенести могилу за ограду, эти святоши.

«Воцерковленные девяностые», — с грустью вздыхает мама. Она не против веры в добро и свет, но перекреститься у входа в церковь не могла себя заставить: никогда этого не делала и не хочу начинать — лгать себе и другим, говорила. А мать Инги — бывший партийный работник. В чем они, интересно, сами исповедуются? Как отправляли за решетку людей, виновных лишь в том, что мыслят иначе? Мать Инги в католики заделалась, в скандинавскую кирху ходит, а лица у обеих круглые, русские, с ямочками на щеках. Ну никак не викинги!

В нашем районе аж две церкви построили за год. Сияют ремонтом. Готическая кирха, ладно, хоть деревянная, но купола белокаменной православной блещут золотом, будто мечами. Напугал однажды разговор бабок на скамейке во дворе: «При советской власти сажали за крест на шее, но мы дожили до лучших времен, скоро за неверие начнут вешать, как встарь, и все жертвы им тогда отомстятся». Откуда эти верующие взялись? Как зомби из-под земли. А крестов на бандитских шеях — тех, кто стреляет на улицах, — больше, чем на прочих.

— Ты веришь в Бога? — спросил меня приглашенный на похороны Инги священник.

— Нет, — ответила.

Хотела добавить: вера нужна тем, кто на войне. И что еще вчера в школе твердили: «Бога нет» — и всех загоняли в пионерлагеря: мой галстук, исписанный именами любимых рок-групп, тому вещественное доказательство. Но промолчала, с ними лучше не спорить. Вынула незаметно рокерский алюминиевый крест из уха, забыла его снять дома, а на похоронах никого не хотелось злить.

— Напрасно, — надвинулся он на меня читать нотацию. — Бог дал тебе все. Мир вокруг прекрасен, но он так огромен, что многие просто заблудились, свернули с заветной тропинки счастья жития у него за пазухой.

Я поняла, что он говорит об Инге. Не верит в случайное падение, но ничего не может возразить против похорон. Его бы воля, закопали бы ее рядом с бомжами, но не смог дотянуться до конца правды, за ограду. Поняла — и почувствовала облегчение. Секундное осознание уверенности, что мы с Маратом поступаем правильно. Маленькое торжество, невоскресимое в агонии ночных сомнений. Как негасимый огонек домика-светильника, игрушечный, не способный ни от кого защитит, но рассеивающий темноту, удерживающий на ее зыбкой поверхности веру в новый день, в то, что жизнь продолжается.

— Они врут, потому что боятся признаться, что сами ничего не видели и не знают наверняка, — фыркнул Коста тогда вослед чернорясой процессии.

— А ты знаешь?

— Я вижу. Я видел это *всегда*, понимаешь?

— Нет.

— Бесконечный поток образов. В детстве я слушал музыку с закрытыми глазами, и красота меня поглощала, уносила, как мощный поток реки. Потом я стучал по барабанам в надежде найти камень, вынырнуть, вскочить на него, не нестись, захлебываясь, в потоке видений, а остановиться, запечатлеть в памяти все, что вижу. Я искал ритм жизни. Удары и есть те камни, по которым можно проскакать через реку, как по мосту. Но с ритмом не вышло, и я начал рисовать, замораживать образы в бумагу, как в лед, останавливать, чтобы рассмотреть получше, понять. А у Бога тысячи лиц, эти, — кивнул он в сторону молящихся, — видят его громовержцем и спасителем, мой — великий художник. Со временем понял, что я — раб красоты вокруг. Вот, —

поднял он ветку с тропинки, — видишь, сколько на ней изгибов? Ни один не повторится, невозможно найти этот ритм, только созерцать увиденное. И в этом моя трагедия. Красота изменчива. Невозможно соревноваться с природой, даже если получу художественное образование, все равно закаты над озером будут красивее, чем на моих картинах. Алиса тоже уйдет от меня со временем или растолстеет, — засмеялся он нервным смехом.

— Все преходяще, — поддакнула я, чтобы хоть что-то сказать, потому что с трудом понимала, о чем он толкует.

— И потому надо копить. Как белый цвет, что всему предтеча, и все и всех вмещает в себя.

Я взглянула на снег под ногами, он и правда светился. И присутствовал во всех случайностях севера.

— Я — снег, я — чайка, я — облака! — заорал вдруг Коста над ухом, и я отпрыгнула в сторону.

Марат с Алиской замерли впереди на тропинке и оглянулись на нас. Алиска с тревогой. Коста помахал ей рукой и улыбнулся. Они зашагали дальше. Мы двинулись следом. Меня чуть успокоило, что Джексон шел рядом, когда внезапно остановились, налетел на меня, ухватил за плечи, будто поддерживая, но я почувствовала, что хочет сказать: я здесь, с тобой.

— Копи свет, — шепнул мне Коста. — Никто не знает, но это самое важное занятие на земле!

Я по-прежнему не понимала. Он терпеливо объяснял. Вся обратную дорогу от кладбища до остановки автобуса в город. Мы спотыкались о корни сосен, вынырывающих из льда, как в моих пещерных снах, а бурые иголки запорошили вчерашний белый-белый снег. Коста сбивался со слов, я с мыслей. И это не давало проникнуть, понять.

Только в автобусе бегущая за нами радуга света от фонарей в окнах — разноцветные преломления бликов — осенила на внезапном торможении у светофора открытием, словно сложила все лучи воедино, в пронзительно-белый, слепящий луч, как крылья ангела. Измененный голос Косты продолжал звучать в голове, но не сбивчиво, а на удивление стройно:

— Существуют два мира: наш, материальный, где свет претворяется в материю. И, следовательно, противоположный — мир пустоты, ведь тьма — это отсутствие света. Единственный источник по ту сторону — ты сама. Пустой мир напоминает казнь средневековых монахов in pace: преступившего погружают во тьму, и он ползает, как черви под землей, в поисках выхода. Такова участь их всех, кто не видит, не замечает. Видящие же копят свет: каждое прекрасное мгновение — отблеск капель дождя на цветах сирени или очерк летящих по небу облаков — наполняет яркостью, зажигает внутри фонарь, как твой домик-светильник в пьесах-фантазмагориях. Сила твоего источника света — в образах памяти. Исчерпаешь — погаснет, догорит, как свеча, не успеешь добраться до выхода в новую жизнь. Светлые люди озаряют и создают мир вокруг, темным нужен кто-то в качестве светильника. Вот они и приходят за нами. Им нужен источник света, чтобы найти выход. Так что жуткие сказки о рае и аде, наверное, вовсе не сказки. Просто слепые при жизни не знают, как объяснить прочитанное в священных книгах, там же сплошные притчи. Или поэзия. Невозможно перевести на нормальный, понятный всем язык стихи, правда? Я не говорю о физически незрячих, знала бы ты, сколько образов и цветов таится, например, в запахе снега! Говорю о бесчувственных. Им вечно нужны разумные доводы и оправдания для жизни. Но я знаю: мы не себя пришли явить в этот мир, оставить наследие потомкам, как твердят в школе, а учиться, наполняться жизнью до краев, искать свой прекрасный образ. Негасимый маяк. Он укажет путь в новую жизнь, когда окажешься по

ту сторону. Но для этого надо идти своим путем, ни на кого не оглядываясь. Выбирать в спутники тех, кто чувствует все острее тебя, умеет мечтать, кто наполнен судьбой и дорогой, кто копит свет — глазами, ладонями, мыслями, сердцем; они смогут поделиться с тобой, научить, как собирать его капли. Избегать тех, кто себя не знает, не чувствует, кто пуст изнутри, живет чужой жизнью, успехами, сплетнями, завистью, они выпьют тебя до дна при жизни, они никогда не доберутся до выхода по ту сторону, а ты рядом с ними ослепнешь. Надо быть осторожным: правильно выбирать друзей...

Дальше я не дослушала, прервала. А вдруг Джексона Коста причислит к теням? Он так честолюбиво стремился стать своим в тусовке, в городе. Задержала шаг, и мы переплелись пальцами рук, как ветки деревьев над головой. И качались от ветра вместе из стороны в сторону до остановки. И, глядя на раскаты света городских огней за окнами автобуса, я думала, что не отпущу Джексона ни за что, даже если его карманный фонарик погаснет и он не сможет вести нас дальше. А еще — о том, что слова Косты теперь останутся во мне навсегда, как камень на дне озера, как ожог на сетчатке глаз от искрящегося на солнце снега.

Джанет, в нашем веке

Как же ей хотелось, чтобы все прекратилось в одночасье! Избавиться от прошлого одним махом, очнуться в новом мире кем-то другим. Джанет никогда не могла похвастаться простотой и ясностью жизни, иные события воспринимались тяжелым восхождением на Эверест. Кто-то из друзей однажды сказал ей: «Эверест не самая высокая гора на земле, существует подводный вулкан Мауна-Кеа, он выше всех, так как большая его часть находится под водой». Возвращение домой обернулось погружением на глубину, в ледяную воду, фридайвингом с задержкой дыхания. Легкие разрывает, а ей говорят: «Еще чуточку — и увидишь!» Ни видеть, ни понимать не было сил, Джанет мечтала поскорее вынырнуть, выплыть на другой берег. Выдохнуть. Открыть глаза где-то далеко отсюда, на теплом песке. Чтобы кошмар кончился и снова настало лето.

Но кадры сна продолжали мелькать перед глазами.

Видео с камеры наблюдения в Летном, снятое незадолго до смерти Косты. Почерневший от мучений человек с белыми невидящими глазами. Сомнамбулическим голосом вещает бред в никуда, задрал голову к потолку:

«С кого писали притчи о блудном сыне? В этом мире чересчур границ и правил. И он ушел, чтобы создать свой. Это не гордыня, а жажда остаться собой. Его мир — свободы».

— Спятил, — коротко констатировал Марат, гася ноутбук.

— Это все из-за лечения, это ты заплатил за смерть моего сына! — обвинения верещали телефонными звонками, их швыряли в Марата, как камни, и в похоронном автобусе.

— Что я должен был сделать? — беззвучно произнес Марат и тут же: — Неужели был другой выход?

Он заботился о Косте, когда все родственники отвернулись, вывел деньги и пожертвовал частью бизнеса, чтобы вылечить его, помочь справиться с собой, выжить, остаться.

«Если наши жизни пишут наверху, то задуман очень печальный роман. Роман скорби и нелюбви, где все отчаянно хотят жить и быть счастливыми, но никто не справляется с поворотом сюжета», — подумала Джанет.

— Коста прав, — тронула за плечо Марата, — ад здесь, он в том, что мы сами себя не прощаем.

Марат не услышал. Смотрел в пустоту перед собой. Сидел, привалившись плечом к заиндевелому окну, касаясь виском стекла, но от дыхания узоры не меняли очертания.

ний, будто дышал мертвец. Светлая прядь волос упала на глаза, синие тени залегли под ними. Усталый Люцифер с заострившимися от горя скулами. Таким не вернешься домой — не узнают, не пустят за порог. Джанет тоже не вернулась, все бродит вокруг да около по истлевшим следам вслепую.

— Я не донес ему свет, — горько усмехнулся Марат, когда гроб понесли в церковь на отпевание, а они остались ждать в зазеленелом автобусе. Коста вечно твердил о кремации, рассказал Марат, даже в летние солнечные дни, когда ловили рыбу на озере втроем с Кириллом, совпав все вместе между больницей одного и тюремными отсидками другого. «Черви чувствуют боль? — спрашивал Коста. — Если да, то жуть просто: сперва нанизали на крюки, а потом спустили в ад кормить чудовищ». — «Ничего, они на нас отыграются, будут жрать в могиле», — шутил Кирилл. «Пожалуйста, если я буду первым из нас, сожги меня!!!» — требовал Коста. Марат обещал. Но не смог выполнить последнюю волю друга. «Кремируют только пропащих, а у нас все будет как полагается», — заявили родственники.

И над могилой они опять стояли вдвоем против всех. Джанет уже видела этот кадр: и в прошлом, над могилой Инги, и в тысяче снов после. Даже время года совпало: после капели и оттепели — заморозки. В кристально прозрачном воздухе клубится пар от свежей, оттаявшей земли. Мороз предыдущих ночей подернул ледяной коркой верхний слой, а внизу, в могиле, земля словно дымилась. Кинули по горсти земли и отошли в сторону: «Знаешь ли ты, что мы здесь, с тобой?»

«Мы расстаемся, чтобы встретиться навсегда», — традиционная фраза за упокой, и все начали медленно расходиться. От звука вгрызающихся в землю лопат передернуло. Перед глазами на миг возник кадр из сна-фантазмагии: лунная дорожка по воде убегает от нее прочь, а горизонт неразличим во тьме. «Единственный источник света по ту сторону — ты сама», — произносит Коста откуда-то издалека. «Но я же ничего не чувствую!» — всякий раз возражает ему Джанет. И просыпается.

Странная теория Косты, описанная в Жанкином дневнике, затягивала, не давала покоя. Слепил ее, вероятно, из образов античности, воскрешенных любимыми им художниками эпохи Возрождения, где Аид изображали как сад наслаждений.

«Но и безусловная вера во встречу навсегда предполагает, что никто нас не делит на лагеря плохих и хороших, что территория запределья едина для всех, воспринимается только в разном свете», — размышляла Джанет.

«Копи свет!» — шептал Коста. Встретил ли Ингу по ту сторону?

Во сне-фантазмагии она была Жанкой, шестнадцатилетним подростком. Взрослой ей, запретившей себе что-либо чувствовать и оглядываться назад, светильник не полагался.

Долгие годы Джанет потратила на то, чтобы принять себя, а потом избыть, выдавив память по капле из головы, из сердца, изгнав из снов. Долгие годы чувствовала себя среди людей, как в глухом лесу. Потерянные одинокие годы выскальзывали из памяти, ничего после себя не оставив, любовники проходили сквозь нее, как тени. Джанет жила изо дня в день, пока прошлая осень не подрезала крылья. Теперь невыносимо ей было в родном городе. Каждый день ей хотелось уехать и забрать с собой родителей, несмотря на протесты: «Здесь мы дома, нам хорошо здесь». Краем сгущающегося безумия в сердцах называла север.

«Ты вернулась, чтобы помочь», — сказала мама, укрывая пледом Марата. После кладбища тот совсем пал духом. Суета кончилась, и он онемел. Джанет затащила Марата домой, поужинать, поговорить, не оставлять одного в пустой, гулкой квартире. Родители были всегда ему рады. «Без тебя они с Костой часто заглядывали к нам в гости, поддержать стариков в одиночестве», — говорили, и Джанет всякий раз чувство-

вала укол совести. После ужина Марат прилег ненадолго и сразу провалился в сон, не разбудить.

Где-то до полуночи Джанет сидела рядом с ним в кресле, а потом усталость унесла и ее в беспросветно-черные сны без сновидений. Очнулась оттого, что кто-то тронул за плечо. «Разыщи его!» — сказал кто-то. Диван пустовал, наверное, Марат проснулся без нее и тихонько ушел. И давно: подушка и плед холодные. Что ж, к голосам во сне и наяву Джанет давно привыкла.

Всматриваясь в свинцовое раннее небо за окнами, Джанет пристально вспоминала, что именно Марат рассказывал о Джексоне.

Доктор Романов, встречались один раз, когда у Кирилла заболел пес, которого он завел в надежде на честную жизнь, а потом сбыл охотникам в поселок Летное. Пес и поныне здоровствует, а Романова Марат больше не видел. Им и тогда общение далось с трудом, пожалели о стаканчике после смены, не о чем говорить было, кроме как о прошлом. Джанет застыла тогда при Марате с остекленевшим взглядом, будто силилась, но не могла вспомнить, о ком речь. Марат уловил ее настроение и перевел разговор на другую тему. Впрочем, и сообщить ему было нечего.

«Романов — последний якорь, — подумала Джанет. — Если подниму, смогу уехать отсюда навсегда».

После лунной походки в метели и разбитого родительского окна всякая мысль о нем нещадно контролировалась, и если не отставала, Джанет приказывала себе: «Прекрати!» — окрик, как удар хлыста, рассекал образ на части, и можно было расшвырять осколки в разные стороны: под колеса проезжающих мимо машин, под столы и кресла в ресторанах и домах — загнать обратно в подсознание, как неумолимо преследующего ее зверя.

«Главный вопрос, — улыбнулся зверь. — Почему мы отказываемся от любви? Ладно, не добровольно. Из страха. Но неужели не перевешивает?»

«Романов жив и поблескивает сединой. Мы оба трачены временем. Что случится, если пойду и скажу ему: я всю жизнь искала только тебя. В других, но тебя. Мир уж точно не перевернется, а мертвые не встанут из могил», — выковывалась последовательность мыслей, как мост.

А за окном окончательно рассвело.

Соседи врубили магнитофон.

«It's a wonderful, wonderful life...»¹⁰ — просочилась сквозь стены музыка прошлого. Прямоком из чилаутов «Неосада».

Евгений Романов, в нашем веке

Смерть молодого человека ощущается поражением. Страшным провалом. Словно превращает в бессмыслицу следы, заслуги, любовь, стремления. Перечеркивает жизнь. Уничтожает ее значение. Словно при рождении человек ошибся дверью — и, не входя, закрыл.

Где-то глубоко внутри Романов понимал, что это последняя смерть. И она не разобьет, а соединит их жизни. Метафизика времени: круг замыкается на новом витке.

На похоронах Косты Евгений присутствовал инкогнито. Никто из некогда близких не узнал его — еще одно доказательство, как сильно меняешься с годами. Никто не приглашал, не известил. Потянуло в то утро на кладбище необъяснимо. Прошла мимо так близко, что даже ощутил ее запах — подснежников. Не оглянулась. Хотел невзначай задеть плечом, чтобы почувствовала: он здесь, рядом. Но промахнулся.

¹⁰ «Black», «Wonderful life», 1987.

У Марата было такое лицо, словно собирался прыгнуть следом за Костой в могилу. Она удержала его на краю, вцепившись в плечо кислотно-зелеными ногтями. Последнего — удержала. Оба выглядели нелепо — постаревшими, истерзанными, заплутавшими во времени подростками. Особенно она: как постновогодняя елка с разноцветными гирляндами афрокосичек — эффект фотошоп на черно-белой фотографии скорби.

Из подслушанных обрывков их тихого разговора выяснилось, что могилы Косты вообще не должно было существовать: пепел по ветру. Помянул Шувано. Его последнюю волю тоже не смог выполнить, как и Марат волю Косты. Мучительный разлом на мифологическое сознание цыганской общины и современный рационализм врача. И неизбежное чувство вины. Невозможно сдержать слово, данное наставнику, не превратившись в дикаря, распилившего тело на куски. Исцелиться помог отец, сделал черную работу за него. Но трещина в сердце не заживала, а при виде человеческой крови мутило. Когда силы покидали, возвращался на каменные круги.

«Из камней, о которые спотыкаешься, построй лестницу в небо», — говорил шаман. Евгений мысленно выложил на круги свои «камни». После смерти Шувано ему не с кем стало посоветоваться, поговорить обо всем, спотыкался и падал молча, а мнимая лестница теряла очертания за низкими, почти черными облаками. Позже Романов понял, что дело не в присутствии наставника, а в умении хранить его образ. Образ складывался из многих-многих людей, наставник не в физическом теле, а в умении учиться самостоятельно, находить нужные ответы через встречных, книги, события, совпадения, знаки и надписи на стенах. Старик-ящерица продолжал жить.

«Смерти нет, — повторяла Раина. — Чего угодно можно дожидаться, но не ее. Смерть не принадлежит времени».

Сегодня утром сказала по телефону: «Твое ожидание кончилось, Жен. Собирайся в дорогу». И предсказала: «Приедешь не один».

Романов шел по следу спокойно, как когда-то Акела выслеживал птиц. С тех пор как Жанка перешагнула порог города и прошлого, она принадлежала ему, и только ему. Евгений и не думал торопить события: чтобы вернуться и встретиться, нужно прийти вовремя: ни раньше, ни позже.

К вечеру над каменными кругами шамана разглядел яркое разноцветье. Еще на кладбище Романов не мог отделаться от ощущения, как не соответствует льдистый аромат нездешним ленточкам вечного лета. Она стояла неподвижно, вполоборота к нему, растворившись в пустоте воспоминаний. Им потребовались долгие минуты, чтобы, столкнувшись взглядом, осознать присутствие друг друга. Дымчатый в сумерках снег, подернутые пеленой, почти слепые глаза, с трудом различающие свет другого. Чужие люди на перепутье.

— Рад, что не забыла меня.

— Скорее, вспомнила. Нам придется узнавать друг друга заново.

Мы хорошо разбираемся в чувствах, когда они становятся воспоминаниями, но не наоборот: когда воспоминания воплощаются (или снятся?) в жизнь. Они вновь шагнули в фантазмагорию. Двое на тропинке под фонарями. Последний в этом году (и первый тогда) снегопад. Двое, состоящие из вспышек молчания, способного сказать больше, чем слова, что заполняют и убивают время, раскрывают непрестанно кровоточащие раны между людьми.

— Я должен был, но ничем не помог вам тогда, не уберег тебя.

— Не должен. Помог тем, что отказался вести дальше. Иногда смысл действия в том, чтобы понять свои пределы и не претендовать на роль бога. Почувствовать ограниченность и найти смелость ее признать, вовремя свернуть с пути.

— Меж двух огней мы пролагаем путь...

Тогда они не смогли ни взобраться на вершину, ни нырнуть в глубину, не хватило опыта, смелости, отступнического отчаяния, а сейчас легко шагали по острой грани почти небытия между прошлым и будущим, между снами и явью, между виной и радостью спасшихся чужой жизнью. Повзрослели оба, и это превращало и прошлое, и настоящее в игру, позволило не воспринимать минуты и часы под снегопадом всерьез, а значит, и жизнь — неуловимое, преходящее мгновение, вмещающее в себя вечность. Они будто снова стали детьми, не ведающими ни страха, ни стыда. И фонари, как волшебные светильники, вели их по тропинке к дому. Они шли, и останавливались, глядя друг другу в глаза, и снова отворачивались, и шагали дальше, продолжая играть, будто в игре заключалась жизнь, как свет на кончике пламени свечи.

Игра называлась «Сделай меня своей». Игра на узнавание для пока чужих. Игры, в которые играют люди (взрослеющие и повзрослевшие), неизменны, их набор ограничен — из века в век, из книги в книгу, из фильма в фильм, как видения шаманов на разных концах земли. Игры заменили обряды инициации. «Прятки», «Догонялки», «Разбуди мертвого», «Сделай меня своей», «Обследуйте меня, доктор». Смысл любой из них — проникнуть в другого, став своим в доме его души, сбить наледь с запертых в клетке тела и разума существ, в клетке общепринятого, высвободиться из тюрьмы обучения, образования, законов, морали, философии, этики. Слиться воедино, принять и простить.

— Какие длинные тени бредут за нами по тропинке!

— Они всегда рядом, просто мы привыкли их не замечать. Вина пожирает изнутри, как кислота, но прошлое не изменишь, можно лишь изменить отношение к нему, перестать терзать себя и того, кто рядом.

Разговоры в доме у камина до кромешной ночи за окнами. Покер из далекого детства. Энергетика невозможного. Два варианта полного откровения: отвечать на вопросы или рассказывать что-то ассоциативно, свободно, из глубины памяти. Но каждая история должна перекрывать ставку — превосходить откровенностью предыдущую. Когда понимаешь, что не осталось ничего, кроме того, о чем молчишь даже наедине с собой, у тебя есть выбор: бросить карты на стол, но взамен исполнить желание партнера — самое сокровенное, что огромный риск в их случае: они же чужие, сидят поодаль, он в кресле, она на диване, не прикасаясь друг к другу, не всматриваясь в детали времени, расписавшегося на лицах; либо раскрыть рот, рискуя, что партнер бросит стул или стакан в стену от твоих откровений и заорет: «Как подобных монстров носит земля!»

— А что есть еще у меня для тебя, кроме прожитых слов?

— Тогда говори, не смолкая...

— После того как избил меня, в первый и последний раз, начала ощущать чужую боль. Не могла видеть сцены насилия в соцсетях, фильмах, книгах — заболела физически: температура под тридцать девять и слабость, днями напролет лежала в постели, не могла выйти из дома.

— Почему ты позволила?

— Наказывала себя за побег. Он был твоей копией.

— Но кавказского происхождения. Мы даем женщинам свободу, а они крадут невест, берут женщин в рабство. Все мы живем по зову крови. Внешность обманчива.

— После я позволяла себе мимолетных любовников, чтобы не состарились на моих глазах, не избил, не покинули, а могла бы довериться и просто любить. По красивым местам путешествовала одиножды, чтобы там, где была счастлива, не разочаровываться по возвращении. Все изменяют друг другу — люди, места... Красота изменчива. Остается только бежать, жить вперед...

— Но ты вернулась, — сказал Романов, поднявшись с дивана.

Он долго искал пластинку, ту самую, предсказавшую им, как Раина, когда-то все. Любому из нас предназначен кто-то один. Повезло, что нашли друг друга, не повезло, что так рано, теперь вот приходится возвращаться. И возвращать.

Игла чиркнула по винилу, Романов заметил, как она сжалась в кресле.

— Что-то не так?

— Я запретила себе слушать музыку. Она пробуждает память, уводит в лабиринты прошлого, где можно заблудиться и не вернуться назад. Я боюсь ее.

— Ты исключила вместе с ней и все чувства.

— Хочешь сказать, я мертва?

Он взял ее за руку. Вздогнула, но руку не отняла.

— Ты помнишь Магу?

— Она умерла, когда мне стукнуло двадцать.

— Жаль, что так рано, тогда я еще не выучился на врача. Акела болел в тот год, почувствовал ее смерть, но оклемался, прожил потом со мной много лет.

— Все вокруг меня умирают. Проклятый круг.

— Но мы с тобой еще живы.

— Наверное.

Засмеялась нервно и неожиданно:

— Точно. Да! Я есть хочу.

Бутерброды на скорую руку, и снова взгляды скрестились на проигрывателе виниловых пластинок.

— Поставь, что хотел.

Time, it's need time to win back your love again...¹¹

Время остановилось, будто встало на его сторону. Мать была права: все с ними не сбылось, оно где-то копилось и так и осталось — пока впереди.

После в лунном отблеске из окна — полутень, полусвет на ее лице на подушке, как двуликая маска. То ли боль, то ли плач, то ли наслаждение. Она рядом и где-то вне его мира. Внутри и снаружи. Наяву и во сне. Позже он вспомнит: именно так выглядит настоящая близость — судорогой бесконечного прощания.

Из дневника Жанки, на грани столетий (неотправленное письмо Джексону)

Я видела, как плачут деревья. И пепел осыпается с ветвей, словно снег. Слышала, как люди сходят с ума. Их крики. Нечеловеческие. Они вспыхнули и — горели, но не было воды, чтобы плеснуть, спасти. Я дышала огнем. Бежала в леса, крича в общей разноголосице жути, сквозь бурелом, отслаиваясь на сучья и ветки клочьями одежды, будто кусками себя. Никто из нас не вернется, а если вернется, то не прежним собой.

Сейды. Древнейший вулкан Гирвас, где приборы теряют точки отсчета, где люди бродят во снах. Их было много. Теней. Шепот леса, из чащи, точно нас окружили, взяли в плен, а потом на закате (в белую ночь!) стало темно, как в открытом космосе. Лес высох после весенних паводков, но не налился соком свежей листвы, не живые, не мертвые кусты и прошлогодняя трава вспыхнули мгновенно. Мы спасались огнем. Они наступали... Никто не поверит.

Я бежала до рези в легких, до падения на разделительную полосу на трассе. Водитель, подобранный меня, брезгливо бросил мне замасленную тряпку на заднее сиденье. Я была чумазая, как трубочист.

¹¹ «Scorpions», «Still Loving You».

Спросил: «Зачем вы туда пошли?»

Выяснить, что зло сильнее и всегда побеждает? Мы и так это знали. На самом деле мы хотели влиться в него, чтобы, став его частью, спастись.

Водитель отвез в больницу: осмотрели, выпустили. Прямо в пасть ментов и мерзкого журналиста, который все спрашивал и спрашивал, не мучает ли меня совесть, что вернулась одна из всех, не дождавшись товарищей по несчастью. Я попыталась объяснить, где искать остальных, но он не дослушал. Хотел, чтобы и я пропала без вести, а он бы сочинил триллер для своей газетенки с любым поворотом сюжета.

Мне некуда было податься, и я пришла к тебе в дом. Раина помогла мне отмыться, дала чистую рубашку. А потом ты забрал меня к озеру. Странно, что никто из вас не спросил, что случилось. Вы привыкли жить за пределами мира. Но нашим последним утром, когда ты спал в палатке, так спокойно и сладко, глядя в твоё лицо, я поняла, что ты никогда не видел, как плачут деревья, не бывал на пожарищах, не знаешь, что такое быть изгоем. И надеюсь, никогда не узнаешь. Наверное, все так ложатся спать, я видела это тысячу раз в кино: обнимают со спины, согревая собой, но мне казалось, что только с тобой мне тепло. Ты был у меня первым и, наверное, останешься последним. Мне рассказывали, что будет больно, но мне было хорошо.

Ты сказал: «Запомни это мгновение, внутри него мы всегда будем вместе!» Я уношу твоё тепло с собой. Предчувствую, что на кого бы теперь ни посмотрела, увижу тебя. Но ты не сможешь меня защитить. И я не пойду к ним, как ты просил. Потому что уже пыталась. Это как спасти кошку. Одну вырвешь из лап, другую повесят.

Мне было тринадцать, почти четыре года назад, когда меня гоняли по дворам. Но до сих пор я просыпаюсь в ледяном поту, когда во сне мне говорят: «Владя Хирург вышел из колонии. И он ищет тебя».

Этот урод мог вырезать кошке лезвием глаз, а потом повесить на детских качелях во дворе. Никто даже не пытался с ним справиться. Он был десятым беспризорником матери-алкоголички. Учителя старались его не замечать: себе дороже. Терпели до шестнадцати лет: в старших классах никто не обязан был его учить. Выперев из школы, преждевременно вздохнули с облегчением. Он вернулся — вербовать себе банду. А его руками уже взрослые бандиты загребали жар: все налеты на ларьки и квартиры — на счету его банды, но их ни разу не поймали. И у них всегда были мощные покровители из местных урок.

Я кинула в него камнем, от неожиданности — кто посмел рыпнуться против короля района?! — выронил кошку. Та сбежала. И я тоже. Но меня запомнили.

Утром, когда шла в школу, увидела там же, на перекладине детских качелей во дворе, в петле другую кошку. Черную. Никогда не забуду ее остекленевшие глаза, вывалившийся язык и запах — серы и гнилой земли. Я подумала о полосатой, той, что спасла. Стояла на крыльце школы, страхась войти внутрь. Еще не знала, что меня ждет.

Однажды повстречали их банду в лесу, недалеко от дома. Мы с родителями направлялись за водой к роднику, и тут из кустов появились они, преградили тропинку. Называли меня последними словами и смеялись, как подонки. Хирург держал в руках рогатину, целился мне в горло. Запавшие глазницы, щербатые зубы, он был похож на смерть. Мама в ужасе сжала мне плечи, я чувствовала, как ее трясет. Все, что смогли сделать мои родители, — это увести меня к развилке на другую тропинку. Мы прыгали через лужи, почти бежали назад. Домой мы, конечно, вернулись с пустыми кувшинами. И я впервые тогда поняла: никто, никто в мире не способен меня защитить.

Марат пробовал поговорить с Кириллом, но тот только руками развел, он уже тогда был бандитом, а они делят территорию и не вступают в чужие дела. Я тайком ходила на видеосеансы с фильмами о боевых искусствах. Папа тайком от мамы сделал мне браслет из лезвий: потянешь за шнурочек — и лезвия поднимаются шипами. В пе-

щере мы с Маратом заточили лезвия до остроты слюдяных слоев: если догонят, полоснуть по тянущимся ухватить рукам, выиграть время на побег. А чтобы не попадаться, я научилась замирать наверху лестницы и пересчитывать тени: сколько врагов внизу. Молниеносно съезжать по перилам, уворачиваться, выскальзывать из рук. Дважды прыгала в окно со второго этажа, в школе нет туалетов на первом. Оба раза повезло: в стог листьев, в сугроб, даже ногу не подвернула. Так прошла осень, потом зима, а весной в учительской разливали шампанское. Учителя радостно забегали в классы и, будто поздравляя нас с каким-то праздником, объявляли: «Владика отправили в колонию. Надолго. Вы повзрослеете и семьей обзаведетесь, когда его выпустят». Никто не спрашивал, что сделал Хирург, кого убил, все праздновали избавление от монстра.

Но на смену страха приходит гнев. Поначалу испытываешь страх, что боль вернется, а потом гнев к тем, кто ее причинил. А еще к тем, кто не смог защитить. И к себе за то, что терпела. А потом внутри что-то отмирает, и долгое время не чувствуешь ничего.

Еще прошлой осенью я страшно ссорилась с родителями, невольно обвиняя их, что не защищались на лесной тропинке, а побежали, как трусы: взрослые от детей. Мы клеили чертовы картины и вешали на стену в знак примирения, но я и сейчас не могу смотреть на мозаику, вижу все острые углы, и они режут меня на части.

В те дни у меня появилась настоящая подруга из взрослых. Наш школьный психолог. Олеся Николаевна. Моя Олеся. Подарила мне книгу Сэлинджера, называла ловцом теней. Заставила поверить, что я — не то, что со мной случилось, что прошлое можно отсечь, отбросить, как хвост, и начать жить заново. Но даже Олеся я не решилась бы рассказать обо всем, что случилось сейчас. Даже она не поверит. Шепнет кому надо из жалости или из добрых побуждений спасти, а они отправят меня вслед за Костой в Летное.

Мне полегчало, когда ты подарил мне Магу. Она сделала меня волчицей. Теперь я смогу спастись от кого бы то ни было. Перегрызу лапу, попав в капкан. И сбегу. Потому что знаю: красные флажки, вдоль которых гонят волка, — иллюзия, шаткая веревка, и через нее можно перепрыгнуть. Уйти, чтобы выжить.

Когда вернулась домой после нашего с тобой озера, мама положила передо мной газету. Заголовок с моим именем во всю полосу, где печатают криминал. Мы обе поняли: началось. Травля взрослыми хуже, изощреннее: и не имея доказательств, они отправят меня вслед за Владиком, поставят с ним на одну доску, хотя он — маньяк, а я никого не убивала. Но им все равно. Ты сказал: «Признайся во всем, я буду рядом», но ты не сможешь уберечь ни меня, ни даже себя. И потому лучше тебе ничего не знать.

Мама купила мне билет до Питера, буду жить у папиных родственников в Кронштадте. Да где угодно, лишь бы подальше отсюда. Даже ценой того, что никогда не увижу тебя и, возможно, не увижу родителей...

*...поверь,
я и там, поверх темноты,
сумею
написать для тебя
земной рассвет
первых часов бесконечного лета.*

Жанна и Жен, в нашем веке

— Не отпускай меня! — кричала во сне.

Выдернув в утро, прижал к себе.

— Я и не отпускал все эти годы. Любовь не проходит. Поэтому ты вернулась.

Она всегда ощущала тонкую грань между свободой и одиночеством, спрашивая себя: в любимом человеке теряешь себя или находишь? Пробуждение подарило ясность: человек способен быть собственной свободой до встречи, а после нее либо двое сливаются в одно существо по имени «вместе», либо убегает прочь половина. После разлуки исцеляет новая встреча, и ничто другое. Каждому из нас предназначен кто-то один, остальные — его проекции, жалкие копии. «Ловить отражение твоих темных глаз» в глазах других. И сейчас она словно разрушала в себе этих других, обретая единство с тем, кто был ей предназначен.

Ее мир был полон насилия, а мир не переделаешь, не изменишь к лучшему, и она всякий раз выбирала маленький безопасный кусок бытия. И людей, неспособных к агрессии, а значит, к преодолению. Ее спутники не прокладывали свой путь, плыли по течению. Расслабленно прозябая в здесь и сейчас, никуда не стремясь. Они сами были воплощением сон-травы, что крадет время и заставляет забыть, кто ты есть. Впрочем, они и не знали. А Романов — знал. Джексон восполнил в Жанке все, что она не смогла найти когда-то в книгах: природный инстинкт, зов крови, тайну неслучайности. В книгах пишут: «Пока не поймешь, кто ты есть, своего человека не встретишь». Ложь. Это он отрывает твою сущность, отражая ее, как зеркало. Но нужно узнать себя в этом зеркале. И далее не терять из виду.

Они держались за руки даже во сне. Как уставшие от случайных связей, пресыщенные любовники вдруг встречают партнера невероятно близкого и начинают с упованием исследовать все его уголки, так молодость спешит завоевать как можно больше пространства в путешествиях, а зрелость диктует ограничить личную территорию забором и выращивать на ней свой маленький сад.

Просыпаясь рядом, Романов часто ловил себя на мысли, что разница между любовью мужчины и женщины как раз в том и заключается, что мужчина не может сказать «ты во мне», а внутри женщины изначально вся вселенная, нужно лишь разбудить. Он долго пытался стать своим в городе зимы и ветров, но только в ней обрел север как нулевой меридиан, точку отсчета сущего, и теперь уже было неважно: оставаться или уезжать. Север каждое утро просыпался с ним рядом.

— Вам придется приехать в Москву, Жен, — убеждала Раина.

Последняя из рода Романовых, младшая сестренка собиралась замуж. На конец апреля назначена свадьба.

— Отца нет, теперь ты старший мужчина в семье и должен повести ее к алтарю. Мужья сестер не могут тебя заменить, да и она не хочет. Настаивает, это должен быть ты, просит, умоляет. Ты не можешь отказать.

Раина звонила им почти каждое утро, словно оракул предсказывая новый день. Новую жизнь. В Москве.

— Москва — расслоенный город, здесь мы живем своим миром. Не так замкнуто, как на севере. Здесь нас любят. Чем больше город, тем приветливее, равнодушнее к приезжим. Здесь никто не чужой — и все чужие. И потому равны.

Еще несколько лет назад он посылал матери денежные вспоможения, а сейчас Раина участвует в битвах экстрасенсов в телепрограммах, ведет свой семинар для мистиков в каком-то альтернативном институте, и дом-салон у нее на Тверской.

— Понаехали там! — смеялся Романов.

Но Раина настаивала:

— Ты должен продать наш старый дом. Я понимаю, тебе он дорог. Но тебе некого в нем больше ждать. Ты дождался. А наш дом, как черная дыра, продолжает высасывать твои силы, твою энергию, затягивая назад, в прошлое. Зарека — темное, страшное место. Шаман не зря жил на краю, говорил, что стережет зло у ворот. Но его давно нет, а ты не привратник. Избавься от тени, иначе прошлое вас не отпустит.

Романов думал: можно ли избыть прошлое, не уничтожив самость? Но самость сидела рядом, прильнув к телефонной трубке.

— Жанна, — произнесла Раина, с придыханием, нараспев.

И Джанет вздрогнула от красоты своего имени, будто впервые услышала, впервые увидела себя со стороны. Точнее, лучшую свою версию, которой могла бы стать, но не стала. И Джанет в этот момент умерла, уяснив напоследок, что раздвоенное имя — это разлом сущности, а ей так нужно было исцелиться, обрести себя. И у нее получалось!

— Это я к тебе приходила, к маленькой, — рассказывала Раина. — А кто еще? Город же невелик, мы единственные цыгане. Столкнулась с твоим отцом на пороге. Наверное, годы вашего мира его изменили, и, как Жен, он отрекся от зова крови и даже не сказал твоей матери, кто он на самом деле, но я помню, каким он был. Солнечным ветром. Ты одна из нас. И знаешь, что значит быть ведьмой: не раз спасалась от охотников. Жен сказал, ты чувствуешь чужую боль как свою. Это и есть зов крови. Ты многим можешь исцелиться, если примешь свой дар. Ваши с Женем заплутавшие пути — следствие отказа от дара крови. Примете кровь — вернетесь к истокам, вернете себя. Откажетесь — отвергните и себя, и любовь.

Они так и звали друг друга со слов Раины: Жанна и Жен. Новые имена — как тропинка в новую жизнь, детсадовская веревочка, нить Ариадны из темного лабиринта прошлого, конец которой всемогущая Раина крепко держала в своих руках. Ибо время пришло, говорила. Время самоопределения.

Жанна часто вспоминала застывшие во льду волны озера. Как остро она ощутила себя за пределами семьи из поколений законопослушных горожан, не от мира сего. Потому что закон есть лишь один — закон крови. Трагедией было родиться в маленьком городке, где все расписано, предопределено, но каждому из нас установлены горизонты — свьше. И они уверенно шли к своему — тому, что всегда удаляется, и его никогда не догнать. Бродят впотьмах поодиночке, двое всегда куда-то идут. Жанна чувствовала, как рука (времени ли, судьбы, но столь же всемогущая, как у Раины) перерубила канат, и давно затонувший корабль, полный сокровищ и трупов, всплыл на поверхность. Незачем нырять на глубину, на дне остался лишь ржавый якорь. А им предстоит навести порядок на борту корабля.

Дом решили продать и уехать в Москву к Раине. Денег вполне хватало на уютную квартиру на окраине. Покупатель нашелся быстро. Дом снесу, построю шато, заявил он. Зарецкая земля подорожала с тех пор, как стала загородным коттеджным поселком. Несколько дней Жен ходил из угла в угол по дому, пытаясь почувствовать, каково ему на душе от сознания, что эти стены будут разрушены. Тяжко ли оставлять высоту — положение уважаемого доктора в городе, — к которой так стремился, свою исполняющуюся мечту? Но было и вправду все равно, он не лгал себе. И радостная Раина принялась закидывать их предложениями квартир на московских окраинах.

— Возвращайтесь летом! Поедем рыбу ловить на озеро, — вместо тоста пожелал Марат за ужином.

Обоим снова почудилось, что едут на чужую свадьбу, как на свою. Вряд ли вернуться — приедут как гости.

Марат был последним «трупом» на борту корабля. Сокровища Жанна и Жен уже упаковали в дорогу.

«Ты вернулась, чтобы помочь», — сказала тогда мама, укрывая его пледом. Помочь выйти из темного сна: оттуда не возвращаются навсегда, только заглядывают, чтобы увести с собой или свести с ума. Жанна знала, что безумие жития на могилах лечится.

— Как у вас тепло! — всякий раз восклицал Марат на пороге ее квартиры. Точнее, родительской.

Все пятеро вели странный образ жизни. Жанна жила у Жена, дом по договору переходил к владельцу после их отъезда. А Марата ежевечерне ждали к ужину родители Жанны. Засидевшись за разговорами допоздна, он частенько ночевал в ее бывшей детской. Марат будто заново обрел семью. Жанна не ревновала, напротив, обрела брата.

— Мы никуда не поедem, — твердо заявили родители. — Наш дом здесь.

— И правильно, — поддержал их Марат. — Я тоже никогда не уезжал из города и не хочу. Пусть сами к нам приезжают!

После похорон Косты Марат впервые заулыбался. Глупо и искренне. Во весь рот, всем лицом. Раньше его улыбка напоминала оскал хищного зверя. Обнаженные зубы на фоне страдающих глаз, будто улыбка была самозащитой, непроницаемым окном. Мороз от такой продирает по коже. А сейчас его хотелось обнять. Так же искренне он поведал, что имеет средства на выставку картин Косты. Многие годы Марат не только верил, что Инга жива и является ему из зеркала, но и регулярно пополнял счет на имя умерших родителей. Счет не закрыли в банке потому, что Марат был одним из совладельцев. Но веры его это не меняло. Лишь недавно он стал возвращаться, оттаивать.

Город оттаивал вместе с ним. Апрель выдался бурным. После мартовских снегопадов город заливало весенними ручьями, хоть на лодке плыви по улицам. Солнце дрожало бликами в воде, в витринах, слепило глаза до слез. Марат говорил: слезы солнца. Отец Жанны по-прежнему занимался наукой, много работал. А мама, чувствуя себя заброшенной в печальных днях пенсионного возраста, с энтузиазмом взялась помогать их троице организовать выставку Косты в галерее. При жизни Коста картины никому не показывал, жил у Марата, там и хранились, — боялся, что не поймут. «Но время пришло. Для всех нас», — повторяла Жанна слова Раины. Марат тоже так считал и отдал все подаренные ему Костой картины галерее «искусств и ремесел народов Севера». Картины приняли с восторгом, у дирекции не возникло сомнений в таланте художника. В любом случае городок не был избалован произведениями искусства: раз в год столичные заезжие экспозиции, а в остальное время — вышивка, резьба по дереву и поделки из янтаря. И в один из ослепительных дней галерея открыла им двери.

— Искусство — это история человеческих страданий. У художника страшная биография, — рассказывала куратор галереи, обращаясь к зрителям. — В этом я вижу предопределенность, чтобы то, что рвалось через него родиться, родилось, появилось на свет. Он выстрадал свой светлый образ.

Солнце нещадно било в окна. Они стояли у картины «Рождение музыки», изображающей оркестр.

— Чтобы донести до вас истинный смысл этой картины, я сошлюсь на коллективное озарение философии, разные умы прошлых столетий шли к нему разными путями, но так или иначе открывали человека как эксперимент в воплощении Бога. Наши руки — его руки, наш разум — его разум, наши мечты — его цели. Бог на картине — стремление, нуждающееся в инструменте, которое произвело музыкантов на свет, чтобы услышать музыку.

Разглядывая эту картину еще на стене в квартире Марата, Жанна думала, что размытые фигуры музыкантов олицетворяют время. А время, наверное, одно из воплощений Бога. Мимолетное мгновение, ощущение непреходящести преходящего, того, что границу пересечь невозможно: где есть мы, там нет смерти, куда пришла смерть, там уже нет нас. Раина права: тени бессильны, смерть никогда не догонит живых. Человека можно победить, только если сам решит сдаться. А они не сдадутся.

Жанна вырвала несколько листков из своего старого дневника и принесла в галерею, зачитать Жену, что Коста когда-то рассказывал ей о жизненном свете, который нужно накопить в памяти, чтобы освещать собой запредельный мир пустоты.

— Нет, — возразил Романов. — Жизнь есть чувства, их нужно тратить, расплескивать, дарить, а не копить, и это единственное, что уйдет вместе с нами туда, откуда не возвращаются.

ЭПИЛОГ

Провожали всей семьей: мама, папа, Марат. И темные силуэты мелькнули позади на перроне. Жанна не поверила в обман зрения. Не померещились. Были. Как безмолвный крик на картинах Эдварда Мунка, как отвратительные призраки Фрэнсиса Бэкона.

«Они существуют, — явились мысли внутри собственной картины мира. — И третий путь существует. Это путь мистика — между мирами».

Поезд медленно отъезжал, близкие бежали и махали руками вслед, пока не кончился перрон. А тени — нет. Им не угнаться. Пока человек в пути, у него есть цель, а значит, и смысл. Сумрачный мир предназначен для тех, кто утратил смысл или терпение ждать перемен. Все время оба были вне доступа для пустоты: Жанна бежала, Жен не прекращал ждать. Пустота не терпит движения. И теперь они уезжают из прошлого вместе. Навсегда.

«Стражи потустороннего придают смысл сущему, — продолжилось в мыслях. — Без них нет лезвия ножа, на котором мы все подвешены на тонкой нити. Без них избитая фраза „каждый день мы рождаемся“ перелетных птиц дзен, с кем засыпала в псевдообнимку из страха проснуться со своей тенью наедине, — беспамятство идиотов дурман-травы. А сумрак, поднимающийся из-под земли за спиной, дышащий в затылок, придает жизни смысл. Каждый день — как возможность обрести жизнь и прожить собой, а не кем-то другим. Прожить, пока не догонят. Пока дышишь всем существом, как ветер».

Других Жанна и Жен в себе уничтожили. Поначалу его удивляло, что она никогда не спрашивала о зеркале. Разбил в ночь, когда сумрачный гость выпивал с ним и звал за собой, как незадолго Джанет разбила окно с его отражением, танцующим посреди метели, в родительской квартире. Приглядевшись, понял: Жанна не пользуется косметикой. Вообще. Так честнее. Жить с обнаженным лицом. Она не боялась времени, в отличие от всех, кого он познал вместо нее. Не боялась просто быть. С ним рядом. Любой, разной. И Романов забыл всех одинаковых, влюбленных в отражение собственной накрашенной красоты в заколдованном зеркале прошлого, как нимфеи. Зеркало их молодило, а Жанну бы уничтожило. И он разбил прошлое. Жанна же расплела преждевременные обереги лета и барахталась в волнах кошмарных снов. Утро за утром ему приходилось ее спасать, вытаскивать на поверхность. Тем самым спасая себя.

— Твое неотправленное письмо... Если бы я знал все! Мы бы уехали вместе еще тогда.

— Время все расставляет по местам. Ни позже, ни раньше ничего не выйдет, — повторила она, просыпаясь.

После бурных, но непродолжительных споров они сожгли Жанкин дневник на кругах Шувано. Пепел к праху.

Как часто на дне разлуки он мечтал об этом кадре: дымка рассеивается, и слышен стук колес поезда. Колесо жизни. Мечты сбываются, но только сокровенные. Каждое утро мы рождаемся, чтобы...

— Нас заставили поверить, — однажды утром сказала она, — что к тому времени, как мы повзрослели, все закончилось, а может быть, как раз с нас все и начинается? Никто не сможет нас удержать, мы другие, создали новый мир. Взрослели на грани, когда живой рок окончательно сменился синтетическим рейвом, а цоевское «пере-

мен!» вызвало к жизни другие измерения человека — мир биороботов и мукл. Мы сломались на грани и протянулись обломками в обе стороны, в бесконечность. Поколение восьмидесятых — первые, кто смог выбирать судьбу. До этого были совковые ряды кровавых галстуков, как удавки на шеях, как вешалки в магазинах дефицита и талоны на жизнь, как отсутствие личности. А после — глобализация, fake news, gaslight и single-use¹². Кто-то из нас выбрал монолит прошлого, а кто-то трансформер будущего. Неважно кто. Важно научиться летать на сломанных крыльях, как учатся ездить на битой машине. Важно удержать равновесие, как на канате, иначе...

— Все это витки истории. У цыган всегда была воля. Во все времена люди были внутри системы и вне. Замкнувшись, она погибает, нужен воздух, дыхание, приток свежей крови. Но и существование само по себе не имеет смысла, нужен контекст среды обитания, общества, как ветру — опора в пустыне. Мне нравилось вписываться, приносить пользу обществу. Я видел смысл и предназначение не в том, кем рожден, а в том, что выбрал. Абсолютной свободы не существует. Ты волен выбирать, но после несешь ответственность за тех, кого приручил.

Жанна проследила взгляд Жен. Поезд летел по мосту, уводящему к холмам. В про свете озеро лоснилось дымчатым серебром, как шелковая спина дорогого веймаранера. Озеро почти очистилось ото льда.

— Начну изучать породы собак. Йорки у вас там стоят дороже всего в соотношении цена — вес? — улыбаясь, скрестил указательный и большой пальцы в норку.

Жанне нравилась верность Жен: и в Москве будет «доктор Романов». В Москве ветеринарные клиники на каждом углу, весть разлетится быстро, и даже в клинику Южного Бутова будут съезжаться дорогие машины из центра. Собачников связывает любовь к питомцам, а не социальный статус.

А она? Что делать ей? Не готова пока верить судьбу ни Раине, ни кому бы то ни было. Но можно попробовать. И если не получится стать узаконенной ведьмой, то и бежать не придется. Необязательно же балансировать на грани закона, можно просто делать красивые сайты.

— Протянем, — отмахивался от материальных глупостей Жен.

Жанна мечтала начать все с нуля. И усвоила истину Жен: жизнь — это изнурительное воплощение мечты о доме, который всегда в пути. Но парадоксальная мечта все же сбывается, если исходит из глубины души, когда воспринимаешь ее как должное, и не остается ни следа от ощущения чуда.

— Что ты пишешь? — спросил сейчас, заметив новенький хрустящий блокнот в руках.

— Повесть о несбывшемся лете. О наслаждении юностью. Жарком и звездном. Что-то вроде любви в палатке на берегу озера с терпкими на ветру поцелуями. Красиво могло бы получиться...

— И кто это станет читать?

— Мы в старости.

— Вряд ли. Все, что пишется с наслаждением, читается с отвращением. Лучше большую правду или вообще ничего.

Жанна разорвала блокнот и швырнула в окно. Мое лето, решила она, превратится в роман о кризисах перехода, мучительное исследование выдержки памяти. Сейчас три часа пополудни, и близится вечер... А что дальше? Никто не захочет узнать. Никогда прежде в истории человечества сказка о безоблачном счастье не была воспринята всерьез. Так Бог не верил в людей, иначе не создал бы Древо познания для проверки. Мы ее провалили и потому вынуждены умирать, а могли бы жить вечно. Такая

¹² Слова года по версии «Collins English»: «фейковые (ложные) новости», «попытка манипулировать людьми, предьявляя ложную информацию, пока не усомнятся в своем здравомыслии», «одноразовый».

сказка родом из утробы, защищенной от всех северных ветров, но стоит выйти на тропинку, даже с самыми близкими... И счастливый финал неминуем, но тропинка петляет меж испытаниями, потому что мы сами и пропасть, и канат над нею, звенящие провода, убегающие вдаль от поезда и летящие ему навстречу.

— Что если это не время протекает сквозь нас, а мы движемся по его территории? И если так, то почему только вперед? Что если тайный смысл — в возвращении?

— Ты в поезде, — ответил Романов с серьезностью, присущей всем докторам. — А пока человек в поезде, он не может знать, что ждет на конечной станции. Иначе познал бы вечность.

Но Жанна знала. Где-то глубоко внутри она всегда знала. Это как увидеть себя в будущем или быть втянутой в калейдоскоп событий, происходящих в цветистых узорах обоев на чужой стене. Будущее не наступает, как фатум, и не случается экзистенциально, а творится каждым шагом, вздохом, словом. Оно и есть гадание при свечах. Символы. Знаки.

Суть всего — возвращение. И единственные существа, способные это понять, — собаки, ожидающие хозяев.

На платформе в тусклых косых лучах света не жились две северные лайки. Гудок — и они вскочили на ноги, взбудораженно приняв себя. К платформе подходил очередной поезд. Люди вокруг побежали встречать своих людей. Лайки тоже напряженно всматривались в толпу приезжих. Над головами тут и там взлетали голубиные и воробьиные стаи. Ни одна птица не пострадала под натиском человеческой многоножки. В поезде снова не оказалось тех, кого ждали. Но собаки будут ждать, как умеют только собаки. Никогда не перестанут. И рано или поздно дождутся. Но не сегодня.

Мария ЗАТОНСКАЯ

* * *

Я тебя люблю, моя маленькая жизнь.
Синева, синева, синева льется.
Птичьи гнезда — хрустящие деревянные солнца,
в солнцах птенцы:
дзинь-дзинь.

На кухне — споры о Солженицыне и литературной лжи,
отцовский самогон, философские мятежи.
Вместо барных полок — опустошаются книжные стеллажи.
Мы держим друг друга за плечи и округляем рты,
выдувая маленькие истины
из пустоты.

Люблю дерево. Его шершавость и чешую,
вечернюю оранжевость дня, балансирующего на краю
горизонта, и неглубокого озера сонное дно.
И всхлип, который издает вода, когда тыходишь в нее за мной.
И всплеск, когда начинаешь грести.

За этот неумолкающий барабан в груди,
за любовь ко всему и к единственному среди.

ПЛАЦКАРТА

Это плацкарт, детка. Здесь вся суть земли Русской
переливается от уст к устам песней грустной.
И в стойком запахе перегара, пота
не разберешь, интеллигент, пьяница — кто там.
Вечная песня — раздольная и тягучая:
О том, кому на Руси жить лучше и
как помогает пятничная попойка —
от всей души расскажут на нижней койке.
Это барак, детка. Сюда не прийти — а броситься,
залечь и забыть расписание и маршруты.
И если напьешься или устанешь до смерти —
только тогда
хотя бы вырубись тут ты

Мария Затонская родилась в городе Сарове в 1991 году. Публиковалась в журналах «Белая скала» и «Арион», в сборниках и альманахах «Золотая кисть. Золотое перо. 2012», «Академия поэзии 2013», «Нарисуй картину словами» (2014) и других. Обладатель Национальной литературной премии и звания «Золотое перо Руси-2017» в номинации «Поэзия». Участник XVIII Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (2018).

и до утра доживешь — на взмокшей, смятой постели.
А если бы кто-то заживо сгнил — на деле
вокруг продолжали б (не зря говорят: «Хоть тресни»)
лихие люди петь свои странные песни.

* * *

Говори, говори — слова бурят изнутри
дыру в голове — обнажают черепную кость,
и будет тогда в мою кроличью нору
стекать — кисель космоса, ягоды звезд,
и будут потом виснуть гроздьями с лоз,
звездная залежь космических гнезд.
Пока я молчу, голова — тюрьма.
Зима.

Тени ворон гаркают на кресте
на лунный обмылок, плавающий в черноте.
Хрущевки и сталинки,
следы, вмерзающие в керамику, —
хруст вязнувшего в снегу валенка.
Запах водки от пэтэушника,
петляющего между бараками.
Это все тоже оттуда, из звезд, из гнезд —
просто пока не нашедшее
голов,
ртов
и пока
не ставшее ягодами
стихов.

* * *

Отсутствие все же масштабнее существования;
существование — втиснуто в функцию, форму, название,
его пощупать, измерить можно и
дальше по списку — все как положено.
Отсутствие же неисчислимо, и это «не»,
никогда не знавшее выражения, —
легкой тенью скользящее по стене,
кольшется занавесками — за мгновение
до того,
как в раскрытые окна ворвется сквозняк...

Мнешься в прихожей в тупом ожидании стука.

И полная тишина есть не что иное, как
возведенное в абсолют отсутствие звука.

* * *

Э. Арсеньевой

Занавес. Извините, вы просыпали четки-строчки.
Вам помочь? простите, понимаю, сами, сами.
После спектакля на сцене прибираются рабочие
и находят бусины, исполненные стихами.
В примерке вазочка уже почти полная,
досыпала горстку бусин. Каждая — эхом в судьбе.
Бегу, стучу в двери: — Еще потеряли! — взволнованно.
Открывает: — Не нужно, деточка, у меня много, оставь себе.

* * *

Пора возвращаться к реальной жизни, дружище,
а то совсем уж высох весь и продрог.
Зачем ты мотаешься, по сусекам рыщешь
в надежде, что наберется на колобок —
взбалмошный чудо-шарик, размером с блюдо
(в сказке слепился, ожил и в лес свинтил).
У тебя нет печи, да и с мукой — не густо.
Плюс ты герой не сказочный, как ни крути.
Пора мыслить здраво — само ведь не рассосется,
валять дурака до старости — не вариант.
Я не прошу тебя сделаться тихим, постным.
Но ты в этой жизни не больше чем
эмигрант.
Пальцами шелкнешь — и кончится все, до ужина.
Ты преходящий, как я или кто-то тут же, но —
все не беда.
Будет еще заход.

И рот твой, кричащий на греческом или санскрите.
Твой первобытный жар и страх первобытный —
от Адама и Евы, вкусивших свой первый плод.
Все возвращается, время и персонажи.
Ты был здесь раньше, как я или кто-то — также.
Ты ночевал в фургоне, крутил косяк.
И ты все вспомнишь: худую лачужку, берег,
гул тишины, вливающийся в череп.

И испарывающий ночь
маяк.

СОН КОМНАТЫ **(У картины «Спальня в Арле»)**

Видишь, она на тебя из холста растет —
спинка кровати, выпучивается, как живот.
Маленький подголовник внутри — костями
льнет к углу голубой стены.
Видишь, он к тебе тянется — этот пол,
подползает рыхлыми досками, и уже почти
встал под твоим ботинком, говорит, мол,
иди.
Стул неприметный, скукоженный у окна —
на нем сидит сон Ван Гога, пока он сам
снится комнате — и насовсем
остается среди этих неровных стен.
В синеве,
из истертых дверей переходящей прямо
в желтизну звезд,
разлитую в рамах.

СОГЛАСИЕ

1.

Заполняю «Согласие застрахованного лица»
о передаче сумм в случае непреднамеренного конца,
думаю, мама будет рыдать, ей нужно больше оставить,
муж будет рыдать, пусть купит себе коньяк подороже,
пусть вместе напьются, и будут кричать «Аве
Мария», и набьют рожу
жирному, бритому наголо
соседу,
постоянно орущему, что мы топаем ему на голову
с потолка, с которого падает штукатурный снег.
Снег все еще падает,
а человека нет.

2.

Нет человека — ну, ничего интересного.
Но каждый раз дочитывая что-нибудь из Достоевского,
хочется продолжения, хотя герои уже
сделали все, что должны были. И в стеллаже
много такого разложено,
но каждый раз это по-новому сложно.

Дедушка — был, прабабушка тоже — была, и
вещами отжившими полнится кладовая.
Вот и памяти кладовая полна всякого барахла,
может, за тем и я есть, буду и — была.

И мне бы только принять этот факт:
жизнь продолжится —
эдак ли, или так.

НА ВЫРОСТ

Мне дарят книги на вырост (Хемингуэя, Ошо).
Бабушка покупает новые спицы:
вяжет братишке свитер на пару размеров больше —
ему пригодится,
он вытянется, проступят скулы из пухлых щек.
А я уже взрослая и не знаю, вырасту ли еще.

РАССКАЗЫ

СЛОНОФЕРМА

Секретарша дожевала кусочек кекса и еще раз внимательно посмотрела на Ивана.

— Ширинку-то закройте, а то муха залетит, — сказала она, глазами указывая на причинное место посетителя.

— Ой, извините, — сконфузившись, Иван застегнул молнию, — вечно она растегивается.

Секретарша понимающе кивнула и указала на дверь, приглашая войти в кабинет. В кабинете за столом сидел директор. Он поглаживал свои усы, растущие как будто не под носом, а наоборот — в нос.

— Здравствуй, Иван, садись поближе. Разговор есть, — сказал директор и указал рукой на стул.

В кабинете пахло свежей известкой и навозом. Кругом летали мухи. Когда они садились на белые стены, то становились похожими на изюм из отрезанного кусочка кекса, съеденного секретаршей.

— Что-то, Иван, слонodelы на тебя жалуются в последнее время. Как-то ты их вдохновлять перестал, — сказал директор и согнал со стола двух без стеснения спаривавшихся насекомых.

— Да я же стараюсь, Никита Абрамович, вы же сами знаете.

— Ну, Иван, стараться — это одно. А результат — это совсем другое. Ты когда в последний раз слона нормального со слонodelом получил? А? Сдуваются же все. Не закрепляются. Нет результата. Нет.

— Сдуваются, Никита Абрамович.

— Вот, Иван, сдуваются.

— Ну, я буду работать над этим. Что-то придумывать... А может, мне с мужиками попробовать? Слышал я, что у некоторых отличный симбиоз получается.

— Да нет, Иван. Кто ж из мужиков-то с тобой слонodelничать будет? Не смехи.

— Никто не будет, это точно, — Иван обвел взглядом стены. Директор молчал. Пауза затянулась.

— Поеду я тогда к мамке в город. Она меня давно зовет, — сказал посетитель и вздохнул.

— Погоди, Иван. Не спеши. В город всегда успеешь. Я ж тебя не за этим звал.

— А зачем же тогда?

— А затем, Иван, что есть у меня к тебе одно предложение.

— Предложение? — переспросил Иван и пододвинул стул поближе к директорскому столу. Муха, сидевшая на краю стола, отлетела чуть подальше, пристолилась, замерла и потеряла лапки.

Александр Константинович Селин родился в 1983 году в г. Томске. В 1986 году переехал в Киргизию. Окончил Кыргызский технический университет им. Раззакова по специальности «Вычислительные комплексы, системы и сети». Окончил курс прозы в открытой литературной школе г. Алматы. Вошел в лонг-лист «Русской премии» в номинации «Малая проза». Живет в г. Алматы.

— Предложение, Иван, предложение, — сказал директор и потер руку об руку, точно так же, как это только что сделала муха, — слышал про анисинские деликатесы?

— Слышал, конечно.

— А ты думаешь, Иван, из чего они сделаны? Из слонятины. Да, да. И не удивляйся так. Только слонятина эта нежная-нежная, воздушная-превоздушная. Нашим слонятам до такой слонятины как моей секретарше до сорок восьмого размера, — сказал директор и рассмеялся себе в усы, — так вот, Иван, предложение мое к тебе такое: ты должен разузнать, в чем секрет их слонятины. Как они ее, заразу, такой нежной делают?

— Да как же я про это узнаю?

— Мы тебя, Иван, отправим к ним по программе обмена опытом. Вот тут твои рекомендации и их согласие на твое участие в программе, — директор взял папку с документами со стола и передал ее Ивану, — сейчас домой иди, вещи собери. Завтра с утра выезжаешь.

* * *

Водитель выкинул недокуренную папироску и указал взглядом на кабину свежесмытого трактора. Иван, держась за ручку двери, влез в кабину. Водитель влез в кабину с другой стороны.

— А чего на тракторе? — спросил Иван водителя. — Дорога же нормальная, вроде асфальтированная.

— Хех, чего на тракторе? Да мы, парниша, в прошлый раз на подъезде к Анисимовым так на легковухе встряли — пока выбрались, по уши в дерьме извоились. Там какие-то навозные залежи кругом.

— Так вы туда уже ездили?

— Хех, ездили? Конечно, ездили, парниша. Я таких, как ты, уже с десятков туда-обратно отвез.

— И что? До сих пор их секрет не узнали?

— Хех, про секрет не знаю. Но ты, парниша, поосторожнее там. Те, которых назад я забирал, какие-то были другие. Какие-то отрешенные. Все повторяли всю дорогу: «Натаха даже мертвого уговорит».

— А кто это — Натаха?

— Хех, да баба обычная. Дочка ихней слонядельщицы.

* * *

— Здравствуйте, вы к нам по программе обмена опытом? — спросила Ивана какая-то девушка в цветастом платье с большими широкими рукавами, когда он вышел из подъехавшего к воротам трактора.

— Здравствуйте, да. Меня Иваном зовут.

— А меня Натахой. Будем знакомы, — девушка обвела взглядом Ивана снизу доверху, — а можно я буду вас Ивахой звать?

— Ну, зовите, если вам так будет удобнее, — сказал, немного смутившись, Иван, — с чего начнем нашу программу?

— С чего начнем? — почему-то засмеялась Натаха. — С угощений начнем, Иваха. Отобедаете нашими деликатесами, отдохнете с дороги. А вечером попробуем с вами слона сделать.

— Вечером уже слона будем делать? Ничего себе у вас скорости.

— А чего тянуть? — девушка подмигнула Ивану и повела его за собой в дом.

* * *

Мужчина в цветастой рубахе с большими и широкими рукавами указал взглядом на стул во главе стола, приглашая к обеду. Иван присел. На столе стояли различные мясные закуски, приправленные соусами, нарезанный хлеб, квас и брусничный морс в кувшинах, расписные столовые приборы. Мух нигде не было. Навозом не пахло.

— Вот здесь у нас слоновья нарезка в кисло-сладком соусе. Это слоновьи колбаски в чесночном соусе. Кусочки хобота на шпажках. Пирог из слоновьей печени. Берите, Иван, кушайте. А минут через десять Натаха горячее принесет.

— А как вас, простите, звать? — спросил Иван у мужчины в рубахе.

— Василь меня зовут. Я Натахин брат старшой.

— А хозяйка-то где?

— Мать, что ли? Так к вечеру только будет. Вы кушайте, Иван, кушайте.

Закуски были божественными. Слоновье мясо таяло во рту, как восковые свечи в пасхальную ночь. Через несколько минут вошла Натаха с расписным разносом, на котором испускало пар и ароматы горячее. На горячее были слоновьи отбивные с тмином в сметанном соусе. Такой нежной и воздушной слонятины Иван не ел никогда.

* * *

— Натаха, я вот сижу тут у вас все разглядываю и никак не пойму, — Иван слегка отодвинулся на стуле от стола и деланно повертел головой, — а где мухи? Вы же тоже слонodelием занимаетесь. У нас просто кругом мухи, они у нас залог выполнения плана. Гарантия того, что вдохновение слонodelов не пропадет даром.

— Наша мама в этом плане уникальна, — Натаха повернула голову к Ивану и улыбнулась, — ей не нужно время на вдохновение. Она может сразу.

— А у меня мама в городе живет, — вздохнул Иван от непонятно откуда взявшегося воспоминания, — к себе все зовет. Ждет меня... Слушай, а как у вас сам процесс происходит?

— Вечером все увидишь. И даже поучаствуешь, — снова улыбнулась Натаха.

— Так это что? Я буду твою маму вдохновлять, что ли? Вот это да. Я к этому как-то не готов. Нет, ты не подумай, я профессионал своего дела. Просто я не очень люблю стадию закрепления. Слоны же не закрепляются, если в конце не прозвучит какой-то грубой ругани или мата. Или еще чего хуже — рукоприкладства. Бабы наши слонodelьщицы поэтому со мной и не могут результата нормального добиться. Жалуют меня в конце, и слоны сдуваются. «Объект, на который направлено эмоциональное нагнетание, должен искренне испытать несправедливость текущей ситуации. Иначе закрепление невозможно» — так наш технолог говорит. А мужики так даже не пытаются со мной поработать. Они словами слонов закреплять не привыкшие, а бить меня брезгают, — сказал Иван и сам удивился своей откровенности, — ой, Натаха, что-то я говорю да говорю. Умеешь ты к себе расположить.

— Ну, это не главный мой талант, — сказала Натаха и усмехнулась, — а насчет закрепления не переживай, Иваха, у нас по-другому все происходит.

* * *

Натаха несильно пихнула гостя в бок. Иван проснулся и, потирая глаза, попытался до конца прогнать послеобеденный сон.

— Вот это я хорошо поспал, — сказал он Натахе.

— Спал, как слон, — игриво сказала девушка, — пошли, мама приехала. Будем настоящего слона делать.

В комнате, куда Натаха привела Ивана, стояла большая клетка на колесиках. Размер ее был такой, что она как раз помещалась в широкие дверные проемы. В середине клетки стояла стеклянная трехлитровая банка. Рядом с клеткой стоял Василь. Он поманил к себе Натаху и Ивана. Мама стояла у окна в противоположной стороне комнаты. Она выглядела как барыня, разглядывающая свои владения.

— Ну, Иван, как вам тут у нас? — спросила она и подбоченилась так, что превратилась в большую упитанную букву «Ф».

— Нравится, — произнес Иван и посмотрел на Натаху в поисках поддержки.

— Кто нравится? Натаха моя нравится?

— Да нет, я имею в виду дом ваш, угощения, — попытался оправдаться Иван.

— А я смотрю на вашу расстегнутую ширинку и думаю, что все-таки Натаха.

— Ой, извините, — Иван быстро застегнулся, — все время она расстегивается в неподходящий момент.

— А у себя на ферме вы тоже с расстегнутой ширинкой ходите или только здесь решили хозяйством пощеголять?

Василь вопрошающе посмотрел на Натаху. Она произнесла одними губами «началось» и махнула Василю рукой. Получив одобрение, Василь потихоньку открыл клетку, залез одной рукой в свой широкий рукав, достал оттуда спичечный коробок, открыл его, достал из короба муху и положил ее в трехлитровую банку в клетке. После этого он запер клетку и кивнул головой Натахе.

— Зачем вы так говорите? — покраснел Иван.

— Как я говорю? Ты учить еще меня будешь, как говорить надо? В моем собственном доме? У самого штаны на честном слове держатся, а он учить вздумал. Еще не хватало мне тут учителей с голой жопой, — начала расплываться хозяйка дома.

— Почему с голой жопой? — Иван покраснел еще сильнее, его голос и руки задрожали.

— Да ты не виляй, гость дорогой, говори прямо. Мол, дура ты хозяйка, неученая. Мол, учить тебя буду. Хоть одетый, хоть с голым задом. А ты радоваться должна и «спасибо» говорить мне за это...

Раздался треск. Иван посмотрел на клетку. Муха увеличилась в размерах так, что банка не выдержала и разлетелась. Средние лапки у насекомого срослись с передними и стали необычайно толстыми. Задние тоже увеличились в объёме. Крылья налились серым цветом и съехали по телу от грудки к голове. Глаза по отношению к телу уменьшились, в них появились зрачки. Хоботок удлинился и покрылся кожей.

— Ты не на муху смотри, Иван, на меня смотри. На дуру ненормальную, на истеричку, — продолжала свою работу мама Натахи.

Иван не мог оторвать глаз от перевоплощения мухи. Это зрелище всякий раз его словно завораживало. А насекомое тем временем все меньше и меньше походило на насекомое. Оно еще сильнее увеличилось в размерах, все его тело покрылось кожей серого цвета. Бывшие крылья уже выглядели как вполне сформированные слоновьи уши. Вырос хвост. Начали расти бивни.

— Натаха, бивни полезли, — крикнул Василь.

Натаха быстро подошла к Ивану, достала из своего широкого рукава длинное шило и с силой воткнула его гостью в область груди. Иван удивленно посмотрел на Натаху и рухнул на пол.

— Вот видишь, Иваха, никаких матов и никакой драки, — сказала Натаха и вытерла шило о рукав, — «иначе закрепление невозможно» — дурак ваш технолог. Нет объекта — нет сдутия.

Слон без бивней стоял в клетке. Он растерянно смотрел на людей, пытался взлететь и издавал звуки, похожие на жужжание:

— Зззз, зззз, зззззззззз.

* * *

Тело Ивана Василь вынес на улицу и положил в расписной гроб. Ночью к нему пришла Натаха.

— Ох, Иваха, не твое это, — заговорила она с телом Ивана, — не приспособлен ты ни к шпионству, ни к слоноделию. Ехал бы ты к мамке в город. Зовет же она тебя, ждет же. Нужен ты ей. А здесь кому ты нужен? Да и на ферме на твоей? Знал же директор твой, куда тебя посылает. А ведь все равно послал. Не нужен ты ему, Иваха. Езжай-ка ты к маме. А про то, что здесь видел, забудь. И секрет наш, и меня. Все забудь. Забудь и напрямик в город к маме. Давай, Иваха, езжай, — договорила Натаха и поцеловала Ивана в лоб.

— Ну, ты, Натаха, и вправду мертвого уговоришь, — сказал оживший Иван и вылез из гроба.

* * *

К воротам подъехал трактор. Водитель, не вылезая из кабины, взглядом указал Ивану на пассажирское место.

— Сейчас, — крикнул ему Иван и повернулся к провожавшей его Натахе, — слушай, вопрос есть последний. А зачем дерьма столько на подъезде к вам навалено?

— Ах, это? — рассмеялась Натаха. — Да то ж Василь решил как-то кондитером стать, хотел из дерьма конфеты делать. Дома мать ему запретила, вот он и натаскал из слоновника дерьма на улицу. Только не вышло у него ничего... Ну, прощай, Иваха.

* * *

— Ну что, парниша, выведал ихний секрет? — спросил у Ивана водитель на обратной дороге.

— Не мое это — вот в чем секрет, — сказал Иван каким-то отрешенным голосом, — к мамке поеду. В город. А насчет Натахи ты был прав: умеет баба уговаривать, мертвого уговорит.

ПОТЕРЯННОЕ ЧУВСТВО

— Кто-кто в теремочке живет? Кто-кто в невысоком живет? Никого? Тогда я здесь поселюсь, — сказала Сознание и зашло в теремок.

В теремке в самом темном уголке Сознание нашло маленькую притаившуюся Личность.

— Ух ты, какая маленькая, какая миленькая. Привет. Я — Сознание. Будешь расти под моим наблюдением?

Личность посмотрела на Сознание и утвердительно кивнула.

— Кто-кто в теремочке живет? Кто-кто в невысоком живет? — раздался чей-то голос снаружи.

— Я тут живу. Я — Сознание. А ты кто?

— А я — Слух. И я слышал, что в теремках живут Личности. В этом теремке живет Личность?

— Живет, но она еще очень маленькая. Поможешь мне ее вырастить? — спросило Сознание Слух.

— Конечно, помогу. Я же теперь тоже здесь живу, — ответил Слух и вошел в теремок.

— Кто-кто в теремочке живет? Кто-кто в невысоком живет? — снова раздался голос снаружи.

— Я — Сознание, — сказала Сознание.

— Я — Слух, — сказал Слух, — а ты кто?

— А я — Зрение. Вижу, вы не меня ждали?

— Не ждали. Еще очень темно и снаружи, и внутри. Но мы очень тебе рады, заходи, — пригласило Сознание Зрение в теремок.

— Кто-кто в теремочке живет? Кто-кто в невысоком живет? — послышалось сразу несколько голосов снаружи.

— Я — Сознание, — сказала Сознание.

— Я — Слух, — сказал Слух.

— Я — Зрение, — сказала Зрение, — а вы кто?

— А мы — Осознание, Вкус и Обоняние. Обоняние еще не совсем проснулось. Немного заторможенное. А Вкус и я — вполне себе адекватные, — сказала Осознание и вместе со Вкусом завело вовнутрь Обоняние.

Над теремочком взошло солнце.

— Что-то раньше времени солнце взошло, — сказала Сознание.

— Ох, прихожу в себя наконец-то, — сказала Обоняние.

— Как тут светло стало, — сказала Зрение.

— Я ухожу, — сказал Слух и вышел из теремка.

— Стой, ты куда? — попыталось остановить Слух Сознание и выбежало за ним. Но Слуха уже не было видно. Зато на крыльце кто-то сидел, никак не решаясь зайти в теремок.

— А ты кто, — спросило Сознание, — и почему ты сидишь на крыльце?

— Я — Речь. Я хотела зайти в теремок, но увидела уходящего Слуха. А без Слуха я к вам не могу зайти. Никак.

— Речь? Как хорошо! Давай заходи, поможешь нам вырастить Личность. А Слух вернется. Обязательно вернется.

Сознание взяло Речь за руку, но та руку отдернула.

— Вот как вернется, так я и зайду, — сказала она и отвернулась от Сознания.

— Ладно, у нас еще есть время, — сказала Сознание и вошло в теремок без Речи.

— Кто-кто в теремочке живет? Кто-кто в невысоком живет? — почти сразу раздался чей-то голос из-за двери.

Сознание выглянуло наружу:

— Да тут много кого. Зрение, Обоняние, Вкус, Осознание и я — Сознание. А ты кто?

— А я — Характер.

— Характер? Отлично! Наслышано про тебя. Уж ты-то точно поможешь нам с Личностью. А ты там, кстати, Речь не видел?

— Это та, что на крыльце сидит? Видел, видел.

— А может, проявишь себя сразу же? Уговоришь ее в теремок войти? Вместе вы нам такую Личность вырастить сможете.

— Попробую, — сказал Характер и вышел на крыльцо.

Он подошел к Речи и начал себя проявлять:

— Речь, пошли в теремок.

— Да не могу я без Слуха, — сказала Речь тихим и понурым голосом.

— Так есть же Зрение.

— Да нет. Мне Слух нужен. Со Зрением у меня вряд ли получится. А если и получится, то я сама не своя буду, неуверенная, дерганая. Нет, мне нужен Слух.

— И как же я без тебя теперь? Сознание сказало, что мы оба нужны, чтобы Личность вырастить.

— Да я и сама все понимаю. Но не могу я без Слуха. А тебе придется закаляться, — сказала Речь Характеру, отвернулась от него и расплакалась.

* * *

Воды отошли раньше срока на восемь недель. Будущие мать и отец вызвали «скорую». Приемная, направление в перинатальный центр, палата. Несколько часов ожидания. Родильная комната. Девочка родилась недоношенной. Легкие открылись не полностью. Желтушная кожа. Синева вокруг носа. Девочку отнесли под кислородный колпак. Медсестра посматривала за ней, но постоянно отвлекалась. Девочка вертелась, выползала из-под колпака, организм недополучал кислорода. Осложнение. Доктор назначил укол гентамицина. Укол в родничок на голове. Снова кислородный колпак. Медсестра после перенесенного девочкой осложнения отвлекалась реже — боялась, что после второго раза девочка может умереть. Тогда медсестре сделают выговор. Мать девочки старалась все время быть около своего ребенка. Она нервничала. Недоедала. Недосыпала. Постоянно находилась в предыстеричном состоянии. Ей несколько раз назначали прием у психолога. Отца девочки не пускали в палату. Он не осознавал всю серьезность ситуации. Девочка лежит в больнице, врачи и медсестры рядом — что еще сделаешь? Прошло несколько недель. Легкие девочки открылись. Кожа вокруг носа стала такой же, как на других участках тела. Мать и девочку выписали домой. Дома уже были готовы кровать, ванночка, пеленки и подгузники. Дома мать облегченно выдохнула и впервые за этот месяц выпалась. Девочка росла. Она хорошо кушала, хорошо спала. Была веселой и часто улыбалась. Она реагировала на свет, на запахи, на вкус грудного молока и на прикосновения. Но не реагировала на звуки. Мать и отец хлопали в ладоши, гремели кастрюлями, кричали. Девочка не реагировала. В годовалом возрасте анализы показали «наличие дегенеративных изменений улитки внутреннего уха», приведшие к потере слуха. Причиной могли быть побочные действия антибиотика — того самого укола гентамицина в перинатальном центре. Девочку записали на государственную программу по кохлеарной имплантации — специальной операции, позволяющей восстановить слух. Шло время. Мать и отец девочки понимали, что развитие их ребенка под угрозой. Без слуха девочка не могла развить у себя навыков речи. Без речи все остальное развитие сильно тормозилось. Мать стала писать о вреде гентамицина, о халатности медсестер, о врачебном беспределе в социальные сети. Затем в Министерство здравоохранения. Затем в прокуратуру. Помогли ли ее письма, или просто подошла их очередь, девочку положили на операцию. Через три месяца после кохлеарной имплантации девочка стала реагировать на звуки.

* * *

Речь сидела на крыльце. Грустила. Подумывала, что, может, стоит попробовать зайти в теремок, что, может, у нее и со Зрением все получится. Кто-то к ней подошел. Речь на него посмотрела.

— Слух! Это ты? — спросила она.

— Привет. Я вернулся. Пойдем в теремок?

— Слух, миленький. Как же долго я тебя ждала. Пойдем скорее внутрь, — Речь взяла Слух за руку, и они вошли в теремок.

— Наконец-то, — увидев их, воскликнуло Сознание, — и Слух с нами, и Речь. Эй, Характер, теперь мы такую Личность вырастим — закачаешься.

БАТЯ

Про кур

Решил как-то батя в курятнике посадить траву. Гуляли мы с ним недалеко от дома, увидел он полянку с сочной травой и говорит:

— Давай дерна в курятник натаскаем. Чего каждый раз траву им заготовливать? Пусть сама у них в курятнике растет.

А я ему на это отвечаю:

— Ты чего, батя? Они ж ее всю сразу повытоптают.

— Повытоптают, — передразнил меня батя, — поучи еще меня, паразит... Мы дерн водицей польем, и трава снова вырастет.

Как-то сразу я понял, что дело не выгорит. Куры, как заправские экскаваторы, весь дерн перероют, и превратится он в слой грязевого месива. Хоть заполивайся потом, ни хрена там не вырастет. Но спорить не стал. Думаю, пусть бате уроком будет. Натаскал я дерна. Разложил в курятнике. Умаялся. Стою от пота весь мокрый, как щенок, с головы до пят облизанный собакой, наблюдаю. Белые курицы, как всплывающие пельмени в кастрюле с кипящей водой, по одной стали выходить на свежую травку. Выходить и рыть ее своими лапами. Через пару часов куры из дерна сделали однородную жидковатую массу. «Ну вот, как я и предполагал. Будет бате уроком», — подумал я. А батя вышел, поглядел на эту грязищу и говорит:

— И вправду повытоптали... Вот сволочи, — потом повернулся ко мне: — Накаркал ты, гаденыш... Ну, чего уставился? Чисть теперь курятник.

Про кроликов

Решил как-то батя, что пришло время научить меня, как резать кроликов.

— Возьми-ка, — говорит, — сына, из крайней клетки серого кролика, который помясистее. Да тащи его досюда.

В клетке четыре кролика. Три белых и один серый. Я взял серого за передние лапы и понес к бате. Животное, почуяв неладное, начало быстро-быстро тарабанить по мне задними лапами. Когти у кроликов не острые, но оцарапать могут. Серый вырвался и упал на землю. В руках у меня остались два пушистых клочка шерсти.

— Батя, он выскочил от меня, зараза.

— Да что ж ты, сына, косорукий-то такой народився? Гони его к забору.

Я стал обходить кролика с одной стороны, а батя с другой. Подошли мы к нему вплотную. Серый метнулся ко мне, потом назад, потом к бате, снова назад, прижался спиной к забору и как запищит. Звонко так, протяжно. Никогда бы не подумал, что кролики пищать умеют.

— Это что еще за журавлиная песня? — батя взял его на руки и стал поглаживать. — Тихо, тихо, зверюшка.

Кролик прижал уши и больше не дергался. Батя подошел к разделочному месту, взял молоток свободной рукой и сильным ударом по лбу выгнал из кролика сознание вон. Потом разжал ему зубы двумя пальцами. Взял тонкий нож и скovyрнул кролику через рот его кроличье горло. Из носа и рта животного полилась алая кровь. Она пузырилась и пенилась, как клубничное варенье на плите. Батя подвесил кролика за лапы на перекладину. Сделал два надреза по кругу на задних лапах. Еще несколько надрезов от ног к хвосту. И стянул с кролика шкуру так просто, как хирург снимает после операции перчатку. Тушка кролика без шкуры была бежевой и гладкой, как пластмассовая нога от сломанной сестренкиной куклы.

— Эх, сына, — откладывая шкурку в сторону, поглядел на меня батя, — чего ж ты его ташил так небрежно. Шкурку вон заплешил. Животинка, она ласку любит. С ней надо бережно, нежно. Особенно перед разделкой.

Батя взял нож, кроличьи кишки вывалились в тазик со звуком упавшего на пол мороженого.

Про нутрий

Решил как-то батя завести болотных бобров — нутрий. Клетки для них были сделаны из высечки, рабицы, уголков и досок. В клетках стояли небольшие кирпичные домики. Пол заливался бетоном.

— Восемь к одному делай, — говорил батя, когда я замешивал раствор, — цемента экономь, транжира. Его всего пару мешков осталось.

Бетон получился некрепкий. Зубы нутрий оказались крепче. В каждом домике нутрии проделали подземный ход и выходили гулять в огород, пока батя был на работе. Далеко они не разбегались. После школы я должен был пересчитывать нутрий в клетках. Сестренке это дело не доверяли. «Не дошла она до нужного возраста. Безответственная еще», — говорил батя. Если я недосчитывался нутрий, то искал беглецов в огороде и караулил их там до прихода бати. Батя приходил вечером, когда уже начинало темнеть.

— Если их за хвост держишь, то они свое тело поднять не могут. А значит, и укусить не способны. Чего ты меня ждешь все время? Чего сам их не ловишь? Тряпка ты трусливая. Вырастил на свою голову. Отойди, чтоб тебя, — говорил батя, а потом брал сбжавших животных за длинный хвост и разносил их по клеткам.

— Что ты на ребенка рычишь? Видал, какие у твоих чудовищ зубы? Лучше б клетки переделал, — заступалась за меня мамка.

В начале лета в арыке пустили воду. Сбжавшие из клеток нутрии, видимо решив освежиться, залезли в арык и поплыли вниз по течению. Мама, увидав мой испуг, сказала, чтоб я не переживал и шел гулять. Я засел в конце огорода в кустах малины и стал ждать. Вечером пришел батя. В огороде вместо меня он нашел сидящую на табуретке мамку.

— Уплыли твои черти зубастые, — сказала она батю, указывая рукой на арык. — А детей я погулять отпустила, чего им тут караулить?.. Разбегаются все от тебя. Дети вон подрастут, тоже разбегутся.

— Чего ты несешь, старая? — крикнул на мамку батя и смачно харкнул на землю. — Дети же не звери. Никуда они не разбегутся... Мы их еще выгонять устанем.

Станислав ДОМБРОВСКИЙ

* * *

Встанет горным утесом киль,
рухнет волна о борт.
Курят хмурые моряки,
думают о нас с тобой.

Через шторм из ревущих лет
видят счастливых нас,
словно сон о Большой земле.

Радиотишина.

Их голландец ни жив, ни мертв
десять столетий как.

В небе, сером от спящих гор,
солнцем горит драккар.

...Солнце рвется из ржавых дюз.
В метр борода. Оброс
викинг-я. Я бреду в бреду
через анабиоз.

Нам не верили. А теперь,
тысячу лет спустя,
мы стоим перед дверью.
Дверь заперта.

Там — мечта.

— Шлюз, давление снизить до...

— Двигатели — в нули.

— Центр, на Кассиопее дождь.

##.##.####,
лето, социализм.

Станислав Домбровский родился в Омске в 1987 году. Учился в Новосибирском государственном университете. Работал охранником, журналистом, программистом, менеджером, маркетологом. Публиковался в журналах «Менестрель», «Время на ощупь», «Иду на честный разговор», «Литературный Омск» и других. Автор книги «Запасный выход» (Омск, 2006). Лауреат премии им. Ф. М. Достоевского (2006). Живет в Санкт-Петербурге.

ЛЕТITBEAT

Не жалею новых струн на «мексе»,
рви все к черту и go со мной.
Это чувство покруче секса —
целоваться с самой весной.

В стертых джинсах, все так же курит
только старый и крепкий свинг.
Ей не надо для счастья дури —
у нее есть любовь в крови.

Ей плевать на мои устои,
на привычки и тухлый быт,
с ней в гремящих машинных стойках
четко слышится letitBEAT.

И в каком-то припадке нежности
я ору на пустой проспект:
«У кого есть такая женщина?
У кого еще?!!»

Больше нет.

Нет в глазах моих вечной осени,
нет дурацких обид и лжи.
До свидания, одиночество.
Я опять
выбираю
жизнь.

ГУННЫ

Едут гунны. Дикие, степные,
спаковав надежды и мечты
в пару крепких сумок, отпускные,
минимум одежды и зонты,

наплевав на сытую стабильность
в маленьких никчемных городах,
бросив тех, которые любили
и, конечно, обещали ждать,

в поездах, прокуренных плацкартах,
отрезая прошлое навзрыд,
едут гунны в «заревое завтра».

Не смотри в глаза им. Не смотри,
там такие прожитые бездны,
что утонешь в них, не ровен час.

Разве ты, оседлый, бесполезный,
знаешь, как ржавеет на мечях
ярость покоренной высоты и
как сгораешь в сбывшейся мечте?

Мирно спят обрюзгшие статисты,
звезды оставляя в небе тем,
кто хватает небо полной горстью,
не боясь обжечься впопыхах,
не боясь исчезнуть в этом городе,
сотню раз прочитанном в стихах.

...И горят их факелы неровно,
И несут их лошади. Немой
город спит и бредит свежей кровью —

Тобой.

* * *

Денег хватит на сигареты.
Не завидуй другим — кури.
На рипиат Barchelorette
и вальс танцуй у себя внутри.

«Куртки, обувь и батарейки».
Батарейки всегда в цене.
Замени их, глотая крепкий
самый мартовский первый снег,

и беги, идиотский заяц
с батарейками «Duracell».
Не кляня себя, не терзаясь,
что успел ты там, не успел,

путь твой долог и светел, Форест.
И креветочный шторм — в пути.

Хеппи-энда не будет, сорри,
счастье — будет.

Не пропусти.

* * *

можно все, но какая разница,
если никому не понять.
можно даже позволить другим радоваться,
пока нет меня.
можно стать даже смелее, чем
упавшая на руку снежинка,
если не цепляться за мелочи
вроде жизни.

ПАДАЙ

Падай, дружище.

Все выше и выше,
глупо, бессмысленно, как сидвишерз,
вырезав сердце осколком бутылки
на заболевшей груди.

Будь: хочешь — взрослым, а хочешь — подростком,
только собой. Понимаешь, просто
fly like a bullet. No mercy until you
fly. Да, ок, ты один

прешься домой, как последний дебил, и
спят, отрубившись, автомобили,
на тротуар, как на бедра любимые
шины закинув. Рефлекс.

Dance it. Танцуй. Сердцем бейся о ребра
города в ритме безсахараорбит.
Ты никогда не проснешься другим, и
так и должно быть. So let's

play all your life like a Rolling Stones coda.
Leave all your fear and loathing. Go down,
deep in your soul and your eyes that stopped laughing.
Smile. Let 'em smile. Smile 'em all.

Only two riders and storm. Как у дорз, да.
Каждый из нас сам себе тайлердерден.

Вытащи осенью ящик стола и —
чтобы проснуться —
стреляй.

ЛИМОНКА

в этой жизни, как в бес-
конечной войне,
обрывается строчек пулеметная очередь.
застывает на самом краю небес,
а за ней
троеточия
сигаретных гильз
по живой траве.

отзовется земля, как сердце,
на удар усталой твоей ноги.

свет
скользнет по подошве берца.

брось любви лимонку,
найди свой dest
и patіon и уходи.

ты успел остаться ребенком
здесь —
значит, ты
уже
победил.

АНТОН РАТНИКОВ

ЧЕЛОВЕК АПОКАЛИПСИСА

Рассказ

Развернулась осень во всей красе.

Затем налетел ветер, пошли дожди — красу сдуло и смыло.

Город стоял, голый, как поруганная проститутка.

Стало зябко, и умные люди кутались в шарфы и огромные куртки.

Умные, не я.

Утром не посмотрел в окно, проспал, выпрыгнул в жизнь едва ли не в пижаме. Какие-то легкие носочки, рубашка (без футболки), летняя ветровка, джинсы.

Джинсы еще сели после стирки, или я потолстел после лета... Не поймешь.

Ехал на работу в метро и все как-то чесался, поводил плечом, чувствовал себя, будто на мне чужая кожа.

Приехал на работу — там ходят серьезные, улыбающиеся люди в костюмах.

Жутко.

— Как выходные? — спрашивают.

— Так прошли, что устал.

Тут меня вызывает умывальников начальник и мочалок командир. В смысле босс. Он у нас грузный, но что касается придумок — необычайно легкий человек.

— Ну, — говорит, — ты у нас главный массовик-затейник?

— Я если и затейник, то точно не массовик. Предпочитаю соло.

— Отлично! — оживился босс. — Вот и поедешь с ответственным заданием на «Ленфильм»...

Вообще начало получилось удивительным. Где я — и где «Ленфильм»?

— Что мне там делать? — спрашиваю.

— Скоро у нас праздник, корпоратив. Слышал? Ну так вот. Решили, что корпоратив будет костюмированный. Вернее... полукостюмированный. Разыграем сценку из «Евгения Онегина».

— Какую? Где Татьяна пишет письмо?

— Лучше! Дуэль! Соответственно нужны костюмы. Два.

— А пистолеты?

— Пистолеты тоже нужны. Но у нас вроде в редакции есть.

— В редакции есть пистолеты?

Антон Александрович Ратников родился в 1984 году в Ленинграде. В 2014 году окончил Высшую школу режиссеров и сценаристов. Входил в шорт-лист Волошинского конкурса, лонг-лист премий «Дебют», «Русский Гулливер». Публиковался в альманахе «Взмах», журналах «Нева», «Звезда», «Октябрь», «Аврора», «Кольцо А». Лауреат премии журнала «Нева» за 2014 год. Участник XIV Форума молодых писателей России, стран СНГ, зарубежья. Член Союза журналистов Санкт-Петербурга.

— Конечно!

Босс сделал ловкое, совершенно не свойственное ему движение, буквально в два шага оказался у шкафа со всякими дарами и выгреб оттуда коробку с двумя историческими пистолетами.

— Ого!

— Это муляжи... — успокоил он меня. — Ведомственный подарок.

Я не стал спрашивать, по какому конкретно ведомству прошла посылка.

— Хорошо, — согласился я. — А при чем здесь моя персона?

— Ты, я слышал, в театре занимался?

— Было дело... Двадцать лет назад... А откуда вы знаете?

— Я все знаю. Я же редактор!

— Ага...

— В общем, организация сценки на твоей совести. Понял?

— Нет.

— Врешь. Все ты понял. Ты ведь по сути своей — режиссер.

Мне это льстило. Но я стал прокручивать в голове идеи — как от всего этого благополучия отвертеться... А вот почему-то не лезли в голову мысли. Вообще.

— Это несправедливо, — изрек я. — Да и, потом, с этими остолопами разве что поставишь? Кто у нас будет Ленского играть?

— Найдем. Для начала костюмы добудь, а там уже людям будет не отвертеться.

Вздыхнул. А что делать? В конце концов, нужно во всем искать позитив. Поездка на «Ленфильм» всяко лучше, чем на работе весь день сидеть.

Мне выдали какие-то бумаги. Предстояло заключить договор или что-то в таком роде.

Вышел на природу. Природа печалилась, плакала и заливала меня слезами. «Нужно было, — думаю, — у главреда зонт одолжить, он у него симпатичный, серенький».

Но возвращаться — плохая примета. Я поскакал по лужам.

Мимо меня проехал троллейбус — из-за стекла смотрели в бездну грустные глаза пассажиров. Четверо рабочих окружили яму в асфальте и, сурово куря, смотрели в нее, будто ожидали, что из ямы покажется какое-то существо или, может, она сама по себе заделается. У метро человек в костюме крокодила раздавал рекламные листовки. Рекламировали, кстати, ювелирный салон. Еще стрельнула в голове мысль: при чем тут крокодил?

На входе в метро меня как следует проверили. Рюкзак просветили специальным прибором. Процедура заняла какое-то время. Прибор сломался и не хотел отдавать рюкзак.

— Лента барахлит, — объяснил охранник в синей спецовке. Лицо его выражало полное отсутствие интереса к происходящему.

Вагон приехал полупустой, и сидеть было почему-то очень приятно. Даже не хотелось выходить на поверхность.

Задумался об Евгении Онегине. Помнится, жил у нас во дворе один вор-рецидивист с погонялом «Леший». Так этот Леший любил слушать пересказы всяких классических сюжетов. Тормознет какого-нибудь школьника во дворе.

— Эй, — говорит, — что по литературе проходили? Ну-ка рассказывай!

Ему рассказывали. Правда, местные школьники литературой увлекались в гораздо меньшей степени, чем Леший. Поэтому пересказывали истории плохо. Путались в показаниях. Леший таких пугал. Говорил, чтоб выучили. И его боялись, учили. Потом возвращались на пересдачу... В общем, можно сказать, что он был такой факультативный учитель литературы.

И меня Леший как-то поймал.

— Что, — говорит, — по литературе сегодня было?

— Евгений, — отвечаю, — Онегин.

— И что там? Говори!

Я вкратце пересказал ему сюжет. Онегин едет на бульвар. Мой дядя самых честных правил. Татьяна Ларина. Ленский. Дуэль. Генерал. Путешествие Онегина благоразумно опустил. Как и сам автор.

Леший закатил глаза. Задумался.

— Да, братан, скажу тебе, что не прав твой Онегин. Сильно не прав...

— Думаете?

— Не по понятиям так поступать. Ну, с Ленским.

— Согласен.

Спорить с Лешим не стоило. Это говорила практика. Опыт.

Потом я вообще стал его личным чтецом. Пересказывал ему сюжеты мировой литературы. Илиаду, Гаргантюа и Пантагрюэля, Жюль Верна. Особенно он «Пятнадцатилетнего капитана» полюбил... Но потом Лешего посадили — и все это закончилось. К счастью...

Тут поезд подъехал к моей станции...

На «Горьковской», несмотря на дождь, какие-то десантники исполняли патриотические песни под гитару. Перед ними танцевал, лихо выкручивая руки, бомж в пальто.

«Ленфильм» скрывался в глубине двора. С проспекта можно и не заметить, пропустить.

В холле никого не было. Даже окошко бюро пропусков было законопачено.

— Куда? — спросил охранник.

— За костюмом.

— А-а-а...

— А не подскажете, куда идти?

— Не знаю.

В этом «Ленфильме» можно было заблудиться. Лестница то шла вверх, то срывалась вниз. Не лестница, а нескончаемые американские горки без тележек.

Наконец нашел договорной отдел. Там скучали три женщины, две из них — весьма миловидные.

Я вкратце объяснил, что мне от них нужно.

— Вы из издательства?

— Да, — согласился я.

— Тогда у вас по бартеру, — сказали они печально.

— Да, — ответил я, — денег у нас нет. Не платят даже сотрудникам.

— Оно и видно, — сказала самая несимпатичная из них. Хотя эта шпилька была не в мой адрес.

Я заполнил какие-то документы. Расписался в трех или четырех бланках. Вернул. Девушка посмотрела и отдала мне их обратно, намекнув, что я не там поставил подпись.

— Я думал, у вас тут храм искусства...

— Храм бюрократического искусства, — грустно сказала девушка.

Потом она объяснила, как мне идти до костюмерного цеха. Налево, направо, вверх, вниз. Выйти во двор...

— Хорошо, — сказал я и, покинув кабинет, тут же заблудился.

Стал ходить туда-сюда, как герой Семена Фарады из «Чародеев». Наткнулся на самодетельный мемориал «Гамлету». Перед картонкой с изображением Смоктуновского лежал пластмассовый череп. Вот он, мир искусства!

Побродил еще. Открыл дверь, за которой сидели трое пожилых мужчин и курили. Перед ними стояли стопки водки и банка с огурцами.

— Простите, — сказал я и закрыл дверь.

В общем, я так шлялся по «Ленфильму», пока мне вдруг не стало холодно. Тогда я понял, что где-то рядом тот самый пресловутый выход во двор.

И правда. Я толкнул некую хлипкую дверь, которая даже не открылась, а просто выпала наружу, и оказался во дворе.

На Голливуд это походило мало. Скорее, на задворки какого-то завода. Тлен и грусть окружали пространство.

Рыжая собака стояла посреди двора и удивленно смотрела на меня.

Возможно, она не ожидала увидеть человека.

Кажется, она была даже немного расстроена тем, что кто-то появился здесь. Но она смогла взять себя в лапы и потрусила к стене, чтобы влезть в щель и исчезнуть с глаз.

Я прошел по двору. В углу ржавела груда табличек: «Парковка для режиссера Масленникова», «Парковка для режиссера Бортко»...

Никаких машин поблизости не было.

Навстречу мне попался человек в оранжевой спецовке.

— А где здесь костюмерный отдел?

Он пожал плечами.

— Такого нет.

— Как нет? Это же киностудия!

— Киностудия? Может быть. Я сам-то из «Теплосети».

И он пошел дальше, шаркая кирзой.

Наконец я отыскал двухэтажную постройку. Там действительно была табличка «Костюмерный отдел». Если судить по табличке, то он относился к Министерству культуры СССР. Табличка висела на одном гвозде.

Я дернул дверь. Она скрипнула и поддалась. Казалось, я иду в гости к начальнику колхоза. Потрепанная лестница вела наверх. Пахло плесенью. На втором этаже я нашел решетку. За ней сидела женщина и вышивала на руках чудный узор на полотенце. Женщина, казалось, вся пропиталась пылью.

— Здравствуйте, — сказал я, сделав шаг к решетке.

Женщина ойкнула и уронила свое творение, а потом начала его искать под стулом. Возраст у женщины отсутствовал, но очевидно, она была немолода.

— Вы кто? — спросила она.

— Я из газеты. Мне костюм нужен.

Женщина наконец смогла обрести упавшее полотенце. Вместе с ним к ней вернулось и хладнокровие.

— Так, — сказала она, поправляя передник, — пропуск есть?

— Есть.

Я протянул ей бумаги, которые мне выдали до этого ласковые девушки. Всю эту писанину со штампами.

Женщина внимательно на них посмотрела.

— Допустим, — сказала она. — А что вам надо?

— Там же написано. Костюм. Точнее — два костюма.

— А какая эпоха?

— Эпоха?

Я задумался. Романтизм? Классицизм? Эkleктика?

— Начало девятнадцатого века. Пушкин.

— Ах, Пушкин. Ну, этого добра навалом. Вот если восемнадцатый век брать...

Но восемнадцатый век брать я не собирался. Он мне был ни к чему. Батюшков, Баратынский — все это прошлое.

Она открыла решетку — и решетка, тоже со скрипом, поддалась. Женщина призывно махнула рукой. Мы прошли небольшую каморку и оказались в царстве костюмов. Они занимали все пространство, только что на потолке не висели. Между ними оставались лишь небольшие проемы, где мог пройти не очень толстый человек.

— Айда, — сказала она и скрылась в мундирах времен Бородинского сражения. Мундиры, кстати, выглядели потрепанно. У многих недоставало пуговиц. Где-то хорошо покуражилась моль. Но костюмы висели себе и висели, казалось, они так и будут тут висеть, пока не истлеют.

Я словно плыл в море трикотажа. Только моя голова торчала над волнами. В какой-то момент я потерял женщину из вида, и у меня даже началась паника, что я не успею ее найти и пропаду.

Но женщина сама появилась откуда-то сбоку.

— Посмотрите. Подойдет?

В руке она держала шест, похожий на тот, с которым прыгают в высоту олимпийцы. Она ловко взяла этот снаряд и сняла откуда-то с верхотуры вполне себе пушкинский костюм — фрак с накидкой.

— Вроде то, — сказал я, присмотревшись. — Еще один нужен.

— А размер?

— Ну примерно, как на меня.

Она всмотрелась куда-то вверх, потом сделала резкое движение своим шестом и сняла еще один комплект.

— Подойдет?

— Надо бы померить.

— Меряйте. Я отвернусь.

И она действительно отвернулась.

Я почувствовал себя беззащитным.

— Слушайте. Я так не могу. Не могли бы вы... отплыть подальше.

Женщина посмотрела на меня, надув щеки. Будто я доставлю ей дискомфорт своей стеснительностью.

— Ладно, — сказала она. — Отплыву.

И она технично скрылась из виду.

Один костюм оказался мне мал. Но я тут же прикинул, что он подойдет нашему фотографу. Саша — щуплый, питается в основном бананами и печеньем. И не пьет. К тому же ростом он явно не Голиаф.

Второй костюм на мне смотрелся неплохо. Разве что немного жал под мышками. Но это можно пережить. Правда, рубашка, идущая в комплекте, потеряла былой лоск и превратилась из белой в желтую. А у фрака был надорван воротник... Но не беда. Жить можно.

Выплыл обратно.

— Ну как? — спросила меня женщина. — Сидит неплохо вроде.

— То, что надо. Только вот... Где взять цилиндр?

— Цилиндр? Ха! — она ударила себя по колену. — Такого у нас уже давно нет. Когда «Капитанскую дочку» снимали, все стырили.

— Цилиндры-то зачем?

— Не знаю. Может, хранят в них что?

Но без цилиндров — никак. Я точно знал это.

— А есть ли какие-то варианты? Может, где-то парочка цилиндров завалилась, а? Если вы понимаете, о чем я.

Женщина засуетилась.

— Понимаю, конечно, понимаю... Может, у гримеров что есть... Вы посидите здесь.

Она вскочила и убежала. А я остался один. Посреди всего этого великолепия.

Сел на лавку. На стенах висели плакаты с изображениями разных костюмов: Арлекин, мушкетеры, советские солдаты. И парочка советских агитплакатов: «Сон на рабочем месте на руку врага Отечества», например. И еще почему-то «Не перебегайте пути в неполюженном месте». Дождь вроде кончился, но было сыро. Непонятные блики играли на стене. Костюмы словно надвигались на меня...

Тут в костюмерную ворвался мужчина в ватнике.

— А где Михална? — спросил он.

— Ушла, — ответил я и добавил для солидности: — За цилиндром.

— Ясно. А ты из группы?

— Нет. Я так. Сажу здесь.

— А что в костюме?

Я уже и забыл, что я во фраке.

— Долго рассказывать.

Тут его лицо переменялось.

— А ты не Пушкин, случайно?

— Пушкин. Вернее — Онегин. Но, может, и Пушкин.

Он закурил губу.

— Тут идея одна есть. Пойдем с нами.

— Куда это?

— В мир кино!

Похоже, что парень не шутил.

— Слушайте, мне на работу надо... И вообще, я цилиндр жду.

— Мы тебе парик дадим. Пушкинский. И вообще, это ненадолго.

Пришлось ему поверить. Хотя верить и не хотелось.

— А что я Михалне скажу?

— Я с ней разберусь. Не ссы.

Я не стал ссать. Пошел за женщиной. Даже его спина демонстрировала адскую уверенность в собственных силах. В завтрашнем дне. В послезавтрашнем дне. Во всем.

Мы вернулись в помещение. Прошли несколько поворотов. Перед нами оказалась маленькая дверь, что-то вроде тайного хода в каморке у Папы Карло. Мужчина с таинственной улыбкой потянул ее на себя. За дверью открылась ели и не Нарния, то что-то на нее похожее. На полу лежал снег. Передо мной возвышался небольшой уютный особнячок синего цвета с мезонином. В пяти шагах от него стояла карета, запряженная парой гнедых. Прохаживались люди, одетые по пушкинской моде. У некоторых в руках были кофейные стаканчики.

— Это здесь фильм снимают?

— Сериал, — поправил меня мужчина.

— А я вам зачем?

— Массовка. Видишь, людей нет.

Люди, на мой взгляд, все же были. Но я не стал спорить.

— А это надолго? — спросил я, взглянув на часы.

— Нет. Мы же профессионалы.

Я стал задавать ему всякие другие, не менее важные, на мой взгляд, вопросы, но мужчина только отнекивался. Потом к нему подошел другой парень, весь обмотанный проводами, и мужчине стало не до меня. Мою персону передали из рук в руки симпатичной девушке с рацией. Рация трещала и шипела, но девушке было абсолютно все равно — она только обворожительно улыбалась.

— Что мне делать? — спросил я.

— Для начала расслабьтесь. У вас выражение лица напряженное.

От этих слов я только еще больше напрягся.

Девушка тем временем внимательно осмотрела меня.

— Вам бы цилиндр...

— Знаю. Но Михална подкачала.

Девушка понимающе вздохнула. Мол, знаю я эту Михалну. Ей только дай волю!

— Вставайте вон туда, — сказала мне девушка, — и прохаживайтесь.

— Что делать?

— Прохаживайтесь.

— Это как?

— Ну, гуляйте.

И я стал гулять. Ходил от особняка до кареты и обратно. Руки я заложил за спину. Это должно было придать мне вид задумчивый и деловой.

— Что этот мудило там прохаживается? — крикнул кто-то в мегафон. — Уберите его!

Меня убрали. Оказалось, это был режиссер. Я прохаживался в том месте, но не в то время.

Налетели какие-то барышни, словно феи, стали втирать мне в щеки какие-то масла... На голове у меня оказался вполне себе приличный цилиндр.

— А когда мне ходить? — спрашивал я у них. — Ходить когда?

Но барышни только смеялись.

Режиссер же все орал себе в мегафон какие-то матюги. Потом ему надоело, и он стал декламировать Маяковского. Потом это ему надоело тоже, и он снова стал материться.

Я же сел в углу на скамеечке, увешанной газовыми фонарями. И ждал. Наконец на меня обратил внимание режиссер.

Он подошел ко мне и приобнял за плечи. Действовал он не то чтобы аккуратно.

— Понимаешь, — сказал он. — Я за то, чтобы сбросить романтическую вуаль с этого романа. Давай смотреть на него через призму реализма. Онегин устроил провокацию, сделал это намеренно и цинично, а потом совершил убийство, тоже намеренно и цинично. А почему он это совершил? Неизвестно. Во всяком случае, сам автор ответа не дает. И тут мы должны проанализировать образ Онегина. Ведь с ранних лет он научился лукавить и лицемерить, прекрасно разбирался в людях и умел ими манипулировать. Верить этому козлу нельзя.

— Да, — сказал я, — безусловно.

— Ты пойми... Само отношение Онегина к жизни трагическое, он саморазрушением занимается, это человек апокалипсиса. Солнце гаснет... На первую репетицию я принес такой образ: солнце гаснет. В Онегине изначально нет тепла. Возможно, все стоит закончить его самоубийством... Ведь любви нет. Нет.

— Любви нет, — повторил я.

— Каждый, кто сталкивается с Онегиным, разрушается его холодом. Это даже страшнее, чем Дон Жуан. У него все от гордыни. Никакого романтизма! Когда он приехал в Петербург и увидел, кем стала Татьяна, он решил взять реванш.

— Конечно, — согласился я, — реванш!

— Но он не способен пройти через чистилище. Если думать, что он влюбился и приполз к Татьяне на коленях, получается какой-то бред. В Онегине нужно продолжать видеть Онегина...

Я достиг катарсиса.

— Согласен на все сто!

— Когда я крикну «Мотор», просто пройди правильно — от той вот метки, — он показал на пятно у особняка, — до вон той вот метки, — он указал на другое пятно, у кареты. Сделай это с чистым сердцем. Давай!

Я вернулся к особняку. Постарался очистить сердце. Получилось, более или менее.

— Мотор! — крикнул режиссер, — Поехали!

И я поехал. В смысле пошел. Телефон звонил в кармане, но я не обращал на это внимания. Только краснел, как дурак. Звук, понятное дело, подчистят при монтаже.

Мы записали еще пять дублей. Все вроде было удачно. Режиссер был мной доволен. Больше меня не материл.

— Следующая сцена! — наконец скомандовал режиссер

— Я свободен? — спросил я.

— Словно птица в небесах.

Я хотел попрощаться с девушкой и с мужиком в ватнике, но они куда-то скрылись.

Тогда я вышел в коридор и стал опять плутать. С шестой или седьмой попытки попал обратно, к Михалне.

— А я думала, ты сбежал, — обрадовалась она мне. — Сбежал — и бумаги оставил.

— Я на такое не способен, — честно ответил я.

— А цилиндр где взял? — спросила она и опять надула щеки.

— Дали на съемочной площадке. Надо бы вернуть.

— Вот мне и верни.

Я вернул.

— А вы цилиндр нашли?

— Нет.

— А дайте тогда этот.

— Не могу.

— Почему?

— Дефицит.

— Какой же я Пушкин без Онегина? В смысле Онегин без цилиндра?

— Не дам, — упрямо повторила старуха-процентщица.

— Ну и ладно, — сказал я, обиженно взял бумажки и ушел.

Поскольку ехать обратно в costume начала девятнадцатого века было все же странновато, я переоделся в местном туалете. Рядом со мной все это время молча курил какой-то хмурый тип. Он курил и косился на меня. А я молчал.

На обратном пути уже не было десантников, а вагоны ходили забитые под завязку.

Когда я вернулся в офис, все уже расходились.

— Да, — сказал босс, не скрывая разочарования, — в следующий раз я тебя за смертью пошлю. Тогда спокоен буду.

— Бросьте! Меня в кино пригласили. Вернее, в сериал.

— Как называется-то?

Я задумался. Черт его знает! Не спросил что-то...

— А Онегина, — сказал я, — нужно обязательно поставить. Я теперь все о нем знаю.

Я готов ему сопереживать, потому что он несчастен, но я ему не верю.

— Ты бредишь, что ли? — осведомился босс.

— Никак нет.

— Тут мы, кстати, о капустнике подумали. Не будем Онегина ставить. Сконцентрируемся на современном искусстве. Обыграем дуэль Оксимилона и Гнойного.

— Кто это?

— Рэперы какие-то. Парни говорят, сейчас модно.

— А костюмы? — обиделся я.

— Костюмы завтра обратно отнесешь. Только... давай-ка после работы.

И он грустно так на меня посмотрел.

Евгений ДЪЯКОНОВ

* * *

Во дворе под березками тонкими
Доминошники резво стучат,
Наполняясь нездешними токами,
Вспоминая детей и внучат.
А поодаль гуляют собачницы,
Алиментщики пьют втихаря,
Безобидно подростки дурачатся
Без царя в голове, без царя...
Все куда-то откуда-то тянется,
Открывая иные миры.
И лениво из спящего пьяницы
Пьют кровавый коктейль комары,
И прекрасны вы все и уродливы,
Я на вас не гляжу свысока,
Но нагрянут толпой иероглифы
Из неясного мне языка —
Угловатые, хитрые, дерзкие —
Обустроят себе здесь уют
И все песенки добрые, детские
Перепишут и перепоют.

* * *

Привет из детства: дача, огород,
Ворчанье взрослых, хныканье ребенка,
Смородина, теплица, у ворот —
Наш личный пруд, фугасная воронка,
Заполненная мутною водой
И кое-где поросшая осокой,
Она теряла связь с большой войной —
С войной на удивление далекой.
Ведерками ловили в ней мальков,
Бумажный флот испытывали там же,
В мечтах взлетая выше облаков —
Не жизнь, а приключение, Джуманджи,

Евгений Александрович Дьяконов родился в Ленинграде в 1989 году. Окончил СПбГУКИ, работает экскурсоводом. Публиковался в журналах «Москва», «Невский альманах», «Окно», в «Литературной газете», в альманахах и поэтических сборниках. Дипломант литературного фестиваля им. Н. Гумилева «Осиянное слово» (2016, 2017), участник литературной конференции им. Михаила Анищенко (Самара), победитель Всероссийских литературных фестивалей «Русские рифмы» и «Филатов-фест». Живет в Санкт-Петербурге.

Кругами расходилось по воде,
Но, как известно, рвется там, где тонко.
Теперь уже не сыщешь тех людей,
Кто вспомнил бы, что здесь была воронка...

* * *

Все, что было, исковеркав,
и несдержан, и плаксив,
я решил поехать в церковь
темной ночью на такси.
А при мне два чемодана,
в них — грехи ушедших дней.
На обочине — путана,
сутенер следит за ней,
тлеет в кабаке бандюга,
в подворотне бомж гниет.
По России воеет вьюга,
вьюга в лобовуху бьет.
А шофер неразговорчив,
не уснул бы за рулем,
воет волком в яме волчьей,
видно, кто-то и о нем.
Пребывает все в смятенье,
в белый саван облачась,
где же в этакую темень
Пастернакова свеча?

* * *

Вспоминая обиды и розни,
Намотав то, что надо, на ус,
на троллейбусе, вечером поздним,
по Большому проспекту качусь.
Ну а память субстанцией вязкой
забывает всю голову мне,
сколько ужасов было на Ваське!
Больше, чем на другой стороне
полноводной красавицы нашей,
может, остров и близок мне тем,
что, как смерть, неминуем и страшен
и спасителен, как Вифлеем.
Не уеду, не сдамся без боя,
оставаться ведь мне не впервой,
где в любовь уходил, как в запой, я,
и в стихи,
и в обычный запой...

* * *

Смотрю на них, глаза слегка прищурив,
не нарушая правил и границ:
с женой, с детьми, сидит на кухне шурин,
омлет вкушая из пяти яиц.
Играют дети, женщина смеется,
глава семьи в уме кроит бюджет,
а в форточку заглядывает солнце,
и деньги есть, и вроде горя нет.
Красивое, здоровое семейство,
почти святое, изучаю я;
сказать по-чесноку, за это действие
отдал бы и полцарства, и коня,
чтоб там же быть, без забулдыжной грязи,
без рифмованья кособоких строк,
чтоб слово было — просто средством связи,
друг с другом, а не с тем, чье имя — Бог.

* * *

Когда-нибудь за тридцать земель я,
Разбившись в кровь, уйду искать свой кров,
Не от стихов, скорее от похмелья.
Не от друзей, скорее от врагов.
Преодолев и время, и пространство,
И — что важнее — собственную речь;
Шампанское заменится шаманством,
В шаманстве не позволив душу сжечь.
И вот тогда я — в голубом берете,
В тельняшке, с «калашом» наперевес —
Останусь с вами только в Интернете,
А где ж еще, в отсутствие небес?

Билан ДЗУГАЕВ

АХМЕТ АХМЕТЫЧ ОТОШЕЛ

Рассказ

1

Ахмет Ахметыч протер красные глаза. До обеда оставалось еще минут сорок, и раскладывать пасьянсы на компьютере ему уже осточертело. Чем бы еще себя занять?

От социальных сетей, особенно от Инстаграма, он тоже устал. Люди, вопреки всякой логике, демонстрировали, как интересно и счастливо они живут. Казалось бы, если пригрел свое маленькое счастье, спрячь от завистливых глаз и береги. Ан нет, выставляют всё, чтобы ты залыкал их насмерть. А может, выставляют потому, что не настоящее? Кто будет кричать на всех углах, что нашел сокровище? Только мошенник. Поколение мошенников.

Сам Ахмет Ахметыч был далек от того, чтобы выкладывать свои фотографии. Он вообще не любил, когда его снимали. Длинный, неприлично худой, с большими глазами и выпирающими скулами на смуглом лице, себе он на снимках никогда не нравился, и будь его воля, вообще запретил бы фотографировать людей.

Ахмет Ахметыч оглядел свой кабинет, одновременно разминая мучимую грыжей шею. Лампа под потолком давала раздражающе тусклый белый свет. За большим, нестандартных размеров окном, выходящим на центральную улицу, упорно моросил дождь. Коллега куда-то запропастился, забыв на столе неутомимо вибрирующий телефон. Интересно, кому он так сильно нужен?

— Башир не у вас там? — просипел Ахмет Ахметыч в трубку, набрав общий отдел, что на втором этаже. — Ему тут звонят. — Голос от долгого молчания подвел, став чужим.

— Ахмет Ахметыч, ты? — весело прокричали в ухо, — поднимайся к нам, у Салмана день рождения, тут торт!

— Ага, сейчас подойду, — ответил он, кладя трубку. Он, конечно, не собирался наверх. Шум, гам, еще и поздравлять придется. Подбирать слова. Не любил он эти сборища. Обязательно начнутся шутки про имя... Имя-то у него хорошее, беда только, что у отца такое же было. Не принято у ингушей сыновей в честь отцов называть. Поэтому когда после университета он пришел сюда на работу и все прознали, что он по паспорту Ахмет Ахметович, отчество вопреки нормам ингушского разговорного этикета намертво прилипло к имени. Теперь никто уже не обращался к нему иначе

Билан Бисланович Дзугаев родился в 1987 году в городе Таганроге. Окончил Государственный университет управления Москвы по специальности «юриспруденция». Участник Форумов молодых писателей в 2014 и 2015 годах. Публиковался в сборнике «Новые писатели-2015». Повесть «Стон земли» издана книгой в Ингушетии в 2017 году и попала в шорт-лист Международной премии им. Ф. Искандера в 2018 году. Живет в городе Сунже.

как «Ахмет Ахметыч». Впрочем, утешал он себя, с возрастом это будет не так уж нелепо. Да и грех жаловаться, все-таки надо гордиться, что носишь имя отца. А люди всегда найдут повод позубоскалить.

И поэтому очень кстати, что его кабинет — на первом этаже. Не надо подниматься, ни с кем лишний раз сталкиваться. Зашел в железную дверь входа с улицы, и буквально через пару шагов ты в кабинете. Какое-никакое, а все-таки убежище.

Наконец наступило святое для госслужащих время обеда. Ахмет Ахметыч вышел из здания, и, поеживаясь от холода и мороси, побрел к банку. Мать попросила отправить деньги тете, что жила в Ставрополе. Что это за деньги, зачем их отправлять и так далее — Ахмета не интересовало. Надо так надо. К его радости, очередей к банкоматам практически не было. Видимо, потому, что сегодня все три исправно работали, какая неожиданность.

Его очередь быстро подошла, и пока он шарил в карманах в поисках пластикового прямоугольника, стоящий сзади мужчина, тронул его за плечо.

— Ты не мог бы мне помочь? — обратился он по-ингушки. — Я карту дома забыл, а мне денег нужно перекинуть.

— М-могу, — ответил Ахмет Ахметыч, чуть помешкав. Вот так с ходу причина для отказа не нашлась в его голове. Мужчина не вызывал каких-либо подозрений, лет пятидесяти, высокий, даже выше него, седой, в традиционной тубетейке. Зубы только нехорошие — железо да кое-где золото. И сам он был как старое железо, лицо серое, куртка выцветшая, серые волосы, что-то между черным и седым.

— А кому отправляете? — заставил себя спросить Ахмет Ахметыч.

— В Волгоград. Услугу одну хотел оплатить. Тут немного, семьсот пятьдесят рублей.

Потыкав пальцем по непослушному экрану, Ахмет Ахметович попросил продиктовать номер карты. Мужчина продиктовал, а затем уточнил:

— Ну что, «Юлия Анатольевна» высветилась там?

В самом деле, экран показал, что перевод будет осуществлен некой Юлии Анатольевне К. После чего машина деловито втянула мятые купюры.

«Никогда не переводите денежные средства незнакомым вам людям» — предупредил банкомат перед тем, как Ахмет Ахметович нажал кнопку подтверждения. Деньги ушли. «Выдать чек?» Ахмет Ахметыч снова ткнул, слегка ушибив палец. Аппарат выплюнул тонкую бумажку. Ахмет Ахметович постеснялся при мужчине забрать чек себе, поэтому он просто положил его на клавиатуру банкомата.

— Спасибо, выручил, — поблагодарил мужчину, а затем, быстро протянув длинную костистую руку, забрал чек и сунул его в карман куртки.

— Да не за что, — только и успел ответить Ахмет Ахметыч, когда проситель уже вышел из здания банка.

2

На работе все было, как обычно, тихо. Башир сидел в кабинете, читая что-то на экране монитора.

— Торт тебе принес, — кивнул он на стол, — че не поднялся?

— Да не успел как-то...

Ахмет Ахметыч снял мокрую куртку и, повесив ее на вешалку, двинулся к своему креслу. Кресло это, надо сказать, по всей видимости, задумывалось изготовителем удобным и деловым, но за годы использования обрело свой довольно скверный характер. Оно то слишком высоко поднималось, то чересчур резко опускалось к полу, не говоря уже о таком его качестве, как феноменальная ускользаемость. Ахмет Ахме-

тыч не был уверен, что такое слово существует, но был уверен, что оно точно отражает ситуацию: стоило за работой слегка пошевелить ногой, как его тут же укатывало куда-то в сторону от стола. Впрочем, Ахмет Ахметыч был не из тех людей, кто рвется преодолевать препятствие, едва оно покажется на горизонте. Более того, у него было такое выдающееся и необходимое для нашего времени качество, как умение быстро ко всему привыкать. Поэтому еще вчера неудобное кресло сегодня становилось родным и даже необходимым в хозяйстве, попадая в светлый круг привычного, а значит, безопасного. А робкие попытки выпросить у начальства новое кресло Ахмет Ахметыч быстро оставил.

— Там начальник просил тебя почту глянуть.

— Что на этот раз? — только бы не очередной зубодробильный отчет. Он еще не отошел от предыдущего задания. В прошлый раз ему ни много ни мало поручили перепечатать и отсканировать кучу старой архивной документации, с годов аж тридцатых, сотни томов. Ахмет Ахметыч переписывал эти данные почти три недели и вот наконец закончил пару дней назад. Он заслужил отдых. Он имеет на это право! Впрочем, глубоко в душе Ахмет Ахметыч чувствовал удовлетворение, работа ему понравилась. Было приятно сидеть в архиве, ни с кем не разговаривать целыми днями, читать о делах и людях, которых давно нет на свете. Ахмет Ахметыч подозревал, что начальник нарочно поручил это дело именно ему, как человеку наиболее подходящему.

Он открыл письмо. Ну конечно! Снова отчет. Не таблицы, а прямо сизифов труд. Ахмет Ахметыч заполнял их не меньше десятка в месяц, в полной уверенности, что их никто и никогда не читает. И слава богу. Сводный мониторинг утвержденных в предыдущем полугодии нормативных актов в сфере развития коммунального хозяйства? Не вопрос, что бы это там ни значило. Таблица проведенных проверок среднеобразовательных учреждений в части качества школьного питания за третий квартал? Щас сделаем! Ну и так далее.

Следующий час он заполнял таблицу. Дело нехитрое. Голову включать нужно, как при вождении автомобиля по давно известному маршруту. Корректируешь курс, и снова на автопилот.

Таблицу прочерчивали четырнадцать столбцов по вертикали и десять строк по горизонтали. Показатели необходимо было выставить по сравнению с тем же кварталом, но только прошлого года. Если совместить данные...

«Не переводите средства незнакомым вам людям», — вспомнил он, замерев. А ведь именно это он и сделал. Перевел деньги незнакомому человеку. А вдруг это подстава? Не забыл он никакую карту, наверняка хотел скрыть след. Вдруг он перевел деньги террористической группировке? Да ну... террористическая группировка по имени «Юлия Анатольевна»? Ерунда!

Так, нужно поднять отчет за прошлый год. Должен быть на компе. Или в локальной сети. Там точно будет.

А что если «Юлия Анатольевна» — это просто грамотное прикрытие? Но семьсот пятьдесят рублей? На такие деньги и пенсионер-то не проживет, не то что террорист.

Он сказал: в Волгоград. Почему Волгоград? И что это за услуга, которую надо оплачивать не организации, а человеку?

— Эй, чего завис?

— А?

— Случилось чего? Ты сегодня молчаливей обычного, — оказывается, Башир какое-то время наблюдал за ним. Эх, были времена, когда он сидел в кабинете один.

— Да так, задумался.

— Слишком много думаешь, старина. Заканчивай работу, сегодня начальник пораньше уходит, а за ним и мы с тобой потопаем.

- А ты свои данные сюда вобьешь?
- Да зачем? Ты же можешь мои вбить? Тебе ж не трудно?
- Да нет, но...

А все-таки... Вдруг он послал деньги себе на беду? Надо было отказать. Сказать что-нибудь вроде: прошу прощения, но это не моя карта, а с чужой карты мне неудобно переводить. Что-то в этом роде.

А если завтра за ним придут? Он выглянул в окно, серые тучи нагоняли тревогу.

Ахмет Ахметович представлял, как следователь расспрашивает его о переводе.

«Да, незнакомый мужчина. Подошел и попросил. Ранее не видел. Да, сказал за услугу или услуги. Юлия Анатольевна. Нет, я не знал, зачем ему. Почему не отказал? Неудобно было... Вы должны понять, что я не виноват, это же наши обычаи, как отказать старшему?..»

— А вы почему торт не едите, он домашний, — голос Ады прервал его мрачные размышления. Когда она успела войти? Ахмет Ахметыч уловил легкий аромат духов.

— Ахмет Ахметыч, все хорошо? Что не в настроении? — Ада улыбалась, что-то поправляя на столе Башира.

— Да все нормально, ночью мало спал, да и отчеты эти...

— Кушать надо больше, и так уже тощий, не кормят тебя дома, что ли?

— Некому пока кормить, — сказал Ахмет Ахметыч, чувствуя, что краснеет.

Башир засмеялся. Ада что-то еще говорила, но Ахмет Ахметыч не слушал. Всегда так, почему-то при виде Ады он конфузился и говорил невпопад.

— Ну ладно, не буду вам мешать... попробуйте торт, наконец, — добавила она за чем-то в конце и ушла, деликатно прикрыв дверь.

— Жениться тебе надо, старик, — промышчал Башир, жуя угощение, — не маленький уж, двадцать пятый год пошел, а все в уклонидах.

— А на ком?

— Да хоть бы на Аде, — ответил Башир и снова захохотал. Он, конечно, давно понял, что бойкая Ада из канцелярии приводит Ахмета Ахметыча в душевный трепет.

Явление Ады на какое-то время рассеяло смутную тревогу, и он, сделав над собой усилие, смог докончить отчет. Последние цифры он взял с потолка, так как в прошлогоднем отчете в нужных графах почему-то стояли прочерки.

3

Ночью он внезапно проснулся. Потом долго ворочался в постели, чувствуя, как беспокойство завладевает всем его существом. Что-то не давало покоя, что-то произошедшее сегодня, но он не помнил, что именно. Так бывает, когда думаешь о чем-то неприятном, а потом, отвлекшись, забываешь. Но сознание почему-то возвращает тебя в прошлое, слепо шарит где-то в голове, пытаясь нащупать оборванные нити мыслей. Ты этому сопротивляешься, но оно упорно продолжает. Как будто отколупываешь засохшую корочку с царапины: болезненно, но не можешь остановиться. Вот и здесь: разум пытается восстановить свою работу, откатываясь назад к точке обрыва, и, возможно, в этом для него приятность, но ты бы предпочел не вспоминать, пребывая в блаженном неведении.

Может быть — это такой защитный механизм сознания, чтобы не дать человеку фантазиями и самообманом закрыться от опасностей, требующих, чтобы их немедленно избежали.

Он вспомнил, чувствуя, что холодеет. Банкомат. Мужчина с железными зубами. И руки, длинные руки.

Да ладно. Это ж полный идиотизм. Ну, отправил деньги... В самом деле, он же ничего такого не совершил. Даже если (просто гипотетически) деньги ушли экстремистам, он-то ни при чем. А надо было все-таки отказать. Вежливость вежливостью, но нынче времена другие. Можно подвезти человека, а позже окажется, что это был террорист. А ты теперь соучастник. Или передать кому-нибудь пакет, и все, ты пособник. Даже если оправдают, все равно попадешь во множество черных списков. Не сможешь устроиться на работу, не сможешь открыть счет в банке, не сможешь вести бизнес. Чуть что, про тебя вспомнят и припомнят. Привлекут и прикуют. Жизнь сахаром не покажется. Убьют, и докажи, что было не за что. Ты будешь всегда мертв и всегда не прав.

Так что лучше поменьше заниматься альтруизмом. Все. Больше он такой глупости не совершит. Один раз оступился, со всяким бывает. Больше не повторится. Никогда. Негативный опыт — тоже опыт. Он извлек свой урок. Это только на пользу. Да, все, что не убивает... С этими мыслями он провалился в сон.

Снились ему железные зубы. Серый человек куда-то звал. Он отказывался. Серый тянул его. Тогда пришла мама и сказала не ходить. Но он почему-то не смог не пойти. Серый его повел, и они оказались в комнате. Там сидел следователь, тоже серый, и нужно было правильно отвечать на вопросы, чтобы попасть в следующую комнату. Вопросы он не помнил, но, кажется, отвечал правильно. Железные Зубы торопили. Теперь Ахмет тоже это чувствовал. За ними кто-то шел. Что-то темное, тень. Она преследовала и ни в коем случае не должна была их догнать. В следующей комнате они встретили Аду, но звали ее почему-то Юлия. Она улыбалась и тянула к нему руки, но когда он подошел к ней, она вдруг вцепилась в него и не отпускала, не отпускала, пока тень не вступила в комнату.

Рано утром Ахмет Ахметыч, как обычно, поплелся на работу. Ходил он пешком, ведь администрация буквально через квартал. Ахмет любил приходить на работу раньше всех. Можно было ни с кем не здороваться. Спокойно попить чай. Не слушать болтовню Башира. Просмотреть новости. Полистать ленту в телефоне. В очередной раз обжить этот уголок, называемый его кабинетом.

Подходя к зданию, Ахмет заметил припаркованную неподалеку черную «приору», без номеров, с тонированными стеклами. Ахмет не мог разглядеть, кто сидит в машине, но было ощущение, что за ним наблюдают. Ускорив шаг, он быстро прошмыгнул в железную дверь.

В кабинете, прежде чем снять верхнюю одежду, он подскочил к окну и, осторожно раздвинув жалюзи дрожащими пальцами, выглянул на улицу. Машины не было.

4

Башир на работу не явился. Ничего необычного. Он часто отпрашивался. В общем-то, хороший парень, только работой не интересуется. Впрочем, Башир пользовался тем, что Ахмет Ахметыч всегда прикроет, подчистит хвосты, закроет долги, одним словом, сделает как надо за них обоих.

Ахмет Ахметыч не верил в существование закона подлости, но вот именно сегодня трепотня Башира ему совсем не помешала бы. Он был даже не прочь послушать про машину Башира («солярис», старина, это хоть и не зверь, но надежная лошадка. Да, у нее есть болезни, рулевая колонка... и окно лобовое запотеваает...), про его стройку (ты прикинь, в Хасав-Юрте почти на сто рублей дешевле ламинат. И восьмерка, и двенашка! Хотя у нас в Слепцовске дешевле, чем в Назрани. Все равно, если оптом брать плитку и ламинат, лучше туда ехать...), про что угодно, лишь бы сегодня не сидеть одному.

Может, подняться к Аде? Сделать вид, что кончилась бумага... Поговорить. Нет, придется общаться с остальными. И торт он не съел, а вдруг она про него спросит? Хотя день рождение-то не ее, какое ей дело вообще? Ахмет Ахметович не мог ей объяснить, что он не любит есть то, что не приготовлено дома. Мало ли, что там добавлено. Да и вообще. Всякое бывает. Или когда его несли, чей-то волосок мог туда упасть. Или резали немывтыми руками. Или... да и мама советует не есть чужое.

На улице просигналили, заставив его вздрогнуть. Он снова, почти на цыпочках, подкрался к окну и медленно выглянул. Оказалось, что это просто машина начальника. Наверняка спросит, как там с отчетом. Нужно перепроверить. Нужно отвлечься.

На какое-то время он снова погрузился в рабочую рутину. Закончил только к обеду. Ахмет решил прогуляться, подышать осенним воздухом. Погода на улице наводила грусть, небо угнетало неподвижной тяжестью, холодный ветер пробирался под легкую болоньевую куртку.

Почему вчерашний случай так беспокоит его? Он же все-таки мужчина. Он поступил как должно, из чувства вежливости (или просто не нашел в себе воли отказать — подсказал голосок в глубине души). Он поступил как должно, — упрямо повторил он про себя, а там будь что будет. Мама говорит, что это было любимым выражением отца. Отец пропал в девяносто третьем. Поехал в Пятигорск навестить деда в больнице и не вернулся. До деда он не доехал. Потом долго искали, но так и не нашли. Свидетели рассказали, что его сняли с машины вооруженные люди и, затолкав в другую машину, увезли с собой. Кто-то потом подбросил во двор записку: «Он умер, не ищите». Бабушка с дедушкой еще лет десять ходили по инстанциям, что у нас, что у соседей. Умоляли отдать им хоть тело сына, чтобы похоронить по-человечески, но тщетно. Сам он отца никогда не видел. Родился через несколько месяцев после его исчезновения. И назвали его в честь отца. Одного Ахмета Бог забрал, а другого — дал, — сказал тогда дед.

Вечером, перед уходом домой, он, как обычно, просматривал ингушские новостные сайты. Среди бодро-фальшивых сообщений о сходе местных жителей Гамурзиева и приездом главы республики в какую-то школу, мелькнула новость, которая привлекла внимание Ахмета к себе. Ростовский гарнизонный суд осудил группу участников незаконного вооруженного формирования *и их пособников* на длительные сроки тюремного заключения.

Но он же не при делах. Он ничего не сделал. Вот уже четыре года он утром приходит на работу, а вечером — домой. И все. В мечети он нечасто бывает. А если видит каких-нибудь парней с бородами, обходит их за километр. Ему с детства вдальбивали, что он один в семье и должен себя беречь. Так что даже если что не так, то там разберутся и отпустят. Пусть посмотрят, чем он живет, чем занимается. Пусть проверят его телефон. Он ни в чем не замешан, даже близко ни к чему такому не подходил.

А все-таки если один раз зацепят, потом не отмахнешься. Двоюродный брат как-то на свадьбе общих родственников рассказывал, что по всей России судебная система работает с обвинительным уклоном, и если на тебя завели дело, то осудят с вероятностью чуть ли не девяносто девять процентов. Оправдательных приговоров практически нет.

— Как же так, — спросил он тогда брата, — а если выяснится, что человек не виновен? И тогда осудят?

Брат рассмеялся.

Домой Ахмет шел украдкой, оглядываясь по сторонам. Мало ли.

Ночью мучили кошмары. Он несколько раз просыпался. Чувство тревоги во сне не отпускало, наоборот, только усиливалось. Несколько раз он вставал, пил воду. Ка-

залось, что-то навалилось на грудь и мешает нормально дышать. Глубоко вдохнув-выдохнув, прочитав все известные молитвы, он снова ложился спать.

Утром Ахмет решил идти в полицию. Серое здание находилось буквально в квартале от администрации. Он шагал стремительно, лишь на мгновения задерживаясь, чтобы обойти очередную бессмертную лужу.

А что он им скажет? Я хочу заявить о потенциальном преступлении? Звучит, как в кино. Хочу заявить о возможном... О чем? Что он действительно знает? Надо было распечатку с банка взять. А вдруг это просто безобидный перевод и он подставит незнакомого человека? Да ладно, если там ничего криминального... а если они все равно его свяжут с этим? Организованная группа. Он пришел помочь, а они его все равно пришлют к делу? Или как там они говорят...

Подъезд к районному отделу с обеих сторон улицы был перекрыт бетонными блоками. Это еще ничего, после того нападения в 2004-м здесь вообще БТРы стояли и солдаты в касках с пулеметами. Умертвили весь район — местные магазины, кафе, ателье — все позакрывалось в те годы.

Он прошел через узкий вход мимо блоков и двинулся к дверям.

— Эй, эй, — послышалось сзади. Из будки выбежал молодой парень в камуфлированной форме и с автоматом наперевес, — ты куда идешь?

— Я? Я просто мимо. Мне на ту сторону улицы.

Парень оглядел его снизу вверх и молча вернулся в будку, а Ахмет, как дурак, поперся мимо отдела к противоположному концу квартала, чувствуя себя как магазинный вор, проходящий мимо пикалок на выходе. И почему он так ответил? Ладно. Позже он наберет двоюродному брату и проконсультируется.

У входа в администрацию снова стояла та черная «приора». Сердце Ахмета тяжело застучало.

— Ты не знаешь, что это за машина? — спросил он у охранника, оторвав того от телефона.

— Понятия не имею, ментовская, наверное, — беспечно отвечал охранник, — только они с затемненными окнами и без номеров будут ездить.

Ответ охранника только усилил беспокойство Ахмета.

На этот раз, когда он выглянул из кабинета в окно, машина все еще стояла. Это, наверное, не к нему. Может, полиции удобно здесь парковаться, так как перед самим отделом нет места. Но Ахмет сам себе не верил. Не надо было делать этот перевод. Там же написано для дебилов: «Не переводите деньги незнакомым лицам». Четко и ясно! Не переводите! Мы вас предупреждаем! Не делайте этого! Не создавайте себе проблем! Будьте бдительны! Будьте осторожны! Не верьте никому! Не...

— Ты чего там бормочешь? — Башир внимательно глядел на него с другого конца стола, — заболел, что ли? Бледный какой-то.

— Все в порядке. Ты не мог бы посмотреть в окно? Черная «приора» стоит там?

— Зачем это?

— Ладно, забей.

Ахмету Ахметычу вдруг захотелось уйти. Сидеть он не мог. Тяжело дыша, он встал, воздуха не хватало.

— Мне надо выйти.

Но, не доходя до железной двери на улицу, он остановился. Они наверняка стоят там.

Тут он вспомнил, что хотел позвонить брату. Он набрал номер. Пошли гудки. Они же могут слушать — молнией мелькнула мысль, и он быстро отключил телефон. Нелзя звонить, он сам себя сдаст. Стерев выступивший на лбу пот, Ахмет вернулся в кабинет. Башира не было. Ахмет налил себе из чайника воды и залпом выпил. Легче

не стало. Он себя накручивает. Все это полный бред. Ему нужно успокоиться. Он не сделал ничего такого. Он...

— Ахмет, там один тип в форме пришел, тебя спрашивал, — сказал Башир, входя в кабинет.

— Чего хочет? — прохрипел Ахмет онемевшим ртом.

— Да не знаю, встретил его у дверей, сказал — сейчас приду и покажу твой кабинет. Я все равно уходить собирался, дай, думаю, куртку возьму. Ну так че, привести его?

— Ага...

Только Башир вышел в коридор, как раздался звон бьющегося стекла. На мгновение замерев, Башир рванул обратно. Кабинет зиял разбитым окном. Кресло, в котором только что сидел Ахмет, лежало, отброшенное, на полу. В кабинете было пусто. На мгновение Баширу показалось, что в окне, он увидел бегущую вдалеке, среди припаркованных машин, фигуру. Башир моргнул, и фигура исчезла.

— Что это было? — спросил мужчина в полицейской форме, выдергивая Башира из ступора.

— Не знаю... — отвечал он, с трудом отводя взгляд от терзаемых холодным ветром жалюзей.

— Вам в окно камень, что ли, бросили? А вообще, где Ахмет Ахметыч? Мне сказали — он в отчетах разбирается.

— Отошел.

Игорь АНДРЕЕВ

РАССКАЗЫ

ПРОЖИГАТЕЛИ ЖИЗНИ

Мы познакомились с Кешей во французском бутике ароматов, где работали консультантами. Он был спортивным блондином с элегантной щетиной на лице. Жил в районе «Курской», ездил на спортивной «audi» и давно встречался с девушкой-моделью.

Мне сразу понравился этот парень. В нем чувствовалось что-то настоящее, искреннее. Мы быстро подружились. Работа вместе шла веселее. Мы много смеялись и не забывали знакомиться с красивыми клиентками.

По вечерам вместе с Кешей мы прогуливались в районе Арбата, Остоженки и Пречистенки. Иногда сидели в небольших барах или рестораничках, курили кальян. Либо просто гуляли.

Именно здесь мне было суждено повстречать любовь.

Июльский вечер дышал теплом. На Арбате гуляли туристы из самых невероятных стран: от Африки до Джакарты. В каждом кафе столики были заняты. Люди общались, пили напитки и ели. Словом, наслаждались последними летними деньками.

Однако стоит немного отойти от оживленного Арбата, как попадаешь совершенно в другой мир. Здесь всегда было очень спокойно и немногочленно. Лишь иногда встречались пары и одинокие прохожие, которые неспешно шли куда-то по тихим дворикам.

Мы фоткались в Молочном переулке, когда увидели двух милостивых девушек. Они заметили, что мы смотрим на них, и стали улыбаться. Выяснилось, что одну из девушек звали Алина. Она жила в одном из самых роскошных жилых комплексов «Золотой мили» на Остоженке. Говорили, что ее папа — вор в законе. Однако я не знал, правда это или нет.

Как вчера, помню тот ласковый вечер. Где-то вдали слышался шум невидимого фонтана. Алина была тонкой и ухоженной блондинкой с длинными волосами. В каждом ее жесте сквозила удивительная грация. Красотой ее хотелось любоваться бесконечно.

Мы разговорились. Кеша соврал, что в детстве жил на этом самом месте, в коммуналке. А затем его дом якобы разрушили, и он переехал с родителями на «Курскую». Врать он умел убедительно, и поэтому девушки, не сговариваясь, поверили.

Мы болтали о выставке Бэнкси, которая недавно открылась в Новой Третьяковке, о современном искусстве. Вышли на набережную. Здесь пахло влагой, и все вокруг было освещено яркими фонарями. От окружающей красоты захватывало дыхание.

Игорь Александрович Андреев родился в 1986 году в Уфе. Окончил факультет философии и социологии Башкирского государственного университета. На страницах международного медиапроекта «The Epoch Times» опубликованы его рассказы «Порванные цепи» и «Сказки осени». Живет в Москве.

Небо расцветил салют. В этот миг я понял, что случилось нечто важное. Словно волшебный призрак проскользнул между мной и Алиной. Позднее я часто вспоминал тот миг, и он казался мне началом чудесной сказки.

Мы встречались с Алиной несколько месяцев. Ходили гулять в парк, бывали в ресторанах, кино. С каждым днем я ощущал, как наши чувства крепнут. Вскоре мы решили жить вместе и поселились в дореволюционном доме на Пречистенке. С Кешей я тогда уже почти не общался.

Дом был огромный, с толстенными стенами. Соседями были видные ученые, московская интеллигенция. Высокие окна смотрели во двор, поэтому вид был не столь романтическим, как хотелось бы. Однако напротив располагалась пекарня, и аромат свежей выпечки по утрам просачивался к нам, возбуждая аппетит.

Был только один минус. В подвале дома водились крысы. Иногда они пробирались и к нам. Один раз крысы даже съели мыло Алины, которое она оставила на полке.

Нам было хорошо вместе. Мы ходили в театры, музеи, встречались с друзьями. По вечерам засиживались в небольшом кафе. С отцом Алины мы также познакомились. Это был солидный поджарый мужчина. Вечно занятой. Он поочередно ездил на нескольких машинах с охраной. Главным для него было счастье любимой дочери. Поэтому он особенно не старался ко мне приглядываться и анализировать меня. Кроме того, меня с его дочерью роднило то, что мы вместе занимались медитацией и спортом.

Все шло гладко, и я уже подумывал о свадьбе и детях. Как вдруг...

Мы опять засиделись в кафе, пили вино, болтали. По дороге домой почему-то захотелось рассказать друг другу о своей прошлой интимной жизни. Я вспоминал своих бывших девушек. Алина — свою прошлую жизнь. Все, что было до меня. Оказалось, что Алина долгое время встречалась сразу с двумя мужчинами. Один из них был женат. Это глубоко ранило меня. Алина была таким тонким, возвышенным человеком. Мне показалось невероятным то, что она могла так поступать.

Несколько дней я ходил сам не свой. Было пасмурно на душе. В конце концов я не выдержал и позвонил психологу. Тот посоветовал поговорить с девушкой. После того как я выговорился, немного отлегло.

Но вот случился новый удар. Через несколько дней Алина оставила дома свой ноутбук. Я машинально открыл его. И вдруг пришло сообщение. Моему удивлению не было предела. Оно было от Кешы. Он писал, что скучает, хочет увидеть Алину. Я не мог поверить своим глазам.

Вне себя я немедленно позвонил Кеше и грозно спросил о переписке с девушкой. Он как-то сразу сник. Я долго кричал, и мы, в итоге условились встретиться в кофейне.

Несмотря на раздражающие меня эмоции, встреча прошла вполне мирно. В «Шоколаднице» пахло кальяном, свежим кофе и еще чем-то до боли знакомым. Это навевало воспоминание о наших с Кешей посиделках.

Кеша оправдывался, рассказывал, что с Алиной они переписывались давно исключительно в дружеской форме. Почему-то ему хотелось верить. К тому же он подтверждал свои рассказы многочисленными убедительными фактами.

Мы расстались друзьями. И крепко пожали друг другу руки. Вечер был изумителен. В воздухе ощущалась ранняя весна, и все вокруг оживало. Я был рад, что все хорошо закончилось. Теперь оставалось поговорить с Алиной.

Вопреки моим ожиданиям, Алина отреагировала очень бурно. Кричала, ругалась, обвиняла меня в том, что я контролирую ее. Я, конечно, оправдывался. Говорил, что

увидел сообщения абсолютно случайно. Она ничего не хотела слышать. В какой-то момент я понял, что ее невозможно убедить. Ей был неприятен даже звук моего голоса.

Я вышел из дома. В голове роились самые невероятные мысли. Я опять вспомнил ту роковую переписку с Кешей. Я засомневался. А может быть, что-то все-таки было? Захотелось опять выговориться. И я набрал номер отца Алины — Бориса.

В трубке раздались протяжные гудки. Они прервались, и послышался спокойный голос.

— Алло, — сказал он.

Приукрашивая, я эмоционально обрисовал Борису ситуацию. Рассказал и о ее переписке с Кешей, и о нашей ссоре. Борис был краток и, даже не дослушав меня, оборвал на полуслове.

— Разберемся, — сухо сказал он.

Мы попрощались. Внезапно я почувствовал, что давно мерзну на лавочке, и направился в сторону дома. Там меня ждала заплаканная Алина. Мы обнялись и тут же помирились.

Через несколько дней стало известно, что Кеша пропал. Мне встревоженно звонили его родители. Потом друзья. Я ничего не мог им сказать.

Прошел месяц. Весна сменилась дождливым летом. Кешу так и не нашли. Мне казалось, что я посвящен в какую-то трагическую тайну, о которой лучше молчать. Борису я больше не звонил. А с Алиной у нас отношения наладились, и я опять стал думать о свадьбе.

О Кеше я больше так ничего и не услышал. Кто-то говорил, что его тело нашли где-то в Подмоскowie. Но я не хотел в это верить.

Однажды вечером я гулял близ Арбата. Оказавшись на Остоженке, я вдруг ощутил невероятное одиночество. Вокруг роскошные старинные здания, дорогие машины, красивые рестораны. Но людей не было.

Я коснулся холодного камня, и мне показалось, будто холод проник в меня. В отдалении я заметил купола храма Христа Спасителя. Вновь вспомнил Кешу, и мне захотелось горячо помолиться за него.

Через полгода мы с Алиной расстались. А еще через год оказался в тюрьме ее отец Борис. Больше с ними мы никогда не встречались.

ГОРОДСКИЕ ЗАРИСОВКИ

10-е годы. Они уже почти подошли к концу. Я знаю, что скоро они скроются за невидимой завесой...

Память — удивительная вещь. Проходит год-два, и навсегда забываешь о том, что когда-то было так важно и интересно. Время, подобно морским волнам, стирает рисунки на песке, оставляя гладкую влажную поверхность для нового творчества. На ней можно снова рисовать, строить замки, но следующий прибой навсегда уничтожит и эти произведения.

Иногда из глубоких, потаенных уголков всплывают удивительные сокровища — воспоминания. Они туманны и всегда чем-то приукрашены. И мы смеемся, плачем, тихо улыбаемся, вновь переживая события нашей безумной-безумной-безумной жизни.

Каждая секунда жизни человека бесценна. Любой миг больше не повторится. Ты отдыхаешь в деревне, вдыхая волшебный запах свежего сена, гуляешь по Арбату или

лежишь на жарком тропическом пляже... Кажется, что в жизни еще будет много сена, тропиков и красивых старинных улиц. Но это не так! Знайте, что это были самые восхитительные моменты вашей жизни... А вы их даже не заметили.

И вот 10-е годы уже почти пролетели. Скрылись где-то очень далеко. Но мы будем помнить их. Это было время цензуры, Навального, безумных московских тусовок, проблем на Украине и еще Бог весть чего.

Но самое главное, это было время, когда мы становились дружнее и стремились к чему-то большему. Каждый к своему. Воплощали наши надежды и мечты, проходя через хитросплетения судьбы. И, самое главное, пережили все это вместе.

Москва. Где-то часов двенадцать вечера. Я медленно шел, минуя Красную площадь и ГУМ. Было довольно прохладно. Холодный воздух щипал щеки и губы.

Возле ГУМа фотографировались туристы из Казахстана, в капюшонах. Один из них испытующе посмотрел на меня и медленно улыбнулся. Я ответил улыбкой.

Прошло еще несколько молодых парней в простой одежде, которая, казалось, была им совсем не к лицу. Они ни на кого не смотрели, лишь осторожно переговаривались между собой.

Москва — город контрастов. Иногда едешь в метро и чувствуешь запах дерьма вперемишку с дорогими «Louis Vuitton». А порой видишь бомжей в кроссовках «Prada».

В Столешниковом переулке близ бутика «Versace» к тебе иногда подходят люди неряшливого вида и просят деньги на проезд, называя братаном.

В витринах ГУМа, словно в аквариумах, выставлены знаменитые дорожные сумки «Louis Vuitton», дорогие платья, игрушки, разные аксессуары. Каток на Красной площади безлюден. Громко звучит спокойная итальянская композиция. Казалось, жизнь ушла отсюда, чтобы вернуться вновь вместе с первыми лучами солнца.

Я шел быстрым шагом. Кремль возвышался надо мной, подобно исполину из старинных сказок. Мне было одиноко. Это было одиночество больших городов. Иногда оно буквально рвет душу. Но потом смотришь на огни, пешеходов и понимаешь, что вовсе не так одинок.

Потом раздается звонок, тебя приглашают куда-то, и это чувство сразу уходит. Забывается. Но иногда возвращается как напоминание судьбы. Наверное, напоминание о том, что ты можешь стать лучше и добрее.

Александр ВИННИЧУК

РОССИЯ МЕЖДУ ЛОКАЛЬНЫМ И ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫМ

Критика исторического опыта

История России изобилует резкими поворотами, переменами в системе ценностей и устройстве общества. Страна не раз разрушала сложившийся жизненный уклад, ниспровергала негодных вождей, но неизменно оказывалась еще больше отброшенной в прошлое. Позитивный эффект перемен становился лишь передышкой на пути к новым катаклизмам. Причины такого «особого пути» никогда не получали однозначного объяснения, вынуждая смиренно согласиться с тютчевским «умом Россию не понять».

Ответ на вопрос, почему происходят те или иные события в истории страны, следует начинать с характеристики субъекта этой истории, то есть общества и людей, его составляющих. Российское общество характеризуется рядом феноменов, которые на каждом из этапов в большей или в меньшей степени отражали его социокультурную специфику. Речь в статье пойдет о наиболее устойчивых признаках, зародившихся в древности и прошедших через все циклы исторического развития.

Решающим фактором для развития общества, определяющим его историческую динамику, является не развитие экономики, техники или технологии, а перемены в нравственном основании. Нравственность является основой и формой любой культуры, объединяющим общество элементом и программой его развития. В «Философских письмах» Петр Чаадаев говорит о цели и смысле истории как о «великом апокалиптическом синтезе», когда на земле установится «нравственный закон»¹ в рамках единого планетарного общества.

Даже политические требования, выдвинутые протестующими на Болотной и Сахарова в декабре 2011 года, носили не политический характер: они связаны не с удовлетворением конкретных политических или экономических интересов, а имели исключительно нравственное основание. Иными словами, это как раз те требования, которые власть не в состоянии удовлетворить. Именно невыполнимость требований протестующих — главный успех (и одновременно неуспех) всего протестного движения на протяжении всей отечественной истории.

Александр Александрович Винничук родился в 1990 году, кандидат философских наук. Автор научно-популярного проекта «Вселенная как она есть» в ростовском пространстве «Циферблат». Автор просветительского проекта «Look эпохи: образ жизни, технологии, философия» в Донской государственной публичной библиотеке. Публиковался в журналах «Нева», «Наш современник», «Журнал поэтов», «Контрабанда», «Невский альманах», «День и ночь», в «Литературной газете» и др.

¹ Чаадаев П. Я. Философские письма. <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>

С древних времен единственной формой российской нравственности и, следовательно, основой российской культуры был вечевой идеал. Поочередная смена двух составляющих его противоположностей — соборности и авторитарности — и представляет собой содержание и эволюцию общественной жизни в России. Вечевой идеал — нравственный идеал традиционной цивилизации, который лежит в основе жизни славян до появления государства и является исходной точкой их дальнейшего развития. Идеал ориентирован на сохранение замкнутых локальных сообществ: патриархальной семьи и общины. Массовое народное сознание населения России уходит корнями в традиционную крестьянскую культуру, которая основана на манихейском и синкретическом видении мира. В соответствии с ним мир для человека представляет собой борьбу Правды и кривды, а люди делятся на своих и чужих — оборотней зла. Страх перед внешними силами, явлениями природы и всем, что лежит за пределами «Мы» (термин из транзактного анализа Эрика Берна), стал главным компонентом крестьянского мира. Синкретизм — древнейший принцип социальной и культурной жизни, основанный на стремлении слиться с важными для человека природными и социальными явлениями (космосом, общиной, тотемом, вождем), в широком смысле — стремление вернуться к прошлому, в мифический Золотой век. Существовая в рамках общины — структурообразующего элемента общественной жизни в России, — личность идентифицировала себя с целым и следовала обычаям, принятым в локальном сообществе. Человек подчинялся большинству и опасался проявлять инициативу. Любая активность воспринималась им как результат внешней силы, в частности — воли первого лица. В народном сознании одновременно оказались закреплены, с одной стороны, убеждение в сакральности и всемогуществе власти, олицетворяющей силу и Правду и имеющей монополию на все сферы жизни, а с другой стороны — представления о том, что власть есть зло и все трудности связаны с плохим «господином».

Языческое преклонение перед первым лицом государства перемешалось с сопротивлением чиновникам, которое приводило к бунтам. Последние, впрочем, как в царское время, так и после революции 1917 года, чаще всего носили кратковременный характер, заканчивались приходом восставших с повинной (вспомним проблематику пушкинской «Капитанской дочки») и поэтому не могли сокрушить власть. Экстраполяция субкультуры древнего сельского мира общины и ее архаичных ценностей на растущее общество привела к распространению ее принципов на все государство. Сформировалось главенствующее мифопоэтическое мировоззрение, в котором прошлое господствовало над будущим, а статика — над динамикой. Для урегулирования конфликтов использовались проверенные решения прошлого, любые ценности сообществ среднего уровня (пресловутый средний класс, который все пытаются создать) отвергались, народ стремился к уравнительности и сохранению натурального хозяйства. Характер действий и принятия решений определяла вера в чудо, в мгновенные перемены, в достаточность одного волевого решения для качественных изменений. Негативный опыт прошлого объяснялся в манихейском духе злонамеренностью врагов и недостаточной радикальностью реакции. Вера в конкретных носителей мирового зла, угрожающих внутреннему миру и благосостоянию, оправдывала борьбу с ними. В условиях безразличия к человеческой жизни и личности такой подход приводил к террору и самоистреблению, достигшему апогея в советский период. Критика прошлого опыта была недостаточной для переосмысления народом самого себя и качественного скачка в общественном развитии. Менталитет остался крепостным даже после реформы 1861 года, которая отменила лишь государственное крепостничество, но не затронула крепостничество внутри общины. В модифицированном виде оно существовало и в советский период, когда каждый член общества подчинялся решениям вышестоящих, партийных

органов, был привязан к месту жительства и работы. Точно так же и община (сначала в форме родовой, затем крестьянской поземельной, а потом в виде колхозов и совхозов) сохранилась на протяжении всей истории, не изменив своей сути, несмотря на попытки ее адаптации для существования в рамках государства. Несмотря на несоответствие современному этапу развития общества, указанные характеристики в той или иной форме могут присутствовать и в современном общественном сознании.

Одной из главных характеристик общественных процессов в России на протяжении всей ее истории становится **раскол**. Его предпосылки обозначились уже в период зарождения государственности и закрепились после принятия христианства. Со всей четкостью раскол проявился в результате церковной реформы, зрелой формы достиг во время царствования Петра I и с тех пор лишь усиливался, постепенно охватывая все ступени российского общества. В основе раскола лежит конфликт двух противоположных типов логики — локальной и общегосударственной, действующих в рамках одной страны. Каждая из них по-своему рациональна и соответствует определенной культурной парадигме, формирующей соответствующую ментальность, нравственность, политическую культуру, экономическую систему и типы самосознания. Локальная логика является элементом традиционной цивилизации, которая складывалась в России с древнейших времен; общегосударственная — частью либеральной цивилизации, возникшей на более позднем этапе развития общества. Традиционная цивилизация основана на ценностях неизменности человеческих отношений, на приоритете этих отношений перед повышением эффективности деятельности, на идеализации идеалов прошлого. Раскол привел к тому, что российское общество на протяжении истории было вынуждено одновременно решать две взаимоисключающие задачи: обеспечивать рост и модернизацию, с одной стороны, и поддерживать исторически сложившийся порядок в угоду традиционализму. За невозможностью заменить одну систему ценностей другой, так как обе оказались достаточно укоренены, история страны превратилась в череду попыток сместить между ними центр тяжести. Раскол в мыслях, самосознании социальных слоев — от крестьянства, интеллигенции до духовной и властной элиты — затруднял анализ обществом собственного опыта и препятствовал его развитию. Противоречивость, непоследовательность решений и действий (половинчатые решения) стали характерным свойством российской жизни.

В статье «Совестливые циники и бессовестные идеалисты» русско-американский философ и публицист Михаил Эпштейн заявляет, что политическая жизнь любой страны — вечный круговорот идеализма и цинизма. Он делает попытку разделить всех людей в зависимости от двух признаков — наличие веры в высшие принципы и справедливость, разумность мироустройства (идеализм, цинизм) и отношение к нравственности (совестливый, бессовестный). Философ находит в смене высших руководителей советской страны, и как следствие, в смене политической парадигмы одну неслучайную закономерность: *Советская история сделала как бы полный круг, начав с бессовестного идеалиста Ленина, пройдя через бессовестный цинизм Сталина и совестливый цинизм Хрущева, чтобы завершиться в совестливом идеализме Горбачева*². Лучшие политики, приходит к выводу Эпштейн, вырастают все же из совестливых идеалистов — это самая продуктивная нравственная позиция: стремление жить не по лжи, в соответствии с высшими целями и принципами, но при этом «не загонять железной рукой человечество к счастью», не превращать высшие принципы в «жизнеразрушающие устройства, социальные химеры и абстракции»³.

² Эпштейн М. Совестливые циники и бессовестные идеалисты // Журнал «Слово/Word», № 62, <http://magazines.russ.ru/slovo/2009/62/ep8.html>

³ Там же.

Фигуры совестливого циника (Хрущев) и бессовестного идеалиста (Ленин) составляют в России важнейшую нравственную коллизию, потому что с остальными двумя типами, впитавшими в себя либо обе положительные характеристики (совестливый идеалист), либо обе отрицательные (бессовестный циник), все более-менее ясно.

Расколотое общество изменяется, осуществляя «маятниковые» колебания между полярными состояниями, что и составляет инерцию истории. Такой тип динамики несет в себе потенциал дезорганизации и катастрофы, так как перед порогом изменений в обществе повышается опасность отторжения достижений предшествующего этапа. В качестве новых решений принимаются старые альтернативы, которые затем с ожесточением отвергаются. В ситуации разочарования в модернизации и демократии в современном российском обществе происходит откат к домодерновым идеям: патриархальности, корпорации, исключительности собственной культуры, архаических мифологий «сильного вождя», «великой истории», «великой нации» и т. д. Это типично для общественно-политической ситуации в России на протяжении всей истории: убеждение в том, что дискомфортное состояние можно снять переходом от одной крайности к другой, широко распространено. В результате общество существует в условиях перманентной дезорганизации, конфликтов и разрухи.

Традиционные общества основываются на идее аграрных циклов и Вечного возвращения, нетрадиционные же следуют идее линейного времени, а именно прогресса. Россия соединила в себе и циклический, и линейный типы развития: ее прошлое имеет свойство повторяться в измененных исторических условиях.

Российская власть прекрасно чувствует себя в условиях предсказуемости. При этом ход истории движется ко все возрастающей роли неопределенности, хаоса и случайности (тот самый второй закон термодинамики, который утверждает повсеместное торжество энтропии). Неудача объявленной Дмитрием Медведевым модернизации мы связываем с историческим неприятием российской власти даже малой доли случайности, но именно случайность делает возможным все новое.

К 1991 году в истории России завершились два полных социокультурных цикла. Первый — с момента формирования государственности и до 1917 года, второй — с 1917 года по 1991 год. Традиционное общество — имперская государственность (сформировалась в ходе первого цикла) — обнаружило предпосылки перехода к либеральной цивилизации, однако не смогло модернизироваться и попало в тупик между цивилизациями, параллельно развивающимися в рамках одной страны. Развитие стало происходить в условиях нарастания раскола, а переходное состояние стало стабилизироваться: традиционность изживала себя, но не исчезала до конца, при этом либерализм не получал должного развития. Либеральная цивилизация западного образца остается недостижимой. Общество не может разрешить возникающие социокультурные противоречия между древней культурой и новыми социальными отношениями и поэтому существует под угрозой катастрофы.

Промежуточность отразилась на многих аспектах жизни российского общества. В частности, в России с большим трудом происходит формирование прослойки среднего класса (и с трудом продолжается и сегодня). В стране нет того класса, который способен стать ключевым звеном общества. Появившись поздно, эта прослойка остается слабой, ее развитие ограничивается либо политическим курсом, либо народной тягой к уравнительности. Да и в целом формирование сословий и осознание ими своих интересов в российском государстве идет медленно. Слой, способный критиковать вечевой идеал, долго не складывался, прочной нравственной основы для интеграции общества не нашлось. Если на Западе внутрисословные интересы сильнее местных, то в России — наоборот, что означает, что страна еще не прошла весь путь преодоления архаичного синкретизма.

Необычные с точки зрения мирового опыта явления в российской экономике также обусловлены промежуточной цивилизацией. Утилитарная нравственность в духе Стюарта Милля — связующее звено между традиционной и либеральной нравственностью и основа либеральной цивилизации — не стала в России частью культуры или религии. Утилитаризм отличает осознание окружающего мира как средства для эффективной человеческой деятельности. Двойственность утилитаризма, с одной стороны, проявляется в увеличении богатства, умений, технологий для развития общества, личности и экономики. С другой — в легкости перехода к эксплуатации человека. Западные либеральные идеи и ценности, к которым обратилась русская интеллигенция, не были приняты ни дворянством, ни крестьянством. В обществе, тяготеющем к синкретизму, сохраняется древняя монополия власти на жреческие и идеологические функции. Утилитаризм в нем не может стать реально действующей программой. Общество и в лице духовной элиты, и в лице церкви отрицает идею пользы, если она не служит государству или народу в целом. Модернизация осуществлялась во благо государства, но не для улучшения повседневной жизни людей. Торговля, предпринимательство, деловой успех традиционно осуждались, новшества оценивались негативно, активная преобразовательная деятельность не поддерживается.

В статье «Климат-контроль: фабрика оттепели» современный политический философ Андрей Ашкеров приходит к пониманию циклов отечественной модернизации как циклов деградации: реформы становятся возможны исключительно ценой разрушения уже существующих достижений. Рассматривая последствия попадания страны в ловушку «догоняющего развития», Ашкеров описывает феномен неоварварства как следствие модернизационных преобразований. В соответствии с подобной концепцией, российская цивилизация является аномалией, что воплощается в расхожем принципе: «Так жить нельзя».

Традиционализм сдерживает в России развитие капитализма. В условиях промежуточности общество испытывало трудности с обеспечением мотивации для модернизации. Православие не смогло ее обеспечить и было заменено коммунистической псевдорелигией (псевдосинкретическая идеология), которая использовала высшие ценности утилитарно, апеллируя не к личному интересу и классовому компромиссу, а к общему благу народов России в справедливом коммунистическом обществе. Нравственный идеал советского периода становится синкретичным: тождественным и одновременно противоположным господствующему нравственному идеалу Древней Руси — вечевому идеалу. Гибридный, или кентаврический, нравственный идеал — особая форма нравственности, отождествляющая различающиеся идеалы, связанные с разными, в том числе конфликтующими социокультурными силами, и возникающая в тех случаях, когда необходимо связать единой идеологией разнородные слои населения — например, интеллектуалов и широкие народные массы.

В силу сосуществования в России двух цивилизационных типов на ее территории столкнулись две тенденции: государственническая и антигосударственническая. Разрыв между социокультурными группами, тяготеющими к государству, и группами, стремившимися к локальным сообществам, проявился уже в Киевской Руси. Локализм издревле составлял основу жизни низов и непосредственно влиял на тягу общества то к авторитаризму, то к соборности. Этой проблематике посвящено, например, «Слово о полку Игореве». Развитие городов, разрушающее традиционную крестьянскую мораль и формирующее новые типы отношений и ценностей, шло недостаточно быстро. Немногочисленная группа людей в деревне, способная отойти от устоявшихся порядков жизни и развивать общегосударственные ценности, сталкивалась с противостоянием основной массы общинников. Попытки власти опереться на народные силы и со-

единить государственность с ценностями массового сознания часто оканчивались неудачей, так как наиболее массовый социальный слой крестьянства стремился к предгосударственному нравственному вечевому идеалу. Крестьяне сохраняли идеалы вольной жизни и хотели освобождения не только от землевладельца, но и от государства, от всякой необходимости платить налог. Многие сбегали на юг России или на Урал и образовывали автономные казачьи государства. Силы традиционализма не раз в истории уничтожали государственность, допустившую чрезмерный для данной культуры рост товарно-денежных отношений, расслоение общества на богатых и бедных, и создавали новую синкретическую государственность, которая под влиянием массового традиционализма возвращалась к относительно сбалансированному обществу традиционного типа. Превращение общества в набор замкнутых локальных миров ликвидировало основу для единства: люди, не связанные торговлей, обратились во врагов, борющихся за ресурсы, а мир предстал лишь затишьем в череде конфликтов, «войны всех против всех».

Власть, нуждаясь в налоговых поступлениях и видя пользу в модернизации и государственности, с одной стороны, требовала от народа развития торговых отношений, а с другой — тормозила этот процесс. Это проявилось и во времена ордынского ига, когда князья вели борьбу с вечами институтами и торгово-ремесленными посадами, и в царствование Ивана IV, когда были разгромлены наиболее прогрессивные центры ремесленничества и торговли — Тверь и Новгород, а опричнина уничтожала европейские феодальные и рыночные уклады. Слабой частной инициативе противостояли патерналистские традиции, крупные государственные монополии и производства с государственным покровительством. Это манихейское развитие, подавлявшее срединную культуру во всех видах, — трагическая особенность исторического развития России. Незрелость рыночных отношений, рынка, буржуазной культуры стали элементами антикапиталистического пути в новую цивилизацию. Государственная докапиталистическая монополия переняла лишь техническую базу капитализма. И несмотря на то, что советское общество смогло в ограниченной степени достичь модернизации, развить индустриальные формы труда и промышленного производства, оно основывалось на менталитете и ценностях не либеральной, а «промежуточной» цивилизации, между элементами которой не было согласия. Даже в конце XX века торговля не пользовалась симпатией населения, и в 1990-е российское общество можно определить как докапиталистическое с преобладанием дорыночных отношений.

Современный русский философ Федор Гиренок утверждает, что русский человек не может вращаться только вокруг своего «я», у него нет пресловутой ницшевской «воли к власти», а следовательно, и проявлять частную коммерческую инициативу. Незащищенная соборная душа русского человека, по мнению Гиренка, постоянно сталкивается с автономным волевым началом человека западного, убившего Бога и отказавшегося от души. В истории был только один случай, говорит Гиренок, когда властная машина «сломала свои зубы о человека» (или не совсем человека) — это судьба Иисуса Христа.

Феномен власти возникает только в той пространственно-временной точке, когда кто-то объявляет себя носителем Власти, а это абсолютно волюнтарная акция, противная духу «русского». Полная и последняя легитимация власти происходит именно тогда, когда человек перекладывает на власть свою собственную ответственность за окружающий миропорядок, тем самым передает власти свою свободу, а сам отказывается от права быть властью (вспомним примеры многочисленных отречений от престола, сопровождавших всю русскую историю).

Итак, за свою историю Россия прошла два полных цикла развития и вступила в третий после августовских событий 1991 года. По сравнению с первым советский цикл

отличается качественными изменениями в социальном, технологическом, культурном и нравственном аспектах общественной жизни. Общество мучительно отходило от синкретизма и укрепляло утилитарную нравственность. Модернизация и утилитаризм повлияли на поведение социальных групп и средства массовой коммуникации и ускорили время протекания циклов: 74 годам советской истории соответствует весь предшествующий период развития Российского государства. Национальная идея первого цикла в советский период превратилась в классовую идею, но осталась, как и прежде, государственнической, в скрытом виде — имперской. Раскол не был изжит, а был замаскирован морально-политическим единством общества, что стало возможно благодаря идеологической гибкости и утилитарному манипулированию псевдосинкретизма, ориентированного не только на ценности массового общинного сознания, но и на ценности роста и развития. После распада СССР интернационализм советского этапа стали отрицать, вновь возвращаясь к национальной идее.

Переход к постсоветскому этапу развития России стал результатом банкротства предыдущего идеала, доведшего до предела неспособность оценить реальное положение дел и противостоять разрушительным процессам. Для утверждения нового идеала нужен был глубочайший кризис всей системы, осознание угрозы национальной катастрофы. Выход общечеловеческих ценностей на место манихейского классового принципа ознаменовал культурный поворот в масштабах всего перестроечного и постсоветского периода. Идеология предшествующих этапов, противопоставлявшая «своих» и «чужих», была временно отвергнута. Начался решающий рывок на пути от крайнего авторитаризма к соборности, то есть к торжеству локализма. Власть сместилась от центра к ведомствам, регионам, республикам и дальше вниз. Соборно-либеральный характер нового идеала подразумевал отождествление различных систем нравственности и был призван соединить все иные идеалы. Его смысл заключался в том, что массовые народные движения основывались на локальных ценностях, однако, выходя на общегосударственный уровень, прибегали к либеральной терминологии и лозунгам (вспомним лозунги протестующих перед Домом правительства шахтеров). Это позволяло выйти за локальные рамки и приобщиться к проблемам целого, но не меняло старого содержания. Либеральная интерпретация сдвига в массовом сознании была наиболее далекой от народа.

Постсоветский этап начался с осознания кризиса и проведения реформ. Но реформы не стимулировали творческую активность людей и усилили массовое стремление вернуться к локальным формам жизни. К либерализму обратилась лишь малая часть народа, большая же не вышла за рамки крепостничества. Патерналистское мировоззрение парализовало развитие общества. Нарастающий локализм дошел до крайней точки отказа от государственности. Продолжение либерального курса стало невозможно в условиях движения к казавшемуся близким полному торжеству локальных идеалов. Нравственный идеал этапа распался, приведя к национальной катастрофе: гибели части населения, дезинтеграции, ломке социальных отношений и регрессу в культуре. Хотя в ходе гибели государства удалось избежать большой крови; к власти пришли либералы, поэтому авторитарная власть 90-х возникает из этой среды в сравнительно спокойной обстановке и стала этапом на пути к рынку и демократии.

В этом отношении интересны мысли современного философа и публициста Михаила Эпштейна. Для характеристики современной политической ситуации Эпштейн выбирает биологическую метафору из теории эволюции — «обнадеживающий урод», введенную американским генетиком Гольдшмитом. «Обнадеживающий урод» в биологии — это мутирующий организм, сильно отличающийся от нормального, но в перспективе способный быстро адаптироваться к изменившимся условиям среды и дать

начало новым таксонам. Эпштейн делает допущение, согласно которому макромутации могут происходить не только в отдельных животных, но и охватывать целые этносы. Так, у России, пережившей за прошлый век четыре революции и три войны, налицо все признаки «вредных социальных мутаций». Но наряду с этим, утверждает он, есть и такие мутации, которые с точки зрения развитых западных стран могут считаться аномальными, но при этом способны стать толчком для нового роста. Поэтому в условиях глобальной мировой катастрофы «обнадеживающий урод» (данная метафора-оксюморон образно смыкается с главным архетипом русского соборного сознания — архетипом Ивана-дурачка) может показать феноменальные черты к выживаемости. Так же как и роковые ошибки в генетическом коде российской цивилизации, вылившиеся в ее отставание от западного мира, станут полезны: например, в ситуации победы искусственного интеллекта над людьми или в условиях межпланетной войны. Россия со своими прорехами в индустриальном развитии сможет стать оплотом новой самоорганизации человечества. К тому же относительно мирное сосуществование религиозных конфессий в ней и географическое положение равноудаленности от Запада и Востока сыграют нашей стране на руку в случае глобальной войны христиан и мусульман.

Циклы общественного развития в России представляют собой колебательный процесс, включающий изменения культурных, социальных и нравственных параметров общества. Раскол в обществе, слабость срединной культуры (культуры среднего класса) и соответствующих ей форм мышления, способных сдерживать натиск манихейства, привели к тому, что каждый новый поворот истории России выступал отрицанием предыдущего — обрывом части культурного опыта, традиций — и нередко оборачивался катастрофой, массовой гибелью людей и разрушением государства. Главная трагедия России остается в отставании рефлексии и самосознания общества от сложности стоящих перед ним задач. Недостаточная способность к самопознанию и самоизменению, мифологические представления о социальной реальности и путях развития стали причиной острых противоречий между стремлением общества развиваться и желанием следовать устоявшемуся ходу истории. Инерционность, архаизация, упрощение культуры до сих пор — реальные угрозы для общественного развития России.

Для того чтобы Россия в современных социокультурных условиях смогла совершить качественный рывок вперед, ей потребуется развить научно-теоретическую и практическую рефлексии, соединяющую мысль и технологии, теорию и практику, а нам, ее гражданам, быть художниками в высоком смысле этого слова. Кроме того, необходимо желание большинства членов общества менять ценности, привычки, отношение друг к другу и к труду. От каждой личности требуется нравственное усилие и смелость взять на себя ответственность за государство. Творческая фантазия ответом на все вызовы современности: она поможет привлечь российских людей к общечеловеческим ценностям и сочетать все лучшее от разных национальных культур, она даст жизнь новым технологиям, сохранит конкурентоспособность молодого поколения и создаст социальные лифты. Вера в будущее России и творческая фантазия, равные правила игры для всех и взаимное уважение — вот основа нового российского государства, где есть место всем людям и различным мнениям.

Литература

Ашкеров А. Деконструкция и инставрация. Сетевой «Русский журнал», <http://www.russ.ru/pole/Dekonstruksiya-i-instavraciya>

Ашкеров А. Политэкономика долга. <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Polit-ekonomiya-dolga>

Ашкеров А. Сурков и вопросы искусствознания. <http://www.russ.ru/pole/Surkov-i-voprosy-iskusstvoznaniya>

Ашкеров А. Климат-контроль: фабрика оттепели. Сетевой «Русский журнал», 07.04.08, 16:45, <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Klimat-kontrol-fabrika-ottepeli>

Ашкеров А. Министерство правды. Сетевой «Русский журнал», 09.03.06, <http://www.russ.ru/pole/Ministerstvo-pravdy>

Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992.

Чаадаев П. Я. Философские письма. <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>

Эпштейн М. «Совестливые циники и бессовестные идеалисты» // Журнал «Слово/Word», № 62, <http://magazines.russ.ru/slovo/2009/62/ep8.html>

Эпштейн М. Грамматика переходности. Сетевой журнал «Дар слова», № 132, <http://www.emory.edu/INTELNET/dar132.html>

Эпштейн М. Итак, хвала тебе – Чума // Новая газета, 2011, № 31.

Эпштейн М. На перекрестке образа и понятия (эссеизм в культуре Нового времени) // М. Н. Эпштейн. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М., 1988.

Екатерина СОСНИНА

О МОНТАНЬЯРАХ,
БОЛЬШОМ КИНЖАЛЕ
И ОБ ИСКУССТВЕ
УМИРАТЬ,
или Два сюжета о роковой дуэли
М. Ю. Лермонтова

Мы — европейские слова. И азиатские поступки.

Н. Щербина

Монтаньяр со Вшивой горки

Формально М. Ю. Лермонтова погубило слово *монтаньяр*. Или, вернее, шутка, сказанная им по-французски в адрес приятеля — Н. С. Мартынова: «*Montagnard au grand poignard*», что в буквальном переводе означает: «Горец с большим кинжалом». Вот как описывают современники поэта события, непосредственно связанные с историей его роковой дуэли.

Екатерина Леонидовна Соснина родилась в 1962 году в городе Эссентуки. Окончила факультет французского языка Пятигорского педагогического института иностранных языков. Кандидат исторических наук, доцент, член Московского межрегионального Лермонтовского общества, главный научный сотрудник Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске, автор многочисленных, в том числе зарубежных (Франция, Венгрия), публикаций по лермонтоведению и истории Северного Кавказа, обладатель исследовательского гранта правительства Франции (2001), издательского гранта Российского научного гуманитарного фонда (2004). Под редакцией Е. Л. Сосниной было осуществлено современное переиздание биографии М. Ю. Лермонтова, составленной первым биографом поэта П. А. Висковатым (Висковатый П. А. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Под редакцией Е. Л. Сосниной. М.: Гелиос АРВ, 2004). Публиковалась в литературных журналах: «Новый журнал» (Санкт-Петербург), «Сура» (Пенза), «Дарьял» (Владикавказ).

Через полтора месяца после приезда М. Ю. Лермонтова в Пятигорск, 13 июля 1841 года, вечером, в доме Верзилиных¹, где часто собиралась молодежь, развернулись роковые события. Князь С. В. Трубецкой играл на фортепьяно. Среди прочих в комнате был Л. С. Пушкин, брат поэта. Лермонтов сидел подле одной из дочерей хозяев дома. В комнату вошел Мартынов, одетый, по своему обыкновению, в щегольскую черкеску с серебряными газырями и с большим кинжалом у пояса, красивый и надменный. Видно было, что он любит себя, и это было смешно. Лермонтов, не терпевший ни малейшей фальши, при каждой встрече подтрунивал над приятелем. Однако не выходил за границы дружеской шутки. Впоследствии о том вечере, когда произошла ссора, вспоминала современница поэта Эмилия Александровна Клингенберг (в замужестве Шан-Гирей): *«Ничего злого особенно не говорили, но смешного много; но вот увидели Мартынова, разговаривающего особенно любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл князь Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его „Montagnard au grand poignard“ (горец [или монтаньяр] с большим кинжалом. — Е. С.). Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово „poignard“ раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом: он подошел к нам и голосом, весьма сдержанным, сказал Лермонтову: „Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах“, и так быстро отвернулся и отошел прочь, что даже не дал опомниться Лермонтову, а на мое замечание „язык мой — враг мой“ Михаил Юрьевич отвечал спокойно: „Это ничего, завтра мы будем добрыми друзьями“...»*

После уже рассказывали мне, что, когда выходили от нас, то в передней же Мартынов повторил свою фразу, на что Лермонтов спросил: *«Что же, на дуэль что ли вызовешь меня за это?»* Мартынов ответил решительно *«Да»*, и тут же назначили день. Все старания товарищей к их примирению оказались напрасными².

Часто посетители лермонтовского музея, прослушав этот безыскусственный рассказ, с недоумением пытаются понять: *«А что обидного-то было сказано? Горец? Ну и что?!»*

Отметим, что во времена поэта слово *«montagnard»* не требовало перевода. Это был исторический термин. Монтаньяры — буквально горцы — так называлась политическая партия, образовавшаяся во время Великой французской революции (1789—1794). С открытия Законодательного собрания 1 октября 1791 года монтаньяры занимали верхние ряды левой стороны, откуда и произошло название их партии — «вершина», «гора» (фр. la montagne). Менее образованные, чем жирондисты, монтаньяры были смелее, решительнее, с большими организаторскими способностями. После решительной победы над жирондистами в 1793 году монтаньяры обнародовали конституцию, которая никогда не была принята. Таким образом, монтаньяр — представитель крайне левой партии Конвента во время французской буржуазной революции. Настроенные против Робеспьера казнью своего вождя Дантона, монтаньяры способствовали перевороту 9 термидора, но этим только приблизили собственный конец. Шесть «последних монтаньяров» были приговорены к казни на гильотине, они пытались *убить себя кинжалом*, передаваемым из рук в руки. Гибель этих людей — «последних монтаньяров» — явилась трагическим и величественным финалом их истории.

Они знали, что их ждет, но никто из этих истинных героев не отрекся от своих идеалов, не дрогнул, не унизился до мольбы о пощаде. Они были рады умереть за

¹ Ныне д. 9 по ул. Буачидзе; здесь теперь располагается литературный отдел музея-заповедника М. Ю. Лермонтова.

² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989. С. 432—433.

«конституцию равенства», но только не на гильотине. Один из монтаньяров — Гужон сумел убедить близких оказать ему и его товарищам последнюю роковую услугу. Мать пришла к нему с двумя другими своими сыновьями, и младший из них, 11-летний Антуан, которого не стали обыскивать, сумел передать Гужону длинный острый нож с черной рукояткой.

Когда подсудимым объявили приговор и поместили в специальной комнате, откуда их с минуты на минуту должны были отвезти на гильотину, Гужон выхватил нож и вонзил его себе в грудь. Затем Ромм выдернул кинжал из мертвого тела и тоже заколол себя. Дюкенау сделал то же самое и нашел силы, чтобы самому выдернуть лезвие из раны, и передал его, умирая, Дюруа. Тот в свою очередь вонзил в себя кинжал, но остался жив; не удалось сразу умереть и Бурботту. Поразивший себя Субрани скончался в телеге по пути к месту казни, и его обезглавили уже мертвого. Своим поистине римским мужеством «последние монтаньяры» потрясли даже своих врагов. Они спасли честь и славу Горы, которую скомпрометировали ренегаты и трусливые попутчики.

Ни об одном событии всемирной истории не написано так много, как о Великой французской революции. Ей посвящали свои труды историки. Она привлекала внимание многих выдающихся писателей. О ней часто размышляли профессиональные политические деятели. Над историей всей Европы еще столетие витал ее грозный призрак.

Высокие идеалы, провозглашенные монтаньярами, оказались созвучны современникам М. Ю. Лермонтова, особенно тем, кто оказался на Кавказе в качестве «неблагонадежных». Благородные, погибающие в «теплой Сибири» личности. Ценой собственной жизни, но не ценой смирения оставляли они свой след в истории и в литературе. И образ кинжала ожил в их творчестве «как символ тираноборства и свободы» (И. Л. Андроников), как символ предпочтения смерти поражению. Подобная семантика этого образа пронизывает стихотворение А. С. Пушкина «Кинжал», в котором упоминаются три политических убийства, совершенных в разные исторические эпохи (Брут — Цезарь, Корде — Марат, Занд — Коцебу). Нетрудно заметить, что второе убийство вновь возвращает нас к событиям Великой французской революции. Продолжая пушкинскую традицию, Лермонтов обогащает смертоносный символ новыми коннотациями: для него кинжал означает не только месть и честную битву (нажать на курок может каждый, убить же кинжалом себя или другого — это поступок настоящего мужчины), но и свободу.

В контексте вышеизложенного высмеивание М. Ю. Лермонтовым позерства Н. С. Мартынова, вышедшего в отставку в чине майора, как многие утверждали тогда, из-за некрасивой карточной истории, а отнюдь не из-за политических преследований, приобретает особый смысл. Сарказм поэта при виде напыщенного Н. С. Мартынова, старавшегося во что бы то ни стало привлечь к себе внимание, усиливался по мере появления в костюме приятеля ненужных, излишних деталей, нарушающих строгий канон классического мужского северокавказского костюма (огромные бутафорские газыри, слишком короткие рукава черкески — отставному майору явно не хватало аксессуаров обмундирования, положенного по уставу)³.

Стремление Мартынова изображать из себя политическую жертву и при этом щеголять в утрированной «черкесской» одежде, с непременно огромным кинжалом не

³ Подробности особенностей кавказского костюма лермонтовского времени и мотивации провокационного поведения как формального повода к роковой дуэли рассмотрены в статье д. и. н. З. В. Доде (Доде З. В. Особенности кавказского костюма времени М. Ю. Лермонтова и мотивация провокационного поведения // М. Ю. Лермонтов в русской и зарубежной науке и культуре. Материалы Всероссийской научной конференции-2012. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. С. 238–247).

могло не вызывать у Лермонтова постоянного острого раздражения. Э. Г. Герштейн пронизательно заметила, что в образе Грушницкого поэт воплотил не только ложный романтизм подобного типа, но и фальшивую позу гражданского мученичества⁴.

Итак, М. Ю. Лермонтов пошутил «не в бровь, а в глаз». В его фразе не было ничего оскорбительного, но она была наполнена скрытым смыслом, который развенчивал позерство Мартынова, провоцировал его амбициозное сознание.

Слово Лермонтова, как всегда, оказалось слишком метким, разительным. Оно не просто производило сильное впечатление на окружающих, оно поражало, заставляя думать, искать скрытый в нем смысл. Как тут не вспомнить то, что однажды сказал Н. А. Полевой (1796—1846) о Пушкине: «Насмешки его остры, умны, разительны»⁵. В полной мере эту характеристику можно отнести и к М. Ю. Лермонтову.

Высокий смысл слова «монтаньяр», соответствующий исторической правде, в характеристике Мартынова снижается до пародийного уровня. Интересно, что подобная пародийная параллель возникнет позднее в романе Н. С. Лескова «Некуда» (1864):

— Да, да, только эти **монтаньяры со Вшивой Горки** чтоб не наделали каких-нибудь гадостей.

— Они, я думаю, совсем к этому равнодушны.

— Да, помилуй бог! ... Одно слово глупое, один жест, и сейчас придерутся.

(Н. Лесков. «Некуда». Глава одиннадцатая. Разворошенный муравейник)

Итак, у Н. С. Лескова возникает интересный образ *монтаньяра со Вшивой Горки*. Как он соответствует Н. С. Мартынову! На эту же пародийную параллель еще до Лескова указал русский поэт XIX века Н. Ф. Щербина (1821—1869)⁶ в сатирическом стихотворении «Московским красным»⁷, в котором он писал о кружке московских западников, собиравшихся в салоне Е. В. Салиас де Турнемир (Е. Тур) на улице Швивая Горка⁸. Таким причудливым топонимом обозначается юго-западный склон московского Таганского холма в Заяузье. Этот московский топоним является одним из самых интригующих вследствие своей неблагозвучности и неясной этимологии. Вот лишь несколько гипотез его происхождения: 1). Здесь были огороды, на которые нападали насекомые-вредители (так называемые вши). И. К. Кондратьев в книге «Седа старина Москвы» пишет: «Скажем несколько слов о Швивой, а по-простонародному Вшивой, горке» — и далее приводит, по его мнению, «неосновательный» рассказ о происхождении простонародного названия. Действие этого рассказа относится к концу I века, когда по Яузе и Москве-реке, тогда полноводным, проходил древний торговый путь, и тогдашние «бурлаки раскладывали здесь костры, варили себе пищу и, между прочим, обсушивались и истребляли известных неприятных насекомых»; 2). Через горку проходила дорога в Хиву (Шиву); 3). Здесь проживали портные (швецы).

Однако у Н. С. Лескова словосочетание «монтаньяр со Вшивой Горки» становится прецедентным «словообразом», реминисцентно связанным с широко известной ситуацией вызова М. Ю. Лермонтова на дуэль. Не случайно именно в романе «Некуда», где наблюдается экспансия прецедентности, писатель охотно пользовался цитатами из

⁴ См.: Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова. 2-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1986. 351 с.

⁵ Полевой Н. А. «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике, 1820—1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. С. 262—266.

⁶ Щербина Н. Альбом ипохондрика. Л.: Прибой, 1929. С. 146.

⁷ «Московским красным» — эпиграмма Н. Щербины (1858; опубл. 1872).

⁸ Современные улицы Верхняя Радищевская, Яузская и Гончарная.

Лермонтова как средством характеристики персонажей. Так, в портрете Евгении Петровны Гловацкой он отмечает «кроткие, умные голубые глаза, которые *так и смотрели в душу*» (у Лермонтова глаза Бэлы «*так и заглядывали к вам в душу*»). Анна Николаевна Бахарева «томила, рвала, выплакала все глаза, отстояла колени, молясь *теплой заступнице мира холодного*», — здесь Лесковым использована прямая цитата из стихотворения Лермонтова «Молитва» 1837 года. В тексте романа «Некуда» есть реминисценции и из лермонтовской «Молитвы» 1839 года: «*Есть сила благодатная...*» Используются также выражения: «*Укор невежд, укор людей*» — из стихотворения Лермонтова «Я не хочу, чтоб свет узнал...»; «*с свинцом в груди*» — из «Смерти поэта». Имеется иронический парафраз из посвящения А. О. Смирновой 1840 года: «*Все это было бы смешно, когда бы не было так глупо*»⁹. У Лермонтова:

Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

Впрочем, у Н. С. Лескова слово «монтаньяр» как имя нарицательное живет и в тексте романа-хроники «Соборяне» (1872): «...вы, наши принцы *égalité*, обратясь теперь к преимуществам своего рода и состояния по службе, должны не *задирать носов* перед нами, старыми **монтаньярами** и бывшими вашими друзьями» (Н. Лесков. «Соборяне». Часть вторая. Глава 10).

Иван Панаев (1812—1862) в «Литературных воспоминаниях» тоже упоминает монтаньяра: «Таков был сам Колиньи, лучшие из жирондистов, и действительно Грановский по всему строению своей души, по ее романтическому складу, по нелюбви к крайностям скорее был бы гугенот и жирондист, чем анабаптист или монтаньяр»¹⁰. Обратим внимание на неожиданную семантику: монтаньяр — это «строение души».

Юрий Тынянов в рассказе «Гражданин Очер» пишет: «У русского воспитанника Ромма — последнего монтаньяра — началась походная жизнь»¹¹.

Краткий обзор историко-литературных реминисценций и аллюзивных цитат позволяет утверждать, что и в наши дни монтаньяры не исчезли с книжных страниц. Так, в 1989 году, когда исполнилось 200 лет Великой французской революции, вышла книга профессора Н. Молчанова, которая носила краткое и емкое название: «Монтаньяры» (заметим, современный автор не стал переводить его как «Горцы»).

Стоит ли говорить, что в европейской литературе примеры употребления слова «монтаньяр» являются более многочисленными. Бальзак задумывается над тайнами монтаньяров, Виктор Гюго в своем последнем романе «Девяносто третий год» (*Quatrevingt-treize*), рассказывая о заключительном этапе Великой французской революции, дает меткие, хотя и предельно сжатые характеристики наиболее видных деятелей Конвента из партии монтаньяров.

В современной французской прозе о монтаньярах пишет в своем романе «За стеклом» Робер Мерль, крупный мастер, верный традициям реализма: «Достаточно, к примеру, одного слова, чтобы объяснить, почему монтаньяры арестовывают жирондистов. Иначе все начисто лишено смысла»¹².

Примеры можно перечислять бесконечно. Важно другое: излюбленное прозвище, которым Лермонтов награждал Мартынова на французском языке, — «*montagnard au*

⁹ Тотубалин Н. И. Комментарии: Н. С. Лесков. Некуда // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 2. С. 726–755.

¹⁰ Панаев И. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. С. 69.

¹¹ Тынянов Ю. Гражданин Очер. М.: Эксмо, 2007.

¹² Мерль Р. За стеклом. М.: Прогресс, 1970. 365 с.

grand poignard» («горец с большим кинжалом»), возвращало и к образу «горца» эпохи древней Шотландии, борющегося за независимость своей страны, и к образу кавказца, сражающегося за свободу родного края, и, главное, к образу монтаньяра, преданного идеалам Великой французской революции. Круг замкнулся: слово, наполненное романтическим смыслом при обращении Лермонтова к истории его шотландских предков, попав через французскую традицию на кавказскую почву, стало фатальным для поэта, прожившего жизнь под девизом: «Судьба моя Иисус».

Он обещал вернуться (неизвестные свидетельства о преддуэльных событиях)

В фондах Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске хранятся ценные материалы, касающиеся истории рода и семьи В. И. Чилаева — хозяйина домика, в котором прошли последние дни жизни М. Ю. Лермонтова. Среди них — памятная тетрадь В. И. Чилаева с записью о событиях, случившихся с ним в Пятигорске летом 1841 года. Из нее мы узнаем, что накануне трагедии, разыгравшейся у подножия Машука, горе уже постучалось в двери одного из домов, стоявших на старинной пятигорской усадьбе. Сообщая о важных событиях, случившихся с ним в Пятигорске в разное время, он пишет, что в 11 часов ночи 20 июня 1840 года к воротам его усадьбы была подкинута новорожденная девочка, которую он приютил, дав ей при крещении имя Мария. В возрасте 1 года и 23 дней она скончалась, как сообщает В. И. Чилаев, «от детской болезни». По странному стечению обстоятельств это произошло 13 июля 1841 года, в то время, когда М. Ю. Лермонтов был вызван на роковую дуэль. Когда задумываешься об этом, невольно вспоминаются строки Анны Ахматовой:

Ржавеет золото, и истлевают сталь,
Крошится мрамор — к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней — царственное слово.

Итак, на усадьбе, где М. Ю. Лермонтов снимал квартиру в 1841 году, умер младенец. Произошло это печальное событие именно в тот день, когда поэт отправился в гости в дом генерала Верзилина, находившийся по соседству. Возможно, приготовления к похоронам девочки, начавшиеся на следующий день, объясняют немедленный отъезд квартирантов — М. Ю. Лермонтова и А. А. Столыпина — в Железноводск. Поэт будто бежит от смерти, но смерть преследует его по пятам. Поединок уже назначен на 15 июля (по старому стилю).

14-го Лермонтов и Столыпин-Монго (Мунго) отправились в Железноводск. 15-го, в день дуэли, выехали в Шотландку (иначе, колония Каррас), лежащую на полпути из Железноводска в Пятигорск (ныне — поселок Иноземцево, где на улице Свободы сохранился дом Рошке, № 38, где хозяева держали ресторанчик для приезжающих отдохнуть и повеселиться молодых офицеров). Там обедали. Оттуда отправились к подножию Машука. Скажем несколько слов более подробно об этом доме, сохранившемся в бывшей колонии Каррас, — последнем месте, которое посетил в своей жизни поэт. Интересные сведения о потомке владельцев этого дома можно почерпнуть из книги А. С. Муравлева «Неизвестный Алтай. Далекое-близкое», изданной в Барнауле в 2011 году¹³. Автор утверждает, что в одном из алтайских музеев хранится вещь, ко-

¹³ Муравлев А. С. Неизвестный Алтай. Далекое-близкое. Барнаул: ОАО «ИПП Алтай», 2011. С. 37–41.

торая имеет отношение к последнему дню жизни Михаила Юрьевича. История была им записана со слов Ивана Беккера, основателя музея истории медицины Алтая.

К Ивану Беккеру, в те времена главврачу больницы № 2 города Рубцовска, однажды пришел пожилой человек. Он назвался Константином Гейном, выходцем из ростовских немцев, и рассказал, что в 1943 году был выслан в Алтайский край, где после войны более 30 лет работал зоотехником в совхозе «Рубцовский». Посетитель пришел за советом. Дело в том, что он собирался уезжать к родственникам в Германию. Он выразил желание отдать в музей картины и еще кое-какие принадлежащие ему вещи, которые запрещены к вывозу за рубеж. Пригласил Беккера к себе домой, чтобы показать их. Едва Беккер перешагнул порог дома Гейна, тот неожиданно остановил его: «Стойте здесь! Вы даже не знаете, на что вы наступили!» Гость удивился: на полу лежал разложенный для просмотра старый, потертый ковер, похожий на палас. Но хозяин уверял, что именно на этом коврике сидел великий русский поэт Михаил Лермонтов, причем в самый канун гибели.

Беккер не поверил: мало ли каких сказок он наслушался, занимаясь краеведением и музейными делами. Но хозяин посадил его за стол и поведал удивительную историю. Прежде всего он показал документы, подтверждавшие прямое родство с Иоганном Рошке, своим прапрадедом. Предок рассказчика перебрался в Россию (видимо, вначале в Поволжье, затем на Кавказ) из Пруссии или Касселя, владел гостиницей и ресторацией в немецкой колонии Каррас («Шотландке» или «колонке»). Затем его имущество наследовала дочь Анна Рошке. В их ресторации не раз останавливались отобедать молодые русские офицеры, в том числе и Михаил Лермонтов.

Спустя какое-то время после этой встречи Иван Беккер попал на Кавказ. Он посетил места, где бывал великий русский поэт: Пятигорск, Железноводск и бывшую немецкую колонию Каррас (Иноземцево). Иван Беккер убедился, что уехавший к тому времени в Германию загадочный собеседник говорил правду. На доме, которым когда-то владели предки Константина Гейна, имеется мемориальная доска с барельефом Лермонтова и упоминанием о том, что поэт останавливался здесь, а в последний день своей жизни отправился отсюда к месту дуэли. Все совпадало с рассказом Константина Гейна о последнем посещении Лермонтовым ресторации Рошке.

А коврики-паласы в ту пору использовались немкой, содержательницей ресторанички, особым образом: их не стелили на пол, не вешали на стену, а спускали со стены на скамьи для посетителей. Один из них и был подарен рубцовскому музею Константином Гейном. Кроме того, как рассказал теперь уже покойный даритель, его предки долго хранили рукопись стихотворения Лермонтова, якобы посвященного и подаренного Иоганну Рошке. Однако эта страничка бесценного поэтического текста, вероятно, была утеряна в период массовой депортации немцев в годы Великой Отечественной войны...

Но до сегодняшнего дня в музее истории Алтая бережно сохраняются предметы быта из дома Рошке лермонтовского времени: не только коврик-палас, но и две корбочки для ювелирных украшений — одна из хрусталя, другая в стиле Фаберже (клаузонируемого эмалирования). В семье же потомков Рошке передаются из поколения в поколение воспоминания хозяина ресторации, куда М. Ю. Лермонтов заезжал обедать перед дуэлью. По его словам, поэт, покидая дом Рошке, обратился к хозяину: «*Иохан*¹⁴, *приготовьте ящик шампанского за мой счет. Мы скоро вернемся из Пятигорска*»¹⁵.

Итак, поэт, отправляясь на дуэль, обещал вернуться... Действительно ли он надеялся на ее благополучный исход? Вряд ли... Но трусом он не был. А. И. Васильчиков,

¹⁴ Так, по словам мемуариста, М. Ю. Лермонтов называл Иоганна Рошке.

¹⁵ Воспоминания Иоганна Рошке в пересказе И. Г. Беккера приводятся впервые.

один из секундантов на роковой дуэли, позже вспоминал о том миге, который отделил русского гения от вечности. *«В эту минуту, — пишет он, — и в последний раз, я взглянул на него и никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него».*

Когда же выстрел прогремел и Лермонтов упал как подкошенный, *«черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонте, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пели вечную память новопреставленному рабу Михаилу».*

У Лермонтова есть небольшое стихотворение, написанное по-французски. Считается, что обращено оно к А. М. Верещагиной. Стихотворение это, судя по всему, было написано перед отъездом поэта из Москвы в Петербург в 1832 году. Впрочем, кому действительно посвящены лермонтовские строки, остается неизвестным, так же как и то, где сегодня находится проданный в 1951 году с аукциона в Мюнхене автограф этого стихотворения. Но читая (даже в подстрочном переводе) эти стихи, мы понимаем, что строки эти обращены к нам, сегодняшним:

Non, si j'en crois mon espérance
 J'attends un meilleur avenir.
 Je serai malgré la distance
 Près de vous par le souvenir.
 Errant sur un autre rivage,
 De loin je vous suivrai,
 Et sur vous si grondait l'orage,
 Rappelez-moi, je reviendrai

Нет, если верить надежде, меня ожидает лучшее будущее. Несмотря на расстояние, я буду с вами в воспоминаниях. Блуждая на другом берегу, я издали буду следовать за вами; и если над вами разразится гроза, позовите меня — я вернусь¹⁶.

Он обещал вернуться... И он возвращается к нам своими пророчествами, возвращается стихами и прозой, возвращается дождем, соединяющим небо и землю.

¹⁶ Стихотворение находилось в архиве А. М. Верещагиной, к ней оно, по-видимому, и обращено; в собрании сочинений под редакцией Висковатова датировалось 1832 годом (т. I, с. 235–236).

К 270-ЛЕТИЮ И.-В. ГЁТЕ

Исмагил ШАНГАРЕЕВ

БАШКИРСКАЯ СТРЕЛА ИОГАННА ВОЛЬФГАНГА ГЁТЕ

В истории много такого, что кажется невероятным, но является неоспоримым фактом. Так, например, трудно представить, но после победы в Отечественной войне 1812 года на улицах Парижа на великолепных степных конях появились экзотические всадники-башкиры. Эти воины — живая легенда, «северные амурь», как называли их французы, покорили сердца парижан своим дружелюбием и редкой для тех времен опрятностью.

В те легендарные дни известный русский поэт Константин Батюшков писал:

Кипел бульвар в Париже так
Народа праздными толпами,
Когда на нем летал с нагайкою казак
Иль Северный Амур с колчаном и стрелами.

С нескрываемым восхищением писал о башкирских воинах генерал Раевский: «Мы сами удивились опрятности и чистоте их одежды, которую берегли они только для случаев торжественных. Белые кафтаны и красные шапки в сомкнутых рядах нескольких полков представляли новое, но довольно приятное зрелище»¹.

Однако за бравой выправкой и традиционной одеждой времен Золотой Орды башкирских воинов скрывалось уникальное боевое мастерство. И не будет преувеличением сказать, что они стали настоящим ужасом для французов как на поле бое, так и в эпизодических стычках, что происходили по всей линии фронта. Их стрелы (предмет насмешек французов) оказались смертоноснее пуль, так как каждый стрелок был истинным мастером своего дела, чего не скажешь о французских солдатах.

Основным пехотным ружьем французской армии было ружье образца 1777 года. Для того чтобы произвести из него выстрел, солдату было необходимо выполнить 12 приемов: взять ружье наперевес, открыть затвор, скусить конец бумажного патрона и высыпать немного пороха на полку, зарыть полку, поставить ружье вертикально

Исмагил Шангареев — культуролог, писатель-публицист, общественный деятель, Сопредседатель Совета по киноvideовизуализации культурно-исторического пространства Евразии при «Ассамблее народов Евразии», Член президиума Евразийской академии телевидения и радио (ЕАТР).

¹ Раевский А. В. Воспоминания о походах 1812—14 гг. М., 1822.

слева от себя, вытряхнуть остатки пороха в дуло, забить пулю с помощью шомпола. Хорошо подготовленный солдат мог сделать в среднем 2—3 выстрела в минуту, но после нескольких десятков выстрелов приходилось чистить ударный механизм, охлаждать ружье, менять кремль.

Башкирские луки — древнее надежное оружие, не требующее ничего, кроме искусства, которому по тюркской традиции мальчиков обучали с 5 лет. В ближнем бою, стрела, пущенная искусной рукой, не уступала пуле по степени поражения, нанося ощутимый урон французам, которые быстро перестали шутить на тему «северных амуров».

Легендарный герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов докладывал о подвиге конников 1-го Тептярского полка: «18 числа (сентября) посланный мной в партию майор Тимиров с вверенным ему 1-м Тептярским полком атаковал неприятеля, взял 125 человек в плен и одну фуру с артиллерийскими снарядами». Кстати, сам Денис Васильевич Давыдов происходил из известного рода Давыдовых, начало которому положил еще в XV веке выходец из Золотой Орды знатный мурза Минчак.

Военные подвиги башкирских воинов не остались незамеченными и получили должное признание. Так, император Александр I поручил оренбургскому военному губернатору Волконскому объявить от лица России «благоволение» башкирам и мишарям, живущим в крае, за их «похвальное усердие Отечеству».

Внесла свою лепту в победу в Отечественной войне и башкирская стрела, оставив в Западной Европе свой символический след.

Эпизод первый касается артефакта, который представляет собой башкирская стрела на шпигеле кирхи церкви Святого Лауренция в коммуне Шварца на земле Тюрингия. А дело было так. Весной 1814 года башкирские воины в составе русской армии возвращались на родину из военного похода, закончившегося в Париже. Их путь в родные края пролегал через земли Германии, где их встречали с радостью и почетом. 14 апреля 1814 года по приглашению принца Карла Гюнтера башкирская конница прибыла в деревню Шварца. Для торжественной встречи местные жители собрались во дворе церкви Святого Лауренция. Только представьте себе, с каким нескрываемым интересом они разглядывали диковинные одежды и амуницию башкирских воинов. Усомнившись в боеспособности башкирского лука (подобные сомнения стоили французским солдатам весьма значительных потерь), Карл Гюнтер предложил башкирским воинам сделать показательный выстрел, указав рукой в сторону кирхи.

Башкиры, воспитанные в мусульманских традициях почитания религиозных святынь, не посмели пустить стрелу в храм, обратившись за соизволением к местному священнику. Святой отец, не смея перечить принцу, дал свое одобрение. Но и здесь все произошло согласно исламским традициям. Один из башкирских воинов в мгновение ока положил стрелу на тетиву, и она устремилась в направлении кирхи.

Башкирский воин выстрел так, чтобы не осквернить храм и в то же время показать, какое грозное оружие было в его руках. Послышались возгласы изумления. Жители деревни Шварца не могли поверить своим глазам: «Башкирская стрела застыла над церковной колокольной, пронзив на вершине шпиля — небольшое металлическое яблоко. По современным расчетам (учитывая угол наклона стрелы и высоту шпиля церкви) выстрел осуществлялся с расстояния примерно ста метров».

Башкирский писатель Яныбай Хамматов в процессе подготовки материалов о военном походе русской армии 1813—1814 годов для исторического романа «Северные амурь» (в своем произведении автор во многом по-новому описывает военные события 1812—1814 годов, включая Отечественную войну 1812 года и войну шестой коалиции), проводя в том числе полевые исследования историко-этнографической направленности, посетил немецкую коммуну Шварца.

Согласно его данным, «легендарная стрела не сохранилась до наших дней, — деревянное древко со временем рассохлось, и щепка осыпалась. Но жители Шварцы не забыли об удивительных воинах и в память о меткости башкирских батыров установили металлическую копию знаменитого артефакта. Новая стрела долгие годы красовалась над колокольной церкви Святого Лауренция, став для жителей городка своеобразным символом свободы, независимости и долгожданного мира».

Эпизод второй связан со стрелой, подаренной крупнейшему мыслителю в истории Иоганну Вольфгангу фон Гёте.

А дело было так. Однажды в недавно освобожденном от французов Веймаре встретились представители на первый взгляд далеких друг от друга культур — великий Гёте с одной стороны и группа башкирских всадников в необычных одеждах, вооруженных саблями и луками с другой. Ясный ноябрьский день придавал этой встрече особую праздничность и торжественность.

Всадники спешили у дома, подаренного Гёте в 1794 году герцогом Карлом Августом «за многолетние заслуги» и практически не пострадавшего в ходе боев. Легендарных башкирских воинов вышел встречать сам хозяин дома, который был задуман и как музей, и как лаборатория, и как библиотека.

По сути, это был универсальный институт Гёте, одного из основателей морфологии, научные труды которого (о растениях) опередили гениальные открытия Дарвина. Ну, а то, что великий поэт открыл не исследованную анатомами межчелюстную кость, говорит о том, что перед башкирскими воинами предстал человек, встреча с которым уже сама по себе историческое событие.

Впрочем, надо сказать, что и перед Гёте стояли не просто храбрые воины и непревзойденные стрелки из лука. Важно особо отметить, что из офицеров русской армии многие мечтали встретиться с великим поэтом, произведения которого будоражили умы современников, идеями, которые намного опережали свое время. Для читателей, возможно, будет открытием, но командиры башкирских полков имели весьма солидное образование, многие из них владели иностранными языками, серьезно увлекались западноевропейской литературой.

Поэтому вполне закономерно, что, познакомившись с уникальным музеем Гёте, один из башкирских почитателей таланта мыслителя, сотник Усман Гумеров преподнес ему в дар боевой лук и искусно отделанный колчан со стрелами.

Передо мною редкая книга писателя, друга и биографа великого создателя «Фауста» Иоганна Петера Эккермана «Разговоры с Гёте». В ней он рассказывает о подарке башкирского сотника.

— А знаете что? — спросил Гёте с таинственным видом. — Кажется, у меня есть вещица, которая вам будет по сердцу. Что вы скажете, если мы сойдем вниз и я дам вам настоящий башкирский лук?

— Башкирский лук? — с одушевлением вскричал я. — И настоящий?

— Да, настоящий. Пойдемте же.

Мы сошли в сад. Гёте отворил дверь небольшой пристройки: в комнате были навалены на столах и висели на стенах всякого рода редкие и замечательные вещи. Я бегло осмотрел эти сокровища, отыскивая глазами лук.

— Вот он, — сказал Гёте. — Я получил его из рук башкирского сотника. Ну, что вы скажете?

Я с радостью взял в руки драгоценное оружие. Тетива мне показалась исправной. Испробовал ее и нашел, что она достаточно упруга.

— Лук превосходный, — сказал я. — Особенно мне нравится его форма.

— Из какого он дерева, по-вашему?

— Он обтянут, как видите, тоненькой берестой, а потому дерево видно только на концах. По-моему, это орех.

— Что ж, попробуйте, — сказал Гёте. — Вот и стрела. Куда станете стрелять? — Сперва в воздух, — ответил я.

Я пустил стрелу вверх; стрела летела хорошо и при падении воткнулась в землю.

— Теперь позвольте мне, — сказал Гёте.

Я порадовался, что и он хочет стрелять, подал ему лук и поднял стрелу. Гёте приладил ее к тетиве, затем прицелился вверх и спустил тетиву. Он был точно Аполлон, состарившийся телом, но одушевленный несокрушимой юностью. Стрела взлетела невысоко. Я побежал и поднял ее.

— Еще раз, — сказал Гёте.

Он прицелился в горизонтальном направлении вдоль дорожки. Стрела пролетела шагов тридцать. Не умею сказать, до чего мне было весело глядеть на Гёте; мне вспомнились стихи:

Иль старость меня покидает?
Иль вновь я детей становлюсь?

Я принес ему стрелу. Он попросил меня пустить ее в горизонтальном направлении и указал цель — пятно на ставне своего кабинета. Стрела попала неподалеку от цели, но так сильно вцепилась в дерево, что я не смог ее вытащить.

— Пусть она там и остается на память о нашей забаве, — сказал Гёте...

История обладает удивительной многослойностью, причинно-следственные связи пронизывают ее, как кровеносные сосуды, создавая сложные узоры скрытых смыслов. Незадолго до встречи в доме Гёте произошло событие, которое впоследствии стало одной из причин его увлечением культурой мусульманского Востока и, прежде всего, религией ислама. Гёте присутствовал на намазе башкирских воинов. О последнем событии читаем в письме от 5 января 1814 года. Гёте — Требру: «Говоря о пророчествах, должен тебе сказать, что сегодня происходят такие вещи, которые ранее пророкам не позволили бы даже и произнести. Кто бы позволил еще несколько лет назад высказать предположение, что в нашей протестантской гимназии может проводиться магометанское священное богослужение и будут читаться суры из Корана. И все же это произошло, и мы присутствовали на богослужении у башкир, видели их муллу и приветствовали их князя в театре. Из особого расположения ко мне, на вечную память мне были подарены лук и стрелы, которые я повесил над своим камином. А некоторые из наших особо религиозных дам даже заказали в библиотеке перевод Корана».

Понятно, что это только первый опыт погружения в иную культуру, но пройдет не так много времени, и Гёте напишет:

Не чушь ли — все в тщеславии убогом
Суть под себя лишь тщатся подогнать!
Когда ислам и вправду послан Богом,
Нам всем в исламе жить и умирать.

(«Западно-восточный диван»)

Ясная и сильная мысль, достойная не просто мусульманина, но имама, проповедника, человека, распахивающего двери исламского мира для каждого, кто желает общиться к мусульманской вере. Вы подумайте, какой необыкновенной силы слова: «Нам всем в исламе жить и умирать». И ведь это обращение к людям земли! Это поистине грандиозно, когда великий европейский поэт говорит одной фразой, подво-

дит итог многовековым спорам об исламе, о миссии пророка Мухаммада. Башкирская стрела, пущенная когда-то Гёте (в случае, описанном Иоганном Петером Эккерманом), видится мне сегодня одним из символов диалога культур, в котором даже оружие обретает иной — гуманитарный — смысл, превращаясь в «стрелу времени», устремленную в будущее.

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Ночной принц. Сост. Е. Б. Белодубровский, Д. К. Равинский. СПб.: Реноме, 2018. — 288 с. — (Серия «Санкт-Петербургская фантастика Серебряного века»).

В книге собраны малоизвестные, порой забытые даже литературоведами произведения писателей Серебряного века: С. Ауслендера, А. Иванова, А. Измайлова, И. Лукаша, С. Михайлова, А. Рославлева. Объединены они темой «петербургской фантастики». О специфике этой фантастики, связанной с ирреальной атмосферой города, спроектированного на редкость рационально, размышляют во вступительной статье «Город снов и туманов» составители сборника Е. Белодубровский и Д. Равинский. «...Снова и снова разные поколения петербуржцев убеждены: только здесь, только в этом странном городе могла явиться Германну тень старой графини, только здесь мог разгуливать по улице нос майора Ковалева, только здесь, в клубке метелей, могли повстречаться в новогоднюю ночь персонажи „Поэмы без героя“». Особая аура города, пропитанная мифами и легендами, породила особую литературу, «петербургскую фантастику», у истоков которой стоят Пушкин и Гоголь. Именно они, констатируют составители, первыми ощутили Петербург не только как величественный город, столицу империи, «окно в Европу», но и как духовный феномен, как тайну, манящую и неразрешимую. И все XIX столетие фантазмагория Петербурга находила отражение в литературе, особо глубоко и остро ощутил иррациональную сторону Петербурга Достоевский. Серебряный век, отмечают составители, породил особое отношение к Петербургу, доселе считавшемуся мрачным и казенным, благодаря мирискусникам в 10-е годы XX столетия была заново открыта красота Петербурга. Можно найти различные объяснения фантастической стороны жизни Петербурга: особое энергетическое поле, уникальные метеорологические условия, порождающие особую атмосферу, следствием которой и являются события необычайные. «Петербургскую фантастику» составители определяют как литературу, находящуюся на грани между фактом и вымыслом, никогда не относясь всецело ни к тому, ни к другому. Петербург — это город, где, если верить С. Ауслендеру, «камни мостовых, стены старых домов, площади, дворцы и церкви много таят в себе загадочных, странных историй. Страшные преступления, прекрасные подвиги совершались здесь когда-то. Никто не знает, что было, как было». В представленных рассказах происходят события странные, жутковатые и забавные, но определяющие судьбы героев. Приключения поджидают любого из героев из-за каждого угла, изгиба набережной, подъезда, фонарного столба, полицейского участка. Таинственный незнакомец причудливым образом помогает мучимому эротическими видениями юноше пройти инициацию; ясновидец и магнетизер, аналог Калиостро, спасает от опалы молодого поручика, ставшего невольным свидетелем того, как фрейлина Нелидова запустила золоченую туфельку в Павла I; призрак Суворова преследует старика, только что получившего телеграмму о гибели сына на фронте; повстречавшийся с Германном карточный игрок Соколовский после попытки отыграться угрождает

в сумасшедший дом; колдовской стереоскоп погружает героя в Петербург его детства, мертвый город, населенный призраками людей; история черной треуголки позволяет проследить перипетии судьбы Ломоносова. И всегда воскресают в призрачном очаровании былой Петербург и его обитатели, подробности их быта, стиль отношений. Подробные комментарии проливают свет на судьбы писателей. И понятно, почему так долго не печатали произведения С. Ауслендера (1886—1937, 1943?), сын народовольца, не принявший революцию, был обвинен в антисоветской агитации и пропаганде и приговорен к расстрелу. И почему неизвестным оставался И. Лукаш (1892—1940), писатель, воевавший в Гражданскую войну в армии А. Деникина, эмигрант, друг и соавтор В. Набокова. Биографии делают понятным и выбор тематики авторами. Так, А. Рославлев (1883—1920), всем сердцем революцию принявший, является автором рассказа «Ангел Литовского замка», где ночами Ангел с крестом сходил с кровли тюремной церкви и обходил в тюрьму, а согласно легенде, в день, когда Ангел уронит крест, все выйдут на свободу. Литовский замок, городская тюрьма в 1822—1917 годах, был сожжен в феврале 1917-го. В пожаре забыли в одиночке политзаключенного, ему Ангел предложил сложный выбор — спасти тело или душу. Рассказ А. Измайлова (1873—1921) «Букинист» отражает интересы автора, библиофила, тяготеющего к мистике. «Тайна и сегодня скрыта в старых зданиях, прямых улицах, горбатых мостиках и памятниках на пустых площадях», — уверены составители. Может ли быть иначе? Если верить И. Лукашу (рассказ «Черт на гауптвахте»), однажды князю Андроникову, ротмистру Его Величества лейб-драгунского полка, удалось словить на улицах города черта и доставить его в казармы, где черт вырвался из рук князя. Ловили уже все: «Князю видать, а драгунам не видно. Но ежели начальство видит, значит, черт есть». Посадили черта на гауптвахту и отправили рапорт командиру полка, принцу иностранных кровей. «Полагаю, ежели бы в эти дни командовал полком русак, понимающий наш причудливый русский дух, вышли бы из всей этой истории совершенно другие последствия». А так «рапорт вернулся в казарму с такой надписью принца: „Черта немедленно выпустить, а князя Андроникова немедленно посадить на его место, до вытрезвления...“ Так черт и ушел. Так и гуляет снова в Санкт-Петербурге...»

Налет на Олимп: Проза и стихи. СПб.: Северо-Запад, 2018. — 164 с. — (Серия «Петраэдр»).

Среди авторов сборника авторы из разных уголков России, стран дальнего и ближнего зарубежья, именитые и малоизвестные. Почти две трети из них — питерцы. Посвящен сборник отражению античности в современной литературе. В предисловии А. Гушин предрекает: «...тот, кто внимательно прочтет произведения авторов из этого сборника, прозаические и стихотворные, поразится, насколько широко античные аллюзии вошли в сознание современного человека». И дело не только в том, что именами античных богов названы многочисленные фирмы, предприятия и художественные организации, торговые бренды. Олимпийцы с их человеческими страстями понятнее, чем другие, наследующие им боги. Да и писать об олимпийских богах «безопаснее, чем о героях действующих мировых религий в подобном фривольном ключе — обретешь неприятности и проблемы. Но на Олимп сегодня совершенно безнаказанно можно совершить литературный „налет“, — иронично замечает А. Гушин. А в мире греческой мифологии авторы действительно чувствуют себя настолько вольготно, что могут полностью погрузиться в него, как А. Илин: «В открытом море Одиссей, / Тесей блуждает в лабиринте, / спасает пением Орфей, / и Феб скорбит о Гиацинте»; «За прекрасной Афродитой / грациозные хариты, / смех рассыпав по лужайке, / пробегают дружной стайкой, / и в кругу друзей-повес / веселится бог Гермес. / Нанектарившись не в ме-

ру, / Зевс поругивает Геру». Или создать сценарий короткометражного фильма, в котором выясняют отношения повзрослевший Эрот-Купидон и его мать Афродита-Венера (М. Амфилохиева «Эти недетские игры»). А могут и поместить олимпийцев в современность, с юмором повествуя об их приключениях. Как это сделала Э. Воробьева в рассказе «Зеофилактес Попаданис», где в комнату хозяина с выигранной по лотерее картины с невнятным воем, словно по ту сторону картины ему отвесили пинка, вывалился завернутый в белую простыню гость с кудрявой головой и крылышками на спине. Вкусив благ цивилизации, попутно научив дворовых гопников вещать высоким поэтичным стилем («встаньте, герои двора, разомните застывшие члены...»), назад возвращаться он явно не хочет. А в рассказе А. Ветлугиной и Д. Максименко «Триумф № 8» олимпийские боги ведут свой блог, борются с антивирусом, Гермес интересуется, можно ли приносить жертвы криптошекелями, Афродита — конкурсами красоты и модами, а Зевс делает глубокомысленные заключения: «Нет, человечество скучно, но любопытен биткойн». Есть сюжеты и реалистические, как в рассказах Г. Арслан, где юные героини только-только вступают в жизнь; или в рассказе Т. Берцевой «Было — не было», героиня которого, прибыв на ботаническую конференцию в Салоники, в одиночестве совершает восхождение на Олимп. Характерно, что при изобилии фантазийных сюжетов совершенно не представлена научно-техническая фантастика. Авторы интересуют человека: проблемы выбора, поиск стержневых опор в неустойчивом, хрупком мире. В лавке страхов (Б. Аск «Лаборатория страхов») есть и флаконы с эссенциями страхов (смерти, одиночества, бездетности, бедности, многодетности) — их покупают, чтобы сделать зло ближнему своему, — и бутылочки с положительными эмоциями. «Мы открыли лавку для приема страхов и обмена их на радость. Но люди не хотят радости. День изо дня все идут, чтобы прикупить страхов. И это притом, что радости мы раздаем бесплатно». И все-таки торговцам-мудрецам удастся изменять злые желания на добрые. Как? Это и есть содержание рассказа. Будущую судьбу спящему человеку выбирают муза, маленькая изящная особа, и крылатый юноша такого же «игрушечного» роста с золотисто-желтыми кудряшками и блестящим нимбом вокруг головы (Т. Минасян «Ангел и муза»). Спор идет о том, что предпочтительнее: риск и действие, к которым подталкивает муза, или покой и осторожность, за что выступает ангел, желающий уберечь своего подопечного от возможных трудностей и проблем в будущем. За юмористическими диалогами — столкновение двух мировоззрений. Апокалипсис в Москве: упавшая Боровицкая башня, рушащиеся эстакады, клубы черного дыма, замерзшая река (А. Тойгер «Око»). А все потому, что при установке арт-инсталляции на одном из зданий «Москва-Сити» невинная игра света и тени породила монстра, «Око Саурана». Сработал принцип: «Мироздание отвечает на четкие запросы», хотел врага, его и получил. Спасти мир помогла перезагрузка, другой четкий запрос пришел из книги «Русские народные сказки». Эффект: «Над городом поднимались столбы дыма. ...Миллионы уцелевших граждан выходят из подвалов и подземных переходов... и смотрят вверх — туда, где на уровне туч плывет по небу сияющий силуэт былинного всадника в латах и шлеме. Копье в руках всадника устремляется вверх, и там, на острие, ярко-красным червем извивается пронзенный огненный змей». У Анастасии Влади (Asienka) в рассказе «Последний день Олимпа» действие происходит на гибнущей космической станции «Олимп». Последняя блогерская запись девушки, попавшей под «сокращение», то есть приговоренной к уничтожению: «Уходить не страшно — была такая детская сказочка о том, что за дверью агрегатора каждого ушедшего будет ждать волшебный мир, где много разноцветных, преимущественно зеленых растений, есть пушистые звери, которых можно погладить. И там не надо сдерживать дыхание: потому что вокруг так много драгоценного кислорода. Я, пожалуй, хочу в этот сказочный мир... Ну вот осталось десять минут... Почему-то пришла в голову та история про бога — знаете, в ней ошибка. Это не бог умер вместе с миром — это мир умер,

когда умер бог...» В разных по мастерству (а удачных — много) произведениях подкупает общий посыл: стремление к добру и свету. Бог не должен умереть.

Николай Боровков. Иванов проживал в Ливерпуле. Художник Елена Эргардт. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; Гриф, 2018. — 40 с.

Забавные пятистишия с абсурдным содержанием, с гротесковыми персонажами, часто попадающими в нелепые ситуации. Например, такие: «Егоров, сорвавшись с дуба, / Кричал на прохожего грубо: / „Что сморишь, балда? / Или ты никогда / Не видел, как падают с дуба?“» Или ситуации, типичные для всех времен, но не очень приятные: «Взыскательный житель столицы / Девицу искал, чтоб жениться. / Век быстро промчался, / И бедный скончался, / Не встретив достойной девицы». А в какой век, в какой стране люди не были подвержены маленьким человеческим слабостям? Примеры? «Фрау Кох от душевной тоски / Непрерывно взяла носки. / Как довяжет носок, / Съест индейки кусок — / И садится опять за носок». Или: «Всем известная модница Долли / Обладала большой силой воли: / Больше часа могла / Не смотреть в зеркала — / Вот какая была воля у Долли!» Серьезные люди давно определили жанр озорных пятистиший — лимерики. Когда и как возник этот поэтический жанр, точно не известно, хотя традиционно он связывается с именем английского художника и поэта Эдварда Лира (1812—1888). Но отнюдь не Э. Лир был первым сочинителем лимериков. Пятистишия подобного рода дошли до нас и из XVIII века, и из XVII века. Даже почтенный Фома Аквинский в своем XIII веке баловался лимериками! В Европе они были тем же самым, чем в России частушки — озорной сплав бессмыслицы и здравого смысла. Сам признанный основоположник жанра понятием «лимерик» не пользовался: словари фиксируют это слово лишь в самом конце столетия. Однако его «Книга чепухи» (1846 год) повлияла на творчество многих последователей Э. Лира, а среди них и Льюис Кэрролл, и Беккет, и даже Джон Леннон. В XX веке оригинальные лимерики появились на разных языках, в том числе и у нас. Эта затейливая, умная и тонкая книга создана двумя замечательными авторами. Николай Боровков — известный драматург и режиссер кукольного театра, автор стихов и прозы для детей и взрослых. Елена Эргардт — книжный график, успешно проявивший себя в совершенно разных темах, жанрах и художественных приемах. Лауреат международного конкурса «Образ книги-2018» за ряд книжных работ, в том числе и за книгу лимериков, только появившуюся из печати. Веселые стихи в сопровождении не менее забавных и причудливых иллюстраций, выполненных в изысканной цветовой гамме, составляют одно целое. Внешняя простота лимериков обманчива. Не так все просто с ними. Например, форма. В послесловии поэт, переводчик М. Яснов пишет: «Веселое дело — сочинять лимерики! Всего пять строк, а сколько радости! Лимерик — стихотворение абсурдное, в нем происходят неожиданные, да просто невероятные события. Но построен он по железным законам. В первой строчке появляется персонаж — чудак или чудачка, которые живут в каком-нибудь чудачном, то есть удачном для лимерика, месте. Во второй строчке эти чудачки из чудачного места совершают нечто чуд(ное), чуд(есное), но чаще всего — чуд(овищное): две следующие строки, короткие и колкие, рассказывают о последствиях этих при(чуд)ливых событий, итог которых подчеркивает последняя, пятая строчка. В лимерике очень важно не забыть про размер, графическую форму и, конечно, игровую рифму, на которой, собственно, все держится. Столько маленьких правил на таком крохотном поэтическом пространстве...» Неприятательные на первый взгляд забавные пятистишия имеют и умное содержание, множество вложенных смыслов, неожиданно серьезный подтекст. Иногда совсем беззлобный, насмешливый: «Раз одной непоседливой даме / Довелось побывать в Амстердаме, / И любой разговор / Начинался с тех пор: / „Вот когда я была в Амстердаме...“» Всег-

да ироничный: «Петрухин, родившись актером, / Всю жизнь проработал вахтером, / Но часто бывало, / Он роль генерала / Играл, оставаясь вахтером». А порой и едкий: «Два писателя из Переделкино / Переделали „Повести Белкина“. / На вопрос: „Как же так?!“ / Отвечали „Пустяк! / вышло даже смешней, чем у Белкина“».

Аркадий Виноградов. Сирия без вранья. М.: РИПОЛ классик, 2017. — 218 с. — (Заграница без вранья).

Сирийская тема не сходит с экранов телевизоров. Сирия сегодня — центр военного конфликта на Ближнем Востоке. Но еще недавно была и другая Сирия, безопасная во всех отношениях. Страна, где мирно уживались сунниты и шииты, алавиты и друзы, христиане (православные, католики и протестанты) и евреи. Жили большими семьями в просторных квартирах и домах, обставленных мебелью из натурального дерева. Как правило, в городских квартирах — большой балкон или терраса, где стояли столы и диваны. Вечером там собиралась вся семья насладиться прохладой. Жители деревушки в провинции Дэраа обитали в красивых каменных домах с колоннами и балконами, около каждого дома — бассейн для купания, для полива участка. После смерти Хафеза Асада в стране наметились перемены в лучшую сторону, стало больше демократических свобод. Строились жилые дома, отели, торговые центры, развивались промышленность и наука, выпускаемые по западным лицензиям лекарства стоили дешевле, чем в Европе. О благоустроенной довоенной жизни сирийцев рассказывает Аркадий Виноградов, двадцать пять лет проработавший в Сирии. Он рассказывает о повседневной жизни сирийцев, о национальных праздниках, об особенностях быта, о традициях и о национальных чертах характера сирийцев, людей гостеприимных и жизнерадостных. Разве что несколько непунктуальных и беспечных, зато всегда готовых прийти на помощь. Так, «если ты остановился случайно на дороге около дома, особенно в деревне, то хозяин выйдет из дома, поинтересуется, нет ли каких-либо проблем, и пригласит в дом выпить чашечку кофе или чаю». И не попросит за это заплатить. Это очень живое повествование: встречи, беседы, ситуации и, конечно, люди. А еще — подробный рассказ об истории страны на стыке трех континентов, которая всегда привлекала внимание многочисленных завоевателей, о многочисленных религиозных конфессиях и их представителях, об уникальных памятниках древних государств, христианской и мусульманской культур. И не только всемирно известных, но и тех, о которых долгое время умалчивалось. Сирия открыла двери для международного туризма только в начале нынешнего тысячелетия, индустрия туризма только начала складываться — в туристические маршруты входили несколько основных достопримечательностей, несчетное количество уникальных памятников оставалось недоступно для туристов. За четверть века работы в стране А. Виноградов посетил и известные места, и самые отдаленные уголки Сирии, колыбели цивилизации. Здесь в местечке Эбла был обнаружен древнейший город на земле. В прибрежном городке Угарит, упомянутом во многих древних текстах, нашли глиняный брусочек с первым в истории человечества алфавитом. В Северной Месопотамии (Джазире), «стране тысячи позабытых столиц», где раскопки начались лишь в первой половине XX века, почти под каждым холмом «спит» центр древнего государства. В городе Хама сохранились остатки древней оросительной системы. Между городами Хомс и Хама, в стороне от туристических маршрутов, лежит древняя Апомея, значительно превосходящая по площади Пальмиру. Первые упоминания о Дамаске встречаются в древнеегипетских папирусах еще в XVIII веке до н. э., о Дамаске говорится в Первой книге Ветхого Завета, пятнадцать раз он упоминается в Библии. С Сирией связаны ярчайшие страницы христианской истории. На горе Касьюн, которую опоясывает Дамаск, произошло первое убийство на земле. На месте, где Каин убил своего брата, — часовенка. На ме-

сте первого захоронения в истории человечества выстроена мечеть, в ней — семиметровый саркофаг с прахом Авеля (считается, что рост Авеля был около семи метров). В Дамаске в самой знаменитой мечети мира, мечети Омеядов, в центре огромного зала есть часовенка, где, по преданию, захоронена голова Иоанна Крестителя, с другой стороны мечети — мавзолей знаменитого воина и полководца Салах-ад-Дина, начавшего войну по выдворению с арабских земель рыцарей-крестоносцев. В Дамаске сохранилась церковка, где прятался от преследователей зарождающейся христианской веры новообращенный Павел. Недалеко от Алеппо — базилика и монастырь Святого Симеона Столпника, просидевшего на столбе тридцать семь лет. А. Виноградов побывал в Сирии и после начала войны. Он видел, что случилось с христианскими деревнями Маалюля и Седнайя, где до сих пор говорят на арамейском языке, на котором, по преданию, говорил сам Христос. Разграблены боевиками запрещенной в нашей стране ИГИЛ христианские церкви этих деревень, исчезли сказочные, лепящиеся к скалам домики Маалюли, пострадали древнейшие монастыри. Христианскому миру, да и всему человечеству нанесен невосполнимый ущерб. В заключение автор пишет о том, почему спокойную во всех отношениях страну втянули в гражданскую войну, о ситуации, сложившейся в настоящее время не только в самой Сирии, но и на всем Ближнем Востоке, о том, как развивался конфликт. Ежедневные телевизионные сводки становятся историей.

Гилберт Кийт Честертон. Краткая история Англии и другие произведения 1914—1917: Эссе. СПб.: Лимбус Пресс, 2017. — 400 с.

Гилберт Кийт Честертон (1874—1936), мастер детектива, подаривший читателю отца Брауна, явлен с неожиданной стороны. Представленные в книге работы, написанные в самый разгар Первой мировой войны, на русский язык прежде не переводились: сначала было не до того, а потом, с учетом отношения Честертон к Марксу, и подавно. В Англии их тоже не переиздают: слишком неполицорректными они сегодня выглядят. Их появление связано с пропагандистской войной, развернувшейся, помимо обычной войны, между Германией и Англией. К ней правительство Великобритании призвало лучшие перья страны: Р. Киплинга, Д. Голсуорси, Т. Гарди, Г. Уэллса, А. Конана Дойла, Г. Честертон. Для привлечения в английскую армию добровольцев, к союзнничеству с Великобританией нейтральных стран требовалось создать привлекательный образ островного государства и негативный — ее врага. На манифест 93 германских интеллектуалов, защищавших честь Германии, Г. Честертон ответил эссе «Варварство Берлина», где выступил против губительных идей, поражающих сознание людей вне зависимости от цвета флагов над их головами. В европейском пожарище он увидел набирающие силу национализм, расизм, пангерманизм. Варвары для него — это те, кто враждебен цивилизации, рушит сложившиеся устои. К новой и бесчеловечной нравственности относит он отрицание принятых государством международных обязательств, когда любые договоренности растворяются перед «необходимостью». В то время как даже дикари держат свои обещания. Он опровергает усомнившихся в том, достаточно ли прилична и демократична Россия, особенно в сравнении с Пруссией, чтобы быть союзником либеральных и цивилизованных держав. Его аргументы: эта цивилизация выжила под гнетом варварства; она — единственная великая нация, которая изгнала монголов из своей страны и продолжила препятствовать их присутствию на ее континенте; Россия единственная из европейских держав никогда не поддерживала Полумесяц против Креста. И она — последовательна в своем поведении, у нее есть определенные и ясные цели и, как минимум, идеалы, ради которых она готова идти на жертвы и будет защищать слабых. «Допустим, эта политика угнетает финнов и поляков — хотя поляки в России угнетены куда меньше, чем поляки в Прус-

сии. Но вот простой исторический факт: даже если Россия и является деспотом для некоторых малых народов, то для других малых народов она освободитель. Она освободила или по крайней мере помогала освобождению сербов и черногорцев. Кого же освободила Пруссия — хоть бы и случайно?» В эссе «Преступления Англии» Честертон предъявил счет правящему классу Англии, обвиняя его в том, что именно Англия помешала Европе положить конец пиратской гордыне Фридриха Великого, позволила Блюхеру утопить победу над Наполеоном в кровавом болоте, дала возможность Бисмарку среди бела дня ограбить миролюбивого датского короля, а прусским головорезам захватить французские провинции. А еще говорил о том, о чем вспоминать не принято в Англии — об истории предательств Шотландии и Ирландии Англией. «И еще мы были абсолютно неправы, когда восхищались бездушным прусским образованием и копировали бездушные прусские законы». О простых англичанах — среднем классе, работягах он всегда писал уважительно. В «Краткой истории Англии» Честертон попытался заново ответить на вопросы: кто такие англичане, от кого они произошли, к чему стремились и во что верили, кто их подлинные друзья и кто их подлинные враги. Временной период — от глубокой древности до начала XX века. И все-таки главным персонажем этой истории является средневековая Англия — страна, с точки зрения автора, не только погубленная и забытая, но еще и оболганная. Именно тогда, в старой «веселой» Англии, жили по-настоящему свободные и ответственные люди. Тогда под коркой средневековой монархии вызрела подлинная демократия: средневековые поселения имели не просто самоуправление, но самоуправление, сложившееся на данном месте по народной инициативе. Цеха ремесленников и гильдии собственников защищали права своих членов. Самыми последовательными и активными радетелями свобод оказывались приходские священники и религиозные братства. Развивалась экономика. Стремление к эстетическому совершенству отражалось в красоте предметов быта. Великая средневековая революция была предана Палатой общин в ходе Реформации. Палата общин подмяла под себя и церковь, и монархию, и толпу. Это единственное уцелевшее из всех средневековых творений породило беспрецедентно могущественную аристократию, правящий класс Англии. В современных конституционных странах, отмечает Честертон, практически нет политических учреждений, созданных народом, — все они лишь получены народом, в средневековые были. Честертон свободно оперирует фактами, событиями многоцветной истории Англии, много внимания уделяет религиозной составляющей в истории Англии, вписывает происходившее в международный контекст, дает парадоксальные оценки реальным историческим лицам, критикует процесс германизации Англии, начавшийся с приходом ганноверской династии. Большое значение придает легендам, мифам, народным преданиям, без которых истории не понять, ибо они — живая память об определенных вещах, сохранившихся в народном сознании. И делает вывод, актуальный на все времена: «Человек, не ведающий своего прошлого, возвращается в него точно так же, как потерявший память совершает действия, руководствуясь подсознанием. Можно сказать, что история повторяет свой путь и — что самое забавное, делает это бессознательно». Код нации.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

НА ИОРДАН

Часть 4

Из Иерусалима к Иерихону

Из повествований «иорданских пилигримов», следовавших по пути **Иерусалим—Иерихон—Иордан**, можно составить небольшую антологию.

Иеродиакон Иона Маленький (1650—1651): «Путь ко святому Иордану: идти по горам каменным, и меж гор путь тесен, и с тех гор сойти вниз на поле; и на том бо поле был град древний Ерихон; а ныне на том месте село, живут арапы; там же и воды Елисеевы, источник течет. Мы же в том месте ночевали; а было нас богомольцев полторы тысячи, а для сберегания из Иерусалима выезжал паша турецкой (турецкий) с войском своим: а войска с ним конных и пеших шестьсот человек, для того, что дикие арапы исходят из гор и побивают богомольцев: того ради собираются многими людьми и тако ходят на святой Иордан, и от тех мест до Иордана полем идти верст за 12; земля плодovита зело, древесна сладкого плода <...> Близ же того святого Иордана направо монастырь святого Предтечи, ныне разорен, токмо стены знать; а налево монастырь святого Герасима, разорен же. И не дошедшим нам преждереченного Ерихонского села, паша сам стал в поле, и тут повелел собрати со всякого богомольца по три ефимка за прохождение»¹.

Арсений Суханов (1652 г.): «В понедельник на Страстной неделе все народы пришли в Иерусалим поклониться святым местам от всех стран всея вселенныя. Старые и молодые, иноки и миряне, женский и мужеской пол, греки, франки, армяне и прочие еретики, иже нарицаются христиане, все рано, в отдачу часов, пойдут от града в Гефсиманские врата, иные же в Сионские, и сойдутся оboи, прешед Юдоль плачевную, на одну дорогу в Вифанию и на Иордан; овии на конях, овии пеши. В то же время и паша иерусалимский выходит с войском своим для оберегания поклонников от пустынных степных арабов. И так идут все горами и ущельми даже до Иордановой долины; иже у елисеевых вод, где пророк Елисей горькие воды в сладость претворил. И на то место пришли после полудня, и тут стали все: паша с войском в шатрах, прочие же поклонники между кустовья под древами; и тут ночевали. Тут был град Иерихон, а ныне пусто, не знать ни мало, где град был; и есть здание многое, ино цело, а ино

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Путешествие к святым местам, совершенное в XVII столетии иеродиаконом Троицкой Лавры [Иона Маленький]. М., 1836. С. 30—31.

разорено; и то знатно в недавние лета строено и паки разорено, а не древнего Иерихона. Да тутож село, живут арабы»².

Из записок инок Серапиона (1749 г.)

Когда выбрались все уже за город и собрались все в купу, греки, франки, армяне, кофи (копты), сириане и граждане иерусалимские, тогда пришел сам мусулим турецкий, по-нашему — полковник, такожде сипая, по-нашему — сотник, а с ними многое турецкое, со оружием и хоругвями, с тимпанами и играми, пришло воинство, и велел ступать зараз сидящим на верблюдах, по два человека, а попереду многие турки на конях шли, за которыми все поклонники на верблюдах и ослятах ехали; другие же турки, вооруженные около поклонников, где можно, бегали и строй чинили, и мног тогда утиск и крик между народом был, единое от великого утеснения, другое же от узкого и тесного пути, к тому же и страшная совершается: горы высокие и яры преглубокие, каменные, несказанно тесен путь, страх и трепет отвсюду, а не иначе, от арапов и разбойников; бо оные там всюду по горам в каменех и скалах, яко мыши живут, и весьма бы туда не можно пройти, когда бы не турки с великой силой провожали.

Мы там того дня, покамест с тех гор выбрались, великой беды набрались; а полезши с тех гор и пропастей каменных, шли уже меньшую половину ровным и гладким полем, даже до святого Иордана; но мало не приходя, заночевали на том поле, близ Иерихона града; бо Иерихон на сем боку от Иерусалима состоит, и ныне есть пусто, только стоит тамо и дондесь дом Закхеев, в правой руки, когда от Иерусалима идешь до Иордана <...> Туда, до святого Иордана, идучи от Иерусалима, непременно дать треба старшему *таржаманту* червоного (золотой), а за коня другого, кроме того что и арапина того, которого есть конь, кормить надобно³.

Иеромонах Мелетий (1794 г.): «Апреля 3-го дня, в Великий понедельник, поутру рано, все поклонники, составлявшие число около 2-х тысяч человек, поехали ко Иордану; и, достигши за полдень Иерихона, остановились в палатках под сенями. Скот весь, на котором мы ехали, взяли для накормления наемщики арапы, шедшие за нами пешкáми. Часа же три и более по полуночи поднявшись, поехали от Иерихона, и пришли на Иордан на рассвете. Путь наш от Иерусалима до Иерихона был в горах, от Иерихона же до Иордана полем и равнинами все на восток»⁴.

Из записок дворян Вешняковых и купца Новикова (1805 г.)

Товарищ наш — купец Новиков и я, Иван, не упуская сего случая, вознамерились идти пешком с караваном. Вышеупомянутый Марка Яковлев согласился быть нашим сопутственником. Нас уверили, что разбойники едущих верхом удобнее останавливают, пешие же могут опасные места обегать лесом и между каменьями. Сбор каравана назначен был в Гефсимании. Итак, мы, надев легкое платье, обув новые башмаки, и взяв на три дня сухарей, две бутылки и кожаную *матару* для иорданской воды, вышли трое с немалыми в руках палками, уподобляясь римским пилигримам, в Гефсиманские ворота.

² Проскинитарий. Хождение старца Арсения Суханова во Иерусалим и в прочия святыя места для описания святых мест и греческих церковных чинов // Православный Палестинский сборник. Т. VII. Вып. 3. СПб., 1889. С. 76.

³ Путник или путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инок Серапиона 1749 года // Чтения в Обществе истории древностей Российских (ЧОИДР), 1873, июль—сентябрь. Кн. 3, отд. V. С. 118—121.

⁴ Путешествие в Иерусалим Саровския общежительныя пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. 2-е изд. М., 1800. С. 180—181.

Начав путь, сходили мы под гору между садами. В сие время напали на нас нечаянно два мальчика арабские, кои бросаемыми камнями принудили нас спастись бегством; но они, преследуя, продолжали бросать на нас оные, которые, к счастью нашему, пролетали мимо голов, и мы избавились от сих дерзких подростков безвредно.

По приходе в Гефсиманию, дожидались мы с прочими там своих проводников около трех часов. Сии всадники, прибыв, наконец, во всех своих воинских доспехах, закричали: «ру, ру», то есть, «ступай». Между прочим, всех пересчитали, а потом скакали около нас по сторонам и стреляли из ружей и пистолетов. Передовые ехали столь скоро, что пешие принуждены были иногда и бежать; кто по старости или слабости отставал от прочих, такового проводники ускоряли в ходу побоями. Они имели 4 знамени: зеленое, красное и два желтых, с магометанскими знаками. Мы, быв окружены вооруженной конницей, уподоблялись пленникам, а не поклонникам.

Наше шествие происходило прямо к востоку мимо Авессаломовой пирамиды в Вифанию, а оттоль через высокие каменные горы просеченной местами дорогой, около которой находятся страшные пропасти, поросшие колючим кустарником. Часа через три после вечернего сумерка пришли к развалинам бывшего некогда монастыря святого Евфимия и расположились провести ночь у разрушившейся из необожженного кирпича ограды.

Арабы, невзирая на нашу усталость, не давали нам и здесь покоя: они с фонарями разносили кофе. Каждый должен был выпить чашку и заплатить две пары; не хотевшего пить от усталости, или крепко заснувшего, били палками и выливали на них по чашке горячего кофе, ибо оный наливали из самоваров, требовали по две пары. Проводники с лошадей своих седел не снимали, а и кормили их только ячменем, всыпанным в надетые на головы сумки. Они, не дав нам уснуть более одного часа, всех разбудили, чтобы продолжать путь далее. Шероховатая каменная дорога во время ночной темноты была крайне тягостна для пешеходцев, повредивших очень свои ноги; но помочь было нечем: мы пекились более о том, чтобы не отстать от каравана, а не о ногах своих. Арабы разбойники выбегали иногда из-за кустов и камней к дороге с ружьями, но напасть не отваживались. В некоторых местах сделана узкая, сажень в три и меньше, дорога через горы между глубочайшими рвами, в кои и посмотреть страшно; по сторонам лежат наваленные кучи при просекании дороги каменных обломков.

При восхождении солнца поравнялись мы с находящеюся здесь в левой стороне Кварентинской или четырёхдесятидневной горою⁵, на которой постился Христос 40 дней и 40 ночей, и где искушал Его диавол. На другой стороне дороги противолежит сей горе Мертвое, или Содомское море, *Багем* арабами называемое. В сем спустились мы под гору к Елисееву потоку, у коего находятся на пространной равнине развалины древнейшего города Иерихона, между которыми живут арабы в нескольких семействах, держат рогатый скот и пашут между перелесков землю⁶.

Кир Бронников (1821 г.): «Выехали мы из Иерусалима н Гефсиманские ворота и, миновав Гефсиманию, поднимались из-под косогора по ту сторону потока Кедрского, из которого выехали, поворота на восток, на ровное место, где увидели два зеленые развевавшиеся флага и несколько арнаутов, кои ожидали прибытия муселима и монастырского греческого драгомана.

Я с товарищем моим, миновав оных и соединясь с прочими поклонниками, ехал далее с горы на гору. Жители сей страны в то время жали зрелую пшеницу. Потом спустились в дол, а из оного поднялись на высокую гору, с которой увидели в правой

⁵ Сорокадневная гора, кварентинская (от араб. al-Quruntal) — гора ок. 380 м высотой, на которой Господь постился 40 дней перед выходом на общественное служение (Мф. 4:1—2).

⁶ Путевые записки во святыи град Иерусалим и в окрестности оного Калужской губернии дворян Вешняковых и мядынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах. Хабаровск, 2013. С. 83.

стороне Мертвое море, по-арабски *Багем*, а впереди дороги, нам предлежавшей, равнину или Иерихонские поля⁷.

В те годы в Иерихоне не было странноприимного дома, и паломники ночевали под открытым небом, о чем пишет все тот же автор.

У потока Елисеева стояли раскинутые палатки: одна муселимова, другая греческого монастырского драгомана, а прочие для поклонников; многие, под ними укрываясь от жара, отдыхали, а другие сидели под деревьями, кои росли около потока <...> В потоке вода претеплая, да и ту верблюдами взмутили; около него растет довольно колючих, наподобие нашего шиповника, только выше, деревьев с ягодами, вкусом порядочными; но здесь сии ягоды считают за низкий плод <...> В палатках ночевали мы на сем месте, от коего около трех часов надобно идти по ровному месту до реки Иордана»⁸.

Кир Бронников побывал на Святой Земле в 1821 году; именно в этом году греки Эллады подняли восстание против турецкого ига. Эта борьба продолжалась вплоть до 1829 года, и в этот период российское паломничество в Палестину было прекращено. Но вскоре после того, как греки добились независимости, у русских паломников снова появилась возможность посещать Святую Землю. Одним из первых богомольцев, побывавших в Палестине в 1830 году, по окончании «смутного времени», был **А. Н. Муравьев**. «Сильно было общее рвение погрузиться в воды Иордана; ибо уже десять лет, от начала войны греческой⁹, малочисленность поклонников не позволяла им посещать святой реки, — пишет А. Н. Муравьев. — В прежние годы до 10 000 богомольцев всякого возраста и звания разбивали шатры свои близ Иерихона на третий день Пасхи под предводительством драгомана патриаршего и самого мусселима, который выезжал со стражей охранять их за условленную цену; но бедность духовенства лишила ныне поклонников столь утешительного странствия»¹⁰.

Краткость своего рассказа об увиденном А. Н. Муравьев объяснял прозаической причиной. «Главная моя ошибка, — пишет он, — состояла в том, что я не успел в первые два дня приготовить к сему путешествию и, доверяясь несведущим, не просил себе проводника от монастыря католического. Таким образом, не могу я сделать верного описания тех малых остатков древности, которые мне встречались на пути к Иерихону»¹¹. Тем не менее в путевых заметках Муравьева содержатся интересные сведения.

Немного далее Вифании есть колодец, близ коего, по темным преданиям палестинским, любил отдыхать Спаситель с апостолами, отходя в пустыню Иорданскую. Дорога от него идет дикими и голыми ущельями, где еще сохранились слабые признаки крепости Адонима, на границе колен Иуды и Вениамина, там, где, как говорят, сбылась притча об ограбленном самарянине, ибо в Палестине утверждают, что почти все сии притчи были основаны на происшествиях, которых самая местность еще сохранилась. Сие ущелье и донныне благоприятствует разбоям, как и вся почти дорога к Иерихону. Еще далее видны на крутизне малые следы неизвестных развалин, под которыми простирается дикий и неприступный овраг, примыкающий к пустыне Иорданской. В древности он был населен бесчисленными отшельниками лавры великого Евфимия¹², которая находилась около сих пропастей¹³.

⁷ Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кирием Бронниковым. М., 1824. С. 182–183.

⁸ Там же. С. 183–184.

⁹ ...От начала войны греческой... — то есть войны греков за независимость 1821–1829 годов.

¹⁰ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 137.

¹¹ Там же. С. 138.

¹² Преподобный Евфимий Великий (377–473) — отшельник, основатель монастыря.

¹³ Там же. С. 138.

Перу А. Н. Муравьева принадлежит описание Иорданской долины; она открывалась перед взором паломников, следовавших из Иерусалима к священной реке.

Здесь оканчиваются горы, и с их вершины открывается один из богатейших видов Палестины: долина Иорданская. Два дикие хребта, как две неприступные стены, тянутся от севера к югу, вдоль всего течения реки и вокруг Мертвого моря, со всех сторон представляя взорам пустынный обзор голых вершин своих, подпирающих небо Аравии и небо Палестины, в одной и той же долине вмещают они и реку благодати, и море проклятия; так смежны милость и казни! Посреди сей долины, некогда славной розами и пальмами Иерихона, тесный Иордан быстро мчится в обширном русле, изрытом его зимними волнами. Густые ивы, склоняясь над рекою, скрывают вблизи ее течение, которого живописные изгибы далеко видны с вершины гор, вместе с широкой пучиной Мертвого моря. Так впервые представляется взорам Иордан и его пустыня.

При самом спуске в сию долину, близ малого ручья, быстро текущего из подошвы гор, стоит еще на крутизне башня, быть может та, которую воздвигла подле монастыря св. Феоктиста¹⁴ императрица Евдокия для свидания с великим Евфимием, и здесь должны были находиться обители сих знаменитых отшельников, ибо летописи указывают их около потока на пути к Иерихону. Немного далее, уже на равнине, видны остатки каменного моста, принадлежавшего новому Иерихону, воздвигнутому императором Адрианом близ развалин древнего, когда он был совершенно разорен в последнюю войну Иудейскую. Мост сей отстоит менее часа от нынешнего Иерихона, или Риха, цветущего садами; но в местах столь диких трудно угадать следы веков отдаленных¹⁵.

В 1835 году на пути к Иордану через Иерихон проследовали два ученых паломника: иеромонах Аникита (в миру — князь С. А. Ширинский-Шихматов) и А. С. Норов. Путевой «отчет» **о. Аникиты** весьма краток: «13 октября, по предварительному письменному сношению моему с консулом, который прислал, для проведения нашего, каваса своего с письмом к *муселиму*, получив от сего еще двух кавасов (за плату 84 левов каждому, с пищей им и коням их) для нашего охранения, пустился я с 10-ю соотечественными товарищами в вожденный путь ко *Иордану*. Того же числа, по весьма трудной, по горам, дороге, прибыли мы в *Риху* (древний *Иерихон*), селение, бывшее городом, построенным от *Адриана*¹⁶, поблизости древнего, разоренного им Иерихона, которого развалины еще и теперь видны, и там расположились на ночлег. На пути проехали мы колодезь отдохновения Спасителя и место приключения с самарянином, впадшим в разбойники»¹⁷.

В отличие от о. Аникиты, чей литературный талант был «глубоко зарыт», **А. С. Норов** в совершенстве владел пером; его рассказ об увиденном насыщен интересными подробностями.

¹⁴ Св. Феоктист (ум. в 467 г.) — проповедник и отшельник, товарищ («сопостник») Евфимия Великого, также основатель монастыря (на полпути от Иерусалима до лавры Св. Саввы).

¹⁵ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 138—139.

¹⁶ Римский император Адриан, правил в 117—138 годах.

¹⁷ Путешествие иеромонаха Аникиты (в мире князя С. А. Ширинского-Шихматова) по святым местам Востока в 1834—1836 годах // Христианское чтение, 1891, ч. 1, май—июнь. С. 554. Притча о милосердом самарянине не есть исторический факт. Однако это не мешает жителям Востока указывать доверчивым путешественникам место развалин той гостиницы, где, по преданию, происходила сцена благого самарянина (прим. издателя).

...С последних уступов гор Иудейских развертывается обширная равнина Иорданская во всем пустынном величии. С востока она замкнута стенами диких гор Аравийских, а с юга недвижной плоскостью *Мертвого моря*. Изгибистое течение Иордана далеко обозначалось к северу, лентой деревьев и кустов, очень незаметной среди запустения. По всей равнине волновались, как насекомые, толпящиеся паломники; поминутно вставали шатры в разных направлениях, или вспыхивали костры. Это был народ израильский — и к горю, едва ли не большая часть из него — поклонники *золотого тельца!* Но зато как разительно отличалось от них малое стадо верующих: старцев с посохом в руках, юношей и дев, обремененных ношей родительской, матерей с грудными младенцами. Их не ожидали шатры и ковры, вина ливанские!

Мы отклонились от шума и разбили наш шатер в кустарниках, на берегу быстро бегущего потока. На противоположном берегу стояла полуразрушенная башня, окруженная несколькими арабскими хижинами. Это часть Иерихона! Отклонясь от приглашений, я сидел вдвоем с моим соотечественником, художником Е...м, при заходящем солнце, на берегу Иерихонского потока, мы глядели попеременно то на горы Иудейские, среди которых отличительно рисовалась гора *Искушения* или *Сорокадневная*, то на цепь гор Аравийских, где таится гора *Навав*, откуда последние взоры Моисея устремились на Землю Обетованную и на этот мир!

Здесь нас застала роскошная ночь Востока. Мы давно беседовали в темноте, в тихой задумчивости, как вдруг, озаривший нас свет факелов и неистовые крики вывели нас из мечтаний. Шумная толпа стремилась вслед за четырьмя полунагими вооруженными бедуинами, которые защищались один от другого мечами и щитами; это было не что иное, как игры диких жителей пустыни: узнав об европейских путешественниках, они нашли нас в темноте ночи и пришли нас потешить. Тут загорелась жестокая битва при звуке тимпанов; искры сверкали от ударов мечей, наше любопытство было удовлетворено, и хорошая пригоршня пиастров рассеяла наконец эту толпу¹⁸.

Виктор Каминский дважды посетил Святую Землю — в 1851 и 1857 годах — и дважды сподобился побывать на Иордане.

Вот рассказ Виктора Каминского о его первом «хождении» к Иордану.

После благовещенской обедни, я увидался с товарищами новых для меня наслаждений, и вскоре мы пустились в путь к священной реке, под прикрытием нескольких нанятых бедуинов и шейха¹⁹ от муселима²⁰. День был веселый. Выезжаем из города; минуем святую Гефсиманию; потом взбираемся на Елеонскую гору и следуем по дороге к Вифании. Вот и могила друга Христова. Мы сошли с лошадей и поклонились гробу праведного Лазаря.

Отсюда началась местность, незнакомая моему взору, но нечуждая сердцу: душа моя уже давно живет в Святой Земле, и проследила, с помощью воображения, все тропинки, по которым ходил Спаситель, теперь мы ехали по одной из них; да иначе и быть не могло: это единственная тропинка между двух гор, и местность не представляет возможности другой дороги. Через час пути от Вифании, доехали мы до источника, который, по сказанию, и очень вероятно, утолял жажду Божественного Странника и Его апостолов. Здесь заметны остатки здания, похожего на гостиницу. Далее, еще часа на два продолжалась гористая местность, хотя не столь уже дикая и кое-где даже обработанная; но потом, чем далее мы ехали, тем являлась она привлекательнее, а начиная от едва заметных развалин монастыря, в память благого

¹⁸ Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 109—110.

¹⁹ Старшина.

²⁰ Градоначальник.

самарянина, в полном смысле поэтической: живописные горы, зеленеющие возвышенности, покрытые стадами, придавали этому краю невыразимую прелесть²¹.

Прошло еще шесть лет, и Виктор Каминский снова в Иерусалиме, в ожидании встречи с Иорданом. Путь все тот же, но рассказ бывшего паломника насыщен новыми сведениями.

На Иерихонской долине раскинуты были для поклонников палатки; там постоянно жили два драгомана из Патриархии для наблюдения за порядком; маркитанты устроили рынок. Одна рота солдат содержала караул вокруг пилигримского лагеря, а другая сопровождала пилигримов от Иерусалима до Иордана, и обратно. 20-го марта, вслед за большой партией поклонников отправился и я к священной реке.

<...> От самых Гефсиманских ворот, по склонам гор, по дороге к Иордану, сколько мог видеть глаз, все пространство было покрыто поклонниками, ехавшими на лошадях, или на ослах, и даже на верблюдах. Шум, говор, пестрота, барабаны, военная музыка, радость народа — представляли что-то необыкновенное, не вместимое в душу. Подвигаясь постепенно вперед, эта живая картина миновала апостольский колодезь, где мы освежались водой; потом прошла кровавое место и, через горы, долины и холмы, придвинулась к тому высшему пункту, откуда открывается Иорданская долина. Дав время этой массе людей спуститься в долину, я явился в виду ее тогда, когда уже все сосредоточилось в одном лагере и закипело жизнью. Несколько минут я любовался этим зрелищем, и смотрел на знакомую священную местность. Между палатками все двигалось, суенилось, как в муравейнике; вокруг лагеря блуждали верховые животные; другая их часть пробиралась к Елисеевым водам. Вот узнаю и пустынную Риху; влеве — грозная Карантания; зеленеют дуга, оживленные ручьями; а песчаные равнины и кустарники золотятся вечерним солнцем²².

Б. П. Мансуров (1858 г.): «От Иерусалима до Иерихона, через Вифанию, 6 или 7 часов хода верхом по довольно крутым горам, — пишет отечественный палестиновед. — На половине дороги, на месте, где евангельское предание указывает ту местность, в которой ограблен был разбойниками самарянин²³, — делается обыкновенно привал; оно называлось тогда *Адомим*, т. е. место крови, и действительно природные условия оно таково, что грабители безопасно могли совершать здесь разбои; со времен Спасителя и до XIX века эта местность сохраняла постоянно свою худую славу, и только энергические меры Ибрагима паши положили конец систематическому здесь разбою. Весь огромный караван православных и армянских поклонников, соединяющихся обыкновенно для иорданского путешествия, ночует близ *Иерихона*, нынешней арабской деревни *Риха*, и на следующий день с рассветом отправляется к Иордану, отстоящему от Рихи на 2 или 3 часа»²⁴.

В те годы еще не было странноприимного дома в Иерихоне, где могли бы останавливаться на ночлег русские богомольцы. Русская духовная миссия в Иерусалиме лишь только начинала свою деятельность и не имела возможности помогать своим соотечественникам в их странствиях по Святой Земле. О тех испытаниях, которым они подвергались, повествует все тот же автор. «Русские поклонники всячески стараются совершить иорданский путь отдельно под покровительством каких-нибудь почетных путешественников, — пишет Б. П. Мансуров. — К сожалению, сим последним не всегда возможно брать наших богомольцев с собой потому, что условия пути для тех и дру-

²¹ Там же. С. 264–265.

²² Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 502–504.

²³ Ошибка: на самом деле милосердый самарянин помог ограбленному путнику.

²⁴ Мансуров Б. П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1858. С. 31.

гих не одинаковы; идя пешком за верховыми всадниками, поклонники легко могут отстать, а вся иерихонская местность не довольно верна, чтобы можно было принять на себя ответственность за беззащитных путников, о которых конвой вовсе не беспокоится; к тому же без палаток и некоторых предосторожностей иорданские ночи могут быть очень вредными по царствующим во всей долине лихорадкам. Следовательно, для русских поклонников было бы необходимо устроить отдельное караванное путешествие, при особом для них конвое, под начальством русских священников»²⁵.

Из записок архимандрита Антонина (Капустина) (1867 г.)

Путешественники наши как вышли из построек, так и пошли вперед не оставиваясь, кто как хотел или мог, растянувшись по пустынной дороге бесконечной вереницей. Спрашиваю одного пешехода, говорил мне один из ваших же, но конный, что ты тащишься один себе? — а что? отвечает он. — Как, что? А разбойников не боишься? — Во-то! На Иордан-то идучи бояться? У тебя, видно, Иордан-то не разнится от *Ердани* твоего села, подумал я, и заключил свою беседу пожатием плечей — единственно, что оставалось мне сделать. В самом деле, это бесстрашие или равнодушие к тому, что может случиться, замечаемое по преимуществу в наших соотечественниках, поражает здесь всякого. При всем том разрозненные массы народа к ночи благополучно спустились с гор и не доходя до Иерихона верст двух или трех, сделали привал при воде текущей. Туда же поздно ночью пришли и верблюды.

Узнав, что Миссия отправляется утром в четверток и надеется быть вечером на священной реке, я, во избежание лишнего труда и лишнего неудобного ночлега, решил примкнуть к ней. Для чего требовалась, впрочем, небольшая жертва, а именно: во-первых, надобно было нанять лошадь и, следовательно, приплатить несколько лишних пиастров²⁶, а, во-вторых, надобно было ехать скорее и иногда даже мчаться вслед за другими, что для возраста, цветущего сединой, не совсем легко. Рано утром я был уже готов в путь, но выехать пришлось не на свету, как предполагалось, а уже довольно спустя времени по восхождении солнца, т. е. часов около семи. Предводительствовал поездом нашим кавас Миссии, магометанин, знающий довольно по-русски и гордый своей долговременной службой России, но на этот раз несколько упавший духом от полученного нагоняя за поздний привод лошадей.

Ветер в течение минувшей ночи нагнал на небо облака, уже дня четыре не показывавшиеся вовсе. Бывший при нас медик утверждал, что барометр еще вчера начал упадать. Не смущаясь ничем, мы весело спустились к Гефсимании, а оттуда поднялись на Элеонскую гору и, простившись с видом Иерусалима, поехали к *Вифани*, миновав которую опять спустились в юдоль *Ход* к так называемому источнику Апостолов. Отсюда дорога идет верст на 10 большей частью ровной и мягкой стезей, чуть заметно спускаясь и делая изгибы. После одного из таковых открылся впереди красный камень, перегораживающий дорогу, с висящими за ним развалинами. Это так называемая *гостиница доброго самарянина*, известная из Евангелия. Поднимаясь к ней, мы видели при самой дороге небольшую кучу набросанных камней. Кавас сказал, что тут похоронен кто-нибудь убитый. Таких могил сотни две²⁷, прибавил он.

Еще выше на косогоре встретили мы две партии земляков. Сперва мы их приняли за остаток вчерашнего каравана и подивились было тому, что они где-то отстали от народа. Но вскоре оказалось, что мы ошибались: то были новые поклонники, вчера только прибывшие в Иерусалим из Яффы. Нашед приюты наши пустыни и узнав, в чем дело, они, недолго думая, решились и сами отправиться на Иордан. Сегодня еще до свету, не спросившись никого, они пустились в путь вслед за каким-то вожатым из них же самих, вероятно не в первый раз уже прибывшим сюда. Один из

²⁵ Мансуров Б. П. Указ. соч. С. 33.

²⁶ За осла на передний и обратный путь платили 30 пиастров, за мула 45 и 50, за лошадь 60 и 65, за мула с двумя сидельными ящиками 80, за верблюда 90. Сбруя, корм и присмотр хозяйские.

²⁷ Мenee, конечно. Другой мы не встретили на всем протяжении горной дороги (архим. Антонин).

них шел теперь поодаль от всех в одной рубахе, повесив через плечо верхнюю одежду. Ему было жарко. Если бы не каменная дорога, он снял бы, конечно и также повесил за спину себе и сапоги свои. Видно было, что он сознает себя совсем дома, чудясь, вероятно, только тому, что сегодня не Петровки, а канун Крещенья. Говорите такому, сколько хотите, что здесь не его Покровское или Ильинское, а дикая пустыня, в которой вместо Иванов да Петрованов рыщут бедуины, он вам поклонится в знак согласия и даже прибавит, пожалуй: вестимо, батюшка, чужая сторона, и все-таки пойдет, как бы шел по своему полю. Что это не храбрость и не одна вера в охраняющее Провидение, легко убедиться, вспомнив тот принцип русской жизни, который так выразительно знаменуется словом *ничего*.

<...> Мы поднялись к красному камню, который, по мере приближения нашего к нему, отделился от стоявшей за ним высоты и дал нам различить три отдельных предмета: направо от дороги — две пещеры с остатками бывших когда-то при них построек, налево — большой четырехугольник разрушенных стен, к коим примыкали когда-то изнутри комнаты и посередине двора, — две цистерны, из коих одна еще содержала в себе воду. Это, собственно, и есть так называемая *гостиница самарянина*, зовомая теперь по старой памяти *Хан* и строенная, как можно думать, уже в турецкие времена. Третий предмет — это возвышавшийся за Ханом конический холм, увенчанный развалинами, тоже не очень древними. То была некогда крепость, выстроенная четырехугольником и обнесенная рвом.

С крыши бывшей казармы мы полюбовались видом к западу — на хребет Иерусалимских гор, к востоку — на спускавшиеся к Иордану цепи горных уступов, то зеленых, то белесоватых, однообразных и безжизненных, наводящих на душу тоску и уныние, и к северу — на обширную перспективу горных равнин, оканчивавшуюся в отдаленности Ливаном, покрытым снегом. Место это находится на половине пути между Иерусалимом и Иерихоном сторожит собой всю безлюдную и зловещую пустыню.

Дождавшись тут своих отсталых, мы двинулись вперед, спускаясь с горы на гору и не видя конца спуску. Стезей нам служил уже постоянно один голый камень, иногда до того скользкий, что непривычному ездоку страшно было смотреть под ноги лошади. С левой стороны дорога стала подходить к окраине ужасного ущелья, начинающегося у самых высот Иерусалимских и идущего к Иордану. В верховьях оно называется *Фаре*, где была первая палестинская лавра св. Харитона, а при выходе в равнину *Хозева*, где также была не менее славная лавра этого имени, давшая Церкви двух великих угодников Божиих: Георгия (8 янв.) и Иоанна (28 октября). По всему ущелью несется быстрый и шумный поток, едва различаемый сверху между скалами и камышом.

В полдень мы оставили за собой горы и вступили в равнину Иордана, которой с полчаса ехали до башни, знаменующей собой местность древнего Иерихона. Не доезжая до селения, переехали вброд поток оный Фаро-Хозевский. Население нынешнего Иерихона голо-грязное и диво-наглое, а вид убогих хижин его недоступен описанию. Куча почти нагих детей, сидевших и бегавших по пригорку, встретила нас громким приветом: хаджи, бакшиш (поклонник, подарок!). Это делается будущими хозяевами исторического места не столько с сознанием и намерением, сколько по привычке или же просто для упражнения голоса. Ибо никто, разумеется, и не думает одаривать таких попрошаек, не располагающих к себе ничем, всего менее — своею наготою, да и они сами сегодня же утром, конечно, убедились, что сотни миновавших хаджи остались глухи к типическому слову Востока: бакшиш²⁸.

Прот. Григорий Дюков (1869 г.): «На пути к Иордану и обратно нас удивляла одна замечательная поклонница — боснякка, Мария. От Александретты капитаны сади-

²⁸ Антонин (Капустин), архимандрит. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М., 2007. С. 201–203.

ли ее с парохода, и она отправлена была в Дарданеллы. Но едва мы прибыли в Яффу, как и она явилась сюда и восторг ее был неописан. Когда мы ехали на Иордан, то она шла пешком впереди всех мужчин, ничего при себе не имея и питалась «миром»; казалось, что она не чувствовала усталости, имея не менее 40 лет. Смотря на нашу кавалькаду, она выразительно и метко не раз произносила: «О, моя красная дружина!»²⁹

Свящ. В. Певцов (1878 г.): «В Иерихонской равнине богомольцы обыкновенно ночуют: кто в шатрах походных, кто под открытым небом, а наутро отправляются к Иордану. После двухчасового пути по песчаной, пустынной, довольно ровной местности, покрытой мелким кустарником, перед богомольцами открывается полоса иорданских берегов, густо поросших зеленеющими, цветущими растениями»³⁰.

Из записок архимандрита Павла (Леднева) (1881 г.)

5-го октября мы отправились на Иордан. Нас всех собралось до 30 человек. Некоторые ехали на ослах, а трое шли пешком. Послан был с нами вытребованный консулом от турецкого начальства провожатый турок. Мы взяли с собой, что нужно, пищи в запас на три дня, потому что на этом пути нигде ничего купить нельзя, да и нет никаких селений; взяли также для первого дня несколько воды. Отправились в путь поутру рано. Шли мимо Дамасских иерусалимских врат, мимо Гефсимани и по горе Елеонской <...>

Из Вифании, по пути к Иерихону, мы сошли под гору в дебрь на источник, называемый Апостольским. Зовут его Апостольским потому, что, когда Спаситель шел от Иерихона во Иерусалим со апостолами, из этого источника апостолы пили воду. Продолжая путь, в обеденное время мы достигли развалин, где в древние времена была гостиница, теперь именуемая гостиницей благого самарянина. Ибо хотя евангельское сказание о впадшем в разбойники есть притча, однако в ней говорится о существовавших тогда городах Иерусалиме и Иерихоне; посему надобно полагать, что существовала и гостиница, на которую Господь указал в притче, говоря, что самарянин впадшего в разбойники возложил на своего осла и привез в гостиницу. Эта гостиница стоит на половине пути из Иерусалима во Иерихон и грядущие из Иерусалима во Иерихон, также и возвращающиеся из Иерихона во Иерусалим, на том месте отдыхают, потому что от Иерусалима до Иерихона около сорока верст, целый день пути, а потому на половине пути есть нужда в отдыхе.

Даже и в этом выражении притчи: *человек некий сходит от Иерусалима во Иерихон*, слово *сходит* сказано также в соответствие действительному положению пути того, ибо от Иерусалима до Иерихона путь не что иное есть, как *схождение* с высоты гор под гору. Сказывают, что Иерусалим над долиной Иорданской, в которой лежит Иерихон, возвышается на две тысячи футов. На месте гостиницы благого самарянина и мы отдыхали. Отдыхая здесь, я поучался милосердию к страждущим, и это принесло сердцу утешение. Ибо Спаситель, изрекши притчу о милосердии благого самарянина, в заключение сказал вопрошавшему его законнику: *иди и ты твори такожде* (Лук. зач. 53). И это место как бы говорило нам: *иди и ты твори такожде*³¹.

В 1882 году в России было учреждено Православное палестинское общество, одной из задач которого было содействие русским паломникам в их хождении по Святой Земле. К этому времени был обустроен паломнический путь к Иордану, о чем сообщал «Главнейший учредитель Палестинского Общества, его почетный член» **Василий**

²⁹ Дюков Григорий, прот. Заметки и воспоминания поклонника святым местам на Афоне и в Палестине в 1869 году. Харьков, 1872. С. 162.

³⁰ Певцов В., свящ. О Святой Земле. Чтение 9. СПб., 1878. С. 16.

³¹ Павел (Леднев), архим. Краткое описание путешествия во св. град Иерусалим и прочие святыя места. М., 1884. С. 63–65.

Николаевич Хитрово: «Было время, и еще недавно — каких-нибудь лет 15 тому назад, когда путь к Иордану, по дебрям Иудейских гор, считался крайне трудным. Извилистая тропа, доступная лишь для пешеходов и вьючных животных, то спускаясь в долину, то подымаясь на высоты, вела в тому обрыву, где перед глазами путника внезапно открывалась вся долина Иорданская и Мертвое море. Теперь прекрасная проезжая дорога ведет до самого Иерихона и берегов Иордана, причем путь этот вполне удобно и безопасно совершается в один конец в 6—8 часов»³².

Из записок А. В. Елисеева (1884 г.)

С молитвой и осенясь крестным знаменем, выступают паломники из Иерусалима, с молитвой проходят Елеон и Вифанию; сладкоглаголивый путеводитель на дороге найдет многое, что порассказать своим многочисленным слушателям, только была бы охота слушать. Вокруг рассказчика тесной толпой теснятся поклонники; пешие не отстают от конных, у которых упрямые ослики постоянно отбиваются в сторону или своим стонущим ревом перерывают внимание слушателей. Все более и более за Вифанией растягивается караван на целые версты; вьется он пестрой змейкой по склонам гор Иудейских, обходя крутые подъемы и спуски, норовя пробираться проторенной веками тропой.

Огромный караван, впрочем, в общем не шумен; стоном не стоит над ним гомон, да шум; только ослы своим ревом, да арабы гортанной безудержной речью нарушают в общем тишину медленно подвигающегося благочестивого каравана. Громко говорит только один путеводитель, да и то голос его теряется в голове каравана; втихомолку ведутся негромкие разговоры между паломниками; порой слышатся молебное пение, гласы из стихирей или одиночный возглас; не поддержанный никем, он замолкает, а потом становится опять так тихо, что никто и не подумает, что идет масса в несколько тысяч человек. Тот, у кого животное подберет, да походчее, вылетит больше вперед, так же, как и добрые пешеходы, а большинство мало-помалу все поотстает, еле плетется, и караван растягивается еще более.

Обязанность кавасов и Хана Хури состоит в том, чтобы не терять из виду даже последнего из каравана, для чего один из провожатых должен ехать позади всех. Несмотря на многочисленность каравана, этим последним надо держать ухо остро, а не то — едва успеет поотстать измученный паломник или паломница, или отойти к сторонке, как лихой человек является внезапно и грабит одинокого путника. Я не скажу, чтобы эти случаи встречались часто, но они все-таки еще имеют место даже в караванах последнего времени, а про прежние годы и говорить нечего.

Первая остановка каравана бывает у Солнечного Ключа недалеко от Вифании, где паломники могут освежить себе лицо студеной водицей, а также промочить свое горло одним, другим глотком вкусной холодной воды. От этого источника, не останавливаясь вовсе, караван тянется горней дебрей Иорданской до развалин Хана — гостиницы благого самарянина, стоящих приблизительно на середине дороги от Иерусалима до Иордана; сюда голова каравана приходит часа через 3, $3\frac{1}{2}$ по выходе из Иерусалима. Здесь останавливается весь караван на отдых, особенно пешие; разостлав свои одежды и сняв сумки, располагаются наши паломники под открытым небом на голых камнях отдыхать. Кто хочет напиться, тот спускает кружку или чайник на веревочке в цистерну и добывает немного порядочной, хотя и не ключевой воды.

Часа полтора, два отдыхают здесь паломники, а потом двигаются дальше и почти без отдыха проходят остальную половину дороги по голым каменным дебрям гор, спускающимся к Иорданской долине. Так как Иерусалим стоит почти на самом гребне гор Иудейских на высоте 760 метров над поверхностью моря, а Иордан и Мертвое море лежат на 394 метра ниже, то разница в 1.150 метров дает себя знать довольно значительным спуском на 6—7-часовом расстоянии. Летом дорога до Иерихона

³² Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 163.

проходит по абсолютно выжженным горным дебрям, весной — покрытым хорошей, душистой горной травой.

После 6—7 часов пути голова каравана достигает выхода из гор Иудейских и спуска в Иорданскую долину; скалы как бы сразу расступаются, и перед глазами путника лежит за рядом уходящих назад множеством гор длинная узкая равнина, скрывающая в себе быстротечный Иордан³³.

Из записок прот. Василия Михайловского (1888 г.)

До Иордана нужно ехать часов восемь. Путь очень утомительный: хотя мы выехали вечером, но удушливый жар в горах утомил нас очень скоро, особенно при недостатке отдыха и воды для питья из цистерн на расстоянии целых шести часов пути³⁴.

Особенно задерживали путь наши спутницы, никогда на ослах не ездившие и при том решившиеся ехать на неудобных дамских седлах, которые постоянно сползали и в течение всего пути требовали поддержки со стороны провожавших арабов; к тому же наши спутницы всю почти дорогу вскрикивали и визжали, отставали от других и требовали остановок всего каравана. Сама дорога еще более усиливала общее утомление: приходилось по целым часам то взбираться на высокие горы, то спускаться с них по крутым каменным как бы лестницам, с разбитыми всячески ступеньками разной ширины и высоты. По этим ступенькам в ночное, темное время только здешние привычные ослики и умеют безопасно проходить, не спотыкаясь. И путник великую ошибку сделает, если вздумает править осликом: умное животное само знает лучше всадника, где и как удобнее и безопаснее пробраться среди камней, словно из решета выброшенных на землю.

Еще замечательная способность здешних осликов: на пути к Иерихону, недалеко от монастыря Хозевитов, по Иорданской дороге, сходятся три хребта гор, и дорога идет вдоль пропасти страшной глубины. Ослик ни за что не пойдет вдали от края этой пропасти, посередине дороги: нет, он против вашего желания и усилий провезет вас непременно по самой окраине обрыва. К счастью дорога эта не длинна, но я никогда не забуду ее: освещенная кротким сиянием луны, окруженная со всех сторон таинственно безмолвными горами и зияющими пропастями, она достойна быть изображенной кистью великого художника.

Во время подобных переходов по горам, при лунном сиянии, среди глубокой тишины и общей дремоты природы, душа моя полна была разнородных чувств, и от глубины их я дерзал иногда нарушать таинственное безмолвие библейской пустыни пением церковной песни «Спаси, Господи люди Твоя». Ко мне приставали другие голоса, и тогда оживлялись дремлющие и утомленные. Невольно вспоминалась при этом далекая родина, святая Русь, и там мирно спящие родные...

И вот, наконец, через шесть часов утомительного пути, мы добрались до хана, т. е. до дома, на месте которого, по преданию, была гостиница, принявшая доброго евангельского самарянина с путником — евреем, избитым на пути к Иерихону. В самый хан мы не вошли, а лишь ненадолго остановились у его ворот, слезли со своих животных, порасправили кости, растянувшись на земле, и немножко перекусили, потчuya друг друга пищей и питьем. Не более получаса пробыли мы здесь, потом опять на ослятах поплелись к Иерихону, до которого нужно было, говорили, ехать еще около двух часов³⁵.

Архимандрит Мефодий (1892 г.): «Когда составился наш караван (из ста человек, кто на осленках, кто на мулах, а многие и пешими), мы, около десяти часов утра, выехали из Иерусалима; впереди нас — жандарм, а сзади — кавас. Путь наш лежал

³³ Елисеев А. В. С русскими паломниками на Святой Земле весной 1884 года. СПб., 1885. С. 239—242.

³⁴ Великое благодеяние сделало бы ныне Православное Палестинское Общество всему краю, если бы на полпути к Хану устроило цистерну для воды и домик для отдыха (прим. о. Василия).

³⁵ Михайловский Василий, прот. По Святой Земле. Путевые заметки. СПб., 1898. С. 76—77.

около горы Елеона — с левой стороны, и Вифании — с правой; пользуясь отдыхами, к вечеру мы приехали в Иерихон и там остались ночевать»³⁶.

Арсений (Изотов), епископ Сухумский (1894 г.): «Путешествие русских поклонников к Иордану совершается перед Богоявлением и Пасхой большим караваном в несколько сот человек; для безопасности сопровождают их кавасы консульства и Палестинского Общества. Самая большая часть наших богомольцев ходили пешие, а другие верхами на ослах, мулах и лошадях; но в настоящее время можно проехать и в экипаже, что гораздо спокойнее и безопаснее. В прежнее время, когда можно было пробираться по одной узкой тропинке, караван растягивался на три версты и более; но теперь с устройством дороги не будет этого неудобства. Ночует караван обыкновенно в Иерихоне в русском доме, в котором утомленные путники могут очень удобно отдохнуть и за приготовленными смотрительницей самоварами подкрепить свои силы; для этого одни располагаются в доме, другие в саду под деревьями апельсинов, лимонов, гранатов и бананов»³⁷.

Арсений (Стадницкий), епископ Волоколамский (1900 г.): «После обеда, как только стала спадать невыносимая полуденная жара, часов около 5-ти мы тронулись в путь, дорожа каждой минутой пребывания на Св. Земле. На этот раз путь лежал на восток, туда, где «у ног Иерусалима, Богом сожжена, безглагольна, недвижима мертвая страна» — Иорданская пустыня. В описаниях путешествий наших древних паломников путь к Иордану представляется невероятно трудным. К нему вела извилистая тропа, доступная только для пешеходов и вьючных животных; эта узкая тропа, усеянная камнями, то круто поднималась вверх, то спускалась вниз, в пропасть, делая движение по ней крайне трудным и небезопасным. Даже в ближайшее к нам время, каких-нибудь 8—9 лет тому назад, дорога к Иордану была затруднительна. В одном из бывших с нами описаний путешествия, совершенного в 1892 г., было сказано, что дороги на восток от Иерусалима представляются узкими тропами, усеянными камнями; в экипаже по ним ехать нет никакой возможности; даже верхом ехать рядом могут не более двух всадников (*Картавцев Е. Е.* По Египту и Палестине. Путевые заметки. СПб., 1892).

Теперь нет ничего подобного. Дорога к Иордану, как и въезд в Иерусалим, прекрасная, широкая и каменная; она выстроена, правда, недавно, только к приезду германского императора, и до сих пор сохранилась великолепно, хотя, конечно, о ней никто не заботится. В этот раз нам предстоял длинный переезд (часов около пяти) до Иерихона, где мы предполагали ночевать на пути к Иордану и Мертвому морю»³⁸.

Из записок А. А. Дмитриевского (1906 г.)

По дороге к Иерихону третьего и четвертого января тянутся на ослах и лошадях, навьюченных багажом, торговцы съестными припасами и разного рода сладостями, нарочито выезжающие из Иерусалима. Утром рано четвертого же числа большой караван поклонников, выразивших о своем желании быть в праздник Богоявления на Иордане заранее, сопровождаемый кавасами Палестинского Общества, черными арабами, служащими на наших постройках, местными шейхами на конях, с ружьями и копьями за плечами, выступает с пением духовных песнопений из Иерусалима с наших русских построек от перечного дерева. С паломниками отправляется, в качестве начальника каравана, кто-либо из служащих в Обществе, некоторые члены духовной миссии и иногда чины консульства.

³⁶ Мефодий, архим. Дневник палестинского паломника. СПб., 1893. С. 19.

³⁷ Арсений (Изотов), епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 201—202.

³⁸ Арсений (Стадницкий), епископ Волоколамский. В стране священных воспоминаний. М.; СПб., 2014. С. 242.

Весь почти день караван русских богомольцев находится в дороге, медленно двигаясь по шоссированным дорогам, с частыми остановками для отдыха, например, в гостинице милосердного самарянина (хан Хасрура), и в других пунктах, иногда имеющих навес и двор, а иногда и прямо на чистом поле. Вечером поздно караван наш вступает в арабскую деревушку *Ериха* на месте древнего Иерихона, и истомленный от пути, после чаепития и сухой закуски, располагается на сладкий отдых в гостеприимном русском приюте, сооруженном здесь стараниями приснопамятного начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина) (сконч. в 1894 г.) на щедрые пожертвования русского народа (нижний этаж) и августейших паломников 1881 г., великих князей Сергия и Павла Александровичей (верхний)³⁹.

«Путеводитель по святым местам града Иерусалима» (Одесса, 1908)

Из Иерусалима путь на Иордан идет через Вифанию, и первую остановку караван делает у «Солнечного ключа», недалеко от Вифании, где протекает источник свежей и чистой воды и около него видны развалины здания с двумя сводами. По местному преданию, у этого источника Иисус Христос, при своих путешествиях в Иерусалим, часто отдыхал со своими апостолами, прохладаясь струями свежей воды. Следуя далее дикой горной дорогой, караван делает вторичную остановку у «гостиницы благого самарянина», часах в трех пути от Иерусалима. Местные жители зовут это место «Адомим», т. е. кровавое, по причине частых разбоев, в этой местности происходящих.

У самой дороги, справа, находится пещера, где в тени отдыхают путники. Невдалеке от дороги видны груды развалин города или вообще многочисленных построек. Местное предание называет их развалинами города Ефраима, куда Спаситель уединился после чудесного воскресения Лазаря, когда узнал, что Синедрион решил убить Его. Отселе дорога тянется по горным скатам, поражающим взор паломников своей безжизненностью и дикостью. Через 6—7 часов утомительного пути по диким, бесплодным и мертвым скалам караван выходит из гор Иудейских в долину Иерихонскую; скалы расступаются и перед глазами паломников раскрывается величественная долина и священная река Иордан, а далее блестит Мертвое море и синют Аравийские горы⁴⁰.

Д. В. Горехов (1914 г.): «Путешествие в Иерихон к Иордану и Мертвому морю справедливо считается одним из наиболее трудных <...> В общем же весь путь проходит по жаркой пустыне, представляющей лишь голые скалы, да изрытые зимними потоками ущелья. Отрадное место для отдыха нашли под кровом русского приюта в Ерихе, — древнем Иерихоне. На следующий день мы встали рано утром, в 3 часа, чтобы успеть посетить Мертвое море и Иордан до наступления страшной жары в Иорданской долине»⁴¹.

Из записок архимандрита Киприана (Керна) (1930 г.)

5/18 января, суббота. В 9¹/₂ поехали после обедни на Иордан, но на этот раз благополучно. Вследствие сильнейших дождей, гроз, бурь и ветров так размыло все дороги, что шоферы дальше Иерихона не повезли. Оказывается, ездил дальше и Keith-Roach и посылались войска, но проехать невозможно. Все развезло и размыло. Послали нарочного в Предтеченский монастырь и к мосту. А тут приехали из Горней игумения, о. Нифонт⁴², Miss Carey и полно монашек. Из Елеонской обители и монахини, и даже неизменная Miss Alexander.

³⁹ Дмитриевский А. А. Праздник Богоявления Господня на реке Иордане и в святом граде Иерусалиме. СПб., 1907. С. 7—8.

⁴⁰ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 191—192.

⁴¹ Горехов Д. В. В Святой Земле. (Из впечатлений паломника). Киев, 1916. С. 25.

⁴² Нифонт (Гульдяев), иеромонах (с 1939 года — игумен). В составе РДМ с 1927 года.

Поехали в греческий монастырь; там владыка Мелитон (Мадабский) и Анастасий (Елевферопольский) и греческий консул. Проехать невозможно. Как раз при нас пришел ответ из Предтеченского. Проехать автомобилем нельзя, а только можно на животных. Мы ни с чем вернулись в 24 ч. домой⁴³.

Лидия Ступенкова (1953 г.): «В конце пятой недели я попала в Иерусалим. Волнения одинокого путешествия позади: я в сопровождении доброго соотечественника. Хорошая автомобильная дорога идет к городу Иерихону ущельями среди дикой красоты высоких гор; кругом полное безлюдие, тишина. Внизу среди ущелий и камней, то серебрясь, то скрываясь, струится, как поток, по-весеннему многоводная священная река Иордан! С дамасских высот мы все время спускаемся вниз, так как Иерихон находится на несколько сот футов ниже уровня Средиземного моря в долине, Иордана. Когда-то один из больших городов библейского времени, теперь город имеет вид бедного арабского поселка, засаженного пальмами»⁴⁴.

Инокния Наталия (Горненская обитель) (1984 г.): «То место, где совершилось Господне Крещение на Иордане, сейчас входит в пограничную зону Израиля, и поэтому только на Крещение особым разрешением сюда пускают. Было разрешение на одну машину, а поэтому несколько сестер (вместе с ними и я) пошли на автобусы от греческой Патриархии. Здесь около Яффских ворот мы вместе с паломниками и жителями Иерусалима сели в автобусы. Среди них уже много знакомых, мы встречаемся на службах у Гроба Господня и у святынь в большие праздники. Это радостное межнациональное общение, объединяющее всех единой верой и православным исповеданием истин христианства. Хотя некоторые из католиков тоже посещают православные праздники и святыни. Таков, например, о. Иоанн, очень славный священник, который посещает даже наши службы в Миссии, происхождением он немец и вот уже 27 лет живет на Святой Земле. Также ехали греческие монахини, арабские и румынские»⁴⁵.

НА ИОРДАН

Вот едем, и — туман редет
 И убегает, словно тень,
 Яснеет небо, солнце греет —
 И засиял прекрасный день!
 И я забыл свою тревогу;
 Несусь, как будто в двадцать лет;
 О, слава Давшему дорогу
 И Показавшему нам свет!..
 Как ясен город за стенами,
 Как тих высокий Елеон!
 Еще гора, еще уклон —
 И вот Вифания пред нами!
 .....
 Чем дальше, круче вьется путь
 И опускается в долину,

⁴³ Се восходим во Иерусалим. Иерусалимские дневники архимандрита Киприана (Жерна). Октябрь 1928 — июнь 1930. Иерусалим, 2013. С. 114—115.

⁴⁴ Ступенкова Лидия. Пасха в Святой Земле. Мюнхен, 1955. С. 3.

⁴⁵ Наталия, инокиня. Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983—1989 гг.). СПб., 1996. С. 69—70.

И любо весело взглянуть
В январский день на Палестину!
Как хороша она зимой,
Не то что летнею порой:
Она глядит теперь моложе,
Живей, нарядней и пригоже.
Взбираюсь на гору; гляжу,
С невольной жаждою во взоре,
На всю окрестность — и твержу:
Да это — каменное море!
И как ныряем мы по нем:
То нас до облака возносит,
То прямо в бездну чуть не бросит,
А то обрывами ползем:
Скала да пропасть — вот соседи!
И нужно сердце крепче меди,
Чтоб ехать, бодрость сохраняя;
Но верь в арабского коня.
Он на пути, едва пробитом,
Идет так бережно с тобой,
Как будто думает ногой,
Как будто смотрит он копытом.
Гуськом, извивами пути,
Плетется наша кавалькада;
Кого — чего в ней не найти,
И как пестра она для взгляда:
Монахи, женщины, купцы,
Казачка храброго десятка,
Узлы, мешочки, погребцы
И даже целая палатка!
То вдруг растянутся, то вновь
Сомкнутся все и едут прямо,
И между тихих скакунов
Осел протиснется упрямо.
И хоть порядком утомлен,
Он вдруг пойдет в главе отряда:
И в сердце детская отрада,
И смех, и шум со всех сторон.
А там вон — пляшут, что ли, груды?
И сколько их там! без числа!
Ах, нет! то движутся верблюды
Такого ж цвета, как скала.
Вот он — библейский след живучий,
Слуга полезнейший в пути,
Урод чудовищный, зыбучий,
Что страх и сесть, и страх сойти!
И вот — взглянуть душе легко —
Под сизым пологом тумана
И широко, и далеко
Видна долина Иордана...

Вся зеленеющим ковром
Она картинно приодета,
И вся в раздолье голубом
Полна играющего света.
В ней и святыня и краса;
А там, за ней, так ярко, прямо
Гор протянулась полоса,
Как золотая с чернью рама,
Во мгле струистой то блестит,
То вдруг опять темнеет снова:
Так иногда лицо сквозит
Из-под прозрачного покрова.

7 января 1874 г. Иерусалим⁴⁶.

С. П. (Пономарев Степан Иванович)

---

⁴⁶ С. П. (Пономарев Степан Иванович). По Святой Земле. Из палестинских впечатлений (1873—1874 гг.). СПб., 1879. С. 69—72.

Contents

Prose and Poetry

- Matvey Dyagilev.** Poems • 3
Roman Redisov. Cruise. *Story* • 7
Roman Yapishin. Poems • 24
Anton Zankovsky. Chernaya Kalitva. *Poem in Prose* • 28
Grigoriy Zinger. Poems • 48
Alexey Nebykov. Bitcoin Fighter. Zhdana. The Lights of Nepal. *Short Stories* • 54
Konstantin Komarov. Poems • 73
Margarita Palshina. Generation of Infinity. *Novel* • 78
Maria Zatonskaya. Poems • 168
Alexander Selin. Elephant Farm. Lost Feeling. Dad. *Short Stories* • 173
Stanislav Dombrovsky. Poems • 182
Anton Ratnikov. The Man of Apocalypse. *Short Story* • 187
Yevgeny Dyakonov. Poems • 195
Bilan Dzugaev. Ahmet Ahmetych Moved Away. *Short Story* • 198
Igor Andreev. Lifejackets. City Sketches. *Short Stories* • 206

Publicistic Writings

- Alexander Vinnichuk.** Russia Between Local and Nationwide. Criticism of Historical Experience • 210

Petersburg Bookman

- Truth of Art and Truth of History.** *Catherina Sosnina.* About the Montagnards, the Big Dagger and the Art of Dying, or Two Stories about the Fatal Duel of M. Yu. Lermontov. **To the 270th Anniversary of I.-V. Goethe.** *Ismagil Shangareyev.* Bashkir Arrow of Johann Wolfgang Goethe. **Book Island.** *Elena Zinovieva's publication* • 219

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** To Jordan. *Part 4* • 238

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 27.12.2018. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 537
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СтР
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28